

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Владимир ОРЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Владимира Орлова (1882-1941), действительного статского советника, следователя по особо важным делам при штабе Западного фронта в период первой мировой войны, выдающегося русского контрразведчика, ныне практически неизвестна, выходила на английском языке под названием «Секретное досье». Автор ее — личность легендарная. Достаточно сказать, что он вел расследование таких шумных историй, как дело о предательстве военного министра Сухомлинова, дело о шпионаже жандармского полковника Мясоедова, дело ряда петербургских банкиров-сахарозаводчиков, работавших в пользу Германии, и др. А его нелегальная работа в ВЧК (комиссии по уголовным делам), куда он внедрился по заданию генерала Алексеева, проходила буквально на глазах самого Дзержинского. Но, пожалуй, самым большим делом Орлова стало создание архива, где находились досье на многих деятелей советского государства, партийных функционеров, коминтерновцев со всей Европы и Америки, дипломатов, разведчиков системы ИНО ОГПУ — НКВД и Разведупра Красной Армии. Именно по этой причине он был постоянно под прицелом спецслужб СССР. Судьба Орлова трагична. Он погиб при загадочных обстоятельствах, но есть предположение, что пал от рук гитлеровцев, против которых выступал столь же резко, как и против большевиков. Книга написана захватывающе интересно. Читатель узнает много нового о работе белой и красной разведок и контрразведок, ощутит атмосферу той далекой эпохи, активным участником многих событий которой был сам автор. Повествование, однако, грешит некоторой чрезмерной субъективностью, но и от этого оно не проигрывает. Полный вариант книги снабжен уникальным приложением и малоизвестными иллюстрациями.

- Владимир Орлов
  - ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
  - Двойной агент
    - НАКАНУНЕ ГРОЗЫ
      - МОЯ КАРЬЕРА, ИЛИ КОРОТКО О СЕБЕ
      - КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ
      - НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОД СОТНЕЙ ЛИЧИН
      - ГРОЗНЫЕ ДНИ В ЛОДЗИ
      - ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВНИКА ФОН ШТЕЙНА
      - БЕРЛИН, 1913 ГОД
      - БРЕШЬ НА ГРАНИЦЕ

- ЗАБЫТАЯ МОГИЛА В ТЕГЕЛЕ
- ТАЙНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПЕТРОГРАДОМ И БЕРЛИНОМ
- КАК ЗАНИМАТЬСЯ ШПИОНАЖЕМ
- ПРОЩАНИЕ С ЦАРЕМ
- КОНЕЦ ДИНАСТИИ

- РОССИЯ В ХАОСЕ
  - ЗАРЯ НОВОЙ ЭРЫ
  - С СЕКРЕТНЫМ ЗАДАНИЕМ В ПЕТРОГРАД
  - ДЗЕРЖИНСКИЙ — РУКОВОДИТЕЛЬ ВЧК
  - ИЗМЕНА
  - ЧЕРЕЗ ФИНЛЯНДИЮ И ПОЛЬШУ В ОДЕССУ
  - ТОВАРИЩ ДОРА
  - ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ
  - СЕКРЕТНЫЕ «ДОСЬЕ» НАДЕЖНЫХ АГЕНТОВ
  - ТАЙНЫЕ СДЕЛКИ, БАНКОВСКИЕ СЧЕТА И САМОУБИЙСТВА
  - РАДЕК ДОЛЖЕН СПАСТИ БЕСПОМОЩНУЮ ГЕРМАНИЮ!
  - ШПИОНЫ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ БЕСПЛАТНО
  - У КАЖДОГО СВОЙ ПЕЧАТНЫЙ СТАНОК
  - СОВЕТЫ СПЕКУЛИРУЮТ НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ
  - АКЦИИ «НАФТЫ» ИЗ КРЕМЛЯ
  - ТЕЛО НЕЗАБВЕННОГО ЛЕНИНА
  - «ВИЗИТЫ» БОЛЬШЕВИКОВ В ПОСОЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ
  - ПРИМАНКА МОСКВЫ
  - НИЩИЙ
  - «ВСЕ, КТО ПОПАДАЕТ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИИ…»
  - ГИБЕЛЬ МОЕГО ВЕЛИКОГО ДРУГА
  - ПИВО В МАЙНЦЕ
  - В ТИСКАХ ОГПУ
  - ТАЙНЫЕ БОГАТСТВА ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ
  - «СЕГОДНЯ ТЫ, А ЗАВТРА Я»
  - «НА БОРТУ» ЗНАЧИТ «ЗА БОРТОМ»
  - УБИЙСТВО В ПОСОЛЬСТВЕ В БЕРЛИНЕ
  - ОТМЫЧКОЙ И ХЛОРОФОРМОМ

- МИЛИЦЕЙСКИЕ СОБАКИ
- НИКТО НЕ ЗНАЛ ПЕРСИДСКОГО
- ВСЕ ГОСТИ ПОД СТРОГИМ НАБЛЮДЕНИЕМ
- ГРАБЕЖИ ВМЕСТО ОБЫСКОВ
- МОСКВА КОНТРОЛИРУЕТ ПОЧТУ ЕВРОПЫ
- ИЗ МОЕЙ СОВЕТСКОЙ «КАРТИННОЙ» ГАЛЕРЕИ
- КАК МЕНЯ ПРЕСЛЕДОВАЛИ СОВЕТЫ

■ ЭПИЛОГ

○ ПРИЛОЖЕНИЕ

■

■ ГЕНЕРАЛ БАТЮШИН И ЕГО КОМИССИЯ

■ ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА ГЛАЗАМИ РУССКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

- 1. ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА ПРИ ПОСРЕДСТВЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
- 2. СУДОХОДСТВО
- 3. ГЕРМАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ
- 4. БАНКИ
- 5. СТРАХОВЫЕ ОБЩЕСТВА
- 6. ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЦЕВ В НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАНАХ. <…>
  - А. Швеция
  - Б. Фирмы, обслуживающие интересы Германии и Австрии[4]

■ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОРЛОВА В ШТАБ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

■ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

- 1. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
- 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГРАНИЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО

■ ПРОЕКТ организации в Париже особого информационного бюро по русским делам

■ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ ВОЕННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДЕНИКИНСКОЙ АРМИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

■ СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

■ Письмо начальника Русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-

лейтенанта И. А. Хольмсена генералу П. Н. Шатилову
- СПРАВКА ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗВЕДКИ ОБ ОРЛОВЕ
- ПИСЬМО КУТЕПОВУ А. П. ОТ ПОЛКОВНИКА АРХАНГЕЛЬСКОГО
- Из книги «АНТИСОВЕТСКИЕ ПОДЛОГИ» Изд. НКИД, М., 1926 г.
- ФАБРИКА ФАЛЬШИВОК
- БЕРЛИНСКАЯ ФАБРИКА ДРУЖЕЛОВСКОГО, ЕЕ ДЕЯТЕЛИ И АГЕНТЫ
- ВЕНСКАЯ ФАБРИКА ФАЛЬШИВОК ЯКУБОВИЧА И ЕЕ УЧАСТНИКИ
- ЧЕГО МЫ ЖДЕМ
- ПРЕСТУПНИК ОРЛОВ И ЕГО СЛЕДОВАТЕЛЬ ЗИВЕРТ
- ОРЛОВ — ТЕРРОРИСТ
- ОРГАНИЗАЦИЯ ШПИОНАЖА
- АНТИГЕРМАНСКАЯ ФАЛЬШИВКА
- СОУЧАСТНИК ОРЛОВА — УЧАСТНИК СЛЕДСТВИЯ
- ПИСЬМО ОРЛОВА В. Л. БУРЦЕВУ
- ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Н. КРОШКО-КЕЙТ
- ФАБРИКАНТ ФАЛЬШИВОК
- ПИСЬМО ОРЛОВА АМФИТЕАТРОВУ
- ЗАЯВЛЕНИЕ
- ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ
- ВАРШАВА
- КАРЬЕРА СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ
- ВОЙНА
- НА СЛУЖБЕ У БОЛЬШЕВИКОВ
- В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ
- В БЕРЛИНСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ
- ШУМНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
- НА ЗАДВОРКАХ ЭМИГРАЦИИ

- ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
- ***

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

○ 7
○ 8
○ 9

Владимир Орлов
Двойной агент
Записки русского контрразведчика

Пройдет много времени, прежде чем русский народ сможет искоренить бездушное и предательское жонглирование словами, которым занимаются беспринципные негодяи, стоящие у власти. Сознание народа пробуждается, необходимо покончить не только с ложью, но и с теми, кто ее распространяет. Если глубоко вникнуть в происходящее, можно впасть в отчаяние, поскольку в то время, когда одни совершают все эти чудовищные преступления против человечества и цивилизованного мира, другие безучастно остаются в стороне.

Орлов.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Первая половина XX века отмечена массой открытий мирового масштаба, повлиявших на развитие цивилизации. Достижения в науке и технике сыпались как из рога изобилия. Однако все лучшее, наиболее прогрессивное политики примеряли к военной сфере — ведь прорывы в вооружении, создание все более разрушительных систем оружия давали не только уверенность в безопасности своей страны, но позволяли активно использовать фактор устрашения во внешнеполитических акциях.

О танках, аэропланах, гигантских орудиях и отравляющих газах написано немало.

Значительно меньше места на библиотечных полках занимают книги по шпионажу и контрразведке. А ведь организованные на государственном уровне специальные службы, широко практикующие вербовки тайных агентов, смело можно отнести к специфическому виду оружия, нацеленному на поражение противника даже в мирных условиях, когда пушки еще молчат.

Широкомасштабные тайные бои требовали накопления информации об иностранных разведках, построении негласной сети, личностях резидентов и их секретных сотрудниках. Каждая уважающая себя спецслужба имела и наращивала особый архив фотографий, анкет, описаний проведенных операций и вообще всевозможных сведений о солдатах, офицерах и генералах скрытых от посторонних глаз армий.

Канцелярское на первый взгляд дело имело своих подвижников, фанатиков, если хотите. А если к работе подключались действующие «в поле» разведчики и контрразведчики, не только пополняющие архивы, но и активнейшим образом их использующие, то эффект для службы был впечатляющим.

Одним из таких людей в русской разведке и был Владимир Григорьевич Орлов, действительный статский советник, опытнейший юрист-следователь, преданный России человек, веривший в ее счастливую звезду и отдавший все силы для создания внутренних и международных условий, которые, по его мнению, способствовали бы укреплению государства Российского.

Державная позиция Орлова, направление и методы его действий вызывали ненависть у одних и хвалебные оды других. Ясно, что в Советской России любить его оснований не было. С 1918 года ВЧК и военная разведка Красной Армии держали его под прицелом, разрабатывались и проводились специальные

операции по его дискредитации. Неоднократно пытались превратить в пепел его обширный архив, подсунуть фальшивки, а затем обвинить в мошенничестве. Дважды Орлов побывал в германской тюрьме, и оба раза с «подачи» агентуры иностранного отдела ОГПУ. В итоге был выслан из Германии властями Веймарской республики, которые в 20-е годы поддерживали лояльные отношения с Советским Союзом. Орлов с помощью своего давнего знакомого, известного «социалистического» сыщика и борца со всевозможными провокаторами, издателя эмигрантской газеты «Общее дело» Владимира Львовича Бурцева, перебрался в Брюссель. Но и там не прекратил своей активной разоблачительной противокоминтерновской работы.

Концентрируясь на борьбе с «красной» угрозой, Орлов наносил удары и по «белым» группировкам и отдельным эмигрантским деятелям, вредившим, на его взгляд, общему делу реставрации старого строя в России. В ответ и в самого Орлова летели критические стрелы, в отношении его предпринимались акции устрашения и погружения в нищету.

Досталось Орлову и от фашистов, коих он считал определенным сортом коммунистов. Итог был печален. По некоторым сведениям, в 1940 году гестапо арестовало его в Брюсселе, вывезло в Берлин, где и ликвидировало.

Собранный за много лет архив с данными на деятелей Коминтерна, сотрудников и агентов советских органов безопасности и военной разведки, видимо, не сохранился, поскольку некому было собрать его воедино — растащили или уничтожили бывшие соратники и знакомые, не видевшие реальной, пусть даже исторической ценности орловской коллекции.

Осталась лишь изданная на двух иностранных языках биографическая книга «Убийцы, фальсификаторы и провокаторы».

На родине же в 20-е годы появились статьи в газетах и журналах, почти с одним и тем же заголовком — «Фальсификатор». Напрочь связала его советская пропаганда с разного рода подделками документов, производимыми тогда во множестве белоэмигрантами и спецслужбами. Орлов стал одним из основных антигероев в насквозь идеологизированной, но с претензией на научность и объективность книге ветерана-коминтерновца Эрнста Генри (он же Ростоцкий) «Профессиональный антикоммунизм». Политиздат постарался и выдал на-гора огромный по теперешним меркам тираж — 100 тысяч экземпляров.

Те, кому пришлось прочитать сей труд (по интересу или по

служебной обязанности), наверное, сойдутся во мнении, что от фальшивок, приписываемых Орлову, он тоже не ушел далеко. Однако образ законченного негодяя, агента всех без исключения шпионских штабов и контрразведок, врага своего отечества (а не существовавшего режима) Эрнсту Генри не удался. Предвзятость в изложении, однобокость и малое разнообразие источников не позволили «развенчать» заклятого противника Коммунистического Интернационала. Могли бы стоявшие за спиной Генри люди подбросить автору выдержки из сообщений советских агентов, знавших Орлова не понаслышке. А они давали иные характеристики «человеку отчаянной жизни». К примеру, такие: «В большинстве, зная многих лиц, ведущих политический розыск в белом стане, зная их ограниченность, корыстолюбие и инертность, зная отлично Орлова, нахожу, что это один из самых работоспособных, находчивых, подвижных и опытных работников противного лагеря».

Врага надо ценить по достоинству, а не делать из него ослепленного ненавистью и жаждущего крови монстра. Пугать чудовищем можно, а вот переиграть опытного противника, не изучив его досконально и объективно, вряд ли кому удавалось.

Книга Владимира Григорьевича Орлова «Двойной агент» выходит на русском языке впервые, что позволит отечественному читателю, как мы надеемся, с высоты пройденных нашей страной лет, правильно оценить все, о чем поведал нам автор, и тем самым значительно углубить свои знания истории России.

Настоящее издание снабжено уникальным приложением и фотографиями, дающими возможность читателю дорисовать картину той бурной эпохи, в которой жил, работал и боролся автор книги, активный участник всех описываемых событий.

Двойной агент
Записки русского контрразведчика

НАКАНУНЕ ГРОЗЫ

Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет — наступать надо, а наступать нельзя.

Николай II.

МОЯ КАРЬЕРА, ИЛИ КОРОТКО О СЕБЕ

Я, Владимир Григорьевич Орлов, происхожу из старинного дворянского рода, который корнями произрастает из Рязанской губернии. Учился в гимназии, потом в Варшавском университете. Студентом отправился в поездку по Соединенным Штатам Америки, чтобы приобрести знания в области административного права. Несколько месяцев провел, путешествуя по стране, одновременно изучая криминологию. Средства на жизнь в основном приходилось добывать, работая в типографиях наборщиком русского шрифта, но довелось, и ходить на судне обыкновенным матросом.

Вернувшись в Россию, начал работать референдарием, а проще сказать — начинающим юристом, в Московском окружном суде. В мои обязанности входило присутствовать на заседаниях суда и учиться тонкостям практической юриспруденции, с тем, чтобы вскоре приступить к службе в качестве младшего судьи, но русско-японская война, в которой мне пришлось участвовать, на некоторое время прервала мою практику в гражданском судопроизводстве.

В 1905—1906 годах я судебный следователь и один из государственных обвинителей в Польши, принимающий участие в расследовании всех дел по шпионажу и государственной измене в годы первой русской революции. В 1907 году получил назначение в Ловичский уезд Варшавской губернии, где исполняю должность судебного следователя, через год — помощник государственного обвинителя в Радомском окружном суде.

В 1910 году я назначаюсь главным государственным обвинителем в комиссию графа Медема, занимавшуюся расследованием махинаций должностных лиц в ходе реконструкции Сибирской железной дороги в расположении Омского военного округа, а также в Сибирской казачьей армии. Дело было громким, виновные получили заслуженные наказания.

В 1912 году возвращаюсь в Польшу, где исполняю должность судебного следователя Варшавского окружного суда по особо

важным политическим преступлениям. Об этом периоде моей деятельности достаточно подробно с изложением интереснейших фактов написано в книге. В 1914 году, с началом первой мировой войны, я назначаюсь главным военным прокурором при штабе войск Западного фронта. В 1916 году назначаюсь членом комиссии по расследованию дел, связанных с недостаточным и несвоевременным обеспечением русской армии в ходе военных действий. В конце того же года расследую дело о продаже, участвующей в войне против нас Турции, армейского имущества.

В 1917 году, после Октябрьского большевистского переворота, по поручению командования Добровольческой армии под именем Болеслава Орлинского, работал в Петроградской следственной комиссии, возглавляемой Стучкой и Крестинским; за этот период спас от расстрела тысячи офицеров и членов их семей.

В 1918 году, разоблаченный большевиками, был вынужден бежать с помощью немцев в Одессу, в расположение войск Добровольческой армии. Там стал начальником отдела в штабе Верховного командования и руководителем разведки. В 1920 году ездил в Ригу для освещения мирной конференции между Польшей и Советской Россией.

С 1921 по 1926 год был прикомандирован к комиссии генерала Врангеля в Берлине. Комиссия занималась сбором информации о деятельности большевиков в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды, как в России, так и за границей. С 1927 года по настоящее время занимаюсь изучением юриспруденции применительно к большевизму. (На этом краткая автобиография автора заканчивается, так как настоящая книга была выпущена в 1929 г.).

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Труп Марии Вишневской лежал на полу в гостиной ее маленькой виллы в городке Новоминске, который находился в нескольких километрах от Варшавы. Прямо над ним в золоченой раме висел портрет ее прелестной племянницы, имевшей еще совсем недавно большой успех на театральных подмостках. Надо заметить, что этот успех был не только благодаря ее актерскому дарованию.

Однажды офицер гусарского полка, застав актрису, свою возлюбленную, с соперником, застрелил ее, снял с нее одежду и осыпал тело вишневым цветом.

Мария Вишневская с нескрываемой гордостью рассказывала эту романтическую, но страшную историю всем, кто выражал

восхищение портретом. И вот теперь убили и ее саму. В ее смерти не было ничего романтического. Она даже не была застрелена из револьвера, кто-то безжалостно зарубил пани Вишневскую топором. Никто и не узнал бы о случившемся, если бы почтальон, который принес какую-то квитанцию через несколько недель после убийства, не обнаружил труп. Дело было в середине января, стояли сильные морозы. Труп замерз и, на удивление, хорошо сохранился.

Следователь из Варшавы взял с собой в этот заштатный городишко одного из студентов, который в дополнение к своим университетским занятиям исполнял в то время разные поручения, а главное — отлично писал протоколы. Итак, пока следователь, сидя у огня в уютном уголке трактира, с удовольствием закусывал, его молодому спутнику, хочешь, не хочешь, надо было отправиться в то пустынное место и, добиваясь признания своих способностей, искать следы тяжкого преступления, давно заметенные декабрьскими метелями.

Но сначала новичку нужно привыкнуть к виду трупа. Никогда раньше ему не доводилось видеть подобного, и он с содроганием заставляет себя смотреть на обезображенную голову. Убийца разнес череп несчастной женщины с нечеловеческой яростью и сделал ее лицо почти неузнаваемым. Впечатление оказалось настолько ужасающим, что ему, во что бы то ни стало, нужно было выйти на свежий воздух. Он еще не привык к таким зрелищам, не ожесточился. Да и зачем ему это? Его предки из поколения в поколение были мирными священниками в нищем сельце Иванцовском, в самом сердце России. Сам он рос среди полей, на берегу тихой речки на попечении деда, ходившего в белой рясе и носившего на голове белую скуфью, для которого главным было общее благо и мирная жизнь.

Наконец студент берет себя в руки и добросовестно приступает к расследованию. Он собирает местных жителей, соседей и по очереди опрашивает их. Никакого результата! Никто не хочет говорить о пострадавшей. И, конечно, о живых, которые могут потом и отомстить! Только работник из соседнего поместья сказал, что в одну из ночей, о которых шла речь, он якобы видел привидение в саду Марии Вишневской.

Стажеру следователя приходится прилагать усилие, чтобы показать, что он не слишком доверяет рассказчику, ведь он так часто слушал рассказы своих собственных односельчан о зловредных леших, которые, конечно же, существуют и сейчас, об оборотнях, которые превращаются в волков и пожирают людей.

— А Мария Вишневская была плохой женщиной? — спрашивает стажер взволнованного работника, дававшего

показания.

— Старая скряга, вот кто она такая! — вскричал тот в ярости.

— Эта старая ведьма кормила нас одной селедкой да черным хлебом, — подает голос другой работник.

— А почему она кормила вас обоих у себя дома?

— Ну, — отвечает один из них, — однажды мы работали на нее несколько месяцев.

— Только вы вдвоем?

— Да! Слишком скупая была, чтобы нанять больше. Ну и натерпелись мы с ней, правду вам говорю.

— Почему же вы раньше не сказали, что работали у нее?

— Потому что… ну… — мнется работник. Другой молчит.

Сразу же возникает подозрение. И не напрасное: когда студент обвиняет их в убийстве, они теряют самообладание и сознаются.

Они пошли на это, не только чтобы отомстить ей за скверное обращение. Они еще и ограбили ее, но тот хлам, который забрали, оказался бесполезным, никто не стал его покупать.

И вот молодой человек, раскрасневшись от одержанной победы, ведет двух сознавшихся преступников в трактир, где в тепле и уюте сидит судебный следователь.

Опытный чиновник бросает на ученика одобрительный взгляд.

— Молодец, — говорит он. — Из тебя, парень, выйдет толк.

Сбылось ли его предсказание? Мне трудно ответить на этот вопрос — ведь тем зеленым новичком-стажером был я сам.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОД СОТНЕЙ ЛИЧИН

— Вам сигареты нужны? Могу предложить очень дешевую партию. — Молодой человек, вошедший в мой кабинет на Константиновской улице в Лодзи, подошел вплотную к столу, заваленному документами. Он окинул меня странным, оценивающим взглядом, и мне стало как-то не по себе. Что это за тип? Что ему от меня нужно? И как ему удалось проникнуть без доклада в кабинет судебного следователя? Я спросил его об этом.

— У вас, ваша честь, репутация доброго и справедливого человека, поэтому я и прошел прямо к вам. Мне повезло, охраны у входа не было. Я хотел только… то есть мне очень жаль, что ваша честь не заказывает у меня сигареты, как почти все ваши коллеги в Лодзи. Может быть, ваша честь тоже…

Я отказался, встал и выпроводил непрошеного посетителя, ведь в моем кабинете было множество важных документов по еще не законченным делам.

В приемной я еще раз предупредил слугу, чтобы никто не проходил в кабинет без моего разрешения. Это были тревожные годы после первой русской революции. Даже когда внешне все казалось спокойным, следовало помнить, что вулкан не потух и в любой момент может с новой силой начать извержение.

Наверное, нигде в мире политическая борьба не велась с такой фанатичной ненавистью и жестокостью, как здесь — в округе, который я сам выбрал, когда, после своего первого успеха в Варшаве, получил назначение на должность судебного следователя.

Через три дня дверь снова отворилась, и кто же, представьте себе, улыбался мне с порога?… Это был тот самый «наш неизвестный друг».

«Какого черта ему нужно на этот раз?» — подумал с раздражением я.

С низким поклоном он подошел поближе, таща на поводке упирающегося бульдога. Какое чудесное животное! Я обожаю эту породу и не мог скрыть восхищения экстерьером собаки.

— Я слышал, вы любите бульдогов, — начал он.

— Откуда, черт возьми, вы это узнали?

— Ваша честь, я здесь не в качестве свидетеля. Вам нравится собака? Если да, я готов уступить вам ее всего за несколько рублей. По рукам?

— Сколько?

— Это не важно. Если позволите, я вам его подарю.

— Давайте-ка ближе к делу, — уже откровенно рассердился я. Что все это значит? С какой стати этот тип дарит мне собаку? Хочет дать мне взятку? Почему? В чьих интересах?…

— Ваша честь, вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, что продам вам собаку очень дешево.

Как ни велик был соблазн, я решительно отказался. Проводив нахала до дверей, я сурово сказал, чтобы он больше никогда здесь не появлялся.

Но он каждый день продолжал приходить ко мне, и все в новом обличье: то, как торговец мехами, предлагая мне купить по очень дешевой цене шубу, то якобы с поручением от моего коллеги: не хочу ли я купить небольшую партию парижских духов?

В конце концов, мое терпение лопнуло, хотя я в душе не мог не восхищаться его ловкостью и настойчивостью.

— В следующий раз, если вы посмеете снова сюда явиться, я спущу вас с лестницы! — воскликнул я, полный решимости выполнить угрозу при первом же случае.

Уже в дверях он обернулся и спросил:

— Вы ведете следствие по делу об убийстве демократа Карчмарка?

Это был его первый промах. Вот, оказывается, что ему было нужно! Теперь мне многое стало понятно.

— Да, — ответил я. Мне не терпелось узнать, что будет дальше.

— Его убил член Польской социалистической партии!

— Да.

— Он друг человека, интересы которого я представляю, — продолжал незнакомец.

— Чего же вы хотите? — спросил я, хотя было совершенно ясно, какой будет ответ, каким, вернее, он должен быть.

Естественно, он не мог признаться, что искал знакомства со мной, чтобы подкупить или вызвать сострадание к своему другу-убийце.

— Я хотел спросить, извините за назойливость, под какой залог вы согласились бы отпустить арестованного? — с наглой улыбкой прошептал он.

В следующее мгновение «проситель» оказался на полу!

Я снова сделал строгое внушение слуге, пригрозив, что он будет наказан и уволен, если я еще раз увижу у себя этого типа.

На этот раз предупреждение возымело действие, он больше он не появлялся. Но через несколько дней я все же встретился с ним. Его ввели под конвоем в полицейский участок, когда я допрашивал одного из задержанных.

— Вы?! — удивился я.

— Да. Как видите, у меня есть и другие дела, — ответил мой новоявленный «приятель».

Я не совсем понял, что он имел в виду, но инспектор мне все объяснил:

— Это Август Фремель, один из лидеров Польской социалистической партии. Однако его основным занятием является секретная работа на нас против своей партии. Он информирует нас об их планах, о положении дел в стане противника.

— Осторожнее, — предостерег я инспектора, — на социалистов он тоже работает. Он несколько раз…

— …заходил к вам в кабинет, — закончил за меня инспектор. — Это делалось для отвода глаз, ваша честь. Он должен был это сделать, чтобы его товарищи по партии ничего не заподозрили. Каждый уважающий себя тайный агент работает на обе стороны. Мы, в полиции, понимаем и учитываем это.

Я первый раз в жизни видел перед собой тайного агента, и это произвело на меня такое же огромное впечатление, как и труп

несчастной женщины, увиденный много лет назад морозной зимней ночью под Варшавой. В тот момент я и не подозревал, что вся моя жизнь пройдет в постоянной борьбе с подобными людьми.

Август Фремель заинтересовал меня. Как он работал?… Его методы оказались довольно простыми: он жил прямо в полицейском участке, под постоянным наблюдением и охраной, как полиции, так и армии. Его брат Рихард ходил по заводам и фабрикам, собирал информацию. У него было два тайных сообщника — члены социалистической партии, которые на самом деле сотрудничали с властями, получая за это, жалкие двадцать пять рублей.

Походив по митингам и собраниям и накопив достаточно информации, помощники передавали ее Августу Фремелю. Тот под личиной партийного лидера доводил дело до конца: выяснял, где спрятано оружие, где хранят нелегальную литературу, списки членов партии и партийную документацию. Он делал это с таким мастерством, что даже самые осторожные из его товарищей ничего не подозревали. Когда же его видели в городе идущим под конвоем солдат, никому и в голову не приходило, что это предатель. Все думали, что его ведут на очередной допрос.

Однажды братья Фремель и трое их сообщников возвращались в полицейский участок в сопровождении верховых уральских казаков. Когда они проходили по Константиновской улице, из окна одного из домов со свистом вылетела бомба — троих казаков и двоих полицейских агентов разорвало в клочья. Фремели и восемь казаков тоже не подавали признаков жизни. Каждый из них получил не менее двадцати ранений.

Такова была месть тех, кого предали и кто, наконец, понял, как их провели.

Подняли тревогу. Улицу тут же блокировали. Дом, откуда была брошена бомба, казаки тщательно обыскали, но все оказалось напрасным, лишь в одной из квартир они обнаружили мужчину, лежавшего на полу. Он слабым голосом просил о помощи, пытаясь вырваться из крепко державших его казацких рук. В комнате стоял такой шум, что никто не мог понять, в чем дело. Некоторые уже были готовы расправиться с пленником, как им думалось, виновником гибели их товарищей. Но оказалось, что тот тоже ранен и едва может говорить. Глазами он показал на кровать. Кто-то из казаков проследил за его взглядом. На кровати лежал мундир.

— Стойте! — закричал казак. — Это не он!

Так оно и было на самом деле. Увидев мундир, казаки признали в задержанном моего коллегу, судебного следователя Диста, который жил в этом доме и был случайно ранен осколком

разорвавшейся мины. Вместо убийцы чуть не пострадал невиновный человек!

Кто-то из присутствовавших в комнате вдруг высказал догадку, что человек, бросивший бомбу, мог спрятаться в находившемся по соседству здании театра. Полицейские и солдаты блокировали все выходы из театра, чтобы никто не мог его покинуть незамеченным.

Один за другим зрители выходили через маленькую дверь. Каждый должен был пройти мимо Фремеля, который, стоя с забинтованной головой, пристально рассматривал всех, и горе тому члену партии, которого бы он увидел, даже если тот всего лишь только пришел посмотреть спектакль.

Мы с женой тоже были в театре, и когда выходили, Фремель поклонился мне. Один из зрителей, окинув Фремеля ненавидящим взглядом, процедил сквозь зубы, но так, чтобы было слышно мне:

— Эта сволочь — агент полиции. Ничего! Скоро мы и до него доберемся!…

Смешавшись с толпой, смельчак выскользнул на темную улицу. Угроза была вполне серьезной. Неделю спустя нам пришлось снимать Августа Фремеля с дерева. Товарищи, которых он предал, вогнали ему в голову восемь двенадцатисантиметровых гвоздей и еще живого повесили.

ГРОЗНЫЕ ДНИ В ЛОДЗИ

17 мая 1907 года было важным днем для братьев Познанских, владельцев ткацкой фабрики в Лодзи. Конфликт между рабочими и администрацией был мирно улажен, долгая забастовка закончена, и все ткачи, за исключением девяноста семи зачинщиков, возвращались на рабочие места.

Слава Богу! Станки снова работают, и через несколько часов будут выпущены новые ткани, как будто ничего и не случилось. Сказать по правде, все были рады, что переговоры закончились так благополучно, и снова воцарился мир.

Управляющие Розенталь и Сакс встретились в маленьком кафе неподалеку от фабрики и отпраздновали возобновление работы небольшим завтраком. Когда они возвращались на работу, дорогу им преградили трое.

— Собаки! — выкрикнул один. — Вы нас всех предали!

Управляющие узнали в них уволенных рабочих и попытались уладить дело. Один из ткачей поднял Розенталя и швырнул его словно тюк своему приятелю. Потом они набросились на него с напильником, раскроили череп и остановились, лишь, когда их

жертва осталась неподвижно лежать в сточной канаве.

В это время управляющий Сакс отбросил своего противника боксерским приемом и, увернувшись, бросился бежать по улице с криками о помощи.

Вызвали меня.

Сакс, дрожа всем телом, умолял ничего не предпринимать, ведь от этого зависит его жизнь. Я попытался убедить его, что все будет сделано с величайшей осторожностью, что я, как представитель закона, просто не могу остаться в стороне и бездействовать. Убийцы должны понести наказание.

— Как зовут тех троих, которые убили вашего коллегу? — спросил я любезно Сакса.

— Я… я не помню, — ответил Сакс, боявшийся, что ему будут мстить те, кому удалось бежать. Я не мог винить его за это, ведь в то беспокойное время мы каждый день узнавали о людях, вступивших в конфликт с рабочими и отправленных к праотцам какой-то тайной организацией. Даже дети бросали бомбы и делали адские машины из консервных банок и негодных химических реактивов, чтобы взорвать, скажем, няню, которая отказалась дать яблоко! Бомбы находили в лукошках с земляникой, в почтовых бандеролях, в карманах пальто, на митингах и даже на церковном алтаре!

У террористов повсюду были свои тайные мастерские по производству бомб, они взрывали все на своем пути: винные лавки, памятники, церкви, убивали полицейских, разоблаченных тайных агентов, короче, всех и вся. Сегодня демократ убил социалиста, завтра социалист отомстил демократу. Корсика была раем по сравнению с Польшей тех дней.

Поэтому я очень хорошо понимал желание управляющего Сакса спасти свою жизнь. Тем не менее, я приказал арестовать девяносто семь уволенных рабочих и организовал опознание. Никто из них, заявил Сакс, не был причастен. После того как я отпустил их, он назвал виновных, и я без лишнего шума приказал арестовать их.

Никто из арестованных, естественно, не признался. Пришлось сменить тактику. Вызвав на допрос одного из них, отца семейства, я пообещал ему помилование, денежное вознаграждение, новый дом, землю, спокойную жизнь. Не знаю, поверил ли он в мои посулы или в нем заговорила совесть, но он, в конце концов, во всем признался и рассказал еще о многом. Он сообщил мне фамилии революционеров, рассказал об их планах, о тайной организации.

Вскоре в округе об арестах стало известно. Сакс это почувствовал и, с лихорадочной поспешностью собрав бумаги,

передав все дела третьему управляющему, приготовился к бегству на родину — в Бельгию. Когда они обсуждали в конторе дела, кто-то, разбив окно, словно безумный, открыл по ним беспорядочную стрельбу. Затем, спрыгнув со второго этажа во двор, поспешно скрылся.

Сакс был мертв, другой управляющий тяжело ранен. Как только он немного поправился, я допросил его:

— Как выглядел неизвестный?

— Не знаю.

— Но вы же его видели!

— Не знаю.

— Но вы должны мне сказать!

— И не подумаю! Ищите себе свидетелей, где хотите, а с меня пальбы достаточно. Я сегодня же уезжаю в Германию!

Я попытался удержать его силой, но он вырвался, бросился на улицу, поймал извозчика и велел ему что есть сил гнать на вокзал, без вещей, ни с кем не попрощавшись, думая лишь о том, чтобы уехать восвояси живым.

Благополучно добравшись до вокзала, он, к великому своему облегчению, узнал, что экспресс в Германию еще не отправлялся! Но радость его была преждевременной. Он даже не понял, откуда прогремел выстрел, а за ним еще и еще один. Он рухнул на землю с тремя пулями в голове и сердце.

Бурная, полная тревог и волнений жизнь в княжестве Польском между тем продолжалась…

ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВНИКА ФОН ШТЕЙНА

— Черт возьми! Где этот проклятый писарь? Сколько можно его звать? Что он, подлый пес, письменного приглашения дожидается? Что же это такое, спрашивается?! Я здесь командир или кто?… Если он на дежурстве, может убираться ко всем чертям! Когда я — ик — говорю ему, — ик — что он — ик-ик — он понимает, животное в человеческом облике?

Полковник снова был не в духе! Полковник слишком долго смотрел на бутылку водки! Полковнику требовался собутыльник, на чью осмотрительность он мог бы положиться.

Писарь был неболтлив и не дурак выпить — он тихо сидел рядом с полковником и накачивался вместе с ним до тех пор, пока убогую обстановку вокруг не заволакивала радужная дымка. Это не шутка — командовать гарнизоном в такой Богом забытой дыре, как Рава, — унылом и грязном провинциальном городишке.

— Ну, его к чертям! Давай-ка лучше выпьем еще водки! Твое здоровье!

Разве ради этого полковник И. И. Штейн сражался в русско-японскую войну? Ради этого стал командиром? Чтобы закончить свои дни в скорбном одиночестве в Раве? Жена, сын и дочь жили под Варшавой. Дочь училась на дантиста, сын, естественно, — в кадетском корпусе.

— Ну, будем здоровы, старина! За здоровье государя! Да здравствует все молодое и прекрасное! А ну давай пей, не отлынивай, старый черт!

Писарь выпил то, что ему причиталось, и вскоре заснул прямо в кресле.

Ну, скажите на милость, чем тут заняться полковнику?

Пошел к кухарке. Вот старая дура! С ней даже поговорить не о чем, до того глупа. Одно слово, баба. Солдаты жаловались, что она целыми днями к ним пристает. Охоча до мужиков!

Хотя с ней можно и выпить и переспать!

Так и продолжалось вечер за вечером, ночь за ночью.

Вскоре дела зашли настолько далеко, что уже ко второму числу у полковника не было ни рубля на водку, не говоря уже о других расходах. Он взял немного из казенных денег, которые были в его ведении. Это уже серьезно! Сорок рублей! Теперь придется экономить! Потом еще шестьдесят! Какой вкус у хорошего вина!…

— Подарил бы мне что-нибудь, старая свинья, — потребовала у него как-то кухарка.

— Денег нет, — ответил полковник.

— Возьми еще из казенных.

— Откуда ты знаешь?! И вообще, это неправда! Я оттуда ни копейки не брал.

— Да, как же! Ты каждую ночь, как накачаешься, во сне об этом бормочешь! Я даже рот тебе рукой закрывала, чтобы твой ординарец не услышал, какой у него славный командир! Ну, так что будешь делать?

Полковник дал ей денег, — разумеется, из казенных.

Неожиданно из Варшавы нагрянула ревизия. Полковник Штейн не знал, что предпринять. Если все откроется, — значит, конец карьере. В ужасе он бросился к ростовщику, и тот одолжил ему пятьсот рублей.

Ревизия ничего не обнаружила! Счета сошлись! Замечательно! Полковник снова был в прекрасном настроении и послал за писарем, чтобы вместе отпраздновать это замечательное, по его глубокому убеждению, событие. Писарь, однако, отказался.

— Ты что, подлец, брезгуешь моим коньяком?!

— Никак нет, ваше высокоблагородие, я… я… боюсь, что в

городе пойдут разговоры.

— Что еще за разговоры? Какие разговоры? Разве ревизия нашла хоть малейшее нарушение?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, это кухарка везде распускает сплетни. А по ночам, прошу прощения, ваше высокоблагородие, если позволите, слышно, как вы бранитесь и кричите…

— Черт с ними! Пей, и пусть эти идиоты из Равы болтают что хотят. Пей! Это все враки.

— Я и не сомневаюсь, ваше высокоблагородие, да только мне известно, что в Варшаву все время шлют жалобы о ваших попойках, а мне не хочется отправляться в Сибирь из-за того, что я с вами пью.

Вышвырнув за дверь жалкого труса, полковник послал за кухаркой, отругал ее, запретил распускать сплетни и пообещал новую шубу. И тут вдруг раздался звонок в дверь!

Так поздно!

— Иди посмотри, кто это. Меня ни для кого нет дома. Кого там черти носят?

— Может, это ревизор из Варшавы? Люди говорят, нам лучше бежать отсюда, Иван!

— Открой дверь и впусти его, — приказал полковник. На бедняге лица не было, и — что уж совсем не пристало солдату — он дрожал.

Кухарка впустила мужчину лет тридцати — чисто выбритого, не очень высокого, но весьма привлекательного. Это был Арнольд Барт.

— Вы по какому делу? — спросила кухарка за дверью.

— У меня частное дело к господину полковнику. Я от Заллера.

Ага, Заллер — это ростовщик. Должно быть, он хочет получить свои пятьсот рублей. Выставить его вон? Срок уплаты истекает только через два месяца. Но, может быть, лучше с ним договориться? Да, так будет лучше. Это будет по-умному.

— Заходите, пожалуйста!

Арнольд Барт вошел в комнату. У него были отличные манеры. Он низко поклонился, как бы извиняясь за сам факт своего существования!

— Садитесь, герр Барт, и рассказывайте, что вас ко мне привело.

— Мы одни?

— Можете говорить свободно. Не желаете ли водки? Ваше здоровье! Сигару? Огня?

— Меня прислал к вам ваш друг господин Заллер. Он хочет

вам помочь. Вы сможете кое-что заработать и рассчитаться с долгами. У меня есть замечательный план. Мы будем печатать почтовые открытки с изображением российских банкнот. Желтые — один рубль, зеленые — три, голубые — пять, красные — десять. Вы меня понимаете? Очень милая и оригинальная идея. Бумагу купим в Антверпене, печатные станки закажем в Губене, а клише нам даст Владимир Литвинович, наш хороший друг из Садовой, под Лембергом. Вы понимаете?

Понимал ли полковник? Когда так много поставлено на карту, раздумывать не приходится, и полковник согласился.

— Только как нам попасть к Литвиновичу? — спросил он. — Мне придется сначала обратиться в штаб, за разрешением на выезд за границу.

— Ах, мой дорогой полковник. Можно все устроить гораздо проще и незаметнее. У меня есть близкий друг, который живет в Ченстохове, немец, некий Генрих Баранек. Он с радостью одолжит вам на два-три дня свой паспорт. Вы, разумеется, поедете в штатском. С его паспортом мы съездим в Галицию и обратно безо всяких затруднений. Замечательно, что вы потомок немецких колонистов и так бегло говорите по-немецки.

Все шло по плану. Возможно, фон Штейн чувствовал себя не слишком уверенно, но, обдумав ситуацию, понял, что другого выхода нет! Кухарка требовала подарков, и он нуждался в деньгах, не только чтобы расплатиться с долгами. Деньги были ему нужны и на повседневные нужды, чтобы как-то пороскошнее жить в этом Богом забытом углу.

— В конце концов, два дня в поезде пройдут очень быстро, — пытался успокоить себя полковник. — Дельце будет обделано в два счета, и тогда я опять буду при деньгах.

В субботу новоявленные приятели отправились в Ченстохов, где, как и было условлено, Баранек одолжит Штейну свой паспорт. Полковник предъявил его на границе и был пропущен в Галицию без всяких вопросов. Он вздохнул свободнее. Конечно, ему пришлось понервничать. Если бы выяснилось, что выезжает он без разрешения и по подложным документам, тогда бы, мягко выражаясь, он оказался в неловком положении.

Едва они пересекли границу, как дверь открылась, в купе вошли четверо и спросили у Барта, куда он едет.

— В Садовую Вишню, — удивленно ответил тот.

— Случайно не к Владимиру Литвиновичу?

— Да, именно к нему!

— Он только что уехал в Вену. Вам лучше ехать туда, — сказал один из незнакомцев.

— Как вас зовут? — спросил второй.

— Арнольд Барт.

— А этот господин тоже едет к Литвиновичу?

— Позвольте, господа, представиться! Меня зовут Генрих Баранек! — сказал Штейн, решив заявить о себе прежде, чем будут ему заданы незнакомцами неприятные вопросы.

— Прекрасно! Герр Баранек, вы тоже поедете в Вену. Позвольте вам представить капитана Лера из Имперской… — И он пробормотал что-то неразборчивое.

Полковник фон Штейн побледнел. Бедняга постарел прямо на глазах.

«Неужели это ловушка? Чертов мошенник Барт!» — в сердцах выругался про себя Штейн.

Ему с огромным трудом пришлось взять себя в руки и промолчать. Наконец, собравшись с мыслями, он заявил, что идея поехать в Вену его вполне устраивает.

Четверо незнакомцев представились австрийскими офицерами. Всю дорогу они сидели с полковником в купе, не разрешая ему выйти в коридор, и заказывали для него все, что ему хотелось.

Вот и Вена!

Штейн вышел в окружении четырех человек. Барт, шедший чуть позади, шепотом давал полковнику торопливые наставления, что ему надо успокоиться, что все не так плохо, как кажется.

У вокзала их ждал автомобиль. Все шестеро сели в него — Штейн сзади, на почетном месте, Барт рядом с ним, четверо офицеров впереди, в качестве охраны. Автомобиль остановился у военного министерства. Фон Штейна провели в помещение на первом этаже. В просторном кабинете за большим письменным столом сидел полковник австрийской армии.

— Прошу садиться, полковник Штейн, — без всяких преамбул начал австриец. — Я слышал, вы собираетесь основать здесь предприятие по производству фальшивых денег? В этом нет никакой необходимости. Если вам так нужны деньги, может быть, мы сумеем кое о чем с вами договориться. Мы, разумеется, не потребуем от вас ничего противозаконного, ничего, что шло бы вразрез с вашим долгом солдата! Мы лишь попросим вас заполнить вот этот вопросник на русском языке. Ничего секретного там нет, но Австрия будет благодарна, если вы, как командир гарнизона в Раве, выскажете свое компетентное мнение по поводу интересующих нас вопросов…

Полковник фон Штейн пробежал глазами лежавшую перед ним бумагу и, не найдя в ней ничего такого, что заставило бы его раскрыть военную тайну, без колебания ответил на все вопросы, а австрийский полковник все тщательно записал. В конце беседы он

достал из стола семьсот рублей и вручил их русскому, вежливо поблагодарив за информацию.

Два австрийских офицера проводили его к стоявшему наготове автомобилю, отвезли на вокзал и сопроводили его в купе первого класса до границы. Там они попрощались, дав возможность продолжить поездку полковнику Штейну до Равы в одиночестве.

Он до сих пор так толком и не понял, что же с ним произошло. Единственное, что он знал с какой-то долей определенности, было то, что теперь он сможет расплатиться с долгами и, сверх того, у него останется еще двести рублей. Поэтому, вернувшись к себе, он принял философское решение не думать об этом странном происшествии и наслаждаться жизнью, как и прежде.

Долг уплачен, опасность позади, напряжение последних недель — тоже. Вино, кухарка и карты снова заняли свое привычное место. Но очень скоро он истратил все до последней копейки и опять отправился за ссудой к Заллеру.

И вновь в самый критический момент раздался звонок в дверь, и в комнату вошел Арнольд Барт.

— Как насчет еще одной поездки в Садовую Вишню, полковник? — поинтересовался он. — Денежки нас заждались.

Полковник рассмеялся и ничего не сказал, но буквально через несколько минут, быстро переодевшись в штатское, уже был готов отправиться в путь. И опять пригодился паспорт Баранека. Барт купил билет до Вены. Штейн уже знал, что от него требуется, поэтому обошлось без формальностей.

В Вене события развивались по знакомому сценарию: сопровождающие, автомобиль, сидящий за столом полковник, список вопросов. Правда на этот раз вопросы оказались более деликатного свойства, и полковник Штейн, командир Равского гарнизона, решил пойти на попятный.

— Нет, на этот вопрос я ответить не могу, — заявил Штейн, твердо решив не предавать свою страну.

— Тогда, дорогой полковник, мы будем вынуждены возбудить против вас уголовное дело, ведь вы приехали по фальшивому паспорту! Конечно, это было бы крайне неприятно после всего того, что между нами произошло — будьте же благоразумны, полковник! У нас уже есть ответы на все эти вопросы! Мы просто хотим, чтобы вы подтвердили их. Если вы откажетесь, то нам, конечно же, не составит труда найти кого-нибудь, кто согласится нам помочь. Однако имейте в виду, если вы дадите правильные ответы на все вопросы, то можете рассчитывать на тысячу рублей.

Полковник понял, что его загнали в угол: у него не было ни

времени, ни возможности обдумать ситуацию. Поэтому он сделал то, что от него требовали. Уезжая обратно, он увозил с собой тысячу рублей.

Вернувшись домой, полковник Штейн стал еще больше сорить деньгами, полностью обновил гардероб своей любовницы-кухарки, беспробудно пил и играл в карты в компании более чем сомнительных личностей. Его начальству, жене и дочери, жившим в Варшаве, градом посыпались анонимные письма.

Обе женщины отправились в Раву, прочитали ему нотацию и удостоверились, что он действительно располагает крупной суммой денег, происхождение которых он раскрыть отказался.

Фрау и фрейлейн Штейн вернулись в Варшаву в полном расстройстве. Не сошел ли он с ума? Не стал ли он орудием в руках каких-то бесчестных людей?

Дамы решили обратиться за советом в штаб, и им пообещали, что за полковником установят наблюдение и постараются раскрыть тайный источник его богатства. С этой целью в Раве обосновался сотрудник секретной службы, который следил за каждым шагом полковника!

Как-то поздно вечером в дверь дома полковника снова раздался звонок. Арнольду Барту, а это был именно он, без лишних церемоний предложили войти. На этот раз он не просил полковника ехать с ним в Вену. К чему лишние расходы? Да и терпеть дополнительные неудобства не было вовсе необходимости. Полковнику нужно было лишь заполнить вопросник, который он, Барт, принес с собой. Полковник прочитал его, не проронив ни слова.

— Владимир Литвинович готов заплатить вам триста рублей задатка, — сказал Барт. — А когда вы доставите ему в Вену секретные карты Генерального штаба, можете рассчитывать еще на три тысячи.

— Но я не могут добыть ни карт, ни информации. Они настолько секретны, что хранятся только в штабах Варшавского, Киевского и Санкт-Петербургского военных округов.

— Я почему-то не думаю, дорогой полковник, что Владимира Литвиновича полностью удовлетворит такое объяснение. Он, возможно, даже сочтет нужным отправить в варшавскую военную разведку вопросники, заполненные вами раньше. Как видите, дорогой друг, будет неразумно ссориться с ним.

С тяжелым сердцем Штейн обратился с просьбой о двухнедельном отпуске. В Санкт-Петербурге и Киеве ему удалось добыть все, что требовал Литвинович. Сложив документы в чемоданчик, он направился в Ченстохов, взял там паспорт Баранека и, не теряя времени, продолжил свой путь до нужной

станции на границе с Австрией.

Никогда в жизни он не испытывал такого беспокойства, как в этот раз. Если бы только можно было не ездить в Вену! Но какой смысл об этом мечтать? Он без долгого раздумья купил в кассе билет до первой станции по ту сторону границы. Ожидая прибытия поезда, сидел в буфете, пил обжигающе горячий чай и чувствовал себя абсолютно несчастным. Он ерзал на стуле, поглядывая на чемоданчик. Объявили посадку на поезд до Вены. Он попытался встать, но остался на месте. Казалось, внутри его шла борьба, лишавшая его сил.

Колокол прозвенел в третий, и последний, раз. Штейн не двинулся с места, как будто был привязан к стулу. Он выпил еще одну чашку чаю и, расплатившись, продолжал неподвижно сидеть. И второй поезд отправился в том же направлении без него. Он все так же упрямо, глядя перед собой, оставался неподвижным. Ушло еще два поезда, и, наконец, колокол возвестил об отправлении последнего, но Штейн и в этот момент даже не попытался встать.

К его столику подошел полицейский:

— Сударь, зал ожидания закрывается.

Штейн, казалось, ничего не слышал.

— Куда вы едете?

Полковник вздрогнул от ужаса и назвал станцию.

— Но ваш поезд вот-вот уйдет!

Штейн вскочил и как одержимый ринулся через ресторан к двери, выходящей на перрон.

— Остановитесь, сударь? Вы забыли свой багаж! — прокричал ему вслед полицейский. Штейн был так возбужден, что забыл о самом главном, о чемоданчике. Спотыкаясь, он бросился назад, схватил его — и в этот момент шестеро мужчин оттеснили его через боковой выход в небольшое помещение полицейского участка. За полковником следили с самого начала поездки!

Спустя несколько дней разжалованный начальник Равского гарнизона находился в Варшавской крепости, а мне было поручено его допросить. Ко мне привели немолодого сломленного человека, потерявшего интерес к жизни. Я предложил ему сесть.

— Дразните, — сказал он, поворачиваясь ко мне спиной.

— Что это значит, сударь? — удивился я.

— На небо, доктор, прямо в рай, на небо. И не держите меня — в клочки разорву! Идиот! — заорал он.

Итак, он решил разыгрывать из себя сумасшедшего! Заговорив с ним ласково, я объяснил ему, что все агенты, чьи адреса были найдены при нем, арестованы и отпираться

бесполезно.

— Я — индеец! — ответил пленник, молниеносно срывая с себя одежду и голым ложась на пол перед моим столом. — Я должен укрыться от отравленных стрел.

— Назовите имя вашей любовницы, кухарки, — спросил неожиданно для него я.

— Имя? У нее нет имени. Она — ангел!

— Послушайте, бесполезно разыгрывать из себя сумасшедшего. Все агенты, арестованные одновременно с вами, прибегли к тому же трюку, но потом отказались от этой затеи и признались, что действовать так им посоветовал Барт. Признавайтесь, вас этому тоже он научил?! Этот негодяй умнее всех вас, вместе взятых! Как только он узнал о вашем аресте, он тут же сбежал в Австрию!

— Тихо! Я — мухолов!

— Постарайтесь, сударь, вести себя прилично!

— В ловле мух нет ничего неприличного! Послушайте, мне нужны эти мухи, потому что я составляю новую стратегическую карту Германии и Австрии, и мухи обозначают города, которые мы должны бомбить, чтобы дойти до Парижа! Знаете, князь, если бы я собирался в Париж, то я отправился бы туда по воздуху. Опля! Ну что, тварь, попалась?

— Вы сможете продолжить ловлю мух, когда я закончу с вами. Будьте добры, сядьте. Начнем с вашего визита в Киев. В котором часу вы туда приехали?

— В десять часов!

— Нет, вы прибыли в восемь!

— Неужели? Откуда же вам это известно?

— Куда вы направились, сойдя с поезда?

— В аптеку.

— Нет, вы пошли в магазин, где приобрели небольшую шкатулку. Что вы делали после этого?

— Я пошел в ресторан и…

— Нет, вы не ходили в ресторан. Вы отправились в мясную лавку и купили колбасу, которую съели в парке. Что вы делали потом?

— Господи, откуда вам все это известно? Неужели за мной все время следили?

Я утвердительно кивнул головой. Этого несчастный вынести уже не мог. Он полностью потерял самообладание и понемногу рассказал мне всю историю о том, как он попал в расставленные для него шпионские сети.

Бывший полковник Штейн, которому в то время было пятьдесят три года, был приговорен к двадцати годам каторжных

работ в Сибири. Какова его дальнейшая судьба — мне неизвестно.

БЕРЛИН, 1913 ГОД

Слава Богу, наконец-то вокзал на Фридрихштрассе! О Берлине 1913 года можно рассказывать долго! Сколько событий! Жизнь бьет ключом!

Мы, наконец, достигли цели путешествия, в которое отправились из Варшавы. Но, прежде всего я, конечно, должен объяснить, кто это «мы». Мы — это мой друг, государственный обвинитель, и ваш покорный слуга, судебный следователь. Мы очень напряженно работали, и нам только что удалось разоблачить еще одно опасное шпионское гнездо, как ни странно, тоже в районе Равы. Там мы арестовали телеграфиста Варшавского телеграфного бюро Петра Антосевича: он был взят с поличным в тот самый момент, когда доставал из кармана планы обороны Варшавы, чтобы передать их немецкому шпиону — некоему Эрнсту Бему, который якобы являлся представителем одной из фирм, торгующей в России сельскохозяйственным оборудованием.

В ходе допроса мы добились от предателя признания, что он при посредничестве Бема продал огромное количество важных секретных документов Рихарду Скопнику, высокопоставленному немецкому чиновнику из приграничного города Зольтау.

Рихард Скопник — ловкий и умный немец лет около сорока, занимал на границе официальную должность, дававшую ему все возможности для шпионской деятельности. Конечно же, ни для кого не было секретом, что у него были агенты по всей Польше, и за нами они следили везде, куда бы мы ни поехали. Однако всякий раз, когда мы по долгу службы приезжали на границу, он всегда вел себя с очаровательной любезностью.

И вот мы с коллегой в Берлине. По счастливой случайности на перроне нас встретил полковник русской армии с орденом Святого Владимира в петлице. Он с жаром приветствовал нас, своих соотечественников, и не отходил от нас до тех пор, пока не познакомил с чрезвычайно обаятельным молодым человеком, неким доктором Якобом из Берлина. Доктор Якоб поразил нас заботой и вниманием, выражал восхищение всем русским и умолял нас быть его гостями во время нашего пребывания в Берлине.

Все это ставило нас в чрезвычайно неловкое положение. Не могли же мы, поблагодарив его за несколько назойливое приглашение, объяснить, что мы предпочли бы, чтобы на время короткого визита в столицу Германии нас оставили в покое.

Наконец мой друг намекнул, что дело обстоит именно так. Вот тут-то доктор Якоб и показал свое истинное лицо. Уж не хотим ли мы оскорбить его? Ведь он испытывает к России самые теплые чувства! Его дядя — высокопоставленный правительственный чиновник в Зольтау, Рихард Скопник! Может быть, мы с ним знакомы?

— Да, немного, — ответил мой друг, незаметно толкая меня локтем. — Племянничек приставлен следить за нами в Берлине, — прошептал он мне по-русски, когда мы спускались по вокзальной лестнице.

— Сделаем вид, что ни о чем не подозреваем, — ответил я.

Мы позволили племяннику Рихарда Скопника сопроводить нас в один из известных отелей и угостить завтраком, дали прокатить себя на такси и посмотрели достопримечательности немецкой столицы. Мы посетили Потсдам и, наконец, закончили день в кабаре на Унтер-ден-Линден. Мы пили, смеялись и вскоре немного опьянели, что, впрочем, неудивительно: мы видели в зеркало, как наш друг подливал нам коньяк в пиво, полагая, что делает это незаметно.

— Еще так рано! — сказал он, уводя нас в ночной бар, славившийся хорошенькими девочками, которых он тут же пригласил на пикник при луне на берегу реки Шпрее.

В отель он привез нас целыми и невредимыми, когда забрезжил рассвет, и чуть ли не уложил нас в постель! Остаток ночи он провел в коридоре, не сомкнув глаз, и на следующий день, когда мы настояли на том, чтобы сделать кое-какие покупки перед отъездом из Берлина, не выпускал нас из виду. Он нанял частный автомобиль, бегал за нами в магазине Вартхайма в поисках сувениров на память и упаковал их так, чтобы их не обнаружил бы даже самый зоркий таможенник.

Все это обошлось ему, наверное, в копеечку, но он не позволил нам заплатить хотя бы за что-нибудь. И всегда успевал первым. Ну что мы могли поделать! В конце концов, мы пошли по пути наименьшего сопротивления и покорно позволили показать нам все, что было интересного в этом очаровательном городе. День мы завершили, как обычно, в кабаре за кружкой приправленного коньяком пива.

На следующий день мы уезжали домой в Варшаву, где нас ждала работа по делу Антосевича-Бема-Скопника. Доктор Якоб заказал для нас два места у окна в вагоне первого класса, проводил нас на вокзал, сам внес в купе наши вещи. Он нежно обнял нас на прощание, назвал своими самыми дорогими друзьями и клятвенно заверил нас в том, что скоро будет вспоминать эти незабываемые дни в Зольтау в обществе своего

дяди Рихарда Скопника.

Поезд тронулся и, окутанный клубами пара, стал медленно набирать скорость, а мы смотрели в окно и махали нашему «другу». Можно представить себе вздох облегчения, который вырвался из уст этого энергичного коротышки, когда он убедился, что две опасные личности отбыли в сторону границы.

Мы с моим другом, имея большой опыт в подобных делах, не могли не оценить, насколько добросовестно он выполнил данное ему поручение следить за нами во время нашего пребывания в Берлине и пресечь любые наши происки в Германии. Только зря он потратил столько денег и сил. Никакой цели мы не преследовали! Мы не стремились ничего выведать. Мы приехали, как и сказали, немного отдохнуть и отвлечься от тяжелого и запутанного дела в Раве.

Наш берлинский «друг», безусловно, сделал все возможное, чтобы развлечь нас, и мы благодарны ему за это по сей день!

БРЕШЬ НА ГРАНИЦЕ

Мое купе имело очень странный вид: горы документов на полу, кучи бумаг на пульмановских диванах и еще целая груда в сетке для багажа у меня над головой. Я даже не мог выглянуть в окно! Кругом были бумаги, бумаги и еще бумаги. Все это были документы по делу братьев Х. и Ко. (Оба брата и по сей день играют в экономике далеко не последнюю роль. Они научились копить деньги и, что более важно, их наживать. Да и память у людей в наши дни такая короткая!).

Я читал, читал и читал. Позади остались Петроград, Москва, Ростов, Баку. Поезд шел все дальше. И все это время — только документы по делу братьев Х. Так в чем же обвинялись братья Х. и их сообщники?

До войны Россия экспортировала большое количество сахара в Персию, где очень любят пить чай. Братьям Х., в то время мелким уличным торговцам, каким-то образом удалось организовать перевозку сахара караванным путем не только в Персию, но и неприятельским войскам в Турцию, и даже дальше, в Германию. Более того, они экспортировали за границу, во враждебные России страны, все, что могли прибрать к рукам по линии военного интендантства.

За взятки, железнодорожники помогали доставить товар до границы, а потом все шло как по маслу, поскольку контроля практически не было. Бельгийцев, которые взимали таможенные пошлины на турецко-персидской границе, обвести вокруг пальца тоже было нетрудно.

До войны доход братьев Х. составлял около восьмисот тысяч рублей. В первый год войны, благодаря хорошо организованной системе контрабанды, достигшей огромных размеров, их капитал вырос до десяти миллионов рублей, а на следующий год — до семидесяти пяти миллионов рублей золотом!

Итак, в 1916 году меня направили в Персию, чтобы разоблачить преступную деятельность «предприимчивых» братьев и покончить с их знаменитым караваном. Задание не из легких, уверяю вас, поскольку, уже находясь в Киеве, оба героя и их сообщники проявили такие чудеса изобретательности, что были осуждены лишь ценой огромных усилий.

Что мне пришлось пережить на суде!

Допросив одного из них, я предложил ему подписать протокол.

— Писать? Мне? Как это вдруг я смогу писать? Я не писатель и не секретарь! Зачем мне уметь писать? Я подрядчик, финансист. Мои мысли бегут быстрее, чем ручка по бумаге. Поэтому я очень сожалею, что не могу ничего подписать.

Но сейчас, в бешено мчащемся поезде, мой ум был занят вопросом, как контрабандистам удавалось переправлять весь этот бензин, нефть, железо вражеской державе, я погружался в тонкости определения качества сахара! Я даже попытался выучить несколько персидских слов, потому что мне предстояло поработать в Персии и общаться с караванщиками.

В дверь моего купе постучали — это проводник принес телеграмму:

> «Немедленно отправляйтесь в Тифлис. Необходимо срочно встретиться с вами. Великий князь Николай Николаевич».

Это, разумеется, заставило меня изменить планы, и я немедленно отправился в Тифлис.

Великий князь знал меня по предыдущим делам, связанным с разоблачением шпионов. Ему также было известно, что я мог поехать в Персию только по делу большой важности.

Итак, я прибыл в Тифлис. Великий князь Николай жил в доме губернатора. Я показал полученную телеграмму охране, и меня провели в кабинет, где с большими церемониями принял личный советник великого князя, которому доложили о моем приезде.

Советник проводил меня в апартаменты князя. Минуя многочисленную охрану, мы прошли в банкетный зал. Стол, как я заметил, был сервирован на три персоны. В зал вошел великий

князь Николай. У него был холеный, ухоженный вид. Он дружески приветствовал меня, и без дальнейших церемоний мы сели за стол. Прислуживали нам два одетых в форму казака.

— Consomme en tasse? (Чашку бульона?).

— Скажите мне, — спросил великий князь, — как вы собираетесь вести дело против этих бандитов?

Я коротко посвятил его в свои планы. Провести расследование в Тифлисе, перекрыть все лазейки, допросить караванщиков, разоблачить всех сообщников и устранить нанесенный ущерб.

После консоме (бульона) подали риссоли (пирожок с мясом), квас, черный хлеб. Водку не пили, хотя соблазнительная бутылка стояла на столе.

Я передал великому князю копию своего пятнадцатистраничного отчета. Он имел полное право быть в курсе происходящего, ведь именно он нес ответственность за ту территорию, где орудовали контрабандисты. К тому же было похищено кое-что из его собственных запасов.

Через двадцать минут аудиенция закончилась. Великий князь, прощаясь со мной, очень любезно попросил меня:

— Займитесь этим, мой дорогой друг. Я рад, что прислали именно вас! Нам здесь очень нужна твердая рука!

Я без промедления продолжил свое путешествие в Тебриз, к наследнику шаха. Мои попутчики тут же переполошили весь город, и по нему со скоростью лесного пожара разнеслась весть, что прибыл царский посол.

Мой первый визит был к российскому консулу, который предложил мне остановиться в его доме. Это было как нельзя более, кстати, потому что другие здания имели вид не очень привлекательный. Не успел я привести себя в порядок, как к дому подкатил шикарный, запряженный четверкой лошадей экипаж персидского губернатора. Это был невероятно старый маленький человечек, одетый в парадный мундир, на котором красовалась большая звезда — высший орден государства. Консул представил меня ему, и я подумал про себя, какие препоны готовит на моем пути правительство Персии. Конечно, я был русским судебным следователем, прибывшим в Тебриз с единственной целью — потрудиться на благо своего государя. Не было ни договоренностей с местными властями, ни согласия их правительства. Но старого перса привели сюда совершенно иные заботы!

— Какая форма будет на мне?

В каком мундире я приеду завтра утром на аудиенцию к наследному принцу, я объяснил ему через консула, который

выступил в роли переводчика (у меня с собой была только поношенная полевая форма). «В таком случае, — заявил губернатор, — наследный принц тоже наденет поношенную полевую форму. Итак, завтра утром в одиннадцать».

На следующий день без десяти одиннадцать к российскому консульству подъехала необычная кавалькада. На козлах роскошного экипажа сидел казак, а рядом с ним ливрейный лакей размахивал национальным флагом России размером с большую скатерть. Оба были одеты в великолепную форму. Еще двое верховых казаков ехали впереди, двое — с правой и двое — с левой стороны экипажа. Чего, скажите, еще желать! Мы галопом промчались по узким улочкам города, через базарную площадь, где сотни странного вида людей с крашеными волосами и бородами, сидя на корточках у лотков и жаровен, предлагали свой товар.

С дикими воплями казаки расчищали путь нашему экипажу, и мы неслись во весь опор мимо бесчисленных верблюдов и ишаков на встречу с наследным принцем. Его дворец сгорел. (А жаль, ведь при нем был гарем!) Теперь он временно проживал в маленьком и скромном доме.

Мы прибыли к месту назначения, и кавалькада остановилась перед крошечным домиком. У входа нас ожидал оркестр из десяти музыкантов, одетых в форму, которая ужасно напоминала форму российской полиции с той лишь разницей, что ее украшали лампасы, как у генералов! Был и дирижер, почтенный старец, который размахивал огромной дирижерской палочкой. Когда мы выходили из экипажа, оркестр грянул марш Петра Великого. Прелестный знак внимания! На террасе нас ждал человек в невообразимо древнем мундире с зеленой лентой через плечо и сверкающим орденом Льва и Солнца! Это был церемониймейстер. Консул послал со мной своего переводчика, я представился и выразил признательность за оказанный прием. С большой торжественностью нас провели через комнату, напоминавшую караульное помещение, такой она казалась убогой и запущенной. Ужасные стулья, старый ковер, грязные окна! У двери в немом приветствии застыла пара слуг весьма преклонного возраста, с тщательно расчесанными бородами, в белых носках и башмаках. С подобающим достоинством они проводили нас в следующую. Там нас встретил еще один человек, обходительный, с привлекательной внешностью и изысканными манерами, в модной визитке. Он говорил по-немецки, по-русски и по-французски и приветствовал нас на всех трех языках. Это был придворный врач. Он учился в Париже и много путешествовал. Он предложил нам чай, и мы сели, почувствовав себя в его

обществе более непринужденно.

— Сахар? — предложил он. — Его контрабандой доставляют сюда ваши соотечественники, но товар, могу вас заверить, высшего качества.

Спустя четверть часа наш новый знакомый распрощался с нами, и глашатай в фантастическом, опереточном, наряде возвестил о прибытии наследного принца, В комнату вошел высокий юноша лет семнадцати, Как было оговорено днем ранее, одет он был в форму, которую, по-видимому, считал полевой. Черные брюки, золотые галуны, ботфорты, украшенные белыми розочками, и маленькая персидская шапочка, которую венчала ослепительно блестящая звезда! Я с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Откуда вы приехали и какова цель вашего визита?

— Я — представитель Российского императорского штаба, — ответил я и коротко рассказал о цели своего визита в его страну.

— Желаю удачи! — сказал мне гостеприимный хозяин, — А как здоровье царя и его семьи?

Я не посмел разочаровать юношу и не стал объяснять ему, что в это неспокойное время я практически не общался с членами императорской семьи, Я ответил так, как будто у царя вошло в привычку ежечасно присылать мне бюллетени о состоянии своего здоровья:

— Все хорошо. Нельзя пожаловаться.

— Радостное известие. Передайте ему мои наилучшие пожелания. А как вам нравится в Персии?

— Удивительная страна! — ответил я почти искренне.

— Рад слышать это, потому что мне тоже нравится ваша страна. Я был однажды в Петербурге. Замечательный этот ваш северный город.

На этом аудиенция закончилась, Я отправился в глубь страны с пятью переводчиками, поскольку невозможно было определить заранее, какой именно переводчик мне понадобится, а одной из моих основных задач было попытаться выяснить, на каком диалекте говорил каждый контрабандист! Я не мог доверять своим переводчикам: все они, думаю, были мошенниками и водили дружбу с контрабандистами. Через несколько недель в лагерь прибыл посланник наследного принца.

— Зачем обременять себя таким количеством ненужной работы? — спросил он. — Отрубить голову — и проблема решена раз и навсегда.

Принять совет посланника я, естественно, не мог, хотя преступники того заслуживали, все-таки мы, русские, цивилизованный народ. Мы будем биться над делом до тех пор,

пока постепенно, шаг за шагом не разоблачим все уловки хитроумных спекулянтов. Государству должны быть известны все подробности о том, какой товар похищен контрабандистами, где он произведен, какого качества и куда переправляется. Знать это мы были обязаны потому, что в жадные руки негодяев, занимавшихся контрабандной торговлей сахара, уплыли многие миллионы рублей.

По дороге домой в Киев я провел несколько дней с великим князем. Я арестовал всех, в чьей вине был уверен. Но моя работа оказалась напрасной. Главные виновники, воспользовавшись личными связями с Распутиным и его секретарем, без особого труда убедили этих двух деспотов повлиять на царицу и закрыть дело. Даже царь сказал, что «разоблачение их преступления было достаточным наказанием», и даровал им помилование. Остальным осужденным также повезло. Свершившаяся буржуазно-демократическая революция привела к власти в феврале 1917 года такое правительство, которое даровало свободу даже опасным государственным преступникам.

ЗАБЫТАЯ МОГИЛА В ТЕГЕЛЕ

Лишь немногим берлинцам известно, что в Тегеле есть улица Виттештрассе. В старые добрые времена Александр III приобрел там участок земли, поэтому местные жители назвали прилегающую улицу в честь Витте.

И есть там могила, неприметный холмик, под которым покоятся останки человека, сломленного жизнью! Русский, он умер в мучениях в одном из берлинских приютов, в ужасающей бедности, всеми забытый, отвергнутый!

А когда-то он был великим, известным, могущественным, счастливым и богатым человеком!

Владимир Сухомлинов.

Имя, забытое в наши дни, ибо нынешнее поколение всегда торопится, спешит. Ему чужды сентиментальные воспоминания.

Владимир Сухомлинов — военный министр России.

Когда это было?

Нет, прошли не столетия, а всего несколько лет. Он был министром еще в годы войны, которая разрушила его жизнь. И вот уже несколько лет он покоится в Тегеле, проклятый многими, но до сих пор любимый и прощенный другими.

Он был блестящим офицером, умницей. Это сразу бросалось в глаза. Смел до безрассудства! А какой характер! Какое воображение! Не часто встретишь такого человека, поэтому российский Генштаб сразу ухватился за него.

Сухомлинов и сейчас стоит у меня перед глазами, невысокий, но могучего телосложения, даже немного склонный к полноте, аккуратно подстриженная седая бородка, открытое простое лицо.

Его назначили военным министром, и незадолго до объявления войны он заявил: «Мы вооружены. Мы можем пойти в наступление в любой момент». Но уже первые выстрелы показали, что это не так. Ни о какой готовности к войне не было и речи. Неприступные крепости пали. В плен сдавались целые полки, им не хватало твердости и выдержки, сказывалась и нехватка оружия.

Ни продовольствия, ни оружия, ни боеприпасов, Устаревшая армия и полное отсутствие резервов!

Разразился грандиозный скандал. И, естественно, вся ответственность сразу же легла на плечи военного министра.

Складывалось впечатление, что многие грубые ошибки были совершены им умышленно, поэтому на царя оказывалось давление с тем, чтобы он принял строгие меры.

В Петрограде была создана комиссия, в состав которой вошел и я. В задачу комиссии входило расследование всех обстоятельств данного дела. Моя задача состояла в том, чтобы выяснить, не был ли он связан с иностранными шпионами, и определить круг его знакомых. За четыре месяца я собрал массу уличающих его доказательств и составил досье, где на четырехстах страницах были изложены все факты, которыми располагала Россия в отношении своего бывшего военного министра.

Среди прочего мне пришлось разбираться в одном деле, когда допущенная им ошибка имела очень серьезные последствия. Перед войной трое российских военных изобрели дымовую шашку. При взрыве она создавала дымовую завесу, под прикрытием которой можно было незаметно производить передислокацию войск. Несколько лет изобретению не давали хода. Сухомлинов был в ссоре с одним из изобретателей: когда-то тот опубликовал в газете статью о том, что одна из крепостей, по его мнению, не имеет достаточных запасов воды. Сухомлинов же незадолго до этого уверял царя в обратном, поэтому он не только отказался провести испытания шашки, но даже распорядился о переводе изобретателя на другую должность, а попросту он был изгнан подальше с глаз долой.

От проекта, однако, не отказались, и, в конце концов, изобретателям удалось добиться царской аудиенции. Военный министр заявил, что в других странах проводились испытания подобных устройств, но закончились они полной неудачей.

Однако изобретение настолько заинтересовало царя, что он приказал провести не одно, а два испытания и возлагал на них

большие надежды. И надежды его, к великой радости изобретателей, оправдались. Он приказал начать массовое производство дымовых шашек, но Сухомлинов между тем не торопился выполнять царский приказ.

В июле 1914 года в Петроград прибыл офицер французской армии, которому в ходе военных учений продемонстрировали действие дымовой шашки.

Изобретатели обратились с настоятельной просьбой не демонстрировать дымовую шашку в присутствии иностранных военных атташе, справедливо опасаясь, что сведения о ней попадут в руки вражеской разведки. Однако, несмотря на данное обещание, Сухомлинов прибыл в сопровождении немецкого генерала. Изобретатели не хотели проводить испытание при данных обстоятельствах, однако военный министр сказал, что не потерпит такого недоверия, заявив, что его гость не представляет никакой опасности, так как ничего не понимает в подобных вещах.

— Пожалуйста, подарите мне две шашки для моего музея! — упрашивал немецкий генерал граф Дохна. И Сухомлинов, военный министр России, уступил: он отдал немцу изобретение своих соотечественников. И так уж случилось, что вскоре после первого сражения французы прислали русским немецкую дымовую шашку, подобранную на поле боя. Она была изготовлена из тех же химических компонентов, что и шашки русских изобретателей. А в России это изобретение так и осталось в благих пожеланиях. Дымовые шашки не были запущены в серийное производство!

Другой случай, по которому я вел расследование, был и того хуже.

Через несколько месяцев после начала войны к министру зашел двоюродный брат его жены инженер Николай Гошкевич.

— Дорогой кузен, — сказал посетитель, — война скоро закончится, и я хотел бы подготовить мемуары о вас и перевести их на все иностранные языки, чтобы мир узнал, сколь многим он обязан тому мастерству, с которым вы провели мобилизацию наших вооруженных сил. Только мне, разумеется, необходимы соответствующие документы!

— А кто будет писать эту книгу?

— Осторожность, прежде всего! Доверьтесь мне, своему кузену, предоставьте мне, прежде всего секретный меморандум, в котором содержатся сведения о стратегии, численности войск, вооружении и продовольственном снабжении. Это документ огромной исторической важности, ведь существует только три рукописных экземпляра: у самого государя и у вас.

Сухомлинов без колебаний передал ему этот документ. Через два дня кузен появился вновь.

— Дорогой кузен, — сказал инженер, — не могли бы вы разъяснить мне пару пунктов меморандума.

— Это невозможно и совершенно не нужно для вашей работы. Информация, о которой вы просите, могла бы заинтересовать только шпиона, и я не скажу вам об этом ни слова, — ответил министр, провожая своего посетителя. Но он забыл потребовать возвращения меморандума.

Вскоре Гошкевич пришел еще раз.

— Послушайте, — предложил он, — у меня есть два первоклассных агента, у них прекрасные связи в Берлине, и они могут добыть любые необходимые вам сведения. Они имеют возможность встретиться с военным министром Германии, министром военно-морских сил; они вхожи в министерства иностранных дел и могут доставить в Петроград важную информацию относительно будущих переговоров о мире.

Сухомлинов проконсультировался с царем, который дал свое согласие, и двух друзей инженера — Василия Думбадзе и князя Мачиабелли — снабдили деньгами и направили в Берлин.

Мачиабелли с тех пор никто не видел, и больше о нем ничего не известно. Второй агент был задержан, когда возвращался обратно, при переходе финской границы. При нем нашли шифрованный меморандум и донесение на русском языке с изложением условий, на которых министр Германии готов подписать сепаратный мир.

Расследование, однако, показало, что документы были сфабрикованы германским генштабом с целью дезинформировать русских. Было неопровержимо доказано, что Думбадзе является германским шпионом. Его приговорили к двадцати годам тюремного заключения, Гошкевича — к четырем годам каторжных работ. (Оба впоследствии были освобождены правительством Керенского. Думбадзе в настоящее время проживает в Америке и борется за независимость Грузии.).

Гошкевич был замешан и в других делах, связанных со шпионажем, и входил в ближайшее окружение Альтшиллера, австрийского вице-консула в Петрограде. Альтшиллер один стоил многих! Любой ребенок в России знал, что он шпион, для которого все средства хороши. Только военный министр, казалось, ни о чем не подозревал! Он и его жена были очень дружны с этим обаятельным и весьма состоятельным господином. Альтшиллер фактически оплачивал счета портного экстравагантной мадам Сухомлиновой. Он не раз приглашал ее и ее мужа в свое роскошное загородное поместье в окрестностях

Вены. Он оплачивал их дорожные расходы, автомобили мадам Сухомлиновой. Он всячески поощрял ее склонность к расточительству, безропотно оплачивал все счета!

В итоге он мог творить в кабинете военного министра все, что пожелает. Он вскрывал письма, просматривал всю корреспонденцию, помогал принимать решения о том, что, у кого и в каких количествах закупать. Фактически всем министерством руководил Альтшиллер.

В ходе следствия мы столкнулись со множеством странных фактов. Мадам Сухомлинова, например, носила такие наряды, какие не могла позволить себе сама царица. Она заказывала платья разных цветов, оттенков и фасонов и белье под стать им на сумму, более чем в три раза превышавшую министерский оклад ее мужа со всеми дополнительными выплатами.

Эта женщина в огромной степени ответственна за его падение.

На основании всех изобличающих его фактов в 1916 году Сухомлинов был помещен в Петропавловскую крепость и приговорен к пожизненному заключению. Однако в 1918 году он был помилован революционным трибуналом, через Финляндию бежал в Берлин, поселился в одной из комнат приюта Фриденау, где и умер от голода!

Екатерина Сухомлинова к тому времени давно забыла о нем. Во время революции она сбежала с молодым красавцем грузином. Впоследствии ее арестовали где-то на Волге, при ней было два фунта сахару. И она, и ее друг были расстреляны за спекуляцию!

ТАЙНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПЕТРОГРАДОМ И БЕРЛИНОМ

Лагерь военнопленных,
13 сентября 1914 года.
Германскому командованию.

Я, поручик второго российского армейского корпуса Яков Кулаковский, в настоящее время находящийся в лагере военнопленных в Зольтау, имею честь предложить германскому командованию свои услуги в качестве офицера разведки. Помимо прочего я имею сведения о том, где конкретно в окрестностях Зольтау зарыты знамя и касса Кексгольмского лейб-гвардейского полка. Прошу вас хранить мое предложение в тайне.

Яков Кулаковский,поручик 23 пехотного полка.

Лагерь военнопленных,
21 сентября 1914 года.
Германскому командованию.
Господа!

Осмелюсь напомнить о своем предложении работать на вас в России. Мои связи в российском штабе позволят мне снабжать вас весьма ценной информацией. Покорно прошу вас хотя бы предоставить мне возможность изложить вам свои предложения в личной беседе.

Поручик Яков Кулаковский.

— Кулаковский, — выкрикнул охранник в германском лагере военнопленных в Зольтау.

— Здесь, — отозвался русский поручик.

— Приказано доставить к начальству, — сказал немец.

Кулаковский последовал за ним. В кабинете его ждали три старших офицера, которым он и повторил свою просьбу. Беседа с ними закончилась тем, что его отправили в Берлин, где в одном из домов на берегу Ландвер-канала он был допрошен другими офицерами в штатском и затем отправлен в штаб 20-го армейского корпуса в Алленштайне.

Здесь находился начальник германской разведки, наш старый «приятель» Рихард Скопник, бывший сотрудник таможни, германский шпион и дядя доктора Якоба, который в более мирные времена показывал нам достопримечательности Берлина.

Скопник, прекрасно знавший, как нужно строить отношения со шпионами или теми, кто изъявлял желание стать таковыми, пообещал русскому прекрасное имение в Польше или на Украине по окончании войны. И, во всяком случае, гарантировал ему возвращение в российскую армию при условии, что он справится со всеми поставленными перед ним задачами. Затем они отправились туда, где, согласно первому рапорту Кулаковского, были зарыты полковое знамя и касса.

Единственное, что они обнаружили, был пустой окоп! И ничего больше! Вероятно, спрятанные в нем вещи уже были кем-то выкопаны. Однако, несмотря на такое разочарование, Скопник был в полном восторге от нового шпиона и в своем отчете в штаб назвал его надежным агентом. После этого Кулаковский был зачислен в штат.

— Вы нас полностью устраиваете, — заявил он Кулаковскому. — Мы предлагаем вам ежемесячное жалование в размере двух тысяч марок плюс премии за выполнение дополнительных поручений. Согласны?…

— Конечно! Я готов на все! — ответил новоявленный предатель.

— Очень хорошо. Мы устроим вам побег из плена домой через Стокгольм.

— Слушаюсь.

— Вы вернетесь на свой Западный фронт как русский офицер.

— Есть.

— Вы убьете великого князя Николая. Можете сделать это сами или нанять кого-нибудь.

— Есть.

— Вы свяжетесь с генералом Бобырем или с одним из его помощников и убедите их сдать Новогеоргиевскую крепость!

— Слушаюсь.

— Затем вы займетесь разжиганием антирусских настроений в Польше и на Украине.

— Слушаюсь.

— Итак, мой дорогой Кулаковский, все мои друзья твердо верят в ваши способности и ваши честные намерения по отношению к нам, — с пафосом произнес Скопник. — Однако вы должны знать, подобные инструкции получили еще несколько человек, которых мы направляем в Россию. Тем не менее, мы надеемся, что именно вам удастся выполнить наше строго секретное поручение. Могу вас заверить, что вы об этом не пожалеете! На выполнение задания вы отправитесь десятого декабря через Штральзунд и Стокгольм. И помните, нельзя терять времени!

— А от кого я буду получать инструкции в России?

Офицеры, которые вели с ним беседу, сочли нецелесообразным вдаваться в подробности, но Кулаковский понял, что он должен будет вернуться в Германию через Стокгольм, для чего ему выдали фальшивый паспорт, в котором он значился торговцем из Данцига.

В Берлине у него состоялась беседа с лейтенантом Бауэрмайстером, офицером разведки русского фронта. Тот обсудил с ним все детали, дал последнее напутствие и снабдил весьма солидной суммой денег.

— Откуда вы так хорошо знаете Петроград и почему так бегло говорите по-русски? — спросил немца Кулаковский.

— Мои родители — русские, я родился и вырос в Петрограде, и только год назад приехал в Германию. И еще, мой дорогой коллега, если в Петрограде у вас возникнут действительно серьезные проблемы и вам понадобятся совет или деньги, идите на Колольную. Там живет русский подполковник. Он наше доверенное лицо и будет знать, что вы работаете на нас.

Итак, торговец из Данцига отправился через Штральзунд в Стокгольм, где сразу же поспешил сообщить российскому военному атташе все, что с ним произошло, что он видел и слышал. Во все российские штабы, Генеральный штаб и органы контрразведки немедленно были направлены секретные телеграммы. Объектом первоочередного внимания стал таинственный русский подполковник, который жил на Кололльной. За домом установили тайное наблюдение. Да, там действительно жил подполковник. Русский подполковник С. И. Мясоедов, близкий друг российского военного министра, уже некоторое время находящийся под негласным наблюдением контрразведки. Оснований для подозрения, естественно, было больше чем предостаточно.

Начальник Генерального штаба поручил мне руководить предварительным расследованием дела. В то время подполковника не было в Петрограде, полагали, что он где-то в районе Йоханнисберга. Его вызвали в штаб и дали какое-то незначительное поручение. Адъютантом к нему назначили подпоручика Дюстерхоффа. Это назначение было подполковнику не по душе, и он попытался избавиться от адъютанта. Дюстерхофф был очень огорчен и написал своему бывшему начальнику следующее письмо:

«Ваше превосходительство!

Хотя я и был огорчен переводом из Вашего подчинения в подчинение подполковника Мясоедова, должен признать, что никогда еще не имел столь выдающегося начальника. Я счастлив, что мне выпала честь нести службу на благо нашей великой армии под началом этого фанатически преданного офицера. К сожалению, этот благородный человек, похоже, пока настроен не столь дружелюбно по отношению ко мне, но я молю Бога, чтобы г-н подполковник скорее понял, какого хорошего друга и надежного помощника он может потерять, если не изменит ко мне своего отношения.

Я уверен, что с Вашими неограниченными связями в самых высших военных кругах Вам будет несложно найти достойное применение военного таланта этого незаурядного человека и способствовать его продвижению по службе. Я буду всегда…».

Тут подпоручика Дюстерхоффа отвлек его ординарец, и он

покинул комнату. Через замочную скважину, из которой он предусмотрительно вытащил ключ, подпоручик наблюдал, как подполковник с довольным видом читал оставленное на столе письмо.

Дюстерхофф облегченно вздохнул, он понял, что благодаря простой хитрости одержал первую победу и развеял недоверие, которое могло быть у Мясоедова. Недоверие на самом деле существовало. Опытный агент нутром чувствовал, что в Дюстерхоффе было мало чего от поручика. И в действительности он был вовсе не подпоручиком, а одним из опытнейших агентов российской контрразведки, которому было поручено следить за каждым шагом подполковника.

За каждым, кто хоть как-нибудь был связан с Мясоедовым, следила целая армия агентов. В России вряд ли нашелся хотя бы один действующий сотрудник разведывательной службы, который не принимал бы участия в наблюдении за подозреваемыми. Опасность была очевидной, и все руководители с минуты на минуту ждали, что один из германских агентов нанесет первый удар. Но Мясоедов все еще ничего не подозревал. Подпоручик Дюстерхофф с помощью многочисленных уловок завоевал его доверие и, быстро просматривая объемнейшую корреспонденцию Мясоедова до того, как доставить ее адресату, успевал записать все подозрительные адреса, выявить зашифрованные послания и составить представление о планах на будущее. Таким образом, он мог заранее предупредить об опасности и сорвать планы противника. Не зря его называли одним из лучших российских агентов.

Следователь из Варшавы, а им был я, и целый штат моих помощников денно и нощно анализировали свидетельские показания, проводили допросы, судебные разбирательства на местах, выбивали признания, расшифровывали тайнопись, изучали важные документы и вскрывали такие факты, о которых и подумать не могли. Так по кусочкам складывалась картина, представлявшая Мясоедова далеко не в выгодном свете.

В конце века он служил в полиции на пограничной станции Вирбаллен и, что весьма любопытно, был награжден шестью германскими орденами, но не получил ни одной российской награды. Этому, должно быть, имелось свое объяснение. Его начальник, поняв, что в этом есть что-то противоестественное, отправил его в другой округ, в глубь России, подальше от германского влияния. Мясоедова это, конечно же, не устраивало, и он написал прошение об отставке, которое было принято, поскольку, в конце концов, потеря была невелика.

Ему пришлось искать работу, и он нашел ее в Лиепае. Он

стал президентом Эмиграционного бюро, которое организовал совместно с братьями Фрайбергами, своими знакомыми еще по Вирбаллену. Они стали партнерами в этом предприятии и наняли на работу Роберта Фалька.

Мясоедову сопутствовал успех, его бизнес процветал, он познакомился с красивой молодой женщиной Кларой Гольштейн из Вильнюса, женился на ней и увез ее в Карлсбад.

Именно там чета Мясоедовых познакомилась с другой молодой супружеской парой — военным министром Сухомлиновым и его женой.

Женщины понравились друг другу, да и мужчины хорошо ладили между собой, и поэтому много времени проводили вместе. Сухомлинов любил и ценил своего нового друга Мясоедова. В сентябре 1911 года Мясоедов решил восстановиться на действительной службе, и поскольку за него просил сам военный министр, он был направлен в один из военных округов, где ему было поручено бороться с революционной пропагандой в войсках. Однако этому он уделял мало внимания, поскольку был поглощен другими делами: через его руки проходили важные документы военной цензуры, которые он читал и передавал своему другу — военному министру. Таким образом, он был полностью в курсе текущих событий.

Он уговорил Сухомлинова разрешить ему заняться разведкой в российской армии, но подчиненные едва терпели его.

Однако этой деятельности Мясоедова вскоре пришел конец. Министр внутренних дел сообщил Сухомлинову, что есть серьезные основания подозревать его друга и советника Мясоедова в шпионаже в пользу Германии.

— Почему? Откуда вам это известно?

Все очень просто. Мясоедов был основателем «Северо-западной судоходной компании». В этом не было ничего предосудительного, хотя никто не ожидал, что советник русского военного министра создаст частное предприятие подобного рода. Проблема заключалась в том, что его лучшим и давним другом, а теперь и партнером по судоходной компании оказался Давид Фрайберг. Было известно, что Фрайберг имеет деловые связи с российским мошенником Кацнельбогеном, который в течение многих лет пользовался поддержкой секретных агентов германского генерального штаба и имел огромные доходы от продажи фальшивых паспортов. Естественно, человек с такими связями не мог быть помощником русского военного министра. И Мясоедова снова отстранили от должности. Ему, однако, дали возможность написать прошение об отставке.

Вскоре после этого последовал новый удар. В статье,

опубликованной в «Голосе Москвы», утверждалось, что назначение по высочайшей протекции бывшего офицера-пограничника начальником разведки позволило иностранным шпионам быть прекрасно осведомленными обо всем, что происходило в России. В одной из газет упоминалась его фамилия, и он открыто обвинялся в шпионаже в пользу Германии. Разразился настоящий скандал!

Через несколько дней скомпрометированный Мясоедов дождался на улице редактора той газеты, потребовал от него объяснений и имя автора нашумевшей статьи. Журналист ответил отказом. Тогда Мясоедов вызвал редактора на дуэль. Разгорелся жаркий спор. Редактор попросил время, чтобы все обдумать. Через некоторое время просьба Мясоедова была удовлетворена. А еще через несколько дней Мясоедов вновь встретил незадачливого редактора на скачках и предложил ему пойти в ресторан, чтобы там обо всем поговорить. Редактор вошел первым, за ним — Мясоедов. Войдя в вестибюль ресторана, Мясоедов набросился на свою жертву. Журналист, обливаясь кровью, упал, однако мгновенно пришел в себя и тут же сбил пенсне с носа своего злопамятного противника. Мясоедов вытащил револьвер, но в этот момент появился друг редактора и разнял их:

— Уберите оружие! Вы с ума сошли!

Мясоедов пробормотал что-то невнятное и, воспользовавшись общей неразберихой, незаметно выскользнул из зала. Однако дорогу ему преградил швейцар. Разъяренный Мясоедов вновь достал револьвер и, угрожая пустить его в ход, вырвался наружу. Об этом инциденте вскоре стало широко известно. Военный трибунал признал, что Мясоедов вел себя неблагородно, так как напал на своего противника сзади.

Еще в одной газете появилась статья о его шпионской деятельности. Он вызвал репортера на дуэль. Тот выстрелил в воздух. Мясоедов прицелился, но промахнулся. Этот новый скандал вынудил его подать прошение об отставке, и Сухомлинову пришлось возбудить против него дело по обвинению в государственной измене, которое, к великому удовлетворению обвиняемого, закончилось ничем.

Два года спустя, в самом начале войны, Мясоедов написал своему старому другу письмо с просьбой отправить его на фронт. Сухомлинов ответил, что не имеет ничего против, и назначил его на должность переводчика. Тем временем жена Мясоедова, Клара Гольштейн, вела дома все его дела и пересылала в Йоханнисберг письма и телеграммы, которые он, как президент судоходной компании, обязательно должен был получать.

Кроме того, у него появилось еще одно дело — он имел поручение от своего старого приятеля Кацнельбогена, дружба с которым однажды уже чуть не стоила ему головы. Он должен был достать секретные карты с точным расположением позиций всех полков 10-го армейского корпуса, которые они занимали вплоть до 19 января 1915 года. В случае успеха он получал тридцать тысяч рублей минус десять процентов, полагавшихся посреднику, оставшемуся, по понятным причинам, за сценой. С этой целью Мясоедову пришлось отправиться в Дембора-Буда, где один из офицеров Генерального штаба рассказал ему все, что знал, в том числе и многое из того, что ему ни под каким видом не следовало разглашать. В тот же вечер в Ковно Мясоедов был арестован, а в сотнях домов восьмидесяти российских городов были проведены обыски, собрано множество неопровержимых улик. Многочисленные сообщники были брошены в варшавскую тюрьму.

Мясоедову прокуратура предъявила обвинение в государственной измене и разграблении немецких домов в Йоханнисберге. Первое обвинение он отвергал, а второе, по его мнению, не являлось преступлением. Заседание военного трибунала было закрытым и проходило в крепости. После четырнадцатичасового обсуждения его приговорили к казни через повешение, так как, находясь на военной службе, он сотрудничал с агентами противника, передавал им точные сведения о наших войсках и, более того, после начала войны продолжал свою преступную деятельность, снабжая германских агентов данными о расположении наших войск и другой информацией.

Один из офицеров подошел к Мясоедову и сорвал с него погоны. Тот побледнел, весь дрожа, прислонился к стене и закрыл правой рукой лицо. Он был близок к обмороку и представлял собой воистину жалкое зрелище. В суде воцарилась тишина. Каждый смотрел прямо перед собой и делал вид, что занят бумагами.

— Не будет ли мне позволено покинуть помещение? — спросил осужденный.

Два конвоира вывели его. Он закрылся в туалете, снял цепочку с пенсне и попытался перерезать себе горло, но в решающий момент один из охранников заглянул в замочную скважину, и попытка самоубийства была вовремя предотвращена. Его увели, отобрав цепочку.

Через полчаса он снова попросился в туалет и на этот раз попытался перерезать горло об острый край фарфорового таза, рассчитывая истечь кровью, но охранник был начеку, после чего осужденный был помещен в камеру.

На рассвете за ним пришли. Во дворе крепости его ждала виселица.

— Я не хочу умирать, — закричал он и набросился на своих конвоиров. Его заковали в цепи, но он все равно пытался вырваться. Тогда его привязали к носилкам и только таким образом, рычащего и беснующегося, проклинающего Бога и людей, наконец, смогли доставить к месту казни.

Ровно в четыре часа утра он был повешен, а спустя полчаса его тело закопали у подножия виселицы.

Теперь пришла очередь сообщников. Суд над ними состоялся в Дюнабурге. Грутурс, Фрайнат, Фальк, Ригерт, Давид Фрайберг, Микулис и Клара Мясоедова были приговорены к казни через повешение. Давид Фрайберг, Ригерт, Фальк и Микулис были казнены в Вильно.

Госпоже Мясоедовой казнь заменили пожизненной ссылкой в Сибирь, а Фрайнат и барон Грутурс были брошены в тюрьму. Революция автоматически освободила всех, кто не был казнен.

КАК ЗАНИМАТЬСЯ ШПИОНАЖЕМ

— Пожалуйста, пожалуйста, господин Орлов, расскажите мне, как вы ловите этих ужасных шпионов, — умоляет изящная фрейлина императрицы.

— Видите ли, сударыня, в мире нет проще занятия, чем ловля шпионов! Шпионов ловят точно так же, как львов в Сахаре.

— Ах, как интересно! А как ловят львов?

— Очень просто. Нужно собрать весь песок Сахары и просеять его через сито. Понимаете? Песок, разумеется, высыплется, а львы останутся в сите. Именно так мы и ловим шпионов.

— Какой ужас! — восклицает фрейлина и, трепеща, пересказывает эту историю приятельнице.

Как часто мне задают этот вопрос! Но на него нет ответа, так как каждого шпиона ловят по-разному. Нужно учитывать все детали и быть готовым к любым неожиданностям. К примеру, сколько знаем видов симпатических чернил? Сотни! Самые простые симпатические чернила, которыми может воспользоваться любой человек при любых обстоятельствах, это, конечно же, моча. Напишите ею на бумаге несколько слов и дайте высохнуть, а затем подержите лист над емкостью, в которой выпаривается йод, и надпись, которую вы сделали, моментально проявится. Другое признанное средство тайнописи — молоко. Достаточно подержать лист над огнем, и написанный молоком текст можно свободно прочитать при дневном свете.

Опытные шпионы используют также картофельную муку.

Сделав запись, муку стряхивают. Затем лист натирают золой, и написанное вновь становится видимым. Надежные чернила получаются из рисовой муки, разведенной в воде. Для того чтобы прочесть написанное подобным способом, нужно лишь немного подержать лист в парах йода. Есть и такой способ. Смешав сто частей глицерина, сто частей воды и тридцать пять частей сахара, вы получите прекрасные чернила. После того как вы написали этим составом, посыпьте лист пеплом, и вы легко прочтете то, что на нем написано.

А вот прекрасный рецепт для тех, кому надо подделать водяные знаки на бумаге. Он доступен даже ребенку. Положите на зеркало влажный лист бумаги, прижмите к нему сухой лист. Нарисуйте на сухом листе нужный вам водяной знак. Когда бумага высохнет, на ней ничего не будет видно, и, только вновь смочив ее, вы сможете увидеть водяной знак.

А возьмите, к примеру, расшифровку кодированных записей. Это, должен вам заметить, не такое простое дело, поскольку требует большого труда и значительной доли везения. У каждого шпиона свой собственный код, который он меняет, как только заподозрит, что попал под подозрение или раскрыт.

Любимым средством кодирования является Библия и Евангелие. Например, агент договорился со своим адресатом использовать одну из глав Евангелия от Иоанна и всегда подписывал донесения этим именем. Получатель сразу понимал, где искать ключ к письму, состоявшему из одних цифр, каждая из которых имела определенное значение. Первая цифра — четыре — означала четвертую главу Евангелия от Иоанна; следующая за ней тройка — третий стих. Адресат открывал книгу в нужном месте и мог без труда прочесть послание. Восемь — это означало восьмую букву алфавита — «и». Шесть — снова номер главы, три — номер стиха и т. д.

Существуют сотни и тысячи таких заранее оговоренных шифров, которые на первый взгляд не поддаются расшифровке. Однако в России есть два исключительно одаренных специалиста по шифрам. Я знаком с ними обоими и часто с благоговейным удивлением наблюдал, как они после минутного размышления разгадывали сложнейшие коды. Однажды один из них показал мне телеграмму, написанную китайскими иероглифами, абсолютно непонятную для непосвященного, но, несомненно, содержавшую важные сведения.

Дешифровальщик ушел, направился в церковь, где молился Богу больше часа, затем поспешил домой. Три дня он ничего не ел, уединясь у себя и ни с кем не встречаясь. Наконец, совершенно изможденный, он вновь пришел на службу, сел за

свой стол, набросал на листе бумаги несколько слов и без дальнейших размышлений прочитал текст телеграммы. Возможно ли такое? Это выше моего понимания. Люди, во многом превосходящие меня, не могли дать ответа на эту загадку. В любом случае, на всю Россию нашлось всего два таких гения.

Часто секретная переписка расшифровывается совершенно другим способом. Какому-нибудь ловкому агенту удается выкрасть шифр-блокнот, хотя сделать это, понятно, весьма и весьма непросто.

Один мой знакомый агент получил задание расшифровать код, с помощью которого китайский посол вел переписку со своим правительством в Пекине. Много дней этот славный малый под видом безобидного туриста изучал обычаи и привычки служащих китайского посольства и случайно узнал, в каком сейфе посол держит свой шифр-блокнот. Под видом электрика ему удалось пробраться в комнату дипломата. Однако в тот самый момент, когда он решил попытаться взломать сейф, в коридоре послышались шаги.

Куда прятаться? Это был вопрос жизни и смерти. В шкаф? Нет, его там сразу же найдут. Под диван — тот, большой? Вот найдено подходящее место. Агент быстро залезает под диван. Под ним ему было очень тесно и неудобно! Едва он успел спрятать ноги, дверь открылась, и в комнату вошел посол. Он был не один! С ним — красивая, очень красивая женщина.

«Вот старый пень!» — подумал и чуть в сердцах не выругался вслух агент. Но чтобы не выдать себя, он сидел под диваном, словно мышь.

Сначала посол о чем-то говорил со своей гостьей, но вскоре они сели на диван. Для бедного агента это была настоящая пытка. Парочка оказалась очень тяжелой, казалось, под диваном совсем не осталось воздуху, чтобы дышать. А те, двое, уверенные, конечно, что находятся в полном уединении, дали волю нежным чувствам. Агент стал свидетелем страстной любовной сцены.

Он изо всех сил старался не шевелиться… Как долго это могло продолжаться…

Рано или поздно всему приходит конец, и вскоре его мучения закончились. Посол пошел проводить любовницу домой, а агент тем временем успешно завладел шифр-блокнотом.

Блокнот быстро скопировали — в целях экономии времени его просто перефотографировали страница за страницей. Оставалось только быстро положить блокнот в сейф, чтобы его исчезновение не было замечено.

Однако не всегда можно полагаться на любовные чары. На обратном пути счастливой парочке пришла мысль, что

расставаться еще рано, и они неожиданно решили вернуться домой к послу. Тогда-то китаец и обнаружил, что сейф открыт, а шифр-блокнот исчез.

Посол немедленно сменил код. У этого хитрого старого лиса имелся запасной, заранее согласованный с Пекином. Таким образом, все усилия бедного шпиона были потрачены впустую.

Но не стоит об этом слишком сильно переживать, зачастую все решает случай.

Как-то русский жандарм наблюдал за человеком, ловившим рыбу на берегу Вислы. В этом не было ничего предосудительного. Почему бы ему не порыбачить? На следующий день он снова был на том же месте. Жандарм, однако, заметил, что хотя рыбак ничего за это время не поймал, но все с тем же упорством продолжал рыбачить, не меняя места.

Увидев его на третий день, жандарм решил приглядеться к человеку поближе. Перед ним был явно не местный житель.

— Как твоя фамилия? — спросил он подозрительного рыболова.

— Я… я… я… Как моя фамилия? Я — Иванов!

— Интересно. А ну-ка, милок, покажи мне свои документы. У нас каждый бродяга называет себя Ивановым.

Рыбак предъявил документы.

— Послушай-ка, милейший, тебе придется пройти со мной! По документу выходит, что ты родился в России. А чего же ты так плохо говоришь по-русски?

— Нет, я родился в Польше, то есть в Германии. Я… я русский, потому что мой отец, да и мать тоже родились в Петрограде! — пытался доказывать жандарму «рыбак Иванов».

Жандарм отвел Иванова в участок и попытался найти его данные в картотеке.

— Ты действительно Иванов?…

— Да, конечно!

— Какое везение! Про тебя здесь кое-что есть. Тебе полагается двадцать четыре удара розгами!

— Этого не может быть. Я в жизни не нарушал закон! За что же мне такое наказание?

— Ну, если ты — Иванов, то все верно, тут нет никакой ошибки. Тебе придется отведать «березовой каши». Причем немедленно. Или, может быть, ты не Иванов?

— Нет, нет. Я действительно Иванов. Мои документы не фальшивые.

— Хорошо. Тогда иди живей сюда и спускай штаны.

— Нет, черт побери. С какой стати меня будут пороть за то, что кто-то по фамилии Иванов заработал розги?

Его схватили, привязали к скамье, в воздухе просвистел внушительных размеров кнут.

— Стойте! Стойте! Я не Иванов.

— Ага! Ну, так кто же ты?

— Меня зовут Борнер, я прусский офицер…

— Понятно, а почему вы ловили рыбу в нашей реке?

— Для развлечения.

— Ах, для развлечения! А что тогда, позвольте полюбопытствовать, у вас в кармане брюк? Вероятно, это приспособление для замера глубины реки вы тоже носите с собой для развлечения?

Борнер понял, что врать дальше бессмысленно. Его арестовали и привели ко мне. Мне он понравился — Борнер забавно рассказал, как жандармы, угрожая поркой, заставили его во всем признаться. Ему удалось выйти сухим из воды, потому что немцы схватили одного из наших людей и нам его пришлось обменять. Почему, в конце концов, мы должны наказывать этого лже-Иванова? Мы, русские, преследуем лишь одну цель — ловить русских, которые работают на противника. Большинство из них были схвачены, хотя царь почти всегда заменял им смертный приговор тюремным заключением или каторгой. Стало почти уже правилом, что мы арестовывали вражеских шпионов, только когда они слишком нам досаждали или если появлялась возможность обменять их на кого-нибудь из наших людей.

Между прочим, теперь я довольно часто встречаюсь с Борнером. Он стал почтенным бизнесменом, и мы нередко заходим с ним чего-нибудь выпить. И когда я напоминаю, как ему повезло, что он не Иванов, то смеется, вспоминая тот давний случай, который вряд ли можно назвать хорошим поводом для нашего знакомства. Я рассказываю ему разные истории о глубине Вислы, но, похоже, это его больше не интересует — он с сосредоточенным интересом смотрит в свою пивную кружку.

Однажды связавшись с секретной службой, человек уже не может высвободиться из ее цепких когтей. Он настолько запутывается в ее сетях и приобретает такую дурную репутацию среди своих соотечественников, что, решив порвать с прошлым, не представляет никакой опасности из-за боязни разоблачения.

Потенциального шпиона тщательно проверяют. Ему дают задание, которое одновременно поручают шестерым или десятерым, те, естественно, ничего не знают о существовании друг друга. Затем ему дают несколько индивидуальных заданий, способы выполнения которых уже известны. Вскоре уже можно составить впечатление о том, насколько он надежен и умел, и только после этого перед ним ставят более сложную задачу.

Платят агенту хорошо, поскольку каждый начальник знает, что через полгода его агент станет работать и на противника, но честно будет служить той из сторон, которая выплачивает ему более щедрое вознаграждение. Россия платила тысячу пятьсот рублей за записную книжку германского штабного офицера и двадцать тысяч рублей за точное описание фортификационных сооружений в Польше. Шпионка, которая под видом спекуляции контрабандными сигарами ездила по Германии с целью добыть различные документы, получила триста рублей.

Некоторые агенты помимо военных документов приносили ключи от секретных сейфов. С них за несколько часов делали дубликаты, после чего оба ключа передавались агенту, один — чтобы вернуть на место, а второй — чтобы он, когда нужно, мог открывать этот сейф.

Секретную информацию не всегда продают. Иногда ее лишь на время предоставляют в наше распоряжение, чтобы мы могли ее перефотографировать. Имелась целая коллекция книжечек размером не больше спичечного коробка, которые представляют собой миниатюрные копии книг или рукописных документов.

Для подготовки агентов у нас существовали специальные школы с ежедневными учебными занятиями. Неспециалисту практически невозможно осознать, насколько велико было германское влияние в России во время войны. Многие политики и другие общественные деятели осознанно или неосознанно работали на германскую разведку.

Германским шпионским центром во время войны была гостиница «Астория» в Петрограде. Здесь работали германские шпионы Зигфрид Рай, Кацнельбоген и барон Лерхенфельд. Вся информация направлялась в Стокгольм, а затем — в Берлин. Все административные должности занимали германские солдаты и офицеры. Их концерн принимал заказы на строительство крепостей по ценам более низким, чем у всех конкурентов, и нес фантастические убытки. Таким образом, они узнавали самые сокровенные военные секреты, которые немедленно передавали через Стокгольм в Берлин.

Российские компании по производству электрооборудования — «Сименс и Хальске», «Сименс Шукерт» и АЕГ, являвшиеся филиалами германского «Электротреста», получали заказы, связанные со строительством российских кораблей. Эти фирмы не только служили источником информации для германского верховного командования, но и выполняли, по документальным данным российского Генерального штаба, определенные задания, вследствие чего завершение строительства военных кораблей во время войны задерживалось.

Хотя компания «Зингер» является американским концерном, ее делами в Европе заправляли немцы. Российскими филиалами компании руководил германский офицер Аугуст Флор, который прекрасно знал, как использовать мощный механизм этой богатой фирмы в интересах германской разведки.

Когда разразилась война, Флор, якобы от имени фирмы, попросил управляющих всеми филиалами, даже в самых отдаленных уголках России, ответить на следующие вопросы: сколько человек ушло на войну? сколько лошадей и крупного скота имелось у населения? каковы настроения большинства населения? сколько человек, подлежащих призыву на военную службу, уклонились от призыва? Такую информацию следовало представить по каждому уезду, по каждому церковному приходу, и собранные данные отправлялись в Германию.

Почти всеми транспортными компаниями, в том числе «Герхардт и Хай», «Книп и Вернер», руководили немцы. Они поставляли ценную информацию о состоянии железных дорог и других путей сообщения, о подвижном составе, о перевозке войск, провианта и т. д. Кроме того, они оказывали германскому командованию помощь, провоцируя беспорядки в войсках и как можно дольше задерживая транспортировку самых необходимых грузов.

После того как немцы постепенно взяли под свой контроль перестрахование, они создали так называемые независимые отделения «Германской перестраховочной компании» в Дании, Швеции и Норвегии, а также страховые компании с участием российских фирм, которые в большинстве случаев фактически принадлежали им. Услуги по перестрахованию предоставлялись в основном тем фирмам, которые занимались снабжением войск, судостроением и перевозкой военных грузов из Америки в Англию.

Таким образом, Берлин узнавал точные данные об объемах производства всей необходимой армии продукции, о количестве построенных кораблей и о времени отплытия конвоев, которые затем самым безжалостным образом топились германскими подводными лодками.

Судоверфь в Вильгельмсхафене имела филиал в Риге. Его директор Рудольф Цизе, который незаконным путем получил российское подданство, поддерживал связь с Германией через посредника в Дании и регулярно передавал информацию о том, какие работы выполняются на его верфи.

Другая рижская фирма, якобы принадлежавшая подданному Дании Колстроффу, воспользовалась морским договором между Данией и Россией, чтобы поставить в Германию лес и шпалы на

несколько миллионов рублей, в то время как строительство стратегически важной железной дороги в России не могло быть завершено из-за отсутствия шпал.

Российско-американская компания «Треугольник» по производству изделий из резины и обувная фабрика «Скороход», принадлежавшие немцам, открыто поставляли в Германию через Швецию шины, изделия из резины и обувь.

По указанию верховного командования и полицейского управления фирмы «Треугольник» и «Скороход» наконец были вынуждены объявить о ликвидации, поскольку имелись многочисленные доказательства их связей с Германией. Основными держателями акций этих фирм были барон Краускопф и его зять Утеман — оба германские подданные. Судебным исполнителем был назначен один известный общественный деятель, но поскольку ему было назначено жалование в триста тысяч рублей, он, естественно, изо всех сил старался затянуть производство по делу. То же самое произошло со страховой компанией «Россия», которая через шведских и датских посредников в Германии занималась перестрахованием конвоев, направлявшихся из Америки в Англию.

Борьба против подобных компаний требовала огромных усилий. Так, к примеру, штабу главнокомандующего Северного фронта потребовалось два года упорной работы, чтобы закрыть гостиницу «Астория», которая, как уже выше говорилось, являлась самым настоящим шпионским гнездом немцев.

Вскоре Генштаб обнаружил, что наиболее прочно немцы обосновались в банках. Оттуда они руководили деятельностью всей сети вражеских шпионов в России. Крупнейшая банковская группа — Внешнеторговый банк, Сибирский банк, Петроградский международный банк и Дисконтный банк — полностью контролировалась немцами, равно как и другие коммерческие и торговые банки, являвшиеся филиалами германских банков.

К примеру, Азовско-Донской банк контролировал Мендельсон. До войны он управлял личным состоянием царя, но за месяц до объявления войны был уволен. Влияние немцев не распространялось лишь на Русский азиатский, Волго-Камский и Московский коммерческий банки. И все же в первый из вышеназванных банков немцам удалось внедрить своего человека, некоего Чари.

Наиболее важными были Петроградский международный и Российский внешнеторговый банки. Первый возглавляли сын бывшего министра финансов Вишнеградский и господин Шайкевич, незадолго до этого ставший директором Харьковского отделения; вторым банком руководили камергер и бывший

директор казначейства Давыдов и Абрам Добрый. В этих двух и в Азовско-Донском банке была сконцентрирована почти вся экономическая жизнь страны. Внешнеторговый банк принадлежал двум сахарозаводчикам (Александровск и Крюково), производившим примерно половину всего рафинированного сахара. Этот банк контролировал всю торговлю зерном в Поволжье, а также деятельность крупнейшей российской страховой компании. Петроградскому международному банку принадлежали крупнейшие заводы — Коломенский, Исетский и Сормовский, производство пеньки и огромное количество угольных шахт. Этот банк контролировал значительную долю общего производства угля и большой сектор рынка зерна на юге России. Сибирский банк заправлял добычей золота и платины, сибирскими рынками зерна и нефти. Имея неограниченный капитал, эти банки, а через них, конечно, и немцы, полностью контролировали рынки, хотя до войны они работали только с производителями, оптовыми торговцами и покупателями, предоставляя ссуды под залог товаров и продавая продукцию заинтересованным клиентам.

Мы получили от нашего военного ведомства информацию, которую подтвердил один из директоров Юнкер-банка, о том, что в мае 1915 года председатель совета директоров Внешнеторгового банка Давыдов ездил в Стокгольм на переговоры с герром фон М. — одним из крупнейших германских банкиров. Вскоре после этого член правления Петроградского международного банка Шайкевич также отправился в Стокгольм, где у него состоялась беседа с Варбургом. В результате этих переговоров германским управляющим были даны определенные указания (соответствующие документы позже были обнаружены при проверке Международного банка), суть которых, как говорят, была в том, чтобы начать спекулятивные сделки с продовольствием и другими товарами первой необходимости. При этом преследовалась цель взвинтить цены и вызвать недовольство населения в расчете на пробуждение революционных настроений.

И действительно, вскоре после этого, к концу июля 1915 года, в крупных российских городах стали пропадать сахар, мука, уголь и т. д. Одновременно стали расти цены, а с ними росло и недовольство населения. Удар был нанесен внушительный, особенно провинции. Местные власти ряда губерний были бессильны сделать что-либо для улучшения ситуации. Они были беспомощны перед такими влиятельными силами, как банки.

Преступная деятельность многих российских банков, которые выполняли волю иностранной державы, направленную на

уничтожение экономического и военного потенциала страны, была разоблачена, лишь, когда суть дела стала известна военному командованию.

Было доказано, что, помимо спекуляции, в ряде случаев было сокрыто, а затем продано за границу большое количество продовольствия и товаров первой необходимости.

Огромные суммы были израсходованы на газету «Воля России», руководство которой осуществлялось из Берлина через Стокгольм. Репортеры этой газеты, вращаясь в правительственных и думских кругах, собирали много важной информации, не подвергавшейся цензуре, а редактор газеты герр фон Хакебуш направлял эти материалы послу Германии в Стокгольме фон Люциусу.

Должен заметить, что здесь приведен лишь ряд фактов неприкрытой шпионской деятельности Германии. Обидно, что пособниками в этом грязном деле выступали не только люди с приобретенным российским гражданством, но и коренные россияне. Как всегда, деньги делали свое дело.

ПРОЩАНИЕ С ЦАРЕМ

Я никогда не забуду этот день — 8 марта 1917 года, ознаменовавший начало крушения монархии. Мы все были с царем в Могилеве. Он уже отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, который в свою очередь тоже отказался от короны.

Начальник штаба направил курьеров к нам на квартиры с распоряжением собраться в зале генеральского дома. Очень скоро зал был переполнен: там были все офицеры штаба, строевики и мы, сотрудники разведки. Тишина стояла мертвая. Мы знали, что видим царя в последний раз. Что его ждет?…

Он вошел в зал, одетый в черную казачью форму, стянутую портупеей, и, как обычно, был очень спокоен. Прошел по образованному нами узкому проходу в центр зала. Все мы были охвачены такой печалью, что едва понимали, о чем он говорил. Говорил он очень тихо, так тихо, что даже стоявшие впереди едва слышали его. Часто сбивался, начинал предложение, запинался и не мог закончить его, начинал снова и внезапно замолкал.

— Благодарю вас, господа, за вашу преданность. Вы, как и я, знаете, что произошло. Я отрекся от престола для блага страны. Предотвращение гражданской войны значит для меня больше, чем что-либо другое. Я отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, но он отказался от короны. Боже, что ждет Россию… Я хочу… я хочу… я надеюсь, что вы сделаете все… враги России…

Я желаю всем вам… я… Итак, господа…

Старые генералы плакали как дети, казаки рыдали, один из самых преданных царских слуг, человек огромного роста, упал без сознания на землю. Его свалил апоплексический удар, на его губах блестела пена. Его тут же вынесли. Царь подошел к генералу Алексееву и обнял его. Затем он попрощался с каждым, кто стоял вдоль прохода, желая всем счастья. С друзьями он разговаривал дольше.

Я видел, как закаленные, испытанные воины предавались горю, и сам плакал. В печальных глазах царя тоже стояли слезы.

Встреча закончилась. Он кивнул всем нам, вытер слезы и, ничего не говоря, быстро вышел. Через несколько минут он проскользнул в свой поезд, который, как об этом часто писали, покинет уже пленником.

КОНЕЦ ДИНАСТИИ

В июле 1918 года, когда я опрашивал агентов в здании ЧК, посыльный принес телеграмму, адресованную Дзержинскому, который находился рядом со мной. Он быстро прочитал ее, побледнел как смерть, вскочил на ноги и, воскликнув: «Опять они действуют, не посоветовавшись со мной!» — бросился из комнаты.

Что случилось?

Вся ЧК была взбудоражена. Крики, возгласы, звонки слились в единый гвалт! Люди звонили куда-то, курьеры бегали по коридорам, автомобили громыхали и неистово гудели.

Дзержинский поспешил в Кремль. Что же, ради всего святого, случилось?

На следующий день мы узнали новость. Императорская семья была расстреляна без ведома ЧК! Самовольно, по указанию Свердлова и кого-то из высших бонз в Центральном комитете коммунистической партии!

Докопаться до истины было невозможно, неизвестно было даже, кого именно убили. Некоторые из моих информаторов считали, что убили только трех великих княгинь; другие говорили, что погибли все четыре дочери царя. Число жертв выросло вскоре до одиннадцати и даже тринадцати, но никто не знал ничего определенного, даже судебный следователь. У кого-то вроде бы были сведения, что удалось спастись Татьяне, другой клялся, что сбежала Мария.

«Мир никогда не раскроет тайну гибели царской семьи» — таков был классический ответ представителя СССР Войкова на тысячи вопросов, которые ему всегда задавали из-за той важной

роли, которую он сыграл в случившемся. Ведь именно он, Сафаров и Голощекин составляли неразлучную троицу, которая непосредственно спланировала это преступление и осуществила его.

Войков был большой дамский угодник, у него работало много женщин и девушек. Кроме того, у него был самый красивый дом в городе, в котором он жил как князь, тратил огромные деньги на одежду, машины и приемы. В обществе своей жены он разыгрывал из себя аристократа и старался задавать тон в своем ближайшем окружении.

Войков, сын военного хирурга, родился на Урале. Получил хорошее всестороннее образование. Для совершенствования в науках отец даже направил его в Швейцарию. В Женеве он сблизился с социал-демократами, группировавшимися вокруг Ленина, Троцкого и компании, и именно там познакомился с упомянутым выше Сафаровым, который позже стал его сообщником по преступлению в Екатеринбурге.

Войков приехал в Россию после Февральской революции 1917 года в знаменитом запломбированном вагоне, привезшем в Петроград Ленина и других большевистских лидеров. Когда большевики пришли к власти, его направили из Москвы в Екатеринбург, где он был назначен на должность губернского комиссара по безработице. Кроме того, он был членом президиума исполкома Уральского Совета.

Войков принял участие в исторической встрече, решившей судьбу царской семьи (апрель 1918 г.). Он, Голощекин и Сафаров сыграли решающую роль в споре относительно необходимости расстрела. Это было подтверждено свидетелем Саковичем, одним из тех, кто принимал участие в екатеринбургской трагедии и, естественно, посещал секретные заседания Совета; впоследствии по этим вопросам он был допрошен судебным следователем.

Войкова, узкоголового, с оттопыренными ушами и большим характерным носом, постоянно окутанного густыми клубами табачного дыма, можно было найти в грязной комнатенке на верхнем этаже Волго-Камского банка в Екатеринбурге, где разместился Уральский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Он сделал все от него зависящее, чтобы царь и его семья были расстреляны.

Хотя смертный приговор был подписан Белобородовым по указанию Свердлова, он был лишь слепым орудием в руках этой троицы.

По общему мнению, сложившемуся в ЧК, в революционном трибунале и в Кремле, решение об убийстве царской семьи было принято единолично и реализовано собственной властью

Свердлова, Он осуществил подготовку втайне от товарищей и только после казни поставил их перед свершившимся фактом.

Некий Ермаков, игравший активную роль в убийстве, опубликовал свои мемуары в газете «Красная звезда», где попытался все расставить по своим местам.

> «Последняя страница истории Николая Кровавого, — писали тогда многие советские газеты, — была перевернута рукой рабочих Урала в тот момент, когда контрреволюция вновь подняла голову в надежде удержать пошатнувшийся трон. Повсюду начались плестись тайные заговоры, реакционные офицеры и казаки готовили мятеж в Сибири, желая вонзить нож в спину революции. Имя Николая притягивало монархистов как магнит, они пускались на любые интриги, чтобы создать организацию для освобождения бывшего царя. Но приговор уральских рабочих разрушил все надежды и планы реакционной клики…»

Ныне известно, что царь погиб в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Он и его семья были переведены из Тобольска в Екатеринбург. Там все они содержались в доме, расположенном на углу Вознесенской улицы и сквера, который принадлежал ранее богатому уральскому купцу Ипатьеву. Дом был огорожен высоким деревянным забором, укрывавшим его от посторонних и любопытных глаз. На первом этаже этого большого здания размещались конторы, а наверху — пять комнат, в которых поселили семью Романовых.

Строгая охрана под началом товарища Авдеева, члена губернского Совета, обеспечивалась отрядом красногвардейцев исключительно из числа рабочих, не пропускавших никого вовнутрь.

Пленникам была разрешена определенная свобода действий, никто не вмешивался в их личные дела. Каждый день их выводили на прогулку в крошечный сад, где для них был приготовлен садовый инвентарь на тот случай, если им захочется размяться. Николай довольно сносно переносил неволю, в отличие от Александры, которая неистово протестовала и постоянно оскорбляла охрану, а также представителя губернского Совета.

Монахини соседнего монастыря ежедневно приносили в больших корзинах многочисленные подарки, присланные августейшим пленникам, но подарки эти немедленно

конфисковывались и отдавались охране.

После перевода Николая II в Екатеринбург туда, как я уже после узнал, стали постоянно прибывать разные подозрительные личности, старавшиеся под тем или иным предлогом получить аудиенцию у бывшего царя. Кто были эти люди, что они хотели от бывшего царя, никого, видимо, не интересовало, потому что всем этим «ходокам» все равно бы ничего не удалось сделать. Между тем поток корреспонденции шел к Николаю, и особенно к его жене, которая проявляла гораздо большую активность, чем он. В одном из писем был такой абзац:

> «Час освобождения близится, дни узурпаторов сочтены. Славянские армии наступают на Екатеринбург и находятся сейчас всего в нескольких верстах от города. Наступил критический момент, велика опасность кровопролития, но час пробил, и нужно действовать…»

Смертный приговор Николаю Романову и его семье был подписан. Пленникам было приказано спуститься на первый этаж. Под окнами здания стоял грузовик, шум работающего мотора и гудки которого должны были заглушить звуки выстрелов.

Николаю, его жене, их сыну Алексею и его учителю, доктору Боткину, бывшей фрейлине было приказано встать к стене, и им был зачитан приговор. Комиссар дома, член Уральского Совета, добавил, что любые надежды Романовых на спасение тщетны — они должны умереть.

Эта новость ужаснула всех, только Николай заставил себя задать вопрос:

— Разве вы не собираетесь отвезти нас куда-нибудь?

Несколько револьверных выстрелов были единственным ответом — и императорской семьи не стало.

Тела погрузили в грузовик и вывезли в район Верхнего Исетского завода, где их сбросили в яму, а на следующий день сожгли серной кислотой. Так трагически и бесславно закончилось трехсотлетнее царствование Дома Романовых.

РОССИЯ В ХАОСЕ

По тем ударам, которые Российская империя пережила, по катастрофам, которые на нее свалились, мы можем судить о ее силе… Победы Брусилова — пролог нового русского наступления 1917 года, более мощного и непобедимого, чем когда бы то ни было. Несмотря на большие и страшные ошибки… строй к этому времени выиграл войну для России… Но никто не смог ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями…

У. Черчилль.

ЗАРЯ НОВОЙ ЭРЫ

Впервые в жизни все мы, а особенно военные, так как их это касалось больше всего, узнали из газет, что есть на свете прапорщик Крыленко. Из его личного дела в Разведывательном управлении Главного командования русской армии было известно, что его деятельное участие в первой революции, как говорится, сошло ему с рук. Кто же он такой этот прапорщик?

Человек, который сталкивался с ним прежде, рассказал мне историю его жизни. Он родился в 1885 году в Смоленске и учился в гимназии в Люблине, где впоследствии стал учителем географии. Выглядел так: короткие, кривые ноги, почти полное отсутствие волос, покрытое прыщами, нездоровое, отечное лицо, грузная фигура.

Господи, каким же образом он оказался в армии? Находясь на фронте в Галиции, Крыленко настолько успешно изображал неизлечимо больного, что был отправлен в Москву. За восемь дней пути этот болезный человек заработал кучу денег, распевая неприличные частушки в лазаретах и пуская шапку по кругу. Прибыв к месту назначения, он тактично забыл о попрошайничестве, а когда его окликнули по фамилии, злобно сказал, повернувшись к товарищам: «Крыленко! Что за Крыленко?

Я вам не Крыленко! Для вас я его превосходительство господин прапорщик Крыленко». В этом он был весь.

Когда в ноябре 1917 года начальник штаба генерал Духонин, советник народного комиссариата, получил приказ начать переговоры о перемирии, он отказался сделать это. «Заключение мира — обязанность правительства, а не народного комиссариата», — сказал генерал Духонин по телефону Ленину, Сталину и даже этому выскочке прапорщику Крыленко.

Два дня спустя прапорщик был назначен командующим, Вот это карьера!

Вскоре он прибыл в штаб лично, в специальном пульмановском вагоне и в сопровождении многочисленной охраны из солдат-большевиков, Они промаршировали к нашему штабу через весь город, Мы решили не оказывать сопротивления, силы были неравны.

Все старшие офицеры были арестованы. К генералу Духонину подошел адъютант Крыленко и сказал, что он должен немедленно отправляться на станцию, где его ждет в своем купе главнокомандующий. По дороге матросы-конвоиры подвергали его издевательствам, кололи штыками. Они притащили его тело на платформу и бросили перед вагоном своего командира.

Крыленко спокойно стоял в поезде, глядя поверх трупа на город, как будто ничего не случилось и о самосуде ему ничего не известно. Поскольку я был следователем при штабе, послали за мной, и я, не теряя времени, прибыл на вокзал, чтобы исполнить свой долг.

Ужасное зрелище открылось предо мною, Тело генерала Духонина, ставшее игрушкой в руках обезумевших от дурной крови матросов, лежало на рельсах, Ему нанесли не менее двадцати штыковых ранений, Я накрыл его солдатской шинелью, но охрана сорвала ее. Все слонявшиеся поблизости матросы повернулись в мою сторону. Крыленко стоял в дверях своего пульмановского вагона и презрительно улыбался.

— Что тебе здесь надо, мерзавец? — спросил кто-то меня грубо.

— Я следователь при штабе, — ответил я спокойным голосом, хотя в душе весь кипел от негодования.

Взрыв смеха был единственным ответом.

— Прошу вас не мешать мне в исполнении моих обязанностей, — стараясь изо всех сил казаться спокойным, произнес я.

— Иди к черту! Твое время прошло, Скоро и ты будешь лежать там же, где и он, — прокричал какой-то человек, указывая на останки Духонина.

Что мне оставалось делать? Я ушел, но на следующий день вернулся и увидел, что тело нашего бедного друга по-прежнему лежит на рельсах, правда, было оно еще страшнее изуродовано. Я еще и еще раз пытался провести расследование, но каждый раз меня прогоняли с оскорблениями и насмешками. На четвертый день я прекратил свои попытки, потому что в тот вечер тело было похищено. Думаю, что вдова тайно перевезла тело генерала в Киев и похоронила там. Страшным был конец последнего главнокомандующего России. И это было только начало.

С СЕКРЕТНЫМ ЗАДАНИЕМ В ПЕТРОГРАД

Все разрушено. Все усилия командования войсками тщетны. Ходят слухи, что генерал Алексеев Михаил Васильевич собирает последние силы старого режима против красных, поэтому я отдаю себя в его распоряжение. Но и он бессилен. Мы встречались с ним при проведении нескольких расследований, и я знал, что, пока он будет считать, что есть хотя бы малейшая надежда, храбрость не покинет его.

«Попытайтесь попасть в Петроград и разузнайте для нас все, что сможете, мой дорогой Орлов, — посоветовал генерал Алексеев. — Может быть, этим вы поможете нашему делу». Я закрыл свой кабинет, что само по себе было непросто, ведь нужно было решить, что делать с моим архивом. Мне непременно нужно было найти надежное место, где бы я мог хранить свои записи и документы о шпионах в Европе. Но где бы я мог сохранить их теперь, когда революционеры жгли все бумаги, а их владельцев ставили к стенке? Этот вопрос меня очень сильно тревожил, потому что нельзя было медлить и с выполнением задания. От него, как я понимал, зависело много.

Наш штаб постепенно разваливался, друзья расставались, а доходившие до нас новости становились все более и более зловещими. Многие офицеры пытались попасть в Петроград под видом солдат, возвращающихся с фронта, и слезы текли по их щекам, когда они снимали свою офицерскую форму и надевали рваные серые шинели без знаков отличия. Только те, кто посвятил этому жизнь, поймут, как они страдали. Каждому из этих преданных людей я доверил некоторые из моих самых важных бумаг. Таким образом, мои записи попали в Петроград в вещмешках двадцати моих друзей, добиравшихся туда со всеми предосторожностями, поодиночке и разными маршрутами. Некоторые из моих бумаг, которыми я пользовался в особых случаях, были уже в Варшаве. Я отправился в столицу, где меня ждали жена и дети.

Дорога заняла больше недели. Поезда шли только в одном направлении, из района боевых действий домой. Каждый вагон был до отказа забит уставшими от войны людьми, возвращавшимися с фронта. Необъявленная демобилизация уже делала свое дело. Дни и ночи мы проводили, лежа вповалку на грязном полу товарного вагона. Окна давно были разбиты и заколочены досками, но это нисколько не спасало от ледяного ветра, который пронизывал нас, как говорится, до костей, и мы постоянно пробуждались от недолгого сна с окоченевшими конечностями.

Через каждые несколько километров мы были вынуждены останавливаться, потому что дорогу преграждали другие поезда. На некоторых участках нам приходилось ждать целый день и даже дольше. Тут же появлялись крестьяне из окрестных деревень, и вскоре на местах наших стоянок возникали импровизированные базары, где за копейки крестьяне продавали нам овощи и мясо. Мы купили бы у них все, если бы у нас были деньги, но таковых в наших рваных карманах не водилось.

Когда становилось нестерпимо холодно, мы воровали на станциях скамейки и использовали их в качестве дров, в костер шли даже приклады от бывшего при нас оружия, потому что важнее всего — согреться ночью и утром проснуться живыми.

А Петроград был от нас все еще далеко, так далеко, что порой казалось, что мы едем туда какой-то невероятно длинной дорогой. Я успел отрастить бороду и стал практически неузнаваем. Это, конечно, одно из преимуществ нашего столь медленного путешествия. Тем временем наступил морозный декабрь. Как же было холодно!

Наконец темной полуночью мы достигли места назначения. Город буквально завалило огромными сугробами, что, естественно, затрудняло передвижение по улицам. Я незаметно выскользнул из пустынного вокзала.

«Неужели все это на самом деле… Вся эта революция?… Почему, зачем?… Неужели красные действительно у власти?» — думал я с какой-то едкой горечью в душе. В голове весь этот хаос никак не укладывался. На санях добрался до дома, где поселилась моя жена. Дом находился в отдаленном рабочем районе на Таврической улице. Это был в буквальном смысле бедлам, гнездо отъявленных революционеров. Жена нарочно выбрала этот район, потому что здесь можно не опасаться обысков, проверок и налетов.

Подъехав к дому, я едва сумел выбраться из саней, так как острая боль пронизывала все мое тело, к тому же у меня начался жар. Я чувствовал, что заболеваю. Это было совсем ни к чему,

явно не ко времени.

Я буквально вполз в дом, превозмогая боль. Увидев меня, жена испытала одно из сильнейших потрясений в своей жизни. Огромная борода делала меня почти неузнаваемым даже для нее. Она думала, что в эти дни великих потрясений я находился где-то далеко, и тем радостнее была наша встреча.

Мы обсудили наше положение. Оно казалось нам не слишком хорошим. Естественно, я не сказал ей, что собираюсь делать в Петрограде и, кто послал меня с заданием, потому что это лишь еще больше разволновало бы бедную, запуганную, несчастную женщину.

Я пробыл в той квартире несколько дней, ничего не предпринимая и оставаясь не замеченным даже соседями, отдыхая от тягот своего злосчастного путешествия. Затем навестил старого друга и единомышленника Б. (Не осмеливаюсь назвать его фамилию, чтобы не скомпрометировать, учитывая то положение, которое он занимает теперь в Москве.) Я рассказал ему о своих планах. А в планах у меня было как можно быстрее, под видом новообращенного большевика, устроиться на работу в Петрограде и сообщать обо всем увиденном и услышанном генералу Алексееву. Мне также предстояло создать антибольшевистский разведывательный центр и вести систематическую работу, направленную на свержение советской власти.

— Ваша идея представляется мне при нынешнем положении дел совершенно нереальной, — говорил мне Б. — Вы не сумеете выполнить задуманное и обязательно будете разоблачены. Нет, мой дорогой Орлов, послушайте человека, который знает, что происходит и понимает, как использовать ситуацию к собственной выгоде. Выслушайте мой план. Выбросьте из головы все ваши прожекты с генералом Алексеевым и работайте на Советы, ни в коем случае не помогая им, наоборот, если представится возможность чем-то навредить, делайте это. Плетите сеть вокруг «товарищей», а когда она будет закончена, я и многие другие помогут вам задушить их.

Я внимательно слушал своего друга и впитывал все сказанное им. Мне предстояло принять важное решение, потому что оно направляло мою будущую жизнь по совершенно другому пути. Лишь одно было совершенно ясно. С красными надо бороться до конца.

— Нет, — воскликнул я вдруг, — я не могу так неожиданно менять в Петрограде свою позицию, не посоветовавшись с генералом. Нет, так не годится. Пожалуйста, дорогой друг, придумайте другой способ помочь мне.

— Охотно, Орлов, но как?

— Я знаю, что поступаю очень бесцеремонно, обращаясь к вам с просьбой помочь выполнить мне то, что я задумал. Но цель оправдывает средства. Я хочу, чтобы вы дали мне письменную рекомендацию относительно моей благонадежности, адресованную любому человеку, облеченному властью, с тем, чтобы я мог получить какую-нибудь работу и завести новые связи, которые помогут выполнению моего задания.

Он дал мне очень лестное рекомендательное письмо, адресованное Владимиру Бонч-Бруевичу, который занимал тогда пост советника народного комиссариата.

— Спасибо, спасибо! — искренне благодарил его я, радуясь такой удаче. — Я никогда не забуду услугу, которую вы мне оказали.

Через некоторое время я предстал перед Бончем с фальшивым паспортом на имя Болеслава Орлинского, польского коммуниста. Он прочел мое рекомендательное письмо в мрачной комнате в доме, где он жил со своей женой — врачом. У него не возникло ни малейших подозрений, хотя его, должно быть, немного удивил мой безукоризненный русский язык, «С каких это пор, — видимо, думал он, — польские коммунисты так бегло говорят по-русски и так хорошо разбираются в происходящих здесь событиях?»

Я часто удивлялся потом, почему этот очень умный и логично мыслящий человек не заподозрил во мне шпиона? Он направил меня к одному из своих коллег в комиссариате.

Какая ирония судьбы! Этот отдел занимал помещения в бывшем доме Сухомлинова, Боже, как здесь все изменилось! Широкая мраморная лестница покрыта грязью, на коврах обрывки бумаги, окурки и шелуха от семечек. Прекрасная мебель с дорогой шелковой обивкой и искусной резьбой вся в грязи. От всего этого сердце разрывалось на части. Люди, ожидавшие приема у военного комиссара, сидели на креслах или лежали на полу и курили зловонные самокрутки, от которых меня чуть не стошнило. Лишь на миг то один, то другой из них прекращал дымить, чтобы выплюнуть шелуху семечек. И это надо было вытерпеть.

На следующее утро ровно в восемь часов я вошел в уже битком забитую приемную и занял место рядом с пришедшими раньше. Все ругались и ссорились до четырех часов дня, а комиссар так никого и не принял. Кабинет был закрыт.

На следующий день я снова ждал высокого советского чиновника. Вместе со мной его ожидали еще несколько моих товарищей по несчастью. Шофер, лежавший рядом со мной,

должен был доставить два литра бензина, но не знал куда.

— По-вашему, мне его надо спереть, а потом в тюрьму садиться? — спрашивал он, явно ища у меня хоть какой поддержки. — Нет уж, спасибо. Я буду ждать здесь, пока этот жук меня не примет…

Вместе с нами ждал своей очереди красногвардеец по весьма смехотворной причине. Он хотел перенести стол из казармы к себе домой, и для этого ему нужно было получить личное разрешение комиссара. Был там и матрос, который ждал, чтобы получить разрешение на брак.

— Зачем, парень, ждешь, — говорили мы ему, смеясь над его конфузом. — Женись без разрешения, а то состаришься или невеста сбежит к другому.

— Если бы все было так просто, — ответил матрос. Он разоткровенничался со мной, наверное, потому, что моя длинная борода внушала доверие. — Я хочу жениться на сестре. (Причина у него была действительно не простая.)

Поскольку и в этот день ничего добиться мне так и не удалось, я снова поплелся прочь. Так продолжалось день за днем без видимых надежд, сотни разных просителей приходили и ждали, сидя или лежа. Среди них были старые чиновники с портфелями, тихие, похожие на живых покойников. Они не произносили ни слова и только смотрели по сторонам, как будто не могли понять, что происходит. Тем временем вошли двое коммунистов, предъявили у двери свои документы и, поскольку у них имелась записка от известного вождя, через несколько секунд оказались у комиссара. «Равные права для всех» — эта фраза, по крайней мере, здесь, была не в чести. И каждый раз, когда впускали кого-нибудь из избранных, среди нас поднимался тихий ропот.

Мы не выбирали выражений и говорили все, что приходило в наши головы, возмущенные происходящим чиновничьим произволом.

Через неделю я все-таки проскользнул к Бончу, и тот дал мне рекомендательное письмо к комиссару Стучке. Петр Иванович Стучка, бывший адвокат, был большевиком с дореволюционным стажем. Он, к моему удивлению, немедленно принял меня. Им оказался седовласый старик с длинными усами. Комиссар внимательно слушал меня. Ему явно понравилось, когда я сказал, что раньше был секретарем мирового судьи.

— Отлично, — потирая руки, произнес он. — Мне нужен такой человек, как вы. Я назначу вас председателем одной из наших комиссий по уголовным делам. Зайдите ко мне еще раз денька через два.

Я пришел еще раз, и мне сказали, что я назначен председателем шестой комиссии по уголовным делам города Петрограда. Едва я мог скрыть свою радость. Мне не только удалось обосноваться в сердце красного Петрограда, но и занять весьма солидную должность. Казалось, что все идет слишком хорошо, даже не верилось, что это правда. Не теряя времени, я занял кабинет в здании Наркомата юстиции на Екатерининской улице. Я счел необходимым иметь для работы помощников и получил на свой запрос немедленное согласие. Мне было предложено выбрать надежных помощников по своему усмотрению.

Следующим неотложным для меня делом было поскорее перебраться из дома, где мы жили, в меблированную комнату на Греческом проспекте. Официально моя жена для моих новых коллег вовсе и не была мне женой. Мы были с ней как бы совершенно незнакомы. Я должен был с ней случайно познакомиться, сделать вид, что она меня сразу же пленила, и попросить разрешения взять ее к себе помощницей. У нее имелся фальшивый паспорт, и она начала у меня работать под какой-то вполне безобидной фамилией. Я назначил ее делопроизводителем.

Вскоре у нас появилась настоящая работа. Мне пришлось бороться со взяточничеством и коррупцией, разоблачать воров, убийц и фальшивомонетчиков. Мои коллеги особого интереса к моей деятельности не проявляли, все шло своим чередом. Между тем я каждую свободную минуту старался использовать для того, чтобы, ходя из кабинета в кабинет, изучать изнутри работу нового правительства. Вскоре я был в курсе всего происходящего, потому что от меня, как от следователя, не было никаких секретов.

Спустя некоторое время я получил повышение по службе, меня назначили следователем всего севера России, территории, равной по площади половине Европы. К сожалению, моя работа ограничивалась уголовными делами, и я мог заниматься политическими вопросами лишь с большой осторожностью, поскольку они, конечно, были сферой деятельности ЧК. Несмотря на это, я не прекращал своих попыток и добился того, например, чтобы все граждане, у которых было найдено оружие, направлялись для допроса ко мне, а не в политический отдел. Такое изменение закона спасло жизнь многих русских офицеров. В более чем тысяче случаев я просто уничтожал документы, когда это касалось одного из наших единомышленников. Чтобы спасти офицеров от наказания, я советовал им симулировать сумасшествие. Это надо было для того, чтобы я мог их выслать из России через Стокгольм с фальшивыми документами.

Неожиданно Стучка, который всегда разрешал мне действовать по своему усмотрению, был вызван в Москву, и его место занял Крестинский. Николай Николаевич Крестинский позднее был советским представителем в Берлине, а также наркомом финансов, заместителем наркома иностранных дел. До войны Крестинский, как я узнал, был юристом и защищал интересы работодателей от их врагов-рабочих, проявляя при этом большую жестокость. Когда его спрашивали, как это согласуется с его большевистскими идеями, он всегда отвечал: «Только таким способом я мог довести своих друзей-рабочих до такой озлобленности, что они, наконец, не выдержали». Я много общался с моим новым начальником, поскольку нам приходилось обсуждать все вопросы должностных преступлений в банках и т. д.

Постоянно сгорбленный за своим огромным письменным столом, он был похож на нахохлившуюся птицу. Был очень покладист и всегда делал то, о чем я его просил.

— Подпишите, пожалуйста, это, товарищ Крестинский! — И едва я успевал произнести эти слова, как его подпись появлялась на документе.

Он не задумывался над тем, что подписывает, единственным, что по-настоящему интересовало его, была еда. Каждый день он торопливо шел от машины в свой кабинет с солидным портфелем под мышкой. Какие важные документы нес с собой в этом разбухшем портфеле нарком юстиции?… Зайдя в свою комнату, а это я неоднократно видел сам, он садился и немедленно вынимал из портфеля огромный сверток, разворачивал его и доставал огромное количество еды: бутерброды с ветчиной, бутерброды с сыром, бутерброды с колбасой, портфель же после этого становился практически плоским. Он аккуратно раскладывал все перед собой, как истинный гурман, и на протяжении беседы пожирал свой завтрак глазами. Потом он начинал есть прямо во время важного совещания.

Сам я часто бывал на грани голодного обморока, глаза закрывались от усталости, иногда едва стоял на ногах. Мне приходилось экономить, и поэтому постоянно хотелось есть. Присутствуя на подобной «экзекуции», я не в состоянии был вести со смачно жующим шефом какой-либо разговор по причине того, что глаза мои были устремлены на ветчину и все мысли, естественно, были только о еде.

Помню, как в одно из таких совещаний дверь вдруг неожиданно открылась и в кабинет вошел коллега. Первое, что сказал Крестинский, обращаясь к нему, было: «Заходите, товарищ, садитесь и разделите со мной трапезу, вкусно — язык

проглотите». Мне же он не предложил ничего. И так это представление повторялось ежедневно. Должен сказать, что даже во сне я видел, как он беспрестанно жует.

Вскоре мне удалось собрать нескольких надежных помощников, и мы лихорадочно принялись за секретную работу. В Советской России в то время было нетрудно найти недовольных людей, притом они были практически во всех советских организациях и учреждениях. Они-то и сообщали мне все, что я хотел знать, особенно то, что касалось деятельности ЧК.

Среди таких осведомителей у меня, к примеру, был Борис Ржевский, элегантный молодой альфонс, носивший золотой браслет, делавший маникюр и всегда одетый по последней моде. Он был гомосексуалистом, нюхал кокаин, но, тем не менее, оказался хорошим и надежным источником. Ржевский немного занимался журналистикой, и писал не так уж плохо. Раньше был отличным агентом на службе последнего царского министра внутренних дел. Теперь он работал на ЧК и приносил мне все самые свежие новости.

Сколько я платил ему?

Ничего. Он был дальновидный парень и помогал нам, потому что не очень-то верил в долгое «царствование» Советов, потому и считал за лучшее расположить меня к себе на тот случай, если дело повернется иначе.

Он был заметной личностью в Петрограде и, как я уже говорил, весьма надежным человеком. Словом, оказывал мне большую помощь.

Другим моим агентом был некий Модель. Он торговал газетами в Нью-Йорке, но после Февральской революции вернулся в Петроград как беженец и, как это ни странно, стал председателем следственной комиссии ЧК. Работал он отлично и всегда приносил нужную мне информацию, иногда даже больше, чем я просил. У него были и другие, второстепенные занятия, такие, например, как освобождение из тюрьмы богатых сограждан, за что получал существенное вознаграждение. Он помогал и бедным. После того как какой-нибудь несчастный тщетно обращался к нему с просьбой об освобождении, он шел к его отцу или другу. «Чего вы хотите?» — всегда был первый вопрос, который он задавал, а за ним сразу следовал второй: «Сколько вы можете заплатить?» Модель брал столько, сколько мог получить, и не испытывал никакого угрызения совести. Все, за что он брался, быстро выполнялось.

Его друг, герр Вейсберг, тоже был моим агентом. Он был любопытнейшей личностью. Знакомясь с кем-нибудь, он первым делом демонстрировал бумагу, свидетельствующую о том, что он

был секретарем Горького, и обязательно добавлял, что пользовался у пролетарского писателя глубоким уважением. Из другого, также, вероятно, поддельного, Документа явствовало, что он выплачивал значительные суммы денег по поручению писателя. Даже самые наивные не верили ему, но ничто не могло его остановить. Позже он был уличен в каком-то безумном мошенничестве и расстрелян.

Эта троица ежедневно приносила кипу документов, которые они либо похищали в ЧК, либо фотографировали. Эти документы существенно помогали мне и позволяли освободить из тюрьмы десятки невинных жертв, а затем тайно переправить их за границу.

Исчезновение многих из этих бумаг, похоже, вызвало подозрение моих «коллег», и, поскольку мне снова предстояло вырвать из когтей советского правосудия нескольких офицеров царской армии, я инсценировал кражу со взломом в своем кабинете.

Я открыл все окна, предварительно разложив свои бумаги на столе. В одиннадцать часов вечера трое моих помощников влезли в окно, взяли все бумаги, до которых только могли добраться, и написали мелом на столе: «Будешь помнить матроса Володина, сволочь!»

Чтобы придать сцене больше правдоподобия, они взломали мой стол. В четыре часа утра они вынесли все похищенные документы, разорвали их на мелкие клочки и пустили по ветру.

Фамилия Володина появилась не вдруг. Я знал, что тремя днями раньше арестованный матрос по фамилии Володин бежал из тюрьмы, поэтому, чтобы подозрение пало на него, я договорился, что мои люди сделают на столе эту надпись.

Когда на следующее утро я пришел на службу, ко мне подбежал крайне взволнованный привратник и сообщил, что мой стол взломан и из него взято несколько важных документов. На место преступления были доставлены две собаки-ищейки, но они не могли взять след. Затем совершенно неожиданно они взяли след, который привел их к комнате привратника. Собаки набросились на его сына. Впоследствии выяснилось, что именно он первым обнаружил кражу и, выходя из кабинета, оставил на столе портсигар. Он, конечно же, ничего не брал. Мне пришлось, тем не менее, приложить немало усилий, чтобы добиться его освобождения.

Кстати, случай с ограблением моего кабинета вдохновил одного из моих соседей, председателя другой комиссии. Он воспользовался происшествием в своих интересах, заявив, что его кабинет тоже взломан и из него похищено 400 рублей, а также

различные бумаги. На самом деле, как я вскоре узнал, деньги взял он сам.

ДЗЕРЖИНСКИЙ — РУКОВОДИТЕЛЬ ВЧК

Кроме основного задания по сбору информации у меня была еще одна задача — помогать беглецам, бывшим офицерам. Являясь председателем шестой комиссии по уголовным делам, я неоднократно клал в свою книгу приказов и распоряжений инструкции и паспорта, подписанные мной самим и моим делопроизводителем, то есть моей женой, согласно которым некий товарищ Х. направлялся на станцию, расположенную за советской границей, для выявления контрабандистов. Документы эти, естественно, всегда попадали по назначению. Мы с женой тут были очень осторожны. Посылал я для выполнения своего поручения, как правило, только убежденных врагов большевизма, особенно тех, кому было необходимо как можно быстрее покинуть страну.

Таможенники на границе всегда были настроены к этим людям, имеющим столь щекотливое поручение, очень дружелюбно: они не обыскивали ни их, ни их багаж и разрешали пересекать границу без задержки.

Сначала беглецы не брали с собой ничего, что могло бы выдать их или меня. Инструкция моя ими выполнялась чрезвычайно строго. Но поскольку к перебежчикам на границе всегда относились без всяких подозрений, и многие, кому предстояло совершить этот путь, это знали, об элементарной осторожности попросту стали забывать. В свой багаж отбывающие стали класть дорогие для них реликвии: шпоры, эполеты, парадные мундиры и другие вещи, которые выдавали их с головой.

Однажды, когда я в следственной комнате суда допрашивал одного матроса, меня заставил вдруг насторожиться, казалось бы, совсем незначительный факт. Я заметил, что в суд вошли трое мужчин в шинелях. Собственно, то, что они были в шинелях, неудивительно, я и сам ходил в шинели и сапогах, носил бороду и очки в металлической оправе. А насторожило меня то, что на протяжении всего допроса один из этих троих пристально смотрел на меня.

Вдруг ко мне подошел служитель суда и сказал: «Пожалуйста, заканчивайте допрос. Здесь председатель ВЧК Дзержинский. Он хочет поговорить с вами».

Я был удивлен. Что нужно этому совершенно незнакомому мне человеку? Матроса увели, и человек, который так пристально

наблюдал за мной, медленно подошел, по-прежнему не сводя с меня глаз. Я побледнел. Где я видел это лицо раньше?

Господи! Теперь я вспомнил. Он был моим подследственным, его судили в Варшаве до войны. Конечно, это был он. Я даже вспомнил его фамилию — Дзержинский. В какой-то момент я понял, что игра моя проиграна. Я в руках самого Дзержинского, главы всемогущей ЧК. Утешало меня лишь то, что за столь непродолжительный период моей «службы» Советам сделал я, как говорится, все, что мог, к чему меня обязывал долг русского офицера, помнящего о присяге царю и отечеству. Да, сокрушался я, стоя перед Дзержинским, игра моя действительно проиграна. Как утопающий, перед глазами которого проходит вся его жизнь, я за эти несколько секунд припомнил все те события, которые сводили нас вместе при различных обстоятельствах.

Дзержинский был сыном небогатого землевладельца, поместье которого находилось под Ковно. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он так страстно влюбился в свою сестру, что застрелил ее после ужасной сцены ревности. Потом он бежал в Москву. Там работал под вымышленным именем как простой чернорабочий. Накопив немного денег, чтобы учиться по вечерам, он отдался новой страсти. В 1905 году Дзержинский начал активно участвовать в революционном движении. Вскоре он стал руководителем политической оппозиции в Польше. Несмотря на то, что его политическая карьера возрастала, всегда старался оставаться в тени. Ведя аскетический образ жизни, Дзержинский, тем не менее, благодаря своей привлекательной внешности, умел лихо очаровывать хорошеньких женщин, увлекая их во всевозможные амурные приключения.

В 1912 году мне было поручено чрезвычайно секретное дело о подстрекательстве к мятежу. После обысков, произведенных во многих домах в Варшаве, я, в конце концов, оказался в доме школьной учительницы по фамилии Швентоховская. Сюда меня привело полученное мною анонимное письмо, но я быстро пришел к выводу, что меня направили по ложному следу, чтобы сбить с правильного пути.

По чистой случайности я увидел дочь учительницы Кристину и, наблюдая за ней в зеркало, заметил, что она залилась краской. «Почему она так нервничает?» — подумал я и вовлек в разговор, тщательно осмотрел все ее небогатое имущество, заглянул во все шкафы и в итоге нашел целую кипу дневников и писем, спрятанных под незакрепленной половой доской. После того как я вскрыл тайник, у нее началась истерика.

«Все-таки чутье меня не подвело», — подумал не без удовлетворения я.

Быстро просматривая бумаги, обнаружил, что они имеют отношение к хорошо организованному тайному заговору. Маленькая Кристина была связной ППС, осуществляла связь между организациями в Кракове, Лемберге, Варшаве и даже в Закопане, по ту сторону австрийской границы.

Мы взяли ее с собой. Удачный улов! Наконец нам удалось арестовать одну из ведущих революционерок. Прежде чем уйти, мы еще раз тщательно обыскали комнату и отвезли в нашу контору толстые стопки документов, найденных в тайниках, в шкафах и кладовках.

Среди документов был список женщин, оказывающих помощь революционерам. Эти тихие и незаметные женщины были подобраны с большим умом: они могли выполнять свою работу, не вызывая подозрений.

Кроме того, мы обнаружили, что лучшая подруга Кристины, некая Галина Мисгер, дочь окружного врача из Собена, также хранила и переправляла секретные документы, активно боролась против царя и государства. Эта маленькая, тощая, высохшая сорокалетняя старая дева с большим носом, увенчанным пенсне, была не просто рядовой революционеркой, как оказалось, она была одним из руководителей польских социал-демократов. Обе женщины вели дневники, исписали несколько тысяч страниц и периодически обменивались этими записями. Обе они обожали двух опасных негодяев — Тадеуша Длугошевского и Феликса Дзержинского, смотрели на них как на богов, подробно описывали в своих дневниках их героические деяния в борьбе за коммунистические идеалы. Длугошевский и Дзержинский были руководителями социал-демократических партий Польши и Литвы и оба, если верить хотя бы части из того, что подробно описывается в дневниках, были виновны в смерти ни в чем не повинных русских, представителей всех классов и сословий, а в последние годы совершили такие страшные преступления, что превзошли даже подвиги национального героя Польши Костюшко.

Давайте же поближе познакомимся с этими выдающимися революционными деятелями, отъявленными террористами. Мы нашли Длугошевского в маленьком домишке под Варшавой в объятиях его любовницы, пятидесятишестилетней польки Леокадии Хоецкой. В их комнате стояла такая жуткая вонища, что мы с трудом смогли войти туда. Было такое ощущение, что где-то в комнате находится разлагающийся труп. Однако единственное, что мы при обыске нашли, — это старый револьвер, из которого невозможно было выстрелить, так как он насквозь проржавел. В каждом углу под толстым слоем пыли валялись засохшие корки хлеба и куриные кости… Бр-р!…

Поймали мы и Дзержинского. В течение долгих восьми месяцев я допрашивал этих партийных деятелей и вместе и поодиночке, тщательно расследовал каждый эпизод, описанный в дневниках их обожательниц. Дзержинский и Длугошевский клялись, что они не знают ни Галину Мисгер, ни ее подругу Кристину, никогда не встречались с ними и не слышали о них.

И я должен признать, что, проведя всестороннее расследование, я не смог найти ни малейших доказательств якобы имевшей место пылкой дружбы между ними. Очевидно, две женщины выдумали связь со своими идолами и получали для себя удовольствие от описания всего этого. Дзержинский отказался давать какую-либо информацию, Длугошевский все отрицал.

В ходе допросов мы, тем не менее, обнаружили, что есть темы, которые интересны каждому из нас троих. Дзержинский очень любил музыку, сам немного сочинял, очень интересовался религиозными вопросами, мистикой, и мы часто часами беседовали с ним на различные занимательные темы. Длугошевский был поэтом и довольно известным психологом, и я, должен сказать, с какого-то момента начал симпатизировать им обоим. Когда они просили меня об услугах, я с удовольствием шел им навстречу, потому что получал удовольствие от общения с этими, как оказалось, достаточно образованными и в некотором роде культурными людьми. Например, я следил за тем, чтобы во время длительного следствия пищу им доставляли из столовой офицеров-артиллеристов и чтобы они регулярно получали папиросы и газеты.

Через восемь месяцев следствие, наконец, закончилось, и даже если мои подследственные и не совершали всех тех преступлений, которые приписали им самозваные подруги в своих дневниках, совершено ими было предостаточно, чтобы надолго их упечь в тюрьму или на каторгу.

— Дзержинский, — сказал я на прощание этому чрезвычайно уверенному в своих идеях человеку, — вы мне все же симпатичны, надеюсь, что мы еще увидимся с вами при более благоприятных обстоятельствах.

— С удовольствием, — ответил Дзержинский, которого глубоко тронули мои слова. — Я только не понимаю, почему вы считаете мое нынешнее положение таким уж неприятным, — с некоторой долей иронии произнес он.

— Послушайте, мой друг. На основании всех собранных мною фактов вас упекут в Сибирь на двадцать лет.

Дзержинский улыбнулся:

— Мой дорогой Орлов, неужели вы действительно верите в

то, что я пробуду в Сибири двадцать лет?

И действительно, Дзержинский был приговорен к двадцати годам каторжных работ, но сбежал через шесть месяцев и навсегда ушел из моей жизни.

«Навсегда ушел из моей жизни? — пронеслось у меня в голове. — Нет, вот он, Дзержинский, собственной персоной, стоит передо мной…»

Дзержинский! Перед моим мысленным взором возникла виселица, и я понял, что со мной покончено. Все это промелькнуло перед моим затуманенным взором за считанные секунды.

«Попытаться убежать? Нет, это чистое безумие…» Я продолжал неподвижно стоять перед ним.

— Вы Орлов? — спокойно спросил меня самый могущественный человек Советской России. Выражение его лица при этом нисколько не изменилось.

— Да, я Орлов.

Дзержинский протянул мне руку:

— Это очень хорошо, Орлов, что вы сейчас на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне в Москву. А сейчас прошу извинить меня, я очень спешу. Я только хотел убедиться, что я не ошибся. До свидания.

Месяц спустя мне действительно пришлось поехать в Москву. Я приехал в пять часов вечера, но не мог пойти к родственникам или друзьям, потому что не знал, следят сейчас за мной большевики или нет, и поэтому попытался снять номер в гостинице. В одиннадцать часов вечера я понял, что мои попытки тщетны, и, наконец, решил обратиться к Дзержинскому и попросить его найти для меня номер в гостинице. Удивительно, но на мой звонок он откликнулся сразу же.

Мое служебное удостоверение открыло мне двери в ЧК. Дзержинский сидел в своем кабинете и пил чай из оловянной кружки. Рядом стояла тарелка и лежала оловянная ложка. Он только что закончил ужинать.

Я снова обратился к нему с просьбой найти мне жилье на три дня, поскольку я участвовал в расследовании, связанном с банковскими делами.

— Шесть часов пытался найти комнату, — сказал я ему, — но в Москве это, наверное, чрезвычайно трудно…

Из жилетного кармана он вытащил ключ и протянул его мне со словами:

— Это ключ от моего номера в гостинице «Националь». Вы можете жить там, сколько хотите, а я постоянно живу здесь. — И

он указал на угол комнаты, где за складной ширмой стояла походная кровать, а на вешалке висели какие-то вещи и кожаные бриджи. Я поблагодарил его за помощь и пошел в гостиницу.

У Дзержинского совсем не было личной жизни. Этот красный Торквемада во имя идеи убил бы своих отца и мать, его в то время нельзя было купить ни за золото, ни за блестящую карьеру или за женщину, даже самую наипрекраснейшую.

В свое время я встречался с сотнями революционеров и большевиков, но с такими людьми, как Дзержинский, всего лишь дважды или трижды. Всех остальных можно было купить, они отличались друг от друга лишь ценой. Во время восстания левых эсеров Дзержинский был арестован на несколько часов, но потом отпущен на свободу. После этого он приказал арестовать своего лучшего друга и соратника Александровского, с которым работал в течение нескольких лет. Перед тем как Александровского увели на расстрел, Дзержинский обнял его. Для него идея значила больше, чем человеческие чувства. Десять минут спустя Александровский был расстрелян.

Чтобы отвести от себя подозрения, я каждый раз, приезжая в Москву, останавливался в гостиничном номере Дзержинского, но все равно меня беспокоило, что такая привилегия могла кому-то показаться странной. Мои отношения с Дзержинским могли стать предметом расследования, в результате которого выяснилось бы, кто я такой на самом деле.

Мой знакомец по Варшавской крепости не рассказал ни одной живой душе о том, что когда-то я был царским следователем. Однажды вечером я случайно задержался из-за длительного допроса, который мне разрешили провести в здании ЧК. Неожиданно мне навстречу попался комендант ЧК, неуклюжий великан, бывший оружейный мастер с Урала. Он был не совсем трезв и, слегка покачиваясь, протянул мне бумагу:

— Эй, товарищ, ты в очках, значит, наверняка человек ученый, да? А я всего лишь простой рабочий, без очков. Посмотри, я правильно написал донесение?

Мельком просмотрев бумагу, я понял, что это докладная записка о масштабной операции, которая будет проводиться завтра рано утром в Москве против врагов Советов. Я был как на иголках, пока читал этот документ. Мне пришлось одновременно убеждать оружейника в том, что он хорошо справился со своей работой, и запоминать несколько десятков фамилий и адресов, из которых мне были известны лишь несколько, чтобы предупредить этих людей о грозящем им аресте.

Это мучение продолжалось полчаса. Я дважды прочитал список и, насколько это возможно, запомнил фамилии, после чего

незамедлительно покинул здание ЧК, разыскал своего брата и сказал ему, чтобы он предупредил членов организации. Мой брат жил далеко, и когда я добрался к нему, было уже два часа ночи. Он предупредил об опасности всех наших друзей, но к восьми часам утра все же большинство из тех, чьи фамилии значились в списке, были казнены.

ИЗМЕНА

Однажды утром мне прислали в помощники двух дворников. Фамилия одного была Горин, другого — Филиппов. Они были ужасно похожи на персонажей комедии Шекспира. Однако мне было не до веселья. Это была странная парочка, но у них хватило бы сообразительности понять, чем я занимаюсь. К счастью, у них было так много собственных забот, что практически не оставалось времени задумываться о моих поступках.

Тем не менее, моя жена и я были начеку. Я никогда не держал что-либо изобличающее меня в своей комнате: никакого оружия, бомб, документов, фотографий, фальшивых паспортов, фотоаппаратов. Все это было спрятано в тайнике под подоконником в комнате моей жены, чтобы в случае опасности она могла выбросить все эти вещи в соседний двор. Документы были подвешены на тонкой веревке в печке. Рядом лежали ножницы, чтобы в случае опасности перерезать эту веревку: документы упадут в огонь и сгорят.

Я видел свою жену только на работе. Никто даже не подозревал, что мы были женаты. Я так сурово обращался с ней в присутствии посторонних людей, что она часто начинала плакать. Ей это прекрасно удавалось.

Однажды я по ошибке обратился к ней на «ты» в присутствии этих негодяев Горина и Филиппова, но спас положение тем, что обратился на «ты» и к ним.

Конечно, мне было не легко осуществлять свою тайную деятельность. Я скрупулезно анализировал полученную информацию и через агентов переправлял данные генералу Алексееву на юг России. У меня было шесть тысяч фотографий агитаторов, политиков, коммунистов; на каждого агента я составил небольшое досье: его национальность, профессия, пребывание за границей, наличие родственников, связи за рубежом, знание иностранных языков, маршруты и документы, используемые во время поездок.

Между тем я начал все чаще испытывать чувство подавленности и подготовился к возможному бегству. В качестве меры предосторожности я оформил жене и детям украинское

гражданство и отправил их в Киев, снабдив фальшивыми паспортами. В моей комнате наготове лежали документы и одежда священника из Позена. В сентябре 1918 года меня познакомили с офицером лейб-гвардии, заслуживавшим полного доверия. В мой кабинет он вошел в гражданской одежде, когда я был один.

— Нас двенадцать человек, — сказал он. — Мы хотим бежать в Мурманск. Вы поможете нам?…

— Сразу двенадцать человек? Вы хотите слишком многого, — возразил я. К этому времени я успел научиться осторожности. — Это сразу бросится в глаза! Лучше всего ехать отдельно друг от друга в качестве моих товарищей, представителей Центральной следственной комиссии.

— Конечно, мы поедем по отдельности, если вы считаете, что так будет лучше. Могу я получить двенадцать паспортов для выезда за границу? — настойчиво спросил офицер.

— Я с удовольствием помогу вам. Назовите фамилии ваших друзей.

— Простите, но я не могу сделать этого, я их не знаю. Дайте мне двенадцать чистых бланков, и я гарантирую, что они будут использованы только по назначению.

Я передал ему двенадцать незаполненных номерных бланков. Неделю спустя в шесть часов утра раздался звонок в дверь моей квартиры. На пороге стоял незнакомый мне человек.

— Позвольте мне войти, — попросил он и тут же очутился в моей спальне.

— Кто вы? — спросил я незнакомца с некоторой тревогой.

— Не важно. Меня прислала жена французского капитана. Она работает на телеграфе, и ей удалось перехватить вот эту телеграмму.

Он показал мне телеграмму, адресованную военному комиссару Позерну в Петрограде: «Установите личность председателя Центральной следственной комиссии Союза коммунистов Северного округа Болеслава Орлинского, который снабдил шпионов фальшивыми документами…» Затем следовали номера паспортов, которые я передал двенадцати офицерам-гусарам для пересечения границы, а также их фамилии.

— Но это еще не все, — продолжил посланец. — Из другой телеграммы мы узнали, что эти господа прибыли на границу в шинелях, под которыми на них были мундиры с эполетами и орденами. Естественно, их тут же арестовали. Семерым удалось устроить побег, но двое из них были убиты. Я должен был предупредить вас, так как через час телеграмма будет доставлена, и это, сами понимаете, конец.

Я буквально кожей почувствовал нависшую надо мной угрозу. Было понятно, что пришло время покинуть негостеприимный Петроград. Я поблагодарил своего незнакомого друга и поспешил на службу. Какие неприятности ожидали меня там?

В моем кабинете находились председатель следственного суда и двое моих коллег, которые лихорадочно рылись в моих служебных бумагах. Не было сомнения, что они искали номера двенадцати паспортов. Следовательно, они уже получили телеграмму.

— Товарищ Орлинский, пожалуйста, подождите немного в приемной. Нам нужно обсудить партийный вопрос, вскоре мы присоединимся к вам.

Пошел ли я в соседнюю комнату? Не то слово. Я буквально выкатился в нее, а затем по коридору и вниз во двор. Но это оказалось сделать не так-то просто. В семь утра дверь еще была закрыта. Стоило ли звать привратника и возбуждать в нем подозрения? Нет. Вернуться назад? Тоже невозможно. Ждать здесь, пока меня не найдут? Тогда завтра со мной будет покончено. Нет уж, спасибо. Я вышиб стекло в двери и вылез наружу через образовавшееся отверстие.

Я бежал по пустынным улицам к центру города, к набережной, в маленький двухэтажный дом. Накануне я все подготовил на случай внезапного побега, и это здание просто идеально подходило для подобных целей, Нет ни привратника, ни консьержки и, кроме меня, всего один жилец, мой друг, поляк, управляющий богатого фабриканта.

В одно мгновение я побрился и переоделся католическим священником. Поразмыслив, решил, что в этой одежде меня никто не узнает и я смогу предупредить своих верных друзей о побеге, чтобы они спокойно могли продолжать работать. Как только стемнело, я начал спускаться по лестнице и вдруг заметил в сумраке какую-то фигуру. Самое главное — не показывать страха. К тому же я изменил свою внешность. Кто может узнать меня без бороды и очков в таком облачении? Даже моя собственная мать не узнала бы в этом дрожащем человеке своего сына. И все же береженого Бог бережет! Я, крадучись, вернулся в свою комнату, но прежде чем успел запереть дверь, услышал шаги на лестнице. Какие-то люди быстро поднимались по ней, и я бросился наверх к моему другу-поляку. Он открыл дверь, втащил меня в прихожую и, прежде чем я понял, где нахожусь, втолкнул меня в комнату. Не говоря ни слова, он открыл огромный буфет и отодвинул заднюю стенку. Все это заняло несколько секунд. Наружная дверь содрогалась от сильных ударов.

— Лезьте туда, пока еще не поздно. С той стороны вас ждет

слуга. Ему можно доверять. Он выведет вас на улицу. Мне отсюда все было видно. Этот негодяй Горин поджидает вас с полудня, а с ним пятьдесят вооруженных до зубов красногвардейцев. Надеюсь, мы еще увидимся в более приятной обстановке… — С этими словами он втолкнул меня в образовавшийся проем. Я оказался в темной незнакомой комнате.

— Не бойтесь, господин Орлинский. Я тот самый слуга. Следуйте за мной. Мы в соседнем доме. Здесь нас никто не будет искать.

Тем не менее, он начал спускаться по лестнице очень осторожно, я шел за ним. Стоя в подъезде, мы наблюдали, как из соседнего дома вытащили моего друга и спасителя. Его взяли в качестве заложника и, как я узнал позже, освободили только через несколько недель.

Я поспешил в консульство Германии. Там нашел Бартельса, доброго ангела петроградской разведки. Он занимал должность атташе и помог сотням людей из высших кругов русского общества, причем совершенно бескорыстно, благодаря своим связям с представителями правительств всех стран. Он всегда обещал помочь и мне бежать из этого ада. И свое слово он сдержал. Бартельс принес мне старую серую форму немецкого солдата и быстро превратил меня из католического священника в дезертира.

— Гладко выбрит? Так не пойдет, — сказал Бартельс. — Слишком рискованно. Немецкие дезертиры возвращаются домой заросшие бородами. Как же вам в один момент обзавестись бородой?

Он стал рыться в своем комоде. У него было все необходимое для побега, ведь даже его собственное положение было не слишком надежным. Большевики были бы только рады свернуть ему шею, зная, какая прекрасная добыча ушла с его помощью из их рук. (Я могу добавить, что они искали Бартельса в консульстве на следующий день после начала революции в Германии, но он к тому времени успел сбежать, оставив все свое имущество.)

Сначала мы не могли найти ничего подходящего, но потом, по счастливой случайности, нашли бороду, которую я приклеил на лицо. Получилось отлично! Опознать меня сейчас мог бы, наверное, только Шерлок Холмс. Мы решили проверить это. Бартельс оставил меня одного в своей комнате и позвонил камердинеру, который, увидев незнакомца, поспешил ко мне со словами:

— Извините меня, господин, но кто вас впустил сюда? Я должен попросить вас незамедлительно покинуть эту комнату и этот дом. — И, нисколько не обращая внимания на протесты, к

моему полному восторгу, вытолкнул меня из комнаты.

Бартельс объяснил ему, в чем дело, и камердинер начал клясться всеми святыми, что не узнал меня. Я был очень доволен успехом своей маскировки, и мне даже в голову не пришло, что Бартельс всегда пользовался трюком с камердинером, чтобы убедить беглецов в их неузнаваемости.

Он проводил меня на улицу и передал финну, надежному шоферу, машина которого ждала нас в нескольких метрах от дома. Я сел в машину, и мы поехали, однако в Белоострове нас задержали пограничники.

И снова мне казалось, что все кончено, но я недооценил моего друга-финна. Он рассказал караульным целую историю, и они пропустили нас. Примерно через каждую тысячу шагов откуда-то с пугающей неожиданностью выскакивал солдат.

— Стой! — закричал часовой, целясь в нас.

— Мы уже проделывали все это, — засмеялся в ответ финн. — Не надо так нервничать, товарищ! Мы ведь тоже товарищи. Этот молодой человек хочет распространять коммунистические идеи среди своих соотечественников, а ты собирался застрелить его. Какой же ты после этого товарищ?!

— Ну, если он хочет заняться подготовкой революции в Берлине, удачи ему. Чем быстрее она совершится, тем раньше я смогу проехать по Фридрихштрассе, — сказал чекист, дружелюбно хлопнув меня по плечу.

Я ответил ему на смеси польского, немецкого и русского. Я совсем не походил на немецкого дезертира, но было темно, да и финн хорошо поработал языком! Подъехав к реке Сестра, мы увидели, что ее с высокой бдительностью собак-ищеек охраняют красногвардейцы, рассыпавшиеся по всему берегу.

Когда мы с грохотом переезжали через брод, с противоположного берега раздался выстрел. Несмотря на темноту, красные обнаружили нас. Послышались крики, по земле зашарили лучи прожекторов, вскоре раздался топот копыт, затрещали оружейные выстрелы.

— Прыгайте в воду, — прошептал финн. — Погружайтесь по самый подбородок и идите так столько, сколько можете вытерпеть. Иначе они заметят и застрелят вас.

Финн уже сидел по уши в мелкой, грязной и зловонной речке. Я последовал его примеру. Вода была ледяная, но я этого почти не чувствовал. Вперед! Вперед! До Финляндии оставалось всего несколько шагов, и тот, кто вопреки судьбе решил бы остановиться, был бы просто сумасшедшим. Я собрал в кулак всю свою волю и, спотыкаясь, продолжал брести вперед, пока мои ноги не увязли в прибрежном иле. Нам пришлось бороться за

каждый шаг, который отдалял нас от советской территории. Снова градом посыпались пули, финн застонал, Я бросился к нему на помощь со всей быстротой, на которую был способен, и он так крепко вцепился в мою шею, что я едва мог дышать. Господи! Что же мне с ним делать? Он был такой тяжелый, Я потащил его за собой. Спросив, что случилось, хотел как-то облегчить его боль, но он лишь умолял идти дальше. Финн очень хорошо знал тактику этих сторожевых псов. В этот момент мы вышли на хорошо простреливаемое место, и непрекращающаяся стрельба еще быстрее погнала нас к цели.

Мы успели проползти вперед всего на несколько метров, как нас накрыл луч прожектора и обрушился град пуль, да такой, под какой и на фронте редко доводилось попадать. Слава Богу, что молодые чекисты были неважными стрелками! Тут нам здорово повезло. Заметив, что дно все круче поднимается вверх, я понял, что мы спасены. Мы, должно быть, находились почти на противоположном берегу, в Финляндии. И тут пуля, вероятно шальная, ударила меня в бок. Но спасительный берег был уже рядом, и я, превозмогая страшную боль, выполз вместе с финном на берег. Берег! Как банально звучит это слово, но как много оно значило для меня. Оно означало новую жизнь, работу, борьбу, войну против большевиков! Мне оставалось только воздать благодарение Всевышнему!

Рана дала о себе знать, и я рухнул на землю, Финн тоже сильно страдал от ранения в руку. Местные жители, которые каждое утро приходили к этому месту на берегу реки, чтобы встретить новых беглецов и поздравить их со спасением, помогли нам добраться до моего старого друга, финского землевладельца. Первым делом тот угостил нас хорошей порцией коньяку. «Сначала промочите горло, а потом набивайте желудок», — повторял он, заставляя нас, вконец измученных дорогой людей, выпить залпом по огромной чарке прекрасного коньяка.

И что же сделал я в этот чудесный момент? Я сказал: «За ваше здоровье» — и шепотом поблагодарил Бога за то, что жив и снова среди друзей.

ЧЕРЕЗ ФИНЛЯНДИЮ И ПОЛЬШУ В ОДЕССУ

— Эй, парень, подойди сюда! Кто дал тебе эту русскую газету? — Передо мной стоял субъект лет двадцати, неопрятный, но вполне разумный.

Переводчик перевел вопрос, заданный по-русски, на французский. Парень только покачал головой и не сказал ни слова.

— Уведите и наденьте наручники, а потом давайте следующего. Я хочу докопаться до истины.

Следующим был молодой человек гигантского роста, тоже французский моряк и коммунист, работавший настолько конспиративно, что нам в Одессе пришлось приложить много усилий, чтобы собрать улики против него.

Так начиналась моя новая работа. Но прежде чем о ней рассказывать, я остановлю внимание читателей на тех перипетиях моего нелегкого пути в Одессу под крыло Добровольческой армии.

Должен сказать, я недолго пробыл в Финляндии. На следующий день после спасения мне пришлось, несмотря на боль в боку, вернуться на берег реки. Я переоделся в костюм, более подходящий для следователя Орлинского, а серый немецкий мундир выбросил в реку. Мундир вскоре вынесет течением на противоположный берег, прямо в руки моих врагов.

Из симпатизировавшей нам газеты, поместившей мою фотографию, узнал, что во время побега из России я был застрелен и мое тело выловили из реки. Вскоре после этого я увидел сообщение о своей смерти в одной из российских газет и был рад, что Советы наконец-то довольны результатами хотя бы одной из моих операций, имея в виду мой, как им думалось, неудачный переход через границу. Они назвали меня одним из самых опасных врагов большевизма, который нашел подобающую ему смерть в речном иле. Жалко было тратить пулю на такого предателя, как я, и т. д. «Значит, на какое-то время меня оставят в покое», — удовлетворенно подумал я.

Чтобы отдохнуть, мне потребовалось всего несколько дней. Мои друзья предоставили мне крошечную комнату, единственную оказавшуюся свободной на этом густо населенном участке границы. И я был благодарен им за то, что снова могу спать, ничего не опасаясь. За обедом рядом со мной сидел грустный невысокий старик, одетый в лохмотья, который бежал из России за день до меня. Его лицо показалось мне знакомым, и я попытался заговорить с ним, но он демонстративно отвернулся от меня. Вероятно, он боялся, что я могу оказаться шпионом, поэтому я попытался успокоить его и сказал, что у него нет причин для беспокойства.

— Вы — Орлов, — сказал он, глядя на меня печальными глазами.

— Вы знаете меня? — спросил я с искренним удивлением.

— Конечно, я знаю вас. И никогда не забуду ваше лицо.

— Почему?

— Это не важно!

— Нет, продолжайте. Расскажите мне. Я когда-нибудь причинил вам зло?

— Не вы лично, а все вы.

— Где, когда и каким образом? Расскажите мне. Я смутно припоминаю, что когда-то видел вас, много лет назад в связи с каким-то делом. Да, я узнаю вас по тому, как странно у вас растут волосы. Вы ведь… Подождите, секунду. Нет, не могу вспомнить! Подскажите!

— Хорошо, я помогу вам. Не работали ли вы одно время следователем по особо важным делам в Могилеве?

— Да, конечно.

— Помните, сколько документов лежало на полу вашего кабинета? Эти кипы, помнится, были высотой вам по плечо?

— Да, припоминаю. Точно, они были высотой мне по плечо и…

— Вы нагнулись, чтобы найти какой-то отчет, который находился в самом низу кипы, и все бумаги свалились прямо на вас. Я вскочил, и часовой подумал, что я пытаюсь сбежать, хотя я хотел лишь спасти вас от преждевременной смерти. Все еще не вспомнили?

— Нет, боюсь, что это происшествие не отложилось в моей памяти. Впрочем, подождите! Такое действительно со мной однажды произошло. Я чуть не погиб, когда на меня обрушилась огромная гора документов, и выручил меня заключенный, который бросился вперед и спас положение. Но это был военный министр России Сухомлинов.

— Правильно. Я и есть Сухомлинов!

Я чуть не подавился от неожиданной новости, но старик, ничуть не смутившись, дружески похлопал меня по спине. Я по-прежнему не мог поверить в то, что услышал.

— Вы, вы… такой… вы?

Постепенно я начал узнавать его голос. Конечно, это была его быстрая и нервная манера говорить. Когда слова словно наталкивались друг на друга, а затем следовала небольшая, ничего не значащая пауза. Сейчас он выглядел как последний нищий и к тому же был очень болен.

Я поделился с ним картошкой, и он жадно съел ее. Скулы резко выделялись на его лице. Я почувствовал к нему такую жалость, что уступил свою комнату и кровать, сказав, что мне есть, куда пойти. На самом деле я несколько дней спал на страшно неудобной скамье в вестибюле. Оценил ли бывший военный министр мою бескорыстность, мне так и не довелось узнать. Но это обстоятельство меня нисколько не трогало. Тогда я видел перед собой старого и измученного человека, грех было

ему не помочь.

Через некоторое время на переполненном пароходе «Гамбург» я отправился в Гельсингфорс, оттуда — в Ревель, а оттуда — в Псков и Варшаву, где мне удалили пулю из живота. Имея на руках документы военнопленного-артиллериста, я прошел через немецкие, польские, украинские и большевистские фронты. Неделями пробирался через районы рукопашных боев. Пешком дошел до Бреста, оттуда на товарных поездах, постоянно рискуя погибнуть от пули или удара штыком, умереть от голода или заболеть, доехал до Лунинца, потом опять пешком до Бахмача и, наконец, добрался до Киева. Я пробирался по взорванным и развороченным железнодорожным путям, по разоренным районам, где орудовали банды грабителей, убивавших мирное население, районам, восставшим против советской власти.

Приехав в Киев и в первый раз выйдя на улицу, я столкнулся с незнакомцем, который, увидев меня, закричал: «Орлов, собака! Убейте его!» Услышав этот крик, я бросился прочь. Мне снова пришлось спасаться бегством. Слишком многие знали меня здесь, ведь я столько лет работал в Киеве следователем. Снова начались лишения, но я из последних сил старался держаться: поезда не ходили, на сельских дорогах стояли брошенные телеги, люди убивали друг друга, живые грабили мертвых. Заснуть было практически невозможно, ведь наступал новый год, и морозы стояли лютые. Но я не собирался сдаваться. Я должен был добраться до Одессы, занятой Добровольческой армией. Едва живой, голодный и до костей промерзший, я добрался туда к середине января. Меня постоянно лихорадило, силы мои были на исходе. Добровольческой армией командовал генерал Гришин, и он назначил меня начальником разведки. Ну а дальше было то, с чего я начал эту главу.

Мы только что раскрыли гнездо заговорщиков, и я уже допрашивал арестованных, в основном французских моряков. На свете не было ничего труднее, чем выудить что-либо из этих упрямых парней, оказавшихся под влиянием коммунистической пропаганды. Однако вскоре они оказались в моей власти. Один из юнцов проболтался.

— Советские листовки дала нам Соня, — сказал он.

— Кто такая Соня?

— Разве вы не знаете ее?

Переводчик по моей просьбе предупредил его, чтобы он не затягивал допрос своими глупыми вопросами, но он, по-видимому, просто представить себе не мог, что я не знаю Соню. Ему казалось, что мир просто не может существовать без Сони.

— Соня приехала из Парижа. Она руководитель русских

коммунистов в Одессе.

Необходимо помнить, что в то время Одесса была оккупирована не только Добровольческой армией, но и французскими войсками.

— Соня всегда сообщала нам, — продолжал француз, — где находятся большевики, когда они придут в Одессу и освободят нас.

Узнал я и еще одну новость. Оказывается, Соня наняла двух моряков для убийства нашего командующего. Она заплатила им за это три тысячи рублей.

— А вы тоже получали деньги от Сони?

— Да, мы все получали, У Сони денег куры не клюют.

— Откуда они у нее?

— Она сама получила их.

— От кого?

— От своего руководителя, которого прислали в Одессу из Москвы.

— Кто ее руководитель?

— Иван Ласточкин, связной из Москвы.

— Где он живет?

Он дал мне точный адрес, и французы, как более заинтересованная сторона, продолжили допрос дальше. Ведь в опасности была жизнь их командующего и замешаны были их собственные военнослужащие.

Тридцать французов окружили дом, где в это время находился Иван Ласточкин, связной из Москвы. Кольцо вокруг дома стало медленно сжиматься. Никто из находящихся внутри не смог тогда уйти, все были брошены в тюрьму безо всяких церемоний. Всех, кого поймали, ждала казнь через повешение. Должен сказать, что в то время все было делом жизни и смерти.

А брали заговорщиков так. Четверо хорошо одетых мужчин пересекли улицу. Они вышли, ничего не подозревая, из окруженного дома, разговаривая друг с другом. Шли они спокойно, как ни в чем не бывало. В одно мгновение французы набросились на них, повалили на землю и после короткого сопротивления связали. Они были участниками заговора, французскими моряками, одетыми в штатское. В дом ворвались ночью, и одиннадцать главарей были посажены в «надежное место». В ту же ночь французы предстали перед военным трибуналом, на соблюдение формальностей время не тратилось. Тех, кто отказывался говорить, заплечных дел мастера, а такие во французском экспедиционном корпусе, конечно же, были, быстро заставили это делать, и после полуночи все одиннадцать человек были признаны виновными и приговорены к смерти. Приговор

был приведен в исполнение незамедлительно. С грохотом подкатил грузовик, и все одиннадцать, связанные по рукам и ногам, были погружены в него, словно тюки. Они уже простились с жизнью, и ни один даже не шевельнулся. Их привезли на одесское еврейское кладбище, закрыли ворота и расстреляли. Один из них не хотел умирать, несмотря на то, что в него уже всадили три пули. Он лежал на земле, корчась от боли. Ужасное зрелище.

— Ради Бога, стреляйте метко! — выкрикнул он.

Французы выстрелили еще раз, несчастный вскочил на ноги и, о чудо, перепрыгивая через могилы, скрылся во тьме. Началась погоня за беглецом, но он, должно быть, очень хорошо знал местность, так как ему, несмотря на пулевые ранения, посчастливилось сбежать.

Мы точно установили, что беглецом был Юзефович, руководитель одесских революционеров.

Шум погони поднял на ноги русских караульных. Кладбище находилось недалеко от полицейского управления. Теперь пришлось удирать самим французам, У них не было времени даже на то, чтобы закопать расстрелянных, и на следующее утро тела были обнаружены. Русский комендант не имел ни малейшего представления о том, кто убил этих людей. Однако он отдал приказ немедленно похоронить их во избежание скандала. Но сбежавший Юзефович уже предупредил своих соратников по подпольной борьбе, и одесские большевики, охваченные гневом, поклялись отомстить. Все они были уверены в том, что виновник случившегося — я. Были розданы листовки, в которых народ призвали принять участие в массовой демонстрации и похоронах. Многие пришли, но было уже поздно: предусмотрительный комендант распорядился похоронить убитых до назначенного времени.

Мы, сотрудники контрразведки, не расслаблялись ни на минуту, так как из надежных источников было известно, что пресловутого Ласточкина поймать не удалось. Тот человек, которого французы при аресте приняли за Ласточкина, оказался кем-то другим.

Мы вели постоянный поиск и наблюдение, посылали тысячи агентов, все напрасно. Он так хорошо спрятался, что его невозможно было найти в городе, все выходы из которого были надежно перекрыты. Но однажды мы совершенно случайно узнали, что Ласточкин сам ходит в пекарню за горячими булками из страха, что кто-то из его друзей, подкупленный врагами, найдет способ начинить их ядом. Покупая свежеиспеченные булки прямо в пекарне, он мог быть уверен, что они не

отравлены. Кроме булок, он питался только яйцами, которые пил сырыми прямо из скорлупы.

Итак, наши агенты, наконец, напали на его след. Мы искали его по подвалам, дворам, кабакам, по всем углам и закоулкам, по чердакам с выходами на все четыре стороны. Но куда бы мы ни приходили, везде находили лишь спрятанное оружие, а не Ласточкина. И все-таки он был пойман. Французы решили допросить его, но не смогли вытянуть из него ни слова.

Мы оторвали подошвы его ботинок и обнаружили несколько донесений ревкома, а под подкладкой рубахи искусно спрятанные планы расположения тайных складов пулеметов, винтовок, гранат, патронов и взрывчатки, На коже головы, под волосами, был нанесен список командиров Добровольческого корпуса.

С завязанными глазами Ласточкина посадили на французский катер, который доставил его из порта в открытое море, на поджидавший корабль, Потом Ласточкина переправили на другой корабль, где находились десять его сообщников, арестованных к тому времени. Все они были французскими коммунистами. Через час они были расстреляны, тела выброшены за борт, а корабли отправились к родным берегам.

Волнение, охватившее Одессу, не знало границ. Из Москвы тайно прибыло сто чекистов, которые под покровом ночи выловили и вывезли тела расстрелянных, чтобы с почестями похоронить их в Киеве.

В это время моя жена и дети как раз находились в Киеве, и, когда похоронная процессия проходила мимо их дома, они увидели, что рядом с гробами большевиков люди несли несколько чучел, изображавших меня, К шеям чучел были прикреплены плакаты с надписью: «Убейте Орлова!»

На самом деле я не имел никакого отношения к расстрелу в Одессе, Но как я это мог доказать моим врагам?

ТОВАРИЩ ДОРА

Одесса казалась городом мертвых, Непроницаемая тьма, закрытые окна, вокруг ни одной живой души, Выстрелы пушек вдалеке были первым признаком наступления Красной Армии.

Два дня и две ночи я и мои товарищи, выбиваясь из сил, жгли бумаги, уничтожая документальные свидетельства нашей и моей личной борьбы с большевиками. Ничто не должно было попасть в руки чекистов. Мы договорились с французами о том, что старый русский город перейдет под их контроль, и прежде чем подняться на борт парохода, увозящего беженцев в Константинополь, мне захотелось еще раз взглянуть на свой кабинет. И вот я, крадучись,

иду по Одессе, погруженной в кромешную мглу. Трудно было надолго прощаться с Россией. Все произошло удивительно и необъяснимо быстро. Еще вчера только что прибывшие сенегальские войска под звуки оркестра маршировали по улицам города, вселяя в смятенные души надежду на то, что французы всерьез намерены, хотя бы на какое-то время, утвердить здесь свою власть. Действительно, многое в установленном ими порядке нас не устраивало, да и русским женщинам слишком часто приходилось отбиваться на улицах от развязных и назойливых солдат. Поведение французских гостей даже на вечеринках в частных домах было оскорбительно грубым и доводило дам до слез. Горстка спекулянтов, ловких и безжалостных, во главе с сахарными королями братьями Х., до последней нитки обирали голодных одесситов, среди которых было немало их соплеменников. Но вряд ли все это могло заставить Париж хоть на некоторое время силой своих военных навести в городе порядок. Видимо, их больше волновало, как поскорее вывести войска из России. Словом, везде царила страшная неразбериха. Транспортных судов не было, потому что Франция, естественно, использовала их в своих целях.

Нравилось нам это или не нравилось, но французское командование передало власть в городе рабочему Совету. Времени отвезти свое имущество в надежное место ни у кого не было. Красная Армия уже подступала к городу, и большинство людей бежало, не успев ничего взять с собой. Вот так в тот момент обстояли дела в Одессе. Через несколько часов последний пароход должен был покинуть порт. Он был настолько переполнен, что встревоженный капитан умолял осаждавшую его толпу отойти от судна, потому что на нем не было ни места, ни продовольствия для такого количества людей.

Контрразведка Белой армии выделила двух надежных татар, которые должны были охранять меня и выполнять обязанности адъютантов. Эти славные ребята уже с полудня ждали меня на корабле и заняли место в трюме. Сейчас они стояли у трапа, чтобы я в последний момент успел подняться на борт.

Тем временем я крался по темным улицам пугающего своей темнотой города. Я должен был убедиться, что в моем кабинете не осталось ничего, что утром могло бы попасть в руки победителей. Я распахнул дверь. Полная тьма — освещение больше не работало. Ничто не работало. Спичек с собой у меня тоже не было, поэтому я был вынужден на ощупь пробираться сквозь непроницаемый мрак.

Послышался шорох. Нет, это лишь плод моего воспаленного воображения. Я поднялся вверх на несколько ступеней. Нет,

действительно кто-то крадется.

Боже мой, неужели у меня мания преследования? Мне показалось, что наверху кто-то был.

Точно, скрипнули ступени.

Или нет?

Или они скрипят подо мной?

Черт побери! Мой кабинет расположен на четвертом этаже. Если сегодня ночью здесь кого-нибудь убьют, то об этом никогда не узнают. Прежние правители вот-вот покинут город, а новые прибудут только утром, За это время можно, если потребуется, избавиться от сотни трупов.

Что со мной?

Я никогда так не нервничал. Чувство страха было мне почти незнакомо. На протяжении своей карьеры я побывал в стольких передрягах! Я замер, И вдруг!

Что-то зашуршало!

Если бы я мог разглядеть!

Пойду назад.

Но результат будет тот же, Если я поверну на полпути, то покажу…

Неожиданно ко мне метнулась тень, и кто-то схватил меня за горло. Защищаясь, я отбросил его. Темноту разрезал луч электрического фонарика. Я выхватил его из рук противника и попытался ослепить нападавшего ярким светом.

В нем я узнал матроса Фильку. Мне было известно, что ЧК поручила ему убить меня.

Его рука потянулась к боковому карману, но я был быстрее. Застрелив его, я помчался на корабль, на котором уже были готовы к отплытию шесть тысяч несчастных русских беженцев.

Наше судно медленно рассекало морские волны. Была ночь перед Благовещением, и архиепископ Платон, покидавший свою любимую родину, служил на фордеке вечернюю службу.

Шел проливной дождь, и наш корабль то поднимало на гребень волны, то бросало вниз.

Все стояли на коленях и молились, шторм заглушал стенания беженцев, лишившихся крова, денег, имущества и надежды. Их просто несло вперед, потрясенных и отчаявшихся. Куда? Кто знал?!

На следующий день, согласно договоренности с французами, в Одессу вошли двести большевиков. На них были рваные шинели, а некоторые были одеты в женские пальто. Впереди шли музыканты: два трубача, флейтист и барабанщик. Красные флаги и плакаты с призывами записываться в Красную Армию. Тут же были плакаты с угрозами, что если в отряде недосчитаются хотя

бы одного красноармейца, то тысячи горожан будут казнены, и что город будет взорван, если не будут получены 500 миллионов рублей. Председателем ЧК был Калиниченко, помощник бежавшего Юзефовича. Но всех их затмевал палач. А палачом была товарищ Дора.

Откуда она взялась?

Как ее звали на самом деле?

Кто знает?

Это была молодая, красивая женщина, но порок и распутство наложили на нее свой отпечаток. Глаза ее были ужасны — это были глаза хитрой и кровожадной хищницы. Свою настоящую жизнь Дора целиком посвятила ЧК и редко появлялась на улице. Все, что выходило за рамки ее деятельности, не представляло для нее никакого интереса. Обычно она проводила весь день в нетерпеливом ожидании вечера. Слабая и усталая после бессонной ночи, не имея ни малейших интеллектуальных потребностей, она металась в постели с одной лишь мыслью — желанием забыться в кровавом угаре.

Только вечером она начинала жить. Она тщательно одевалась, как будто собиралась на великосветский бал: надевала красивое платье, украшала себя цветами, обливалась духами и принимала большую дозу кокаина. Она превращалась в блестящую и обворожительную женщину: счастливое лицо, умные, лучистые глаза. Она покидала комнату, оживленная, предвкушающая сладостное удовольствие.

Ее уже поджидала компания чекистов. Они пили игристое шампанское, вспоминали веселые деньки, шутили и беззаботно смеялись. Жизнь в этот момент казалась им прекрасной, такой, о которой они мечтали. Дора пила много, но всегда знала меру, постепенно приходя в состояние экстаза. По мере приближения ночи ее глаза начинали лихорадочно гореть нетерпеливым ожиданием, а губы нервно подергиваться.

Веселая оргия продолжается, но вот она, наконец, услышала долгожданный шум подъезжающего грузовика. Сердце Доры забилось в такт с мотором. Возбуждение ее в этот момент столь велико, что она едва может усидеть на месте. И снова все повторяется, как всегда. В дверях появляется вооруженный до зубов чекист, который объявляет, что все готово! Дора подскакивает, как от удара током, принимает еще одну дозу кокаина, осушает бокал и протягивает руку за револьвером. Нервное напряжение достигает предела, и Доре кажется, что еще минута — и будет поздно. Вводят пленного. Несколько секунд она рассматривает его, сжимает револьвер и стреляет. Вот он, момент наивысшего наслаждения! Жертва корчилась в

смертельных муках, а Дора наблюдала агонию с выражением удовлетворенной страсти. Все кончено, труп уносят. «Следующий!»

Вид новой жертвы опьяняет. Снова выстрел, чувство сильного напряжения, облегчение, а затем полное изнеможение, пресыщение и отвращение!

Эта жестокая женщина всего за несколько ночей расстреляла свыше семисот русских. Когда через короткое время Добровольческая армия вновь вступила в Одессу, в городе были обнаружены подвалы, заполненные телами убитых, повсюду были видны следы пыток: отрубленные пальцы, куски человеческой кожи.

Освобожденные ликовали. Дора была схвачена. Военный суд приговорил ее к смертной казни через повешение. Стоя на эшафоте, она хладнокровно накинула петлю себе на шею. О таком конце она мечтала и умерла со счастливой улыбкой на губах.

ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

Берлин! Место, где можно жить и спокойно работать. Позвольте мне не рассказывать обо всех моих захватывающих странствиях, нападениях на поезда, боях под командованием Врангеля, мирных переговорах, болезнях и сложном расследовании, проведенном разведкой на западной границе Советского Союза.

Довольно. Я живу в Берлине и руковожу разведкой Белой армии. Берега Шпрее — отличное место для наблюдения за большевиками. Из штаба нашей армии в Константинополе поступил приказ собрать сведения о реорганизации, проводимой в Красной Армии. Кроме того, я должен был пристально следить за их работой в России и зарубежных странах.

В Берлине было легко установить связь с Петроградом, Москвой, Киевом, Харьковом и Одессой и приобретать агентов из числа персонала большевистских учреждений за рубежом — посольств, торговых представительств и фирм. Для этого не нужно было много денег, поскольку большинство моих людей занималось этим делом сейчас просто, как говорится, из любви к искусству, а отчасти, чтобы иметь кое-что на черный день.

Я постоянно получал ценные сведения из Западной Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии. За рубежом действовали главным образом три большевистские организации. Это — Секретное оперативное управление Коминтерна, Разведуправление Реввоенсовета и иностранный отдел ОГПУ

(ИНО). Цели у этих организаций одни и те же — подготовка к последующему присоединению к Советскому Союзу других государств и превращение их в колонии для продолжения коммунистических экспериментов, шпионаж и распространение ложной информации.

Наибольший интерес представляет ИНО и его подразделение, носящее название «Board of Enterprise». Среди его задач подготовка фундамента для будущего ГПУ в тех странах, которые Советский Союз собирается аннексировать.

В связи с тем, что обстановка в Советской России нестабильна, деятельность ИНО сопряжена со все большими трудностями. Во главе отдела стоят Трилиссер и его представитель Лобанов-Бустрем, бывший красный дипломат в Берлине.

Работу данного отдела контролирует сам Сталин, который многое делает для ее дальнейшего улучшения. Ежемесячно на деятельность ИНО в Центральной Европе выделяется двести тысяч долларов, в Южной Европе — пятьдесят тысяч долларов. Помимо этого ОГПУ получает для ИНО значительные суммы денег из фондов Коминтерна, которые расходуются на деятельность советской агентуры за рубежом.

Падение морального духа в Советской России вынудило ИНО более активно противодействовать антибольшевистским организациям. Вот почему секретным подразделениям ИНО, действовавшим под прикрытием различных политических и экономических структур, стали выделять больше средств. Незадолго до этого два отдела ОГПУ, связанные с секретариатом Генерального секретаря Коммунистической партии России, то есть с личным аппаратом Сталина, были реорганизованы.

Первое подразделение носило название «Контра и дезо», что означает отдел контрпропаганды и дезорганизации, Этот отдел умело работал по выявлению контрреволюции и антибольшевизма и, побуждая противников к преждевременным действиям, добивался крушения их планов. Отдел имел филиалы и агентов за рубежом, контроль за деятельностью которых осуществлял лично Трилиссер, и в основном пользовался услугами бывших контрреволюционеров, которых ВЧК-ОГПУ в определенный момент взяли под свою защиту. В основе фальшивок лежали либо подлинные сведения, либо информация, сфабрикованная агентами ОГПУ. В ОГПУ это отделение было известно под названием «Канева». С помощью агентов-провокаторов фальшивкам придавался желаемый оттенок, после чего эти якобы нелегальные документы распространяли как в России, так и за рубежом.

Главным образом эти фальшивки распространяли за границей через местную печать, причем посредники не знали, что документы являются подделкой даже в тех случаях, когда посредники сами были агентами ОГПУ. Более простые документы, например открытые письма, подписанные «раскаявшимися», и разного рода предупреждения от тех, кто только что вернулся из стана врага, изготовлялись под руководством Трилиссера.

Излюбленной формой пропаганды были письма, якобы написанные негодующими сыновьями своим отцам, Так, в 1928 году среди коммунистической молодежи ходило клеветническое письмо, якобы написанное сыном китайского генерала Чан Кайши и адресованное отцу. В том же году сына Чан Кайши сменил сын бухарского эмира. Это письмо было ответом на призыв бывшего эмира к народу Туркестана взяться за оружие. Что было ложью, а что правдой, так и не удалось раскрыть, но со всей уверенностью можно утверждать, что своим успехом эта подделка обязана Трилиссеру. Очень часто ОГПУ публиковало документ, чтобы ответить на него другим документом, с целью разжигания полемики.

Отделу «Контра и дезо» было придано так называемое «Бюро по использованию информации», куда стекались материалы из эмигрантской прессы, а также сведения, почерпнутые у эмигрантских политиков. Бюро собирало все, что имело отношение к секретной деятельности Советов, мнения о том, как свергнуть большевиков: газетные вырезки, сообщения агентов, обширные комментарии и т. д. На основании всех этих данных составлялись подробнейшие отчеты и докладные записки относительно эмигрантов, о возможных затруднениях в секретной деятельности большевиков и реализации их планов.

Агенты, имеющие особые полномочия — специалисты, агенты-провокаторы и шпионы, обычно назначаются ИНО на какие-нибудь безобидные должности в зарубежных представительствах, например секретарями в посольство, швейцарами в крупные коммерческие компании или даже стенографистками в различные российско-немецкие фирмы, чтобы скрыть их преступную деятельность.

В начале 1924 года, когда коммунисты поняли, что их надежды на внезапный пролетарский переворот в Германии не оправдались, тактика органов информации, которые раньше занимались революционной пропагандой, претерпела неожиданные изменения. ОГПУ в Берлине вернулось к своей специфической работе, а деятельность по разжиганию революционных настроений в Германии отошла на второй план.

Та часть агентов, которую больше всего заботило укрепление партийных рядов, по-прежнему оставалась в распоряжении немецких коммунистических органов информации и сводила счеты с теми коммунистами, на кого пало подозрение в предательстве и сотрудничестве с полицией. Они также вели активную борьбу с политическими противниками, разжигали мелкие очаги недовольства, которые затем должны были перерасти во всеобщее вооруженное восстание. И, кроме того, занимались военной подготовкой и обучением немецких коммунистов для собственного ЧК. Таким образом, небольшие группы постепенно объединились в единое специальное подразделение, состоящее исключительно из коммунистов-фанатиков. Во главе его стояли Головин, Исхаков, Чирков, Коржев, Грабкин, Куприянов, Ионов, Коростелев, Михайловский, Волосатов, Семенов, Никаноров, Перегаров, Гаранкин. Разумеется, все эти люди носили вымышленные фамилии. Руководил группой Мостовенко, советский посол в Чехословакии, который одновременно руководил секретной работой большевиков в Германии по линии Коминтерна. Работа данной группы заключалась в том, чтобы обезвреживать опасные элементы, руководить реорганизацией и, в случае необходимости, иметь наготове оружие и паспорта. Короче говоря, это был штаб и комиссариат для ведения в Германии гражданской войны; место расположения его менялось в зависимости от ситуации.

В силу обстоятельств ИНО постепенно перешел к выполнению более мелких заданий и отказался от осуществления более честолюбивых планов, Теперь его функции ограничивались наблюдением за антибольшевистскими элементами, попытками внести раскол в их ряды и спровоцировать конфликты с полицией и правительственными чиновниками. Для достижения этих целей они постоянно использовали любые доступные им средства, прибегали к помощи лиц и организаций, занимавших нейтральную позицию, а также различных информационных бюро.

Этот отдел не привлекал к работе борцов за коммунизм. Только настроенные нейтрально были способны посеять семена взаимного недоверия, ненависти и интриги в антибольшевистских рядах. Только они могли проникнуть в их среду и выступить с обвинениями в адрес полиции. Они должны были фабриковать ложную информацию и разваливать любые начинания, которые, по их мнению, могли быть плодотворными.

К примеру, усилиями Рубинштейна, агента ИНО в Берлине, деятельность этого органа была поднята на небывалую высоту. Все антибольшевистские организации постоянно раздирали

противоречия. Рубинштейн прекрасно понимал, как расположить к себе различных общественных деятелей, имеющих связи с полицейскими властями и вхожих в официальные сферы. С помощью таких надежных агентов Рубинштейн добился заметных успехов в своей работе.

Создавая зарубежные центры, руководство ИНО осознавало преимущества, связанные с использованием опытных шпионов, знакомых с порядками в полиции и ее сотрудниками, своими давними противниками с довоенных лет.

Деятельностью ИНО, Коминтерна и разведки в Германии руководили Менжинский, Трилиссер и Парвус. Несмотря на то, что Парвус был одним из организаторов, ему удалось сколотить солидное состояние благодаря своей шпионской деятельности.

Все большевики, включая Радека и Мануильского, опасавшиеся, что будут высланы из страны германской полицией, бывали на его вилле, расположенной между Потсдамом и Берлином. Правой рукой Парвуса в организации большевистского Центрального бюро был Фюрстенберг-Ганецкий. Огромную помощь Парвусу оказывал некий Андреас Близниченко. Этот человек был прислан из Москвы для создания центров ИНО и организации немецкой ЧК по образу и подобию российской. В течение некоторого времени Близниченко жил в Берлине под своей истинной фамилией Хеллмунд-Скоблевский-Осол.

Среди главных организаторов шпионских центров в Западной Европе можно назвать Лобанова-Бустрема, Сидорина-Шульц, Степанова-Закса и Червякова. Все эти люди в течение определенного времени жили в Берлине под вымышленными фамилиями, которые даже фигурировали в дипломатических списках. С разрешения комиссии по иностранным делам технический подотдел ИНО в Москве продлил срок действия их паспортов.

Во главе центров в Париже стояли Пирунов, секретарь посольства, Дивилковская и другие; в Варшаве — Зубов, глава дипломатического представительства, и Балашова, сотрудник этого представительства; в Данциге — Винафер, сотрудник советского представительства; в Лондоне — Шилинский и Миллер, оба сотрудники большевистской организации «Аркос»; в Эстонии — Свинов; в Праге — вице-консул Димов; в Италии — доктор Левин; в Северной Африке — Михельсон и Гродзетский.

Трилиссер и его заместитель Лобанов-Бустрем возглавляли ИНО с самого начала его деятельности и до сих пор занимают свои посты.

Помимо различных оперативных подразделений, ИНО располагал за границей подразделениями, деятельность которых

часто разоблачала полиция. В основном они занимались изготовлением фальшивых паспортов, печатей, штампов и т. д. Кроме того, при всех центрах ИНО были созданы специальные лаборатории для подделки документов и паспортов, которые предполагалось использовать в ходе надвигающихся восстаний и гражданских войн. В лабораториях также имелись значительные запасы возбудителей холеры, тифа и дифтерии. Их помещали в бактериологические бомбы, которые по мере необходимости привозил в дипломатическом багаже из Советской России некий Маслокович. ИНО вел строгий учет и проверку всех подозрительных лиц, способных причинить вред, устанавливал их адреса, связи, профессиональную деятельность, личные качества.

Еще в марте 1927 года в руки полиции в Лиссабоне попали два списка людей, которые, в случае победы большевиков в Португалии, подлежали уничтожению. Первый список содержал фамилии тех, кого подозревали во враждебном отношении к большевизму; их предполагалось уничтожить в первую очередь. Во втором списке были фамилии революционных политиков, которых следовало убить по мере развития событий. Только после уничтожения всех перечисленных в списках португальские коммунисты должны были установить подлинный красный террор. Такие списки существуют во всех странах, где есть советские представительства или агенты коммунистов.

СЕКРЕТНЫЕ «ДОСЬЕ» НАДЕЖНЫХ АГЕНТОВ

Как только полиция приходила с обыском в большевистский центр, фирму или контору, руководители немедленно уничтожали все компрометирующие документы.

Летом 1929 года во время обыска в советском представительстве в Харбине были обнаружены две комнаты, служившие химической и фотолабораториями. Там же была найдена радиостанция с приемным и передающим устройством, а также хитроумное устройство для сжигания бумаг.

Согласно инструкциям, каждый ответственный сотрудник советского консульства должен иметь револьвер с патронами, бутылку с бензином, ведерко с углем и спички, а ключи от своего рабочего стола носить в кармане.

В секретных комнатах с табличками «Посторонним вход воспрещен» были обнаружены списки коммунистов с пометками о степени надежности против каждой фамилии. Кроме того, были обнаружены списки дипломатических курьеров, эмигрантских организаций и их членов, платных агентов полиции, сотрудников местных учреждений с пометками об их надежности. Найдены были и списки членов антибольшевистских организаций.

В одной из подвергнутых обыску комнат нашли лишь пепел, по-видимому, очень интересных документов. В ИНО прекрасно понимают, что есть страны, где им не добиться успеха, но где на короткое время можно создать обстановку хаоса и, воспользовавшись этим, убрать неугодных людей. Черные списки составляют руководители местных центров ИНО при содействии компартии, коммунистических молодежных организаций и даже пионеров, шеф ИНО Трилиссер тоже принимает в этом участие. Затем они вносятся в главную картотеку, Немецкая полиция, к примеру, обнаружила несколько таких списков.

17 октября 1921 года ГПУ направило всем своим представителям за рубежом распоряжение, требующее ставить определенный секретный знак около вывесок всех банков, финансовых учреждений, на домах некоторых чиновников, членов общественных организаций, а также на зданиях коммунальных служб, обеспечивающих города газом и водой. Эти знаки следовало наносить мелом или карандашом, чтобы на стенах и заборах они выглядели как детские каракули.

В Осло и прилегающих к нему районах использовались следующие знаки:

«I» белым мелом — «опасный враг»;

«V» красным мелом — «офицер резерва, антибольшевистский

шпион»;

«склад электрооборудования» — белым мелом;

«склад боеприпасов» — синим мелом;

«дом полицейского, пользующегося полным доверием»;

на здании министерства юстиции и комнатах, где хранились важные документы.

Эти инструкции были разосланы центром по почте во все коммунистические ячейки в армии, в органы печати, в спортивные клубы и молодежные организации.

Помимо прочего, в обязанности ИНО входило предоставление Комиссариату иностранных дел бланков паспортов, как подлинных, так и фальшивых, для их использования сотрудниками консульств в различных зарубежных странах. Возможности ИНО по оформлению паспортов были весьма широки, и существовала определенная школа расценок. В каждом подразделении ИНО имелся перечень с указанием цены, цели оформления и места доставки.

В Берлине, Антверпене, Данциге, Вене и Константинополе в 1929 году существовали следующие расценки:

подлинный польский паспорт, выданный консульством, оформленный на любую фамилию, с фотографиями — триста долларов;

паспорт, выданный румынским консульством, оформление в течение трех недель — четыреста долларов;

паспорт Республики Никарагуа, оформление в течение двух месяцев — тысячу долларов (банкиры Левин и Раппопорт бежали из Берлина в Бразилию с такими паспортами);

швейцарский паспорт, срок оформления — один месяц — восемьсот долларов.

Все эти паспорта были подлинными и визировались другими странами без задержки. Тот факт, что ИНО, разведка и Коминтерн имеют за рубежом определенное количество агентов, из которых только половина является выходцами из Западной Европы и лишь одна десятая часть возвращается в Россию, доказывает, насколько успешна работа ИНО.

Исчезновения большевистских агентов в Европе объясняются тем, что их советские паспорта обмениваются на заграничные. Эту работу ИНО выполняет умело и успешно. Без помощи технического отдела ИНО красный дипломат Лобанов никогда не стал бы Бустремом, равно как и Шульце никогда не превратился бы в Сидорина. Бенарио, Браун, Бозенхар, Андреас Близниченко и сотни других не ускользнули бы из рук немецкого правосудия.

ТАЙНЫЕ СДЕЛКИ, БАНКОВСКИЕ СЧЕТА И

САМОУБИЙСТВА

Одним из самых важных подотделов ИНО, имеющих чрезвычайное значение для ОГПУ и политической агитации, развернутой большевиками за рубежом, является «Экспериментальный совет». Он был создан в то время, когда политические или полицейские предписания не позволяли ассигновать деньги непосредственно шпионам и агентам, особенно в тех странах, которые не признали большевиков и где они не пользовались дипломатическими привилегиями. Поэтому приходилось прибегать к иным способам.

На вымышленные фамилии приобретались фабрики, дома или компании, открывались банковские счета. Подобным же образом делались и капиталовложения. Размещенные таким образом деньги, естественно, шли на шпионаж, пропаганду и политическую агитацию в конкретной стране.

Примером может служить торговля спичками в Германии, а также скандально известный аукцион краденых картин и мебели, организованные ИНО.

Обнаруженный французской полицией банковский счет А. Хари, бывшего директора банка в Одессе (в Одессе он некоторое время был датским, а затем французским консулом, позднее жил в Париже, Берлине и Константинополе), подтвердил тот факт, что Москва пользовалась этими деньгами через ИНО. Информация о счете получила огласку, и Хари покончил жизнь самоубийством. Аналогичный случай произошел с Григорием Лесиным, полномочным представителем Москвы, некогда работавшим брокером на Петроградской бирже. ИНО переводил на его счет значительные суммы, и он вовсю оперировал ими. Но когда Лесин, находившийся тогда в Париже, лишился денег, то перерезал себе горло бритвой.

Незадолго до парламентских выборов 1928 года французские власти занялись выявлением таких счетов. Результаты превзошли самые смелые ожидания.

В «Американ бэнк» был найден счет, через который ежемесячно проходило от двадцати пяти до тридцати миллионов франков. Разумеется, после того, как счет был обнаружен, он уже не представлял никакой ценности для ИНО и был закрыт.

Естественно, по мере того, как власти находили подобные счета, ИНО открывал новые, но уже на других лиц.

Поскольку большевики хотели застраховать себя от любых неожиданностей, вроде судебных исков, ареста имущества и т. д., они переводили часть средств, предназначенных для использования за границей, иногда даже для вполне законной

деятельности, на фиктивные счета, которые можно было подтвердить соответствующими документами, удостоверяющими право собственности. Для прикрытия этих махинаций всегда находились надежные люди.

Весной 1928 года сэр Уильям Джойсон Хикс (ныне лорд Брентфорд) дал подробные объяснения по поводу московских аккредитивов и привел статистические данные. В Русском коммерческом банке были обнаружены не только счета, открытые на фамилии подставных лиц, с оборотным капиталом, никак не соответствующим личным средствам «вкладчика», но и счета английских коммунистов. Деньги поступали из Берлина в виде переводов или чеков и всегда выдавались получателю мелкими купюрами или серебром. В целом механизм был таков: советский банк платил деньги своим «клиентам», а те в свою очередь передавали их большевистским агентам и шпионам. Министерство внутренних дел Великобритании приняло решение ввести жесткий контроль за аккредитивами частных лиц. В результате стало известно, что некий англичанин, Бенкан, играл на бирже, продал значительную сумму в долларах и для сокрытия сделки положил деньги в английской валюте на свой счет. Затем он снял эти деньги, выписав чек, и передал их агентам Москвы. В деле также был замешан торговый атташе большевиков в Лондоне Анин. Бенкан был типичным примером успешного использования коммунистическим режимом принципа «двойного дна». Официально числившийся младшим клерком банка, Бенкан на самом деле был агентом ИНО.

По словам бывшего советского дипломата, бежавшего из представительства, в Югославии было особенно трудно передавать деньги агентам и шпионам. Поэтому ИНО купил хромовые рудники. Когда потребовались крупные финансовые средства, прибегли к услугам солидного торговца, который купил рудники у подставного владельца. Вырученные деньги были немедленно переданы ИНО.

В феврале 1923 года в Берлин прибыл Сергей Сибин, бывший секретарь министра внутренних дел Лопухина. Он сообщил о своем прибытии в ИНО и получил задание осуществлять операции с недвижимостью. Прибыль от сделок должна была, естественно, пополнять фонды ИНО, что позволяло избежать опасности, связанные с прямыми ассигнованиями средств. Сибин действительно был русским, и поэтому никому и в голову не пришло, что он занялся бизнесом не по собственной инициативе. Однако на первых порах деятельность Сибина, по-видимому, не увенчалась успехом, и он был вынужден вернуться в Москву. Позднее он вновь появился в Западной Европе, но на этот раз в

сопровождении женщины-агента ИНО Самсон, путешествовавшей по испанскому паспорту, выданному на имя Кармен Слиахельсе. Сибин со своей наставницей приобрел необходимые предприятия, оформив их частично на себя, а частично на подставных лиц. Самсон также сопровождала одного американца, который покупал дома для ИНО.

Особый интерес представляла операция со спичками. Большевики выбросили на рынок огромную партию спичек по ценам, которые, видимо, не покрывали даже расходы на производство. Такая сделка не могла принести ничего, кроме убытков. Ходили слухи, что московское правительство хочет составить конкуренцию шведскому спичечному синдикату. На самом деле пострадала лишь немецкая спичечная промышленность, которая была вынуждена сократить производство, что привело к росту безработицы в стране. Главный же смысл этой авантюры заключался в том, что большевики нуждались в иностранной валюте.

Дружиловский, Сидорин и другие должностные лица, которые принимали активное участие в деятельности большевиков как внутри страны, так и за рубежом, неоднократно заявляли, что три четверти всех денег, полученных большевистскими информаторами от продажи фальшивых документов, сфабрикованных ИНО, поступало в «Экспериментальный отдел», а оставшаяся четверть распределялась между агентами, посредниками, журналами и информационными службами.

Цена на такие документы устанавливалась ИНО. Посредники, естественно, не заслуживали большого доверия, и поэтому едва ли можно было надеяться, что они честно переводили на счет все деньги. В ИНО было хорошо известно, что посредники всегда указывают меньшие суммы, нежели полученные ими в действительности. Иногда ИНО передавало своим агентам для продажи подлинные документы с тем, чтобы укрепить доверие к ним со стороны иностранных властей и прессы. Кроме того, подлинные документы повышали интерес органов информации к источнику и своей подлинностью подтверждали информацию, полученную из других источников.

В этих случаях главная работа ИНО заключалась в том, чтобы подлинные факты и высказывания не раскрывали их реальных сил и возможностей.

РАДЕК ДОЛЖЕН СПАСТИ БЕСПОМОЩНУЮ ГЕРМАНИЮ!

По мнению Москвы, Коммунистическая партия Германии не имеет вождей. После провала спартаковского восстания немецкий пролетариат достоин презрения и рассматривается лишь как пушечное мясо для следующей революции.

Поэтому политическое руководство восстанием было возложено на товарища Радека, который вместе с Парвусом с небывалым рвением разрабатывал в Берлине свои планы, занимался пропагандой, организовывал тайные заговоры и тянул свои щупальца к различным правительственным органам — полиции, армии и даже к организациям консервативного толка. Оптимизм Радека побудил Коминтерн и Главное командование Красной Армии принять срочные меры по созданию в Берлине военной организации, призванной сыграть заметную роль в приближающихся важных событиях (речь идет о подготовке восстания в 1923 году). Нужно было под тем или иным благовидным предлогом прислать сюда все организующее ядро, сформированное Кремлем, и разместить его в дипломатической миссии или торговом представительстве в Берлине.

В Берлин прибыл Вацетис. Он был одним из высших командиров Красной Армии и известным специалистом по Гражданской войне в России, Туда же под фамилией Полянин приехал Тухачевский, молодой человек крупного телосложения, с непроницаемым выражением лица и крючковатым носом, очаровавшим всю Фридрихштрассе своими размерами. Приехал и герой болгарской революции Корешков, грязный, трусливый и ограниченный. Где бы ни появлялся, он дискредитировал коммунистов, но, тем не менее, его считали мастером конспирации. Менжинский, Ягода и Трилиссер тоже прибыли под чужими фамилиями и с бесчисленным количеством паспортов в карманах.

Наконец военный и террористический аппарат был приведен в готовность, в полной безопасности разместившись в советской дипломатической миссии и торгпредстве.

Товарищ Артур временно взял руководство на себя. По паспорту его фамилия была Степанов, на самом деле — Финкельштейн[1]. Он был глазами и правой рукой Коминтерна в Германии. Поскольку он входил в состав Революционного совета, даже посол Крестинский зависел от него и не мог принять никакого решения, не проконсультировавшись с ним. Его сотрудники размещались в посольстве, где нашел убежище и руководитель ГПУ Лобанов-Бустрем и где во время своих периодических приездов ночевал Трилиссер.

Сотрудники имели в своем распоряжении самое современное оборудование, фотографическую и химическую лаборатории для

тайнописи и печати. Они располагали собственными финансами, независимо от посольства, и всегда имели большие резервные фонды в различной валюте. У Степанова было два помощника — Петров и Петровский, последний имел кличку товарищ Бронек и был правой рукой Степанова. Как его звали на самом деле, неизвестно, известно лишь, что он был польским рабочим. Этот человек, всегда мрачный, с парализованной правой рукой и негнущейся шеей, вызывал у всех страх. Он был самым кровожадным и безжалостным из всех чекистов. Его лицо, непроницаемое как маска, никогда не озарялось улыбкой и имело выражение бесстрастное и бездушное. Другой помощник, Петров, был французом, его настоящая фамилия — Гарнье. Он служил механиком на французском флоте и говорил по-русски с ужасным акцентом, но поскольку досконально знал военную технику, его назначили ответственным за покупку всего вооружения и дали поручение создать склады оружия в Берлине. Один из его помощников, который перевозил партию оружия по улицам немецкой столицы, был настолько пьян, что подцепил какую-то девицу и выболтал ей все, что знал об имевшемся у коммунистов военном снаряжении.

В советской миссии, а также в торговом представительстве находилось бесчисленное количество латышских и немецких коммунистов, которые хорошо говорили по-русски и, которым позже предстояло сыграть определенную роль. Каждый знал, что должен сделать по сигналу из миссии или из торгпредства.

В июле 1923 года на политическом горизонте Берлина появилась зловещая фигура, плотный мужчина мощного телосложения с отекшими руками и не слишком интеллигентными чертами лица. Внешне он был похож на докера или матроса. Прибыв на вокзал, он прямиком направился в советское посольство, где его ждал теплый прием. Даже Степанов изо всех сил старался быть приветливым. Как и всем важным гостям, ему отвели комнату в посольском крыле, где он мог пользоваться полной неприкосновенностью, благодаря имевшемуся у него пропуску, и правом экстерриториальности посольства.

Через несколько месяцев таинственный незнакомец был арестован берлинской полицией в метро. При аресте он назвался Скоблевским, но его дипломатический пропуск был оформлен на фамилию Горев. В московском военном ведомстве он был известен под обеими фамилиями. Латыш по рождению, Скоблевский был одним из самых важных сотрудников ЧК и ГПУ в Советской России. Он принимал личное участие в казнях приговоренных к смерти и имел репутацию человека, очень

экономно расходовавшего патроны, потому что всегда отправлял свои жертвы на тот свет одним выстрелом, Его самый близкий друг, Трилиссер, сказал о нем: «Он большой специалист по части отделения души от тела».

Немецкая полиция считала, что Горев-Скоблевский был лишь организатором немецкой ЧК, но на самом деле его обязанности были гораздо шире. Он был командующим немецкой Красной армией. Жестокость и бессердечность Скоблевского поражали даже коммунистов. Крайне неразборчив в средствах, он представлял собой совершенную машину, никогда не допускавшую малейших проявлений человеческих слабостей. Он был лишен сострадания, угрызений совести или переживаний. Цель для него оправдывала любые средства. Горев-Скоблевский посетил Гамбург, Саксонию, Брауншвейг и Рейнскую область. Но, прежде всего он организовал ЧК, потому что был убежден, что КПГ невозможно сплотить без террора. По его указаниям было подготовлено вооруженное нападение немецких рабочих на французские войска, чтобы развязать новую войну между Францией и Германией. В любом случае это создало бы для правительства Германии большие международные осложнения. Но сопротивление немецких рабочих расстроило планы Москвы. Тогда Степанов и Горев-Скоблевский разработали план восстания пролетариата в промышленных центрах Германии, к которому должны были присоединиться центральные административные органы и армия. Но план заговорщиком не удалось реализовать. Помешали этому и разногласия с Радеком. Правительству Германии вскоре стало известно о крайне серьезном положении дел, и Скоблевскому пришлось вернуться в Москву под наблюдением полиции.

ШПИОНЫ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ БЕСПЛАТНО

Бюджет, выделяемый посольством и торговым представительством в Берлине на нужды разведки, рос с каждым годом. В 1920—1921 годах она обошлась всего лишь в восемнадцать тысяч фунтов стерлингов; в 1921—1922 годах бюджет разведывательного отдела посольства (не включая военную разведку) достиг общей суммы в двадцать три тысячи фунтов стерлингов. Секретные фонды торгпредства не фигурировали в финансовых отчетах. В 1923 году Москва выделила разведывательному отделу в Германии полмиллиона фунтов стерлингов, большая часть этой суммы поступала иностранным агентам Российской коммунистической партии для дальнейшей организации восстания в Саксонии и других частях

Германии.

Военной разведкой руководил Революционный военный совет Республики, находившийся в Москве, и все советники в других странах были связаны с центром. В соответствии с утвержденным планом Совет организовал специальные курсы шпионажа. Во главе иностранного отдела были люди, пользовавшиеся покровительством руководителей оперативного отдела.

Товарищ Северный и его коллеги Виленский, Ельский (Яблонский) и Пельтцер с момента создания организации входили в ее совет. Их работа заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону представителей верховного командования иностранных армий, подкупить редакторов и журналистов и поддерживать связь с завербованными адъютантами иностранных военачальников. Этой организации были выделены огромные средства, в основном в английской валюте. На последнем совещании руководителей шпионских организаций приводились следующие данные о численности агентов в иностранных государствах. Две тысячи человек во Франции. Шестьсот — в Австрии, по триста — в Италии. Польше и Югославии, двести двадцать — в Америке, двести — в Турции, сто пятьдесят — в Румынии, по сто двадцать — в Чехословакии и Англии, сто десять — в Германии и пятьдесят — в Сербии. Эти цифры не включают людей, направленных за границу по линии официальных различных советских организаций и учреждений.

Со временем Разведывательное управление ГПУ и Народный комиссариат по иностранным делам ограничили финансирование, потому что Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала мог сам справляться со всей разведывательной работой, используя местных коммунистов, особенно молодежные ассоциации, которые тянули жребий, кому достанется честь сотрудничать с ним. Этот метод оказался гораздо более дешевым и надежным, чем платные агенты.

В обязанности иностранных организаций входит наблюдение за всеми иностранцами, посещающими Советский Союз. Такого рода агентов можно обнаружить на всех кораблях. Такое же наблюдение ведется за всеми русскими, живущими за рубежом или на границе.

Иностранные отделы имеют огромное влияние на всех дипломатов Советского Союза, потому что от них зависит назначение на должность секретаря посольства.

Любой представитель Советского государства, совершивший, по мнению советника, хотя бы незначительный проступок, тут же бесследно исчезает. С мелкими чиновниками просто расправлялись, более важных под тем или иным предлогом

отзывали в Москву, где их арестовывало и уничтожало ОГПУ.

Опасаясь, что вооруженные силы Германии в числе других структур окажутся под влиянием антисоветской фракции, большевистские шпионы в Германии вели агитацию в армии. Время от времени советские дипломаты Финкельштейн, Карахан и Фюрстенберг проводили инспекции европейских загранпредставительств. В последние годы загранпредставительства, связанные с немецкими промышленными концернами (особенно техническими), привлекали к себе более пристальное внимание. Затрагивавшиеся интересы были настолько важны, что в некоторых странах создавались разветвленные организации по защите от экономического шпионажа.

Джентльмены удачи всегда находили дорогу к посольству на Унтер-ден-Линден или к соответствующим учреждениям в других европейских государствах, чтобы заработать себе на жизнь таким опасным способом. Им, конечно, тут же указывали на дверь, поскольку посольства не любят компрометировать себя. Но всегда находился незаметный и незначительный сотрудник, который мог дать таким посетителям адрес, по которому в условленное время встречались агенты.

Иногда в этих встречах участвуют весьма уважаемые дипломаты, но их отзывают крайне редко, даже если об этом становится известно. Те же, кого отзывают, через какое-то время вновь отправляются за границу с новыми паспортами.

У КАЖДОГО СВОЙ ПЕЧАТНЫЙ СТАНОК

Почтенного возраста служащий Центральной государственной кассы сидел за барьером, обменивая банкноты, которые время от времени протягивали ему посетители. Человек, стоявший снаружи, просовывал в окошко все новые и новые листы рублевых банкнот; четыре листа, пять, десять — всего восемьдесят тысяч рублей.

«Странно, — подумал старый кассир, — эти банкноты, кажется, гораздо меньше, чем другие».

— Подождите минуточку, — сказал он и быстро скрылся за дверью контрольной лаборатории. Здесь он сразу же увидел, что на бумаге нет водяных знаков и что на каждом листе напечатано по шестнадцать рядов банкнот вместо обычных двенадцати. Наглая, неумелая подделка!

Он вернулся к окошку и предложил обменять остальные банкноты. В тот момент, когда посетитель передавал их кассиру, подошедшие сотрудники кассы задержали его. Он сразу во всем

признался и выдал своих сообщников. Их немедленно арестовали, а печатный станок конфисковали. Преступники успели пустить в обращение три с половиной миллиона банкнот; остальные были изъяты. Первое время негодяи использовали настоящую бумагу из государственной типографии, и подделки практически невозможно было отличить от настоящих денег. Но однажды, отмечая свой успех, они выпили лишнего и, забыв об осторожности, стали печатать деньги на любой бумаге, какая подходила по формату для станка. Фальшивомонетчикам дали по году исправительных работ, а семь миллионов фальшивых банкнот были конфискованы, проведены через Государственную кассу и пущены в обращение как настоящие.

В другой раз в руки ЧК попался крупный спекулянт. Для того чтобы оценить масштабы его операций, чекисты предложили освободить его за один миллион рублей. Спекулянт заплатил не моргнув глазом. Неделю ему позволили наслаждаться полной свободой. Потом снова арестовали и повторили тот же маневр, На этот раз с него потребовали два миллиона. Спекулянт расстался с деньгами так же легко, как и в прошлый раз.

«Ага, — подумали чекисты, — это и, правда, крупная дичь».

Арестовав его в третий раз, они потребовали пять миллионов рублей. Спекулянт задумался, поколебался и попросил два дня отсрочки. Те согласились, и ровно через два дня, минута в минуту, деньги лежали на столе. Это была настоящая сенсация.

— Этот человек искусный мошенник! Чем же надо спекулировать, чтобы так быстро собрать такие огромные суммы?

Дав несчастному немного опомниться, они потребовали новой жертвы.

— Сколько на этот раз? — спросил прохиндей. — Десять миллионов!

— Нет, это невозможно. Столько мне не осилить.

— Очень хорошо, тогда выбирай: или деньги или к стенке.

— Вы дадите мне время собрать деньги?

— Пять дней.

— Да вы что?! Мне нужно не меньше двух недель!

— Хорошо, неделя! И ни дня больше, иначе — к стенке!

Неделя прошла, и спекулянт явился в ЧК. Под мышкой он нес огромный сверток, а за ним шли два парня и тащили что-то тяжелое. Запыхавшийся спекулянт остановился перед изумленными чекистами и попросил у них прощения.

— Здесь семь миллионов, — сказал он. — На большее у меня не хватило времени. Остальное можете допечатать сами. Станок я захватил с собой.

СОВЕТЫ СПЕКУЛИРУЮТ НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ

В 1917—1921 годах среди населения укоренилось мнение, что все денежные знаки, кроме царских рублей, — фальшивка, кто бы их ни печатал. Был период, когда дензнаки печатались только с одной стороны листа и мало чем отличались от бутылочных этикеток. Любую хозяйку, у которой имелась такая бумажка достоинством в пятьсот или тысячу рублей, интересовало одно: удастся ли обменять ее на фунт конины; происхождение купюры ее мало волновало.

Для русских все это не имело особого значения, однако иностранцы соглашались вести расчеты только в долларах или фунтах стерлингов. С этим у Советов было труднее. Однако и эту проблему им вскоре удалось решить. В 1922 году в Вене были обнаружены фальшивые английские банкноты, практически ничем не отличавшиеся от настоящих. Только в одном месте буква «n» была напечатана вверх ногами. Расследование показало, что банкноты, в основном достоинством в один и пять фунтов стерлингов, поступали в Вену из Константинополя. Несмотря на непрерывный вывоз, количество их не уменьшалось, а постоянно увеличивалось, и вскоре было установлено, что печатают фунты в Советском Союзе. В Одессе был арестован и отдан под суд коммерсант Делафар, получавший фальшивые британские банкноты от советских государственных органов и обменивавший их на французские франки.

Французское министерство по делам колоний выступило с официальным заявлением, в котором говорилось, что в 1926 году в одном из портов Франции встал на якорь для погрузки угля советский пароход «Ереван». После отплытия парохода обнаружилось, что капитан расплатился за уголь фальшивыми деньгами.

Чекист Сумароков, бежавший в 1924 году из советского посольства, сообщил германским властям, что в иностранном отделе финансового управления ВЧК ему выдали для распространения за рубежом фальшивые румынские леи. Однако большевики не ограничивались печатанием фальшивых банкнот, они занимались и подделкой акций.

Хорошо известен, к примеру, парижский скандал, когда на биржу попало значительное количество фальшивых акций компании «Ленские золотые прииски». Уже в ходе предварительного расследования было установлено, что акции изготовлены в Москве. Подделка была настолько искусной, что отличить фальшивые акции от настоящих было крайне трудно. За исключением британской печати и подписи британского

директора компании, подделка была почти безукоризненной. Очевидно, акции печатались на государственном предприятии.

Из показаний обвиняемых, свидетелей, других материалов было ясно, что кроме тех, кто был арестован парижской полицией, в деле замешан кто-то еще, причем в гораздо большей степени. Этот человек положил в банк акции «Ленских золотых приисков» на сумму более двух миллионов франков, то есть он привозил во Францию целые мешки акций и ни разу не попался. Он чувствовал себя в полной безопасности, укрываясь в советском посольстве. А этим таинственным держателем акций был помощник народного комиссара. Французские власти были прекрасно осведомлены о нем, но не трогали украденные им деньги, которые надежно хранились в парижском банке. Их, видимо, нисколько не интересовало это обстоятельство, раз они позволили ему беспрепятственно перевести деньги в Берлин.

Этот человек, как я уже говорил, был помощником Раковского, и пока продолжалась французско-советская конференция, Раковского с его помощником, разумеется, и пальцем нельзя было тронуть.

Французская пресса была убеждена, что изготовление в Москве фальшивых акций Ленских приисков являлось частью заговора большевиков против иностранных держателей русских ценных бумаг. План был разработан на двух заседаниях февральской сессии Совета народных депутатов. Прежде всего, необходимо было, чтобы владельцы российских государственных облигаций поверили, что в отношении царских долгов скоро будет достигнуто соглашение. Это поднимет цены на акции, и тогда рынок наводнят поддельными бумагами, обман раскроется, мелкие акционеры будут принесены в жертву, а все обещания взяты назад.

В октябре 1925 года из Москвы в Париж при посредничестве «Рикхольц банка» была переведена первая партия фальшивых акций. Их положили на хранение в Советский банк. Биржи, вестибюли банков, офисы компаний осаждались брокерами, игравшими на повышение курса акций Ленских приисков. Приказ был отдан наркомом. Первая распродажа акций состоялась 19 октября и вместо снижения цен вызвала их дальнейшее повышение. В декабре их стоимость повысилась с двадцати пяти до ста сорока франков за акцию. Поддельные акции буквально рвали из рук!

Сокольников торжествовал. В соответствии с планом на рынок вот-вот предстояло выбросить акций на восемь миллионов франков, но небрежность одного из участников привела к преждевременному разоблачению, обман был раскрыт. В это

время большевики рассчитывали пустить в обращение венгерские облигации, но хитроумная парижская полиция схватила замешанных в этом дельцов. Братья Семен и Борис Товбины, известные одесские фальшивомонетчики, были выдворены из Германии за многочисленные правонарушения. В Париже они поступили на службу к большевикам, У Семена был итальянский паспорт, у Бориса — румынский. Именно они распространяли в Париже банкноты Виндишграца (изготовленные в Венгрии). Их первым успехом была продажа облигаций китайского правительства 1895 года. Вскоре после этого один из братьев поступил на службу в советское посольство в Париже и стал одним из самых авторитетных консультантов по финансовым вопросам. Из Москвы присылали иностранные ценные бумаги, которые Товбины осторожно сбывали маленькими партиями по нескольку сотен штук. Проблемы возникли из-за комиссионных. Братья посчитали, что их обманули, и потребовали от посольства значительной суммы денег за китайские и другие зарубежные облигации. В противном случае они грозили рассказать всеми миру, какими делами занимается посольство.

Итак, из Парижа выкачали деньги, чтобы заткнуть рот этим бандитам, а посольство получило расписку в том, что Товбины более не имеют претензий к Советскому Союзу.

АКЦИИ «НАФТЫ» ИЗ КРЕМЛЯ

— Извините, — сказал новый клиент, — вот мои документы. Я француз. Меня зовут Анри Блюм.

Парижский брокер просмотрел документы; все было в порядке.

— Здесь, — продолжал Анри Блюм, — двести акций «Нафты». Не могли бы вы продать их для меня? Сегодня они идут по восемьсот франков. Я был бы очень признателен, если бы вы дали мне аванс в пятьдесят тысяч франков.

Брокер не нашел в этом совершенно обычном предложении ничего подозрительного, заключил сделку, взял двести акций и выдал требуемую сумму. Пока все шло нормально. Брокер все еще рассматривал акции, когда в контору вдруг ворвались полицейские и арестовали его. Брокер оказал сопротивление, и его пришлось связать.

— Но почему?! Что я сделал?

— Будет лучше, если вы пойдете с нами, не создавая проблем. Скоро вы все узнаете, если вам еще что-то неизвестно.

Арестованного доставили в следственную комиссию и допросили.

— Вы занимались сделками с поддельными акциями «Нафты».

— Возможно, но я не знал, что они поддельные.

— Где вы их взяли?

— У Анри Блюма.

— Кто такой Анри Блюм?

— Француз.

— Где он сейчас?…

Блюма нашли, арестовали, доставили в следственную комиссию.

— Откуда у вас акции? — последовал жесткий вопрос.

Анри Блюм начал лепетать о таинственных посредниках, но, в конце концов, был вынужден признаться.

— Эти акции мне прислали из Москвы.

Все собранные доказательства подтвердили его слова. Афера не прошла.

ТЕЛО НЕЗАБВЕННОГО ЛЕНИНА

— Профессор С., прочитайте, пожалуйста, эту заметку в «Известиях», — обратился к С., профессору анатомии Харьковского университета, один из студентов.

Профессор С., которому после многих лет преподавательской работы пришлось бежать от большевиков в Болгарию, был теперь очень осторожен, хотя правительство Украины гарантировало ему личную неприкосновенность и удовлетворило его просьбу вернуться к прежней работе.

— «На теле Ленина, обследованном профессором Абрикосовым, начали появляться признаки разложения», — прочитал С.

— Что вы об этом думаете, профессор? — спросил студент.

— Что же, мне представляется, что тело было забальзамировано крайне неумело и небрежно.

Эти слова имели важные последствия. Час спустя профессора вызвали по телефону в Наркомат здравоохранения Украины. Он отправился туда, ничего не подозревая.

Вопрос наркома удивил профессора:

— Вы заявили, что тело Ленина плохо забальзамировано, не так ли? На чем основано ваше мнение?

— Ни на чем не основано, — испуганно ответил профессор.

— Но вы, кажется, сказали, что Абрикосов плохо разбирается в этом деле?

— Я устал после лекции и сейчас вряд ли вспомню, как именно звучал вопрос, заданный студентом.

Профессору разрешили уйти. Через два дня его вызвали телеграммой в Москву. Ему предоставили отдельное купе — все расходы были оплачены, — и через двадцать четыре часа он прибыл в столицу. На вокзале его встречали Дзержинский, Семашко и Калинин. Оттуда профессора отвезли в ОГПУ и накормили завтраком.

— Как, по-вашему, профессор Абрикосов провел бальзамирование? Как следовало, или же что-то было сделано не так, и в результате тело быстро разлагается и выглядит ужасно? — задал первый вопрос Дзержинский.

Профессор С. сразу понял, как много зависело от его ответа.

— Абрикосов — единственный в России специалист такого рода, и я не сомневаюсь, что он использовал все новейшие методы бальзамирования.

— Профессор, подумайте, нет ли других способов, чтобы сохранить тело хотя бы на два-три года, — спросил Дзержинский. — Хорошенько подумайте, профессор, иначе потом вы можете пожалеть. Пусть вас не беспокоит, что скажут за границей. Вы останетесь в Москве.

Через несколько дней профессор пришел в Мавзолей.

Нервничал ли он? Угнетала ли его непривычная обстановка?

Он переступил порог комнаты с ужасом, Проведя полжизни в анатомичках, привыкнув к трупному смраду, профессор ужаснулся, увидев мертвенно-бледное разлагающееся тело вождя в стеклянном саркофаге. Распухшее и вздутое, с потрескавшейся и обесцветившейся кожей, оно представляло собой отвратительное зрелище.

— Мне нужна полная тишина! — заявил профессор, — Прошу оставить меня одного.

Все вышли, оставив за дверью только часовых.

Профессор С. обследовал тело шесть дней. Все это время он ничего не ел, только отпивал понемногу из фляжки с коньяком, которую принес с собой. Лишь когда он почувствовал себя настолько плохо, что не мог продолжать работу, он пошел к Дзержинскому.

— Если вы хотите, чтобы я закончил эту работу, то мне нужна помощь профессора В. из Харькова!

— Нет, он враг нашего государства. Мы уволили его за неблагонадежность, — прозвучал резкий ответ Дзержинского.

— Он мне нужен. Без него мне не справиться, — продолжал настаивать профессор С.

— Нет! И еще раз нет! Мы не можем пойти вам навстречу. К тому же он увлекается оккультными науками. Для нас это неприемлемо, — не соглашался Дзержинский.

— Это не важно. Он должен приехать, — почти умолял профессор С.

Наконец Дзержинский согласился. Но профессор С. на этом не успокоился:

— Еще мне нужен один сотрудник анатомического музея. Он много лет работал моим помощником.

— Хорошо, хорошо. Я на все согласен, только сделайте то, что вам поручено, иначе…

Помощники вскоре прибыли. Было взято тело неизвестного, вероятно, недавно скончавшегося красноармейца, и те части тела Ленина, которые подверглись разложению, были заменены свежими. В результате получилась превосходно восстановленная мумия. Тело выглядело прекрасно, все были довольны.

Профессор С. получил орден Красного Знамени, охранную грамоту на всю оставшуюся жизнь и значительную сумму денег для своей научной работы.

«ВИЗИТЫ» БОЛЬШЕВИКОВ В ПОСОЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Коммунисты заявляют, что защита государства — это буржуазное понятие, которое строители нового общества не будут принимать во внимание. Вот почему люди бесцеремонно проникают на территорию иностранных посольств, грабят, арестовывают сотрудников, а если нужно, то и самих послов убивают, если это отвечает их целям. Неудивительно поэтому, что и другие не утруждают себя педантичным соблюдением правил поведения в отношении их официальных учреждений за рубежом. Берлин и Лондон, правда, вмешиваются только тогда, когда у них есть обоснованные подозрения в нарушении закона. Китай же больше не признает этих ограничений и проводит расследования и аресты, затрагивающие сферы деятельности советского посольства.

Советы, естественно, предпринимают меры защиты, чтобы их преступная деятельность не была раскрыта. Сотрудники советских посольств всегда устанавливают конфиденциальные связи с полицией той страны, где они находятся. Советы также приветствуют, когда преданный слуга посольства натурализуется для того, чтобы передвигаться по стране с большей безопасностью и спокойно выполнять свою грязную работу.

Хочу привести несколько примеров внезапных «визитов» в различные советские учреждения за пределами России. Город Харбин в Китае. Конец мая 1929 года. Полиция сужает кольцо вокруг советского консульства, где, по сообщениям

многочисленных свидетелей, подтверждающим, о чем посвященные знали уже на протяжении многих лет, изготавливались фальшивые китайские, японские и американские облигации и банкноты, а также хранились списки официальных лиц, эмигрантов и военнослужащих, лояльных по отношению к большевикам или настроенных против них.

Внезапно десять человек ворвались через ворота на территорию консульства и в само здание. Охранная сигнализация, установленная на случай таких внезапных налетов, трезвонила во всех помещениях. Сотрудники начали действовать по сотни раз отработанной схеме. Они бросились к шкафам, в которых хранились важные документы, взяли, сколько могли унести в эти считанные минуты и, принеся их к постоянно горевшим печам, бросили в огонь.

В дверях китайцы встретили группу крайне возбужденных сотрудников консульства.

— Что вы здесь делаете? Это российская территория, Предупреждаем вас, что вы нарушаете наши права.

Офицеры полиции начали переговоры, а у оставшихся в своих комнатах сотрудников оказалось достаточно времени, чтобы закончить уничтожение документов.

Наконец полиция, оттолкнув всех в сторону, ворвалась в комнаты. Там они увидели только пепел, и больше ничего!

Консул Мельников все еще стоял около печи, перемешивая сгоревшие бумаги кочергой. Единственное, что смогли найти китайцы, — это фальшивые конверты и официальные бланки Японии, Китая и Америки, а также, по счастливой случайности, списки друзей и врагов Советов в китайской армии, среди железнодорожных служащих, эмигрантов и полиции. Что же ответили на это вторжение коммунисты? Как всегда в случаях, когда они не могут оспорить факты, они заявили, что конверты и списки — фальшивки, подброшенные провокаторами с целью посеять раздор между двумя государствами.

А что произошло в Берлине? То же самое. Нынешний начальник берлинской полиции доктор Вайс, бывший в то время руководителем политической полиции, узнал, что штаб-квартира российского торгового представительства на Линденштрассе была центром разветвленной шпионской сети Советов. Тогда было принято решение обыскать дом. В ходе обыска были обнаружены пачки коммунистической агитационной литературы и воззваний к полиции и вооруженным силам. Как по команде все левые газеты подняли крик о «нарушении территориальных прав», «возмутительном поведении берлинской полиции». «Клеветники! — вторили им сотрудники торгпредства. — Это все

ложь! Мы честные люди! Мы не потерпим такого обращения!» В адрес полицейских неслись оскорбления и проклятия.

МИДу Германии пришлось вмешаться, и доктор Вайс, на котором лежала ответственность, был уволен. А что сделало торговое представительство? Оно решило выступить с заявлением.

Нам стало известно, что Иоганн Бозенхарт, представитель департамента промышленного импорта, был уволен со службы за нелояльное поведение во время его ареста полицией по делу, не имеющему, по сведениям заместителя торгпреда товарища В. В. Старкова, никакого отношения к торговому представительству.

Сразу же оказалось, что козел отпущения вовсе не коммунист, а простой буржуа. Однако всем хорошо известно, что герр Бозенхарт был не только членом коммунистической ячейки, но и руководителем группы «Террор» немецкой ЧК.

С этого момента коммунистическая братия начала трястись от страха, Литвинов и Чичерин на время проживания в гостинице «Эспланада» в Берлине воспользовались защитой со стороны полиции. На улице их постоянно охраняли двое агентов. Свой страх они объясняли тем, что бывшие офицеры царской армии разработали план покушения на них в Берлине. Даже Йоффе охраняла полиция, когда он жил в гостинице «Кайзерхоф». На улице его постоянно сопровождали двое полицейских в штатском, Переодетый офицер полиции постоянно сидел рядом с шофером, а второй ждал Йоффе в пункте назначения и до его прибытия тщательно осматривал все, что находилось поблизости.

Это напоминает мне случай, который произошел в Риге. Однажды Йоффе вернулся в гостиницу поздно ночью после напряженных переговоров по заключению мира, поднялся вверх по темной лестнице и вдруг споткнулся о пару ботинок. Испытав такое потрясение, он от души выругался по-русски. Открылась дверь, какая-то фигура быстро проскользнула по коридору и бросилась на Йоффе с криком: «Попался, наконец!» Йоффе удалось вырваться, Он стал звать на помощь, поднял тревогу. «Попытка покушения» на Йоффе не удалась. К счастью, он не пострадал. Несмотря на это, перепуганный Йоффе три дня пролежал на диване, дрожа от ужаса. В ходе проведенного расследования покушавшийся был найден. Им оказалась женщина, жена одного из советских официальных лиц, которая в темноте приняла Йоффе за своего загулявшего мужа и встретила его так, как это практикуется не только в Советском государстве. Было очень трудно объяснить Йоффе, что представляла собой попытка покушения на самом деле.

Можете представить себе, как тайно охранялось каждое

советское посольство. В Берлине наблюдательный пункт был организован в глубине посольства в помещении финчасти разведывательного отдела. В его арсенале имелись три американских пулемета, восемь скорострельных винтовок, восемь ружей, семнадцать револьверов системы «Браунинг» и «Маузер», гранаты и большое количество патронов. В местную охрану набирали коммунистов, живших поблизости. Они размещались в подвалах и помещениях консьержей, охраняли входные двери консульств и торговых представительств и были вооружены крупнокалиберными маузерами и гранатами.

Наружную охрану в Берлине в районе Бранденбургских ворот, Унтер-ден-Линден, железнодорожной станции на Фридрихштрассе, а также площади, где находилось консульство, осуществляли вооруженные сотрудники ОГПУ. Внутренняя охрана имела приказ стрелять без предупреждения в случае попыток со стороны полиции или других подозрительных личностей проникнуть на территорию посольства со стороны улицы или с крыш соседних домов. Наружная охрана должна была немедленно оповестить внутреннюю охрану о скоплении полиции или прохожих или о каких-либо подозрительных разговорах.

Консульства и торговые представительства запретили своим сотрудникам находиться на улице после восьми часов вечера и отдали приказ в случае тревоги немедленно прибыть в генеральное консульство. Их телефонные номера должны быть известны курьеру, если же после восьми часов вечера они находятся в гостях, должны быть известны телефоны и адреса, по которым их можно найти.

24 мая 1927 года премьер-министр Великобритании господин Болдуин обнародовал результаты расследования деятельности большевиков в его стране. Тайные агенты советского правительства получали инструкции от сотрудников торгового представительства, а секретные документы, украденные у англичан, копировались в Аркос-Хаус в Лондоне и отправлялись в Москву. Одному англичанину удалось похитить два секретных плана, связанных с национальной обороной, и передать их Советам, то есть в Аркос-Хаус. Лондонская полиция обыскала этот дом. В подвале была обнаружена фотолаборатория, которой руководил коммунист Каулин. Из конфискованных документов стало известно, что Каулин руководил советской шпионской сетью и осуществлял связь между европейскими и американскими коммунистами, с одной стороны, и советскими представителями — с другой. Секретарем был Шилинский, руководитель разведывательных и пропагандистских организаций в Европе. В

одном из обнаруженных документов содержалась подробная информация о коммунистической агитации на английском флоте.

Миллера, казначея, застали врасплох в его комнате, когда он сжигал изобличающие их документы. Англичанам удалось вырвать из его рук лишь небольшую пачку. Англия получила ценный список адресов тайных связных коммунистов в США, Мексике, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке. Таким образом, было точно установлено, что из Аркос-Хаус осуществлялось руководство военным шпионажем и революционной агитацией с ведома и одобрения генерального консульства. После этого агенты в Лондоне стали проявлять большую осторожность, и все, что хоть в какой-то степени могло скомпрометировать их, делалось в Берлине. Берлин стал местом встречи всех, кто имеет отношение к распространению идей коммунизма.

Красный дипломат и разведчик Сумароков сбежал из советского посольства в Берлине на Унтер-ден-Линден. В Париже он встретил другого бывшего дипломата и в разговоре, как будто это было вполне естественно, сказал:

«— Я купил в Берлине револьвер и попросил моего коллегу У. из берлинского посольства помочь мне найти поблизости место, где можно было бы попрактиковаться в стрельбе.

— Вы могли бы отправиться в Ваннзее, в Грюневальде, — ответил тот, — но, по-моему, это пустая трата времени. Идите со мной, товарищ. — И он повел меня в подвал посольства. Под ним был еще один подвал.

— Вы можете стрелять и шуметь здесь сколько угодно. Вас могут услышать только ваши же товарищи.

— А что это за бугорок там, в глубине? — спросил я, оглядывая этот странный тир.

— Бугорок, который мы прикрыли досками?…

— Да.

— Это могила. Там похоронены трое коммунистов, которые были осуждены и расстреляны».

Этот диалог был опубликован дипломатом, ручающимся за его достоверность.

История особенно заинтересовала Англию, когда таинственным образом исчез помощник секретаря советского посольства. Проведенное расследование не дало результатов.

Удалось лишь установить, что у него был нервный срыв и что его отправили поправить здоровье на советском пароходе. Лишь спустя какое-то время стало точно известно, что несчастный молодой человек случайно узнал слишком многое о тайной деятельности лондонской организации и поэтому стал для них опасным. Вот почему возникли слухи о его «нервном срыве». Его заманили на пароход и при первом удобном случае столкнули за борт. Это излюбленный способ избавиться от слишком хорошо информированных друзей. Их под тем или иным предлогом вызывают в Москву, и они едут, наивно надеясь на продвижение по службе. Так был отозван товарищ Левенбух. Он очень обрадовался вызову, нанял аэроплан, но сразу же после приземления в Москве был арестован сотрудниками ОГПУ.

Сотрудник советского консульства в Лондоне Х. был вызван в Москву в 1928 году, что было для него «рождественским подарком». Он отказался, понимая, что его ждет. Но за ним в Лондон отправили чекиста; чекист повез Х. на автобусе на вокзал. Во время поездки у Х. случился сердечный приступ, а через несколько месяцев другой секретарь, Фишер, умер по той же самой причине и при тех же обстоятельствах. Лондонская полиция скрупулезно расследовала это дело, так как была уверена в том, что Фишер умер не от сердечного приступа, а от нанесенного ему удара. Однако расследование пришлось прекратить из-за отсутствия улик. Совершенно очевидно, что любому свидетелю, вызванному для дачи показаний по этому делу, выгоднее молчать.

Трайкович, 22-летний поляк, проживавший в Варшаве, получил письмо, в котором ему предлагалось явиться в советское посольство на Позенерштрассе. Ни о чем не подозревая, он принял приглашение и пришел в посольство 2 сентября 1927 года. Не успел он войти в здание, как на него набросился консьерж Шлетцер и повалил его на землю. Затем Шлетцер выхватил револьвер. Трайкович попытался убежать, но на его пути оказался коммунист Гусев — печально известный курьер ИНО. Раздались выстрелы. Стали сбегаться люди. Трайкович лежал на земле, истекая кровью, и стонал. Шлетцер схватил газету, быстро разбил стекло висевшего при входе портрета Ленина и осколком перерезал себе артерию. Один из очевидцев хотел позвать доктора, но ему не дали. Двое советских сотрудников вытащили еще живого консьержа во двор и оставили умирать, пока Гусев не пристрелил его из жалости, избавив тем самым от мучений. Почтальон Бранд стал невольным свидетелем происшествия. Его окружили, предложили деньги, землю в России, все, что он захочет, при условии, что он будет держать

язык за зубами. Через два часа русские сообщили о случившемся в полицию, описав это как несчастный случай, приключившийся с курьером МИДа. Трайкович напал на консьержа. Было и доказательство — ужасная рана на его руке. Немец-консьерж, естественно, попытался остановить поляка, и в завязавшейся драке нападавший, к несчастью, был убит. Правда всплыла на суде.

В Варшаве с ужасом узнали, что в городе проживают несколько сотен китайцев, которые поддерживают прямые контакты с большевиками, а более пятисот чекистов уже получили гражданство. Вскоре они начали свою зловещую деятельность и, как признанные мастера своего дела, отправились оттуда во все концы Европы.

Кирдановский, молодой варшавский журналист, работал на иностранные газеты. Его особенно интересовала московская пресса, и он приходил читать газеты в приемную советского посольства в «Отель де Роум». Однажды, когда он закончил чтение и собирался уходить, к нему подошли двое посыльных и сказали: «Пожалуйста, оставайтесь на месте». Кирдановский повиновался.

— Следуйте за нами.

— Но почему?

Вместо ответа они сунули ему под нос два револьвера, и он, конечно, пошел за ними. Его привели в другую комнату, в которой находился один из советских чиновников.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил он журналиста. Кирдановский потребовал объяснений, почему с ним обращаются, таким образом, безо всякой на то причины.

— Без причины? Мой дорогой друг, вы знаете причину не хуже, чем я. Вы говорите, что работаете на иностранные газеты. Это так. Но ваша основная деятельность, простите меня за прямоту, — это шпионаж по заданию второго отдела польского генштаба.

— Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не шпион, никогда им не был и не буду.

— На человека несведущего ваши слова, возможно, и произвели бы впечатление, но не на меня. Наша разведслужба предоставила мне убедительные доказательства вашей деятельности.

— Заверяю вас, сударь, еще раз, что вы делаете ошибку. И поскольку больше мне обсуждать с вами нечего, я хочу откланяться.

— Милостивый государь, нам, по-видимому, не удалось растолковать вам, что вы взяты под стражу и что мы приняли

решение использовать вас как шпиона. Конечно, вы будете арестованы и переданы в руки нашего правосудия. Но вы до сих пор не осознаете всей тяжести вашего положения. Мы можем приговорить вас к смертной казни. Однако мы не прибегнем к этому, если вы…

— Если я?

— …если вы перейдете на нашу сторону.

— Но я не шпион.

— Очень хорошо, но скоро им будете, и даже хорошим. Мы, как вы знаете, не жадные люди. Вы можете заработать у нас много денег. У вас будет столько денег, что вскоре вы сможете уехать за границу и делать все, что вам заблагорассудится.

— Я не шпион, — продолжал отчаянно защищаться польский журналист.

— Прекратите эти глупые возражения. Вам никто не поверит. Если вы добровольно не захотите работать на нас, мы найдем способ заставить вас.

— Вы не найдете никакого способа, господа. Вы немедленно освободите меня. Я свободный гражданин Польши, нахожусь в Варшаве и подчиняюсь законам моей страны, а не вашей.

Чиновник нажал на кнопку звонка, появились двое посыльных. Они набросились на Кирдановского и стали избивать его дубинками, пока он не упал. Затем они выбросили его на улицу. Приехал врач и распорядился отправить Кирдановского в больницу. Дело получило огласку, но Кирдановский умер в больнице в ту же ночь от полученных побоев.

ПРИМАНКА МОСКВЫ

Большевики не скупятся на деньги и не жалеют ни времени, ни труда, чтобы заманить в свои сети тех, кто представляет для них интерес. Приняв решение выманить своего врага, атамана Тютюнника, из страны, в которой тот жил и работал, и доставить его в Москву, они арестовали Григория Павловского, представителя атамана в Киеве, бросили его в свои печально известные подвалы и продержали его там до тех пор, пока он не сломался и не согласился предать своего друга. По подсказке ИНО Павловский отправил ничего не подозревающему Тютюннику письмо, в котором сообщил, что на Украине сформирован некий мощный антисоветский центр. Тютюнник попался на приманку и попросил разрешить ему оказать поддержку этой организации. К нему были направлены курьеры с фальшивыми планами, информацией о передвижении войск, сметами расходов и т. д. Тютюнник, полностью уверенный в существовании центра, направил к своему представителю в Киеве способного помощника.

Павловский встретил этого человека ночью на границе, и они беспрепятственно приехали в Киев. Затем Павловский привел его в дом, где якобы находились заговорщики, и его там арестовали. Естественно, «заговорщики» были чекистами, а Павловский уже некоторое время работал на них.

Бедного помощника посадили в тюрьму и подвергли пыткам. Его заставляли слушать, как других людей приговаривали к смерти, и требовали, чтобы он предал друга. В конце концов, он сдался и пообещал большевикам работать на них против Тютюнника. Наконец-то! Теперь все было готово для поимки главной добычи. Последовал обмен письмами. Оба предателя умоляли его любой ценой приехать в Россию. Они писали: «Не будьте таким трусом!», «Находясь здесь, можно гораздо лучше оценить ситуацию. Когда мы, ваши старые и проверенные друзья, клянемся, что ни одна живая душа не узнает вас, вы должны отбросить свои сомнения, которые могут быть неправильно истолкованы. Как мы сможем тогда верить в вашу огромную смелость? Здесь, в России, нужны не слова, а дела во имя нашей великой цели. Наши силы растут и крепнут день ото дня».

Тютюнник перебрался к румынской границе, но заманить его на Украину не удалось. Целый год его бывшие друзья писали ему, и, наконец, он согласился последовать их советам и объявил о своем намерении прибыть на Украину и бороться за ее освобождение.

Получив этот ответ, Павловский и его помощник едва могли сдержать радость.

> «Чтобы показать вам, какие чувства вызвало в нас ваше решение, мы оба будем ждать Бас во главе повстанческих войск на берегу Днестра. Приди, наш вождь! Приди! Любимая тобой Россия ждет тебя!»

И он пришел. Павловский и другие предатели расположились лагерем на российском берегу реки. Там же размещались восемнадцать повстанцев, которые на самом деле были, конечно, чекистами.

Румыны разбили лагерь на другом берегу. Они знали, что Тютюнника должны встречать повстанцы, когда же они поняли, что это чекисты, они открыли по большевикам огонь из пулеметов, полные решимости отомстить за друга.

Павловский вместе с одним из переодетых чекистов переплыл на другой берег, на маленькой лодке. Тютюнник поприветствовал своего старого товарища и неожиданно вздрогнул. «Не догадался ли он о заговоре?» — подумалось Павловскому. В последний момент ему показалось, что Тютюнник откажется переходить границу. Нет, он только решил, что за ним должен прибыть другой его друг. Он хотел убедиться, что тот действительно находится на другом берегу. Тютюнник знал своих людей.

Чекисты начали волноваться:

— Что это значит? Где же этот негодяй? Почему он заставляет их ждать, когда его конец так близок?

Наконец появилась лодка Павловского. «Мышеловка захлопнулась! Теперь никому не сбежать!» — подумали они. Но Тютюнника в лодке не оказалось.

Павловский вышел на берег и объяснил причину задержки.

— Хорошо, пусть другой друг плывет на ту сторону. Вместе с ним отправились трое вооруженных чекистов.

Они получили приказ стрелять сразу же, как только Тютюнник попытается как-то осложнить обстановку. Лодка вернулась. Тютюнник стоял, держа в руках два револьвера на взводе. Рядом с ним лежали две устрашающего вида гранаты, взрывы которых в случае угрозы послужат сигналом для наблюдателей с румынской стороны.

Чекисты помогли генералу взобраться на высокий берег; они очень боялись гранат и румынских пулеметов. Неожиданно к генералу подскочил известный палач Карл Мукке и ударил его по голове рукояткой револьвера. Обливаясь кровью, раненый упал на

землю. Он был без сознания, но казался мертвым.

Все были в ужасе. Приказ был доставить его в Москву живым. Чекисты проявили всю заботу, на которую были способны, раздобыли телегу, отвезли не приходящего в сознание Тютюнника в соседнюю деревню, организовали уход и вернули его к жизни. Руководитель отряда ликовал, «улов» оказался удачным, и он сразу же телеграфировал в Москву: «Табак продан».

Тютюнник, как и многие до него, был брошен в «подвал ужаса», в котором ему пришлось с утра до ночи быть свидетелем казней. Это возымело действие. Атаман забыл о своих планах освобождения Украины, записался в Красную Армию и стал одним из руководителей разведслужбы в Харькове.

НИЩИЙ

Бродяга, одетый в лохмотья, обросший, с густой нечесаной бородой скитался по стране. Он ходил, побираясь, от одного дома к другому и прошел почти всю Россию, пока его где-то не задержали. Тут обнаружилось, что бродяга был поляком, и его быстро вернули на родину. Советской России хватало собственных бродяг.

Как только нищий добрался до Варшавы, он тут же сбрил бороду, взял одежду, хранившуюся в его отсутствие у друзей, и, словно по мановению волшебной палочки, превратился в князя Долгорукого. Князь отправился поездом в Берлин и написал обо всем, что он испытал, бродяжничая в стране большевиков. Его заметки предназначались для газеты «Руль». В Москве были в бешенстве. Как же случилось, что они не только упустили такой «лакомый кусочек», но и, что самое ужасное, дали возможность посмеяться над ними? Такое не должно повториться. Разве для того содержат дорогостоящую разведку, чтобы она оказалась бессильной перед проделками какого-то князя? Куда смотрели те идиоты, которые арестовали его, а затем отпустили без надлежащей проверки? Лучший способ борьбы с такой тупостью и неумением работать — поставить их к стенке в качестве временной замены настоящему виновнику, ускользнувшему из их рук.

Все виновные предстали перед Трилиссером, который послал их к черту и создал специальную комиссию по поимке дерзкого молодого человека. В Берлине и Париже за ним должна быть организована слежка, причем очень тщательная. Ищейки Трилиссера получили приказ ни на минуту не выпускать князя из поля зрения. Наконец однажды они заметили, что он день или

два не брился. Следовательно, князь Долгорукий начал отращивать бороду. Значит, он решил вернуться в Россию.

Было вызвано подкрепление. Теперь князь даже пальцем не мог шевельнуть, чтобы этого не заметили ходившие за ним по пятам чекисты. Когда, наконец, борода отросла, он взял билет на поезд в Варшаву. Большевики пристально следили за ним. В Варшаве князь обзавелся фальшивыми паспортами. Большевикам все было известно, и можно предположить, что они сами подготовили для него эти паспорта. Князь поехал в Румынию. Напротив него в вагоне сидел с виду вполне добропорядочный немец, на самом деле он был чекист. Другой переодетый чекист сопровождал князя до российской границы.

Долгорукий на самом деле был безобидным путешественником и хотел лишь посетить поместье брата под Курском. Ему предстоял длинный путь, и большевики позволили князю пройти его, считая, что по дороге он будет встречаться со своими соратниками. Однако они ошибались: у князя не было соратников. Когда он прибыл в Рыльск, они, подстроив небольшой инцидент, схватили его и доставили к поджидавшему группу захвата Трилиссеру, который уже раздобыл где-то двадцать английских и американских шпионов и объявил Долгорукого их руководителем, после чего их всех без лишних церемоний расстреляли.

«ВСЕ, КТО ПОПАДАЕТ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИИ…»

За месяц до этого печального происшествия с Долгоруким был расстрелян финн Элвенгрен. За время своего заключения он подвергался пыткам, по своей жестокости сравнимым с инквизицией. Элвенгрена принуждали смотреть через окно камеры на то, как казнят людей. После этого он подписывал все, что перед ним клали. Элвенгрена обвиняли в том, что он вместе со мной и Савинковым организовал заговор против Радека и Литвинова (в марте 1929 года Советы безо всяких колебаний направили копию предъявленных мне обвинений начальнику берлинской полиции и потребовали от Германии судить меня по этим обвинениям). Бывшие друзья Элвенгрена, которые на самом деле были на службе у ОГПУ, уговорили его перейти границу. Когда правительство Финляндии потребовало разъяснений по поводу его смерти, Советы заявили, что не допустят вмешательства в отправление правосудия.

«Все, кто попадет на территорию России, должны

знать, что на них уже не распространяются законы их собственного государства. Уголовный кодекс России гласит, что смертная казнь может быть применена без приговора суда на основании доказательств и улик, полученных следственными органами».

Я упомянул Савинкова. Позвольте рассказать вам о моем школьном товарище, с которым мы вместе учились в Варшаве.

Его отец был судьей, а мать весьма просвещенной и гостеприимной женщиной. Под влиянием нашего общего школьного товарища Каляева, убийцы московского генерал-губернатора и великого князя Сергея, Савинкова с ранних лет привлекал Петроград. Однако из-за своей революционной деятельности Савинков был вынужден прервать учебу и покинуть страну.

Я снова встретился с ним в Варшаве в 1905 году. Он был там с целью подготовки убийства предателя Татарова, сына церковного старосты. Он застрелил его на моих глазах, после чего скрылся. Кстати сказать, Савинков принимал участие в двадцати семи террористических актах.

В 1920 году я вновь столкнулся с ним в Варшаве. Совершенно неожиданно Савинков возглавил антибольшевистское движение и очень сильно изменился. Он стал чрезвычайно религиозен и однажды сказал: «Судьба нанесла мне жестокий удар. Я не гражданское лицо! Я не политик! Я был рожден, чтобы стать борцом, и больше подхожу на роль командующего!»

В нем всегда бурлила энергия, и в его жизни не было момента, когда бы он не вынашивал новые революционные планы. В последние годы они были направлены против большевиков. В 1918 году он подружился с Сиднеем Рейли, который увидел в их совместной борьбе против Советов новый источник доходов. Савинков был вынужден покинуть Польшу и поселиться в Париже. Однако тамошняя жизнь пришлась ему не по душе, и он вернулся на родину, чтобы продолжать борьбу с Советами.

Но и Трилиссер сделал его объектом своих планов. Время от времени он направлял к нему так называемых партизан, которые заверяли его в том, что стоит ему только перебраться в Россию, как они развернут самую широкую антибольшевистскую деятельность. Подобная тактика нам известна! Сидней Рейли тоже был с ней знаком и умолял своего друга не поддаваться на уговоры, чтобы не попасть в ловушку.

— Я не могу оставаться позади. Я нужен нашим друзьям в

России, чтобы вести их вперед! Настало время нанести удар! Сейчас! Колебания равносильны измене!

И в Праге, куда Савинков в отчаянии переехал, попытки Рейли отговорить его, были тщетными. Два лучших друга Савинкова, которые много лет тайно состояли на службе ОГПУ, обманом заманили его на советскую территорию.

Что с ним произошло потом, знает даже ребенок. Его судьба была такой же, как и судьба тех, кто был схвачен Советами раньше его!

Савинкова арестовали в Минске.

Его друг, который поддерживал с ним переписку и подробно сообщал о деятельности их подпольной организации, был расстрелян еще год назад, а письма были ловко сфабрикованы великим мастером подобных дел — Трилиссером.

Через три дня после ареста Савинкову предъявили обвинение в проведении многочисленных акций, направленных против Советского Союза. Спустя еще два дня состоялся суд, закончившийся неизбежным смертным приговором. Этот приговор, якобы по распоряжению ЦК партии большевиков, был заменен десятью годами тюремного заключения.

Неожиданно Савинков начал интенсивную переписку со своим другом Рейли. Вот что он ему писал:

> «В России появились новые враги Советского Союза. Я никогда не боролся за интересы и сомнительное благополучие Европы, но всегда боролся за Россию и русский народ. Наши надежды лопаются как мыльные пузыри, и мы обманываем себя как дети. Вчера мы возлагали надежды на Деникина, сегодня мы ждем, что нас спасет экономический и финансовый кризис. От скольких иллюзий и заблуждений я избавился здесь, на Лубянке! В ГПУ я встретился с людьми, которых я знаю и которым доверяю с юных лет, которые ближе мне, чем болтуны из „Национального центра“ или члены зарубежной делегации социалистов-революционеров. Я встретил здесь убежденных революционеров. Расстрелял бы я их? Конечно. Возьмем, к примеру, дело Гнилорыбова, которое я изучил от начала до конца. Его расстреляли только после того, как он оговорил нескольких ни в чем не повинных людей, раскроил бутылкой голову следователя и, связав тюремного надзирателя, предпринял попытку бежать.
>
> А социалисты-революционеры? За подготовку

террористического акта они получили только пять лет и даже не были посажены в тюрьму. Вместо этого они основали политэкономическую колонию в деревне. Что здесь означает тюрьма? Никого не держат в тюрьме больше трех лет, и даже заключенным дают возможность выходить в город. Промышленность России интенсивно развивается, курс червонца выше, чем у английского фунта стерлинга. А когда я прочитал, что самоед вернулся домой с книгой по авиации… я не мог не признать, что Россия возрождается».

Однако Рейли был убежден, что и это письмо было фальшивкой, и не имел ни малейшего намерения ехать в Москву.

Тем временем Савинков, ожидавший решения свой участи, написал письмо Дзержинскому:

«Гражданин Дзержинский, я понимаю, насколько Вы заняты, но не могли бы Вы уделить мне несколько минут? Когда меня арестовали, я видел перед собой два пути: первый и наиболее вероятный, что меня поставят к стенке, и второй, что мне поверят и поручат какое-нибудь дело. Я считал, что о третьем варианте — тюремном заключении — не может быть и речи. Мне сказали, что мне поверили, вскоре освободят и дадут какую-то работу. Я ждал помилования с ноября по апрель. Я помню наш разговор. С тех пор прошло много времени, и за время заключения я о многом думал и, не стыжусь это признать, многое осознал.

Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте любую работу. Возможно, я еще смогу принести пользу. Разве я не был когда-то тайным борцом за революцию? Если Вы не верите мне, скажите об этом прямо.

С уважением,

Борис Савинков».

Говорят, что тюремный надзиратель, получив это письмо для передачи, проворчал: «Это не поможет! Он не ответит».

В тот же день Савинкова отравили, а тело выбросили из тюремного окна. Спустя шесть дней в газетах поместили информацию о его смерти, сообщив, что он покончил с собой, выпрыгнув из окна. Почему?

Никто не может представить себе причину, которая могла бы толкнуть его на самоубийство. Кто поверит, что Савинков, написав письмо и возлагая на него свою последнюю надежду, не получив ответа, вдруг охладел ко всему происходящему и наложил на себя руки. Кто этому поверит?

Существуют и другие серьезные возражения против официальной версии гибели Савинкова. Его младшая сестра, госпожа Турчинович, неоднократно повторяла, что все документы по делу ее брата являются фальшивками от начала до конца.

ГИБЕЛЬ МОЕГО ВЕЛИКОГО ДРУГА

После смерти своего друга Савинкова Сидней Рейли не чувствовал себя счастливым вдали от России. Мы встретились в Берлине, и он сказал мне, что вместе с женой едет в Финляндию, а потом уже один под именем Николая Штейнбурга отправится в Москву, чтобы на месте вести борьбу с большевиками.

Сидней Рейли пересек границу, беспрепятственно добрался до Москвы, укрылся в одном доме в пригороде и неожиданно был арестован. Его тоже заставили смотреть на казни, слушать крики осужденных на смерть и проклятия стрелявших в них солдат.

Трилиссер и Сталин лично занимались судьбой английского шпиона. Они опасались, что Англия обратится с просьбой о помиловании своего подданного, и поэтому торопили события. Они разрешили Рейли совершать прогулки в окрестностях Москвы. Во время одной из таких прогулок ни о чем не подозревавший Рейли был застрелен товарищем Ибрагимом, лучшим стрелком ГПУ.

Чтобы не дать Англии повода для претензий, на финской границе был разыгран целый спектакль. Одна группа чекистов изображала Рейли и его спутников, другая — русских пограничников, которые открыли огонь по мнимому Рейли и тем, кто был с ним. Были, естественно, убитые и раненые, причем Рейли был среди последних. Группу «нарушителей» сфотографировали, а снимок опубликовали с тем, чтобы обосновать законность действий Москвы. Рейли якобы незаконно пересек границу, его заметили пограничники, открыли огонь и ранили. К сожалению, бедняга умер от полученных ран.

Позвольте рассказать вам пару анекдотов о моем друге Рейли, который был отличным парнем. Однажды он приятно проводил время с одной московской актрисой. Надо сказать, что Рейли был красивым, обаятельным мужчиной и пользовался большим успехом у прекрасного пола, благодаря чему получал много полезной информации. От одного ревнивого и менее

удачливого соперника большевики узнали, где находится Рейли. Они окружили дом и ворвались внутрь, но нашли лишь актрису и синий костюм Рейли, а самого его нигде не было. Чекисты обыскали весь дом, начиная с чердака и кончая подвалом, перевернули все вверх дном. Но тщетно! Рейли не мог ускользнуть — дом был окружен плотным кольцом. Актрису допрашивали, угрожали смертью, но она не имела ни малейшего представления о том, куда делся Рейли. Он просто неожиданно вышел за дверь — совершенно раздетый! Но куда он скрылся?

Никто этого так и не узнал. Рейли не сказал об этом даже актрисе, но вскоре после того, как разочарованные ищейки ушли, он появился вновь, как будто только что пришел с улицы.

— Я не позволю этим негодяям отвлекать меня от такого приятного времяпрепровождения, — спокойно сказал он и оставался в квартире перепуганной актрисы до тех пор, пока она не уговорила его не ставить ее в такое неловкое положение.

В другой раз большевикам стало известно, что Рейли находится в поезде, следующем из Петрограда в Москву. Они немедленно сообщили на ближайшую станцию, и поезд остановили. Все коридоры и окна были закрыты, пока матросы обыскивали каждое купе. Рейли нигде не было. Его искали повсюду, но так и не нашли, потому что он, переодевшись в форму одного из матросов, которого сбросил с поезда, был одним из самых активных участников поисков!

ПИВО В МАЙНЦЕ

Летом 1925 года из советского посольства в Вене бежал красный дипломат, бывший царский чиновник Ярославский. По подложному паспорту он прибыл в Берлин и направился к французскому консулу, которому предложил некоторую информацию. Консул отправил его в расположение оккупационной армии в Майнце.

Поскольку Ярославский опасался мести большевиков, он попросил разрешения укрыться в казармах. Французы удовлетворили его просьбу и держали его там в течение трех недель. В обмен на предоставленную информацию Ярославский попросил выдать ему фальшивый паспорт и обеспечить беспрепятственный проезд во Францию. Кроме того, он просил в случае крайней необходимости зачислить его в Иностранный легион с тем, чтобы большевики не смогли напасть на его след.

Однажды Ярославский зашел в гостиницу, расположенную напротив казарм, где встретился с товарищем Максом, своим знакомым по Москве. Макс сообщил ему, что тоже бежал из

России. Когда Ярославский отлучился в туалет, Макс добавил яд в его пиво. Ярославский вернулся, осушил свой бокал и тут же почувствовал нестерпимую боль. Шатаясь, он добрался до казарм, упал и умер.

Товарищ Макс вернулся в Москву, и с тех пор его геройскую грудь украшает орден!

В ТИСКАХ ОГПУ

А теперь о судьбе генерала Слащева. Национальный комитет Украины хотел, чтобы Слащев командовал одним из их армейских корпусов в случае нового нападения на советские войска. В это время Слащев находился где-то в Малой Азии, где у него была птицеферма. Однажды ему сообщили о прибытии матроса Федора Баткина.

— Я направлен к вам правительством, — сказал посетитель. — Мы собираем воедино старую Россию, какой она была в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Белогвардейские наемники, находящиеся на содержании у иностранных государств, хотят сделать Россию экономически зависимой от Антанты!

Слащев попался в искусно поставленную ловушку. Он провел в Константинополе встречу, на которой присутствовал представитель советского правительства. Ему было предложено принять командование корпусом, дислоцированным на границе с Румынией. Все согласились с этим, и под фамилией Александров генерал Слащев прибыл в Советский Союз.

В Москве Слащева поселили на Садовой, в доме Шустова. Вход был со двора, и окна тоже выходили во двор. В квартире имелись две смежные комнаты и кухня. В третьей комнате жил чекист, верхний этаж был передан старым сотрудникам спецотдела ОГПУ.

У Слащева был телефон. Прослушивать телефон гораздо удобнее, чем просматривать корреспонденцию. Повар-латыш, который готовил для него, заодно просматривал все письма и фиксировал приходы посетителей, а живший по соседству чекист следил за Слащевым и днем и ночью, что было источником постоянного унижения. Слащев уже не был генералом. В его удостоверении личности четким канцелярским почерком было написано:

«Слащев, Яков Александрович, бывший белогвардеец и наемный убийца. Командир второго корпуса в Крыму.

Прозвище — Палач Крыма».

Слащев очень любил животных и в Москве целые дни проводил с соловьем, лишившимся лапки, курицей и воробьем. На лекциях по стратегии, которые Слащев читал в стрелковом училище, его встречали криками и свистом. Некоторые слушатели в Академии Генерального штаба звали Слащева «палачом». И даже дома ему не было покоя. Ему постоянно досаждали беспризорники. Однажды в его окно влетел камень, в другой раз на него обрушился целый поток оскорблений и насмешек.

Иногда опрокидывали самовар, а в крупу подмешивали мел.

Однажды Слащев выбежал из дома с кухонным ножом в руке и скрылся за углом. Через несколько минут он вернулся в комнату с окровавленными руками, глаза его были полны ужаса.

«Эти скоты, — запинаясь, проговорил Слащев, — пустили в комнату кошку. Она сожрала соловья и загрызла воробья. Все это подстроено специально, чтобы досадить мне! Здесь всегда так! Своими преследованиями они хотят свести меня в могилу! Будь проклята эта чертова дыра!»

ОГПУ, наконец, было удовлетворено и могло уже не тратить силы на измученного и униженного Слащева. Чекист Воленберг подкрался к нему сзади и выстрелил в затылок.

ТАЙНЫЕ БОГАТСТВА ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

Ленин предусмотрел возможность того, что рано или поздно большевики будут вынуждены бежать из Кремля и искать убежища в других странах. В качестве меры предосторожности был создан секретный фонд, который позволил бы большевикам продолжить свою деятельность. Тогда же в разных странах с этой целью было размещено двести миллионов рублей золотом. В начале 1921 года в Женеву через Стокгольм были доставлены первые десять миллионов золотых рублей царской чеканки; два миллиона золотых рублей отправили в Париж; восемь миллионов были переплавлены с целью скрыть их происхождение в случае проведения банковской проверки.

Эта операция была проведена в Женеве Лео Шерманом. Его отец, шестидесятилетний эмигрант из России, жил с семьей в Берне. Старшему сыну, Лео, к тому моменту было сорок лет. Все члены семьи были натурализованными гражданами Швейцарии, и семья владела собственностью в Берне. Лео возглавлял торговый дом, который занимался оптовой и розничной торговлей

недорогой обувью.

Прибыль от коммерческих операций семьи Шерман (специальная система учета позволяла избежать больших налогов) зачислялась на их частный счет и ежегодно составляла несколько миллионов швейцарских франков. Дела Шерманов пошли еще лучше после того, как советское представительство было вынуждено покинуть Швейцарию. По распоряжению Ленина все средства большевиков, находившиеся в Швейцарии, были поделены между надежными людьми. Шерману было передано двадцать миллионов франков. С ним и его сыном было заключено соглашение о расходовании определенных сумм по распоряжениям из Москвы, а также об учреждении коммерческих предприятий, доходы от которых должны были пополнить казну ИНО.

Через представительство в Константинополе, имевшее отделения в Батуми, Тифлисе и Баку, Шерманы установили связи с коммунистическими центрами. Фирма называлась «Шерман, Мейзель и Ко». Кавказские филиалы служили прикрытием материального обеспечения пропагандистской деятельности Коминтерна. Большевики поручили Шерманам создание складов оружия и медикаментов.

Филиалы представляли собой материальную базу для будущих красных армий.

Давид Шерман не был большевиком. Он работал на Советы только тогда, когда это было выгодно его фирме или отвечало интересам его сына, убежденного большевика. Он служил посредником между Платтеном, представителем Коминтерна в Швейцарии, и доктором Боготским, представителем советского Красного Креста в Берне. Специальные поручения финансового характера, аналогичные тем, которые выполнялись Шерманом, Москва давала и доктору Эшу, который тоже пользовался доверием большевиков.

Жена Карахана и дочь Цюрупы часто привозили этим двум верным слугам различные суммы на хранение. Деньги «на случай крайних обстоятельств» также хранились у Красина. Однако после разоблачений, сделанных Квятковским, президентом принадлежавшей большевикам и расположенной в Лондоне торговой компании «Аркос», большевики перестали доверять Красину и приказали вернуть доверенные ему деньги.

Когда Советы узнали о злоупотреблениях Квятковского, ему было предложено вернуться в Москву. В Лондон прибыли два чекиста, которые поначалу были с ним вполне дружелюбны и изо всех сил старались уговорить его вернуться в Москву, где, по их словам, его ожидало повышение. Однако когда Квятковский

отказался, они под угрозой смерти заставили его подчиниться.

Как только Квятковский пересек границу, он был арестован и доставлен в ОГПУ, где, на основании полученных данных в Лондоне, ему предъявили обвинение во взяточничестве. На это Квятковский заявил следователю Ломачидзе, проводившему допрос, что он брал деньги с ведома и согласия Красина. Например, он взял около ста тысяч фунтов стерлингов от одного нью-йоркского бизнесмена. Эту сумму не внесли в бухгалтерские книги, а поделили между главными представителями компании «Аркос», причем часть денег перевели на личный счет Красина, который сказал, что эти деньги предназначены для ИНО.

Поскольку Лондонское отделение ИНО денег не получило, Красин был вызван для проведения специального разбирательства, но не чекистами, а руководителями партии. После разбирательства, которое происходило в Кремле, Красина доставили домой в полуобморочном состоянии, и в течение какого-то времени у него ежедневно случались припадки.

Перед большевиками стояла дилемма. Сталин и другие большевистские лидеры, такие, как Дзержинский и Трилиссер, были в ярости от заявлений Квятковского и Красина. Но больше всего они боялись, что правда просочится в прессу, и хотели, поэтому любой ценой сохранить все в тайне, особенно в связи с тем, что Красина уже назначили советским представителем в Лондоне, и показания Квятковского могли подорвать престиж советского правительства за рубежом.

Если бы сумма, полученная Красиным на хранение, не составляла нескольких миллионов фунтов стерлингов и не представляла собой денег, выделенных на «особые нужды» ИНО в Париже, было бы проще дать Красину умереть «в результате болезни» и положить его рядом с Лениным. Но в этом случае все деньги будут потеряны! Поэтому было необходимо получить деньги и передать их другим ответственным лицам до того, как Красин умрет. Но, несмотря на болезнь и угрозы Политбюро, Красин не поддавался и не продемонстрировал ни малейшего намерения выполнять распоряжения Сталина, В конечном итоге он был вынужден подчиниться высшему руководству. Его заставили сдать чековую книжку, подписать доверенность и, таким образом, передать деньги и акции, которые якобы принадлежали ему, а на самом деле являлись собственностью ИНО.

За прошлые заслуги Красину на личные нужды оставили двадцать пять тысяч фунтов стерлингов. После передачи чековых книжек, ключей от сейфа и подписания доверенности состояние Красина заметно ухудшилось. Левая сторона лица была

парализована, зрение ослабло.

Дзержинский понимал, что внезапная смерть Красина, который до последнего времени был абсолютно здоров, особенно после недавнего скандала вокруг «Аркоса», бросит тень на Кремль. Поэтому он немедленно дал распоряжение распространить через Информационное бюро сообщение о том, что Красин неизлечимо болен. В то время как в международной прессе публиковались сообщения о болезни Красина, советские газеты писали о том, что он активно готовится к вступлению в новую должность в Лондоне. Умирающий консул в сопровождении врача и нескольких чекистов был перевезен в Париж и передан в руки Раковского. После того как ОГПУ вернуло свои деньги, Красин «умер».

«СЕГОДНЯ ТЫ, А ЗАВТРА Я»

Когда по тем или иным причинам контроль за действиями сотрудника торгового представительства или советского посольства не представляется возможным, часто прибегают к инсценировке ограбления.

В марте 1926 года, когда Красина не было в Париже, его секретарь Волин подвергся подобному «ограблению». Были похищены изобличающие его материалы, что имело для Красина самые неприятные последствия. Вскоре пошли слухи, что Красина пытаются устранить с помощью медленно действующего яда. Ни один из московских чиновников не мог отрицать тот факт, что здоровье Красина значительно ухудшилось. Вспомнили откровенное высказывание Сталина, заявившего, что он против кровопролития, так как если оно начнется, то очень скоро все сведется к принципу «сегодня ты, а завтра я!».

Но в том выступлении речь шла о кровопролитии, а не о более скрытых методах устранения неугодных. Поэтому в Москве друзья не доверяли друг другу, и, даже находясь за границей, люди боялись за свою жизнь. Все это создавало невыносимую атмосферу. Казалось, что даже самоубийство секретаря Зиновьева окружала какая-то тайна. Вмешательство агентов ОГПУ в повседневную деятельность торговых представительств достигло такого уровня, что многие специалисты в области внешней торговли были устранены.

Представитель народного комиссара внешней торговли товарищ Фрумкин в сентябре 1926 года прибыл в Берлин, чтобы успокоить специалистов и восстановить порядок. Но, несмотря на это, Бегге жаловался, что вездесущие шпионы сообщают иностранной прессе о каждом его шаге, и с сожалением

констатировал, что не в его власти запереть всех служащих в здании торгпредства.

«НА БОРТУ» ЗНАЧИТ «ЗА БОРТОМ»

Исчезновение ряда шифровок из советскою посольства в Шанхае взбудоражило всех чекистов. Несколько русских обществ подверглось нападению, в частных домах были произведены обыски. В одном из них обнаружили письмо, якобы написанное секретарем консульства и руководителем отдела большевистской пропаганды на Дальнем Востоке товарищем Чистяковым. Содержание письма давало основания подозревать его автора в связях с белогвардейцами.

Чистяков был наполовину кореец, закончил Дальневосточный институт восточных языков и какое-то время преподавал в частной коммерческой школе во Владивостоке. Чистякову было отдано распоряжение доставить секретный пакет на пароход «Индигирка». Обычный чекистский прием в данном случае сработал безотказно. Никто не знал предполагаемое время отплытия судна. Часть экипажа была в увольнении на берегу. Матросы продавали привезенный с этой целью мех или устраивали попойки, потому что, как поговаривали, хотя на следующий день увольнений на берег и не будет, возможна задержка с отбытием.

Когда появился Чистяков, ему было велено немедленно отправляться во Владивосток. Однако он отказался на том основании, что ему необходимо уведомить об отъезде свою семью и он не может так быстро решить этот вопрос. С ним не стали спорить. Однако пригласили в каюту капитана, чтобы передать ему документы для консульства. Не успел он войти в каюту, как в руках у него оказалась радиограмма с приказом о его немедленном аресте и доставке во Владивосток.

Госпожа Чистякова, не имея никаких сведений о пропавшем муже, обратилась в консульство. Чекисты посоветовали ей сесть на пароход «Олег». Обеспокоенная женщина забрала детей и, ничего не подозревая, последовала этому совету. Ни родственники, ни знакомые больше их никогда не видели.

Чистяков, а с ним еще трое русских и один китаец, которых тоже обманом заманили на корабль, были выброшены за борт. Это случилось в конце февраля 1925 года.

УБИЙСТВО В ПОСОЛЬСТВЕ В БЕРЛИНЕ

Некий Карпов-Якшин, специальный представитель

иностранного отдела ОГПУ, 24 августа 1924 года бежавший из советского посольства в Берлине с фальшивым паспортом на имя Михаила Сумарокова, пришел в Информационное агентство Гарольда Зиверта и сделал следующее заявление:

— Восемнадцатого августа тысяча девятьсот двадцать четвертого года неизвестный мне гражданин Германии (очевидно, член Германской коммунистической партии) был вызван в советское посольство в Берлине (в помещение того крыла, где располагается разведотдел) и подвергнут допросу, который длился всю ночь. Он был задержан, и больше его никто не видел. Комната, где он находился, была закрыта на ключ.

Сумароков, который в то время был сотрудником посольства, получил подробную информацию о том, что немец был убит в этой комнате, и лично видел большую корзину, которую вынесли из комнаты и перетащили в подвал на следующую ночь, 19 августа. Обычно из комнаты, где произошло убийство, корзины не выносили, так как она использовалась в основном в качестве хранилища оружия и документов. Суд над немцем организовали красный дипломат Лобанов, имевший поддельный паспорт на имя Бустрема, глава берлинского отделения ИНО и ГПУ, и представитель Коминтерна, работавший в советском посольстве в Берлине под фамилией Миров. Как только разбирательство закончилось, в комнату вошли Бантек (кассир разведотдела и сотрудник посольства) и товарищ Семен, уполномоченный ОГПУ, фамилия которого неизвестна. Очевидно, именно эти двое и убили немца.

ОТМЫЧКОЙ И ХЛОРОФОРМОМ

В ИНО есть группа, специализирующаяся на кражах и ограблениях в иностранных посольствах. Она имеет в своем распоряжении необходимые инструменты и приспособления, лекарственные препараты и т. д. и работает очень чисто. Обычно из дипломатической почты стараются незаметно изъять лишь важные документы, и только в случае неудачи похищается вся почта, к поискам которой подключается уголовный розыск и которая затем торжественно возвращается владельцу.

Однажды в отдел ГПУ в Харькове пришел из Москвы приказ ограбить польского посла на Украине, который вместе со своим секретарем отправлялся из Харькова в Москву. В каждом купе, занятом советскими чиновниками и иностранными дипломатами, находилось по чекисту; нападение на поезд, в котором ехал польский посол, предполагалось совершить между станциями Шепетовка и Славута. В последний момент советские чиновники

получили указание отдать «грабителям» некоторые вещи, которые затем им будут официально возвращены комиссаром по иностранным делам.

Переодетые бандитами чекисты остановили состав, ворвались в купе, где спали посол и еще трое поляков, и выволокли из него буквально все, чтобы скрыть; что истинной целью была дипломатическая почта.

Забрав добычу, «бандиты» разрешили машинисту поезда трогаться, а сами на двух автомобилях, принадлежавших местному ГПУ, помчались в Харьков. Все было сделано легко и просто, а главное для поляков — убедительно.

МИЛИЦЕЙСКИЕ СОБАКИ

Харьковское представительство хорошо известной американской организации АРА располагалось по адресу Пушкинская улица, дом 42, и большевики очень интересовались его корреспонденцией. Комендантом дома был назначен чекист Ворошилов, один из служащих секретариата также был сотрудником ГПУ.

Офис АРА находился на первом этаже здания, а жили американцы — на втором. Ворошилов должен был найти, где хранится корреспонденция, а второй агент — выкрасть официальную печать АРА с тем, чтобы на следующий день вернуть ее на место. После того как были продуманы все детали, Ворошилов получил приказ оставить на ночь открытым одно из окон, выходящих в сад. В два часа ночи чекисты под видом грабителей влезли в окно и, пока американцы мирно спали этажом выше, выкрали мешок с почтой.

Мешок доставили в безопасное место, открыли и подвергли его содержимое тщательному изучению. Переписав из писем все, что было необходимо, мешок снова опечатали и в пять часов утра возвратили на место. Долгое время все шло гладко, но однажды в руки просматривавших почту чекистов попало несколько объемистых свертков. В одном из них был подробный отчет об экономической ситуации на Украине. Отчет решили не класть обратно в мешок, так как он представлял слишком большой интерес для ЧК.

В свертках были обнаружены также банкноты на общую сумму тридцать пять миллиардов рублей, что по тем временам было очень значительной суммой. Кроме того, в одном из свертков лежало дорогое колье и другие ювелирные украшения.

Положить деньги назад было просто невозможно, и чекисты оставили их себе. Утром американцы подняли тревогу. Их

ограбили. В милиции ничего не знали о людях ГПУ и прислали на место происшествия наряд. Доставленные на место преступления собаки сразу взяли след и привели стражей порядка к зданию ГПУ.

Начальник центрального разведывательного отдела ГПУ товарищ Галицкий, увидев в окно собак и милицию, сразу же позвонил начальнику милиции и приказал немедленно убрать псов.

Но решить проблему оказалось не так просто. Один из участников ограбления пришел в АРА давать показания в том же пальто, в котором он был в прошлую ночь. Не успел он переступить порог, как собаки, которых держал на поводке один из агентов, злобно лая, набросились на него.

Поскольку к тому времени американцы обнаружили пропажу экономического отчета, они не стали настаивать на дальнейшем поиске людей, укравших деньги.

НИКТО НЕ ЗНАЛ ПЕРСИДСКОГО

В другой раз Трилиссер приказал своим агентам выкрасть шифр, которым пользовалось персидское консульство в Харькове. Это была задача, достойная Геракла, так как никто из харьковских чекистов не владел персидским языком. Поэтому они решили забрать все бумаги, написанные на персидском. Один из чекистов проник в консульство под видом электрика. Сам консул был в отъезде, дома находилась только его жена. Чекист осмотрел помещение, запомнил, где стоит письменный стол, и ушел.

Ограбление запланировали осуществить той же ночью. Подобные операции готовились в такой глубокой тайне, что чекисты, не принимавшие участия, ничего о них не знали. Этажом ниже консула жил высокопоставленный сотрудник ГПУ. Он ничего не знал о готовящейся операции. Когда чекисты ночью забарабанили в дверь квартиры консула, находившиеся в ней женщины настолько испугались, что стали стучать в пол, чтобы дать знак живущему внизу чиновнику, что им нужна помощь. Услышав сигнал о помощи, благородный рыцарь устремился наверх и бросился на мнимых грабителей, в которых не узнал собственных товарищей. Он так хорошо защищал консульство, что после нескольких выстрелов «грабители» были вынуждены бежать. Их начальник, чекист Бирко, ждал внизу. Узнав, что произошло, он сорвал с себя фальшивую бороду и обрушил поток проклятий на голову непрошеного защитника консульства.

На следующий день в прессе появились сообщения о «неудавшейся попытке ограбления персидского консульства» и о

том, что все злоумышленники арестованы.

ВСЕ ГОСТИ ПОД СТРОГИМ НАБЛЮДЕНИЕМ

К иностранцам, приезжающим в Россию, в качестве переводчиков обычно приставляют чекистов, знающих иностранные языки. Улучив момент, они просматривают корреспонденцию своих подопечных и организуют исчезновение интересующей их информации.

Делегации из Англии, Германии, Америки, Норвегии и других стран всегда находятся под наблюдением, а их «переводчики» делают все для того, чтобы иностранцы видели только то, что хотят им показать большевики, и не слишком вникали в то, что происходит в стране. Перед тем как дать разрешение на поездку, ОГПУ выясняет, знает ли интересующий их член делегации русский язык. Если да, то ему создаются всяческие препятствия и трудности.

Все иностранцы должны останавливаться только в определенных гостиницах, в которых в качестве персонала работают, естественно, только чекисты, а администратор — специальный представитель ОГПУ — имеет второй ключ от каждого номера. Пока гостям показывают город, агенты секретного ведомства просматривают их багаж и корреспонденцию.

В вещах одного делегата из Германии был найден вопросник, который он должен был заполнить по поручению социал-демократической партии. От него тут же отделались под каким-то безобидным предлогом.

Французский журналист Анри Боро, вспоминая о своей поездке в Россию, писал, что никак не мог избавиться от чувства, что во время его отсутствия в комнату кто-то заходил.

Такая же история приключилась с двумя чешскими журналистами. Им показали весь город и его окрестности. Журналисты были в восторге от своего визита. Однако пока шел прощальный банкет в их честь, люди Трилиссера просмотрели и сфотографировали все их документы.

ГРАБЕЖИ ВМЕСТО ОБЫСКОВ

«Грабежи» за границей организуются по тем же принципам, что и в Советском Союзе. В декабре 1926 года ИНО нанес визит в посольство Японии в Германии, расположенное прямо напротив рейхстага. Прежде всего, необходимо было определить расположение комнат и систему охранной сигнализации в

нижней части здания. Сигнализация была выведена из строя, и агенты благополучно проникли в спальню барона Нагаоки, который возвращался домой поздно и всегда читал в постели до трех часов ночи. Грабители подождали, пока он уснет, а затем обыскали комнаты. Чтобы создать видимость обычного ограбления, они украли золотой портсигар, лежавший на столике у кровати посла, и портмоне, в котором был его дипломатический паспорт и тысяча шестьсот марок.

11 июня 1926 года в дом сотрудника торгового представительства профессора Апатова пришел незнакомец. Профессора не было дома. Слуге, который открыл дверь, незнакомец сказал, что он родственник профессора и привез ему из Москвы важное письмо…

Незнакомцу ответили, что профессор на службе. Тогда он попросил разрешения позвонить ему. Его проводили к телефону. Незнакомец позвонил Апатову и назначил ему встречу в кафе на Унтер-ден-Линден.

Тем временем пришел еще один человек, который оставил для профессора тяжелую посылку. Ушли оба незнакомца вместе. Прождав некоторое время своего «родственника» в кафе, профессор вернулся домой и обнаружил посылку. В ней были булыжники!

Пока служанка разговаривала со вторым посетителем, первый агент, воспользовавшись случаем, украл нужные деловые бумаги профессора, а чтобы это было похоже на обычную кражу, прихватил всю его корреспонденцию и бриллианты.

Вскоре оба участника ограбления были найдены и сознались, что действовали сообща. Но откуда два завсегдатая игорных домов знали профессора, были так хорошо осведомлены о его материальном положении и месте, где он хранил бумаги и драгоценности, осталось нераскрытым.

Только позже выяснилось, что Апатов, хотя и мало чему уделял внимания, кроме своей работы, попал под подозрение ИНО. Но Берлин — не Москва, и здесь нельзя послать чекистов в любой дом, куда пожелаешь, поэтому Трилиссер изобрел другой способ для достижения своей цели.

В феврале 1922 года берлинские суды рассматривали иск против учителя Брауна, сообщника Айхлера и компании, ограбивших резиденцию генерала Фрайберга, представителя атамана Семенова в Германии. Браун обратился в комитет коммунистической партии с заявлением, что он может организовать налет на дом Фрайберга с целью разоблачения его деятельности. Ему выделили необходимых помощников, среди них были и двое русских, которые вообще не принимали участия

в налете. «Грабители» пришли к Фрайбергу, когда хозяина не было дома, и его жена отказалась впустить их. Однако они предъявили ордер, выданный криминальной полицией. Капитан Булыгин, находившийся в доме, был вынужден под дулом пистолета выйти в другую комнату, пока «грабители» собирали документы и записи Фрайберга. Фрау Фрайберг хотела связаться с мужем по телефону, но ей не позволили. Создавалось впечатление, что орудовавшие в доме люди действительно были сотрудниками криминальной полиции.

Позже полиция обнаружила печати и клише для изготовления удостоверений, которые годом раньше были украдены из Комиссии по защите общественного порядка. Обвиняемый Браун отверг выдвинутые против него обвинения и сделал следующее заявление: «Человек, заслуживающий полного доверия, хорошо известный в кругах прежнего правительства Германии и являющийся фигурой национального масштаба, обратил мое внимание на генерала Фрайберга и, сообщив, что этот человек — враг Германии и польский агент, приказал добыть все бумаги и письма генерала».

Другие коммунисты, обвиненные по этому делу, выдвинули свои аргументы. Они отрицали, что были вооружены, и заявили, что ничего не знали о планах Брауна. В своей заключительной речи государственный обвинитель отметил, что, хотя Браун думал, что действует в интересах Германии, он передал все украденные документы неизвестным русским.

Обвиняемым был вынесен приговор. Украденные документы были переданы ГПУ, которое заявило, что документы получены из Информационного бюро, руководил которым бывший русский офицер, получивший германское гражданство.

МОСКВА КОНТРОЛИРУЕТ ПОЧТУ ЕВРОПЫ

В последнее время в европейской и американской прессе часто обсуждались таинственные путешествия, совершаемые некоторыми письмами, и задержки с их доставкой. Русский писатель Александр Амфитеатров официально заявил, что его адресаты из Финляндии, Польши и Чехии часто жалуются на непонятные задержки корреспонденции. Одно письмо пришло с недельным опозданием, другое, по-видимому, вскрывали, а третье — и вовсе пропало. Недавно исчезло важное заказное письмо, отправленное 6 июня из Италии в Варшаву. Почтовые ведомства обеих стран заявили о своей непричастности: из Италии письмо было отправлено обычным путем, а в Польше его не получили. Следовательно, письмо, должно быть, пропало в

пути.

Примечательно то, что письма и почтовые открытки безобидного содержания всегда доставлялись вовремя. Пропадали в пути или приходили с опозданием лишь те письма, в которых содержалась информация политического характера, особенно когда русские политические деятели писали о большевизме, фашизме или деятельности коммунистов. Иногда задержка достигала двух месяцев.

17 августа 1927 года газета «Руль» поместила фотографию конверта, отправленного из Ниццы в Берлин и каким-то необъяснимым образом оказавшегося в Москве. На обратной стороне конверта стоял штемпель «Москва, I, отдел пересылки корреспонденции № 4» и печать «Получено в Москве из-за границы в поврежденном состоянии».

Амфитеатров получил от профессора из Гельсингфорса конверт своего собственного письма. Судя по штемпелям, письмо шло из итальянского города Леванто до Гельсингфорса целых две недели и за это время успело побывать в Терриоки.

Москве и Ленинграде. На ленинградских штемпелях стояли даты 9 и 10 июля. Все это доказывало, что данное письмо побывало в отделе пересылки корреспонденции № 1, то есть в отделе ГПУ, который занимается перлюстрацией подозрительной корреспонденции.

Совершенно очевидно, что письма, попавшие в руки ГПУ, лежат там дни, недели и даже месяцы. Их тщательно прочитывают, снимают копии и хранят в архиве. Но каким образом письмо, отправленное из одной европейской страны в другую, — причем обе эти страны абсолютно независимы от Советской России — может оказаться в российском «черном кабинете»?

В Центральной Европе существуют таинственные силы, которые отправляют письма с четко указанными на них адресами в совершенно ином направлении, и письма каким-то образом попадают в Ленинград и Москву. Где же, я вас спрашиваю, находятся тайные агенты ИНО, которые приводят в действие этот механизм?

Как заявил Сольц, один из основателей советской судебной системы, в Москве считается «буржуазным предрассудком» не читать чужие письма. Большевистское телеграфное агентство не менее откровенно заявило, что в Москве не существует никакой тайны переписки, и в январе 1928 года опубликовало содержание писем господина Гревеница из Гельсингфорса господину Жиеру, жившему в Париже.

До этого случая полиция Западной Европы не проявляла

большого интереса к этим таинственным событиям, и поэтому загадка осталась неразгаданной.

ИЗ МОЕЙ СОВЕТСКОЙ «КАРТИННОЙ» ГАЛЕРЕИ

За время моей карьеры в Ленинграде и в Москве я имел возможность близко наблюдать почти всех крупных руководителей. Некоторые из них произвели на меня особое впечатление. Вот их портреты, какими я их вижу до сих пор.

Карл Бегге — латыш, настоящая фамилия Карл Лил-Верде, был членом партии социалистов-революционеров, в 1907 году сослан в Архангельск, в 1911 году помилован и отправлен в Керенс. Вошел в состав первой коллегии ЧК в 1918 году, а позднее — в состав малого Совнаркома. В качестве торгового представителя был направлен в Берлин. Само представительство он укомплектовал агентами ГПУ. Одновременно сохранил за собой пост члена Президиума Центральной контрольной комиссии, члена коллегии ОГПУ и т. д.

Глеб Бокий — преемник Урицкого. Студент Горного института. Проявил некомпетентность и был уволен, как и его преемник. Освободившуюся должность занял, исключительно благодаря своей звериной жестокости, новоиспеченный коммунист Мессинг.

Николай Бухарин — сын надворного советника, посещал Московский университет, за революционную пропаганду оказался под надзором полиции, был выслан в Архангельск, бежал за границу, где находился большевистский штаб.

Семен Буденный — сын украинского епископа, сбежал из духовной семинарии после того, как прибил гвоздями к полу галоши учителя латинского языка, был отправлен на конный завод, поступил на службу в Изюмский гусарский полк и через три месяца получил повышение, став заместителем старшины. Учился в офицерской школе, в составе Нижегородского драгунского полка был направлен в Тифлис, попал на фронт, после революции дезертировал, был призван в формировавшуюся Красную кавалерию, произвел благоприятное впечатление на Троцкого и через шесть месяцев стал командиром полка. Прорвал линию фронта Добровольческой армии под Орлом и к началу польского наступления командовал армейским корпусом. Был приверженцем строгой дисциплины и окружил себя офицерами императорской кавалерии. Его жена, храбрая наездница, несколько раз была ранена, находясь в первых рядах своих отважных войск. Позже она стала медсестрой и покончила жизнь самоубийством в 1925 году в возрасте тридцати двух лет.

Лев Каменев — родился в 1883 году, отец — Борис Розенфельд. Рос в достатке, в раннем возрасте вступил в конфликт с полицией, но был отпущен из-за противоречий в свидетельских показаниях. В 1908 году был лишен права проживать в Петрограде и поехал за границу к Ленину. Женат на сестре Троцкого.

Керженцев-Дворецкий — родился в Белостоке, настоящая фамилия Хирш-Дворецкий. Уклонился от военной службы, сбежав за границу, объездил большую часть Европы в качестве коммерсанта. Принял участие в русско-японской войне в качестве специального корреспондента итальянской газеты, назвавшись Гарри Фицпатриком, английским подданным. Поскольку Охранному отделению было известно, что он дезертировал, а он, тем не менее, оставался на свободе, на него смотрели как на полицейского агента. Революционер Лебединцев, который жил вместе с ним, был выдан каким-то предателем и арестован полицией накануне совместно подготовленного политического убийства. Поскольку он был единственным, кто знал о заговоре, ему пришлось «исчезнуть» из Петрограда. Окружение Горького на Капри объявило ему бойкот, в 1910 году он вернулся в Петроград под фамилией Фицпатрик и в качестве журналиста освещал финансовые проблемы. Сменив место жительства, он снова стал называть себя Хиршем-Дворецким. После революции выступил против большевиков, бежал в Киев, вел переговоры с Советами после захвата Украины, старался установить контакты с англичанами в Стокгольме, работал в Берлине директором и редактором издательства «Накануне», стал одним из столпов советской журналистики.

Леонид Красин — родился в 1870 году в городе Курганске Тобольской губернии, сын полицмейстера. В юности дружил с Лениным, работал инженером в немецкой фирме «Сименс и Хальске», приобрел отличные связи в финансовых и промышленных кругах предвоенного Петрограда. Заведовал финансами большевистского центра, в 1908 году находился в Москве, на следующий год был арестован в Финляндии. Он всегда умел выкрутиться из затруднительных положений. Помогал Ленину организовать ряд экспроприации, которые пополняли партийные фонды. По информации госпожи Серебряковой, Красин являлся секретным сотрудником охранки с 1894 по 1902 год и с ее помощью был разоблачен. Из старых полицейских досье были получены доказательства, заведено уголовное дело — нет, не против Красина, а против госпожи Серебряковой, и в результате несчастная женщина была казнена. Он был единственным большевиком, разбиравшимся в

предпринимательстве, и имел многочисленные связи в финансовом мире за рубежом. Поместил три миллиона фунтов стерлингов в иностранные банки. Король мошенников, он обещал большевикам в Москве неслыханные доходы от своих иностранных предприятий. За пределами России он жил как князь. У его жены были бриллианты, жемчуга, роскошный автомобиль, но в Москве он ходил в поношенном костюме и ездил на разваливающейся машине неизвестно какой марки. Его злейшим врагом был Дзержинский, ходили слухи, что смерть Красина не была для этого господина большой неожиданностью. Только его секретарь, одноглазый латыш Юлиус Фигатнер, бывший управляющий ресторана в Пятигорске, защищал Красина при его жизни от ярости Дзержинского. Фигатнер и его жена, известная садистка, убили сотни кавказцев, офицеров и князей.

Максим Литвинов — родился в 1876 году, сын скромного жителя Белостока. Его настоящая фамилия Финкельштейн. В 1896 году по поручению Ленина покупал оружие и боеприпасы в Петрограде. В 1908 году, в Париже, при попытке разменять пятисотрублевую купюру, был арестован. По подозрению в соучастии ограбления банка в Тифлисе. Был выслан из Франции и до самой революции не мог устроиться на работу, потому что стало известно, что на похищенные деньги он устраивал в Париже веселые вечеринки, как в политических, так и в личных целях. Он и его брат, который разыскивался полицией Берлина по обвинению в мошенничестве, согласно английским документам, были неоднократно судимы в Англии за воровство, и, по-видимому, по этой причине англичане отказались признать его в качестве посла в Лондоне. Литвинов все отдал бы за то, чтобы получить это назначение.

Анатолий Луначарский — происходит из очень богатой семьи, его отец был действительным статским советником. Добровольно покинул Россию в 1907 году и принял участие в подготовке революции. Поскольку его интересы в основном ограничивались женщинами, в партийных делах не играл слишком большой роли.

Вячеслав Менжинский — выходец из очень религиозной семьи. Его отец был состоятельным человеком, действительным статским советником, а брат — уважаемым банкиром в Петрограде. Он стал юристом, а затем писателем и приобрел известность, дав в одном из произведений откровенное описание своего развода. Став социал-демократом, оказался замешанным в деле о клевете и был вынужден покинуть страну. Слонялся из одного кафе в другое, тратя деньги брата. Выучил японский язык, сменил профессию и стал художником, наконец, устроился

служащим в частный банк. Пользовался репутацией заправского денди, имел необыкновенно холеный вид, наманикюренные ногти на руках и ногах красил хной. В декабре 1917 года находился в Петрограде и, поскольку имел опыт работы в банке, был назначен верховным комиссаром финансов. Разграбил сейфы, присвоил документы и т. п. Обвинил Ленина в растрате не принадлежавших ему денег. Презирал рабочих, называл их свиньями, заявлял, что пролетарская культура — это «глупая выдумка интеллигенции». В 1920 году поехал в Берлин в качестве генерального консула и примирил беспощадных противников, затем стал руководителем экономического отдела ЧК и взял на себя руководство политическим отделом. Расстрелял русских студентов, ставших во время войны офицерами, несет ответственность за расстрел поэта Гумилева и проректора Петроградского университета Лазоревского. Постепенно поднимаясь по служебной лестнице, стал заместителем Дзержинского и руководителем ОГПУ. К этому времени он, по мнению московских профессоров, уже страдал манией преследования. Его сестра заведовала театральным отделом Министерства культуры и просвещения и растратила огромные суммы денег. Его брат, представитель ОГПУ в Париже, следил за деятельностью контрреволюционеров и готовил почву для включения Франции в состав Советского Союза.

Иосиф Сталин — грузин по национальности, подлинная фамилия Джугашвили. Сын сапожника, проявляя показную религиозность, посещал духовную семинарию, стал солистом епископального хора, но был исключен за то, что соблазнил кухарку священника, в доме которого жил. Это озлобило его, и он стал социал-демократом, примкнул к группе Ленина и в период с 1903 по 1913 год шесть раз подвергался аресту. Для пополнения партийных фондов организовывал крупные и кровавые ограбления, но наказание всегда нес не за серьезные преступления, а за мелкие правонарушения, такие, как участие в маевках, организация забастовки с требованием повышения зарплаты и другие. Его высшим достижением была «экспроприация» в Тифлисе, которая обеспечила большевиков средствами на несколько лет. 18 июля 1907 года двое неизвестных сидели у окна маленького ресторана в Тифлисе. Они пили вино и смотрели на пустынную улицу. Официант, получивший хорошие чаевые, не беспокоил их. Они сидели молча, и каждый присмотревшийся к ним внимательно заметил бы, что, несмотря на внешнее спокойствие, они сильно нервничали. Вниз по улице быстрыми, широкими шагами прошла женщина, за ней — вторая. Обе подали сигнал двум мужчинам,

которые встали со своих мест и, поспешно выйдя из ресторана, направились в сторону Эриванской площади. Неожиданно они скрылись. Один из них проскользнул в дом князя Сумбатова. К скверу подъехал крытый почтовый фургон — двуколка, окруженная вооруженной охраной и конными казаками. В двуколке находилось около трехсот пятидесяти тысяч рублей пятисотрублевыми банкнотами. Кассир и бухгалтер Тифлисского отделения Императорского банка получили эту сумму на почте и перевозили ее в свой банк. Ехавшие впереди всадники едва успели повернуть с Эриванской площади на Сололакскую, как с крыши здания в самую гущу казаков упала большая бомба, и одновременно из-за каждого угла полетели бомбы поменьше. Раздался треск оружейной стрельбы, лошади, запряженные в двуколку, попятились, кругом падали убитые, кассира и бухгалтера вытащили из почтового фургона на улицу. Началась паника. Стрельба продолжалась, звенели разбитые окна, женщины падали в обморок, стонали раненые. Многие пытались спастись бегством, двуколка с деньгами без кучера промчалась через сквер. От группы прохожих отделился человек огромного роста, вскочил на двуколку и бросил бомбу под ноги лошадям. Раздался еще один взрыв, и пока двуколка была скрыта густыми клубами пыли и дыма, какой-то офицер пробежал через сквер, схватил деньги и исчез. Это был Тер-Петросян, ученик Сталина, надевший военную форму в соответствии с разработанным планом для обеспечения безопасности. Все произошло в считанные секунды, вызвали врачей, на место происшествия примчались военные, полиция и гражданские власти. Опросили очевидцев, раненых отвезли в госпиталь, убрали убитых. В результате нападения, организованного Сталиным в интересах партии, погибло более пятидесяти человек. Мужчины, сидевшие в ресторане, следили за перевозкой денег из Петербурга. Женщины видели, как служащие Императорского банка получили деньги на почте и дали знать сообщникам, что двуколка выехала. Преступление так и не было раскрыто, поскольку не удалось найти доказательства виновности его участников. Только в последние годы, благодаря признаниям людей, находящихся теперь у власти, появилась возможность воссоздать ход тех захватывающих событий. Сталин прославился бесчеловечной решимостью убить даже своего лучшего друга, если, по его мнению, это необходимо. Он был ярым антисемитом, и Ленин в письме, обнаруженном после его смерти, назвал Сталина величайшим и опаснейшим идиотом в коммунистической партии и предупредил, чтобы его не назначали ни на какую руководящую должность.

Виктор Таратута — возглавлял Советский банк внешней торговли, один из старейших коммунистов. Убедил вдову богатого московского мебельного фабриканта подарить партии целое состояние. После революции был назначен председателем совета директоров Шерстьтреста, а когда эта отрасль окончательно развалилась, возглавил Внешторгбанк и выступал за расширение взаимной торговли с Европой.

Георгий Чичерин — аристократ, сотрудник Министерства иностранных дел, перед войной играл значительную роль в Берлине как член радикальной партии. В 1908 году был арестован в Шарлоттенбурге и выслан из Пруссии. Уволен со службы и лишен дворянства. Еще находясь на императорской службе, был убежденным революционером. Перед войной получил наследство. Созвав семейный совет, заявил, что его политические взгляды не позволяют ему потратить деньги на себя и что он намерен раздать их крестьянам. Если, однако, другие члены семьи придают какое-то значение этим деньгам и хотят разделить их между собой, он бессилен помешать им, так как хочет избежать семейного скандала. Прибыв в Москву, немецкий посол Брокдорф-Рунцау представился ему, одному из влиятельнейших советских руководителей. Чичерин холодно сказал немцу:

— Вы, сторонник феодальных взглядов, никак не вписываетесь в нашу действительность.

— И это говорите вы, — возразил Брокдорф-Рунцау, — человек, который, как мне известно, является прямым потомком Рюриковичей, княживших за восемьсот лет до появления Романовых! Скажите, кто из нас больший феодал, вы или я?

После этого между двумя дипломатами завязалась крепкая дружба.

Лев Троцкий — за время службы в Наркомате юстиции я встречал его дважды. В то время он располагал огромными полномочиями, а его имя было у всех на устах. Его спонтанные выступления были пронизаны жестокостью… он был величайшим преступником в России. Плотный, слегка сутулый, почти всегда был одет в толстую серую шинель и такого же цвета бриджи. На голове обычно носил фуражку с большим козырьком. Лев Бронштейн, он же Троцкий, Ивов, Янорский, товарищ Николай, родился в 1877 году в имении отца, крупного землевладельца Херсонской губернии. Учился в гимназии в городе Николаеве. В среде молодежи считался народником и был известен нападками на последователей Карла Маркса. Деятельный и хитрый, он уже тогда проявлял признаки огромного честолюбия, энергии и самоуверенности. Водил дружбу лишь с тем, кто мог бы быть ему

полезным. Тех, кого нельзя было использовать в своих интересах, отбрасывал как ненужный балласт. По натуре он был человеком нервным и страдал эпилептическими припадками. Московские врачи считали, что у него была опухоль мозга. В январе 1898 года Бронштейн, вместе с другими членами «Южнороссийского союза рабочих», был арестован и на четыре года сослан в Сибирь. По пути к месту ссылки он женился на некоей Александре Соколовской. В Сибири близко сошелся с сотрудниками «Иркутской газеты», вскоре привлек к себе внимание и был приглашен работать в газете «Искра», издававшейся за рубежом. Тем самым он получил нужный толчок для совершения побега и вскоре, бросив жену и детей, выехал из страны и вступил в Российскую социал-демократическую партию под фамилией Троцкий. Вплоть до Октябрьской революции Троцкий стоял в партии особняком, не сближаясь ни с большевиками, ни с меньшевиками. Его натура требовала независимости и власти. Троцкого отличала неразборчивость в средствах. Это же качество, доходившее почти до цинизма, было присуще и Ленину, но было продиктовано идеалами и интересами партии. Троцким же двигали исключительно личные, эгоистичные интересы, не имевшие никакого отношения к общему делу, к партии или к благу государства. Одно из первых дел по обвинению в государственной измене было возбуждено после революции против адмирала Щасного. Дело слушалось революционным трибуналом в Кремле. Щасного обвиняли в попытке ослабить боевую мощь флота с тем, чтобы ускорить взятие врагом Петрограда. Никто не предполагал, что дело будет иметь кровавый конец. Коммунисты проявляли сдержанность. Обвинение представлял Крыленко, защиту — адвокат Жданов. На суде много говорилось о завоеваниях Октября, о важных победах пролетариата, о кознях многочисленных врагов революции, но косвенных улик было недостаточно. Крыленко бросал в зал суда громкие лозунги, игнорировал свидетелей защиты, то и дело вставал и задавал какой-нибудь, как ему казалось, каверзный вопрос, после чего садился на место и принимался ковырять прыщи на своем изрытом оспой лице. Казалось, он ждет чего-то, что повернуло бы процесс в нужном направлении. Неожиданно в суде появился Троцкий. Как обычно, его сопровождал вооруженный до зубов высокий, молодой красногвардеец, внимательно наблюдавший за всеми присутствовавшими, пока Троцкий давал свидетельские показания. Громким голосом Троцкий начал свое выступление. Его слова дышали такой ненавистью к обвиняемому, что адвокат защиты заявил протест. Тут Крыленко в ярости вскочил с места и заявил, что не позволит

буржуазным крючкотворам отвлекать трибунал пустыми формальностями. Красноречие Троцкого не знало границ. Необоснованные обвинения следовали одно за другим. Напрасно пытался возражать обвиняемый, напрасно протестовал адвокат. Это были уже не свидетельские показания. Троцкий называл многочисленных противников большевистской партии и требовал безжалостной расправы над ними. Они наступают со всех сторон, стремясь задушить пролетариат; нужно дать им урок, нужно показать, что мы не шутим. У Троцкого оставалось мало времени. Ему только что принесли телеграмму с чешского фронта. На его лице появились признаки усталости, но он настойчиво требовал смертной казни для обвиняемого. Защита протестовала, но все было тщетно: разве могут логика, разум и совесть противостоять потоку ложных обвинений? Щасного приговорили к расстрелу, и два дня спустя приговор был приведен в исполнение на учебном плацу Александровской военной академии. Защитник был арестован.

Иосиф Уншлихт — родился в Лодзи, уже в возрасте 14 лет стал террористом-радикалом. Называл себя дантистом, командовал красной милицией, отдельными частями ГПУ. Помогал Ленину при захвате в 1919 году Вильно, где занял целый дом, а хозяев выбросил на улицу. Доев недоеденный ими обед, он приказал арестовывать всех хорошо одетых людей на улицах и отправлять их в качестве заложников в Россию или же расстреливать на месте. Посадил в тюрьму клиентов наиболее крупных фирм города и впоследствии всех уничтожил. Обвинив в мошенничестве одного модного портного, вызвал под этим предлогом к себе его клиентов и расстрелял их. В конце концов, был вынужден бежать, опасаясь мести поляков, и стал палачом в Московской ЧК: арестовывал на улицах нэпманов, отправлял их на соляные копи Туркестана, на Север, в Восточную Сибирь. Ставил уголовников надсмотрщиками над политзаключенными. Несмотря на все свои революционные подвиги, умел оставаться в тени.

Моисей Урицкий — родился в 1875 году, по-видимому, в Черкассах Киевской губернии, за революционную пропаганду был сослан в Вологду. Бежал за границу, примкнул к меньшевикам, но после революции перешел на сторону большевиков. Возглавив Петроградскую ЧК, проявил себя беспощадным палачом. Убит Канегиссером, похоронен с большими почестями, но доброй памяти в сердцах своих товарищей не оставил.

Григорий Зиновьев — он же Орсей, Апфельбаум, Радомысльский. Родился в 1883 году в Новомиргороде. В 1908 году за революционную деятельность выслан из Петербурга,

скрывался за границей. Вернулся в Россию лишь после резолюции. В 12-м издании Британской энциклопедии читаем следующее:

«Зиновьев Григорий (Орсей Гершон Аронор)…»

Его настоящая фамилия Аронор, но уже в молодости он был известен как Апфельбаум, Шацкий, Григорьев, Григорий Зиновьев. Летом 1917 года газета «День» опубликовала материалы, свидетельствующие о том, что ранее он сотрудничал с департаментом полиции. Опровержения не последовало… Стал одним из выдающихся членов Петроградского Совета и его председателем. В 13-м издании, вышедшем в годы, когда отношение Англии к Советам стало более дружелюбным, читаем:

> «Зиновьев Григорий Евсеевич (1883-), русский политический деятель, родился в 1883 г. в Елисаветграде (Зиновьевске). Изучал химию, а затем право в Бернском университете в Швейцарии. Начал революционную деятельность… когда ему еще не было двадцати, в 1903 году познакомился с Лениным… Вел большевистскую пропаганду на юге России… Получил известность… как организатор неудавшейся попытки восстания в Кронштадте после роспуска первой Думы и редактор большевистских газет „Вперед“ и „Социал-демократ“… Он стал одним из руководителей Союза Советских Социалистических Республик… ревностным сторонником чистого „ленинизма“. Плодовитый писатель, издал многотомное собрание избранных очерков и речей, которые могут служить богатым справочным материалом по вопросам революции и возрождения Советской России».

Да, учиться никогда не поздно, даже в Англии. Зиновьев пристроил на «теплое местечко» всех своих родственников, присвоив при этом часть сбережений отца, брата и зятя.

КАК МЕНЯ ПРЕСЛЕДОВАЛИ СОВЕТЫ

Наблюдения, которые я веду за большевиками, начиная с 1917 года, естественно, заставили их принять против меня

соответствующие меры. Они с рвением последовали за мной в Берлин, где я поселился по распоряжению генерала Врангеля, и попытались обезвредить не только моих многочисленных агентов из числа советских представителей, но и меня самого. Я оказался один на один с такой могущественной организацией, как ОГПУ с ее деньгами и бесчисленными помощниками, как платными, так и добровольными. Они хотели уничтожить меня морально, физически и материально и не скрывали этого. Их методы сводились к следующему:

1. Скомпрометировать меня в глазах германских властей, распространяя лживую информацию в российской и зарубежной коммунистической прессе (например, они утверждали, что я был причастен к убийству Ратенау — «Красное знамя», № 307а от 10 июля 1922 г.). Публикуя различные книги и памфлеты (например, книга «Секретный агент», в которой говорилось, что я работаю на Врангеля против коммунистов и Германии), донося на меня в полицию и в суд. Например, когда Михаил Гольцман вел против меня судебное дело, он делал в прокуратуре Берлина заявления по поводу моей преступной карьеры и вызывал различных свидетелей, которые в России были обвинены в государственной измене (в том числе Х.).

2. Письма с угрозами и требованием покинуть пределы Германии, «если вам дорога жизнь».

3. Разоблачения в русских эмигрантских кругах при помощи агентов-провокаторов, в которые были вовлечены не только штатные агенты ГПУ, но и ничего не подозревающие противники большевиков.

4. Попытки продать мне информацию, которая впоследствии скомпрометировала бы меня.

5. Выведывание моих источников информации и выяснение моих планов агентами-провокаторами.

6. Организация ограблений и краж.

Буржуазная пресса в значительной степени способствовала их действиям, используя информацию, исходящую от враждебно настроенных людей, которые хотели свести со мной счеты. В частности, некоему Владимиру Гарвицу удалось опубликовать большое количество подобного рода информации, почерпнутой из советских источников, прежде чем выяснилось, что он сам ее сфабриковал.

Во время первого слушания дела Книккербокера мне задали вопрос, правда ли, что я был монахом в Америке и бежал из этой страны, чтобы вступить в Иностранный легион.

А еще раньше ходили слухи о том, что мое настоящее имя — Янкель, что я барон, что я никогда не был судебным

следователем, и много другой подобной чепухи. Даже те чиновники, которые были знакомы со мной и моей деятельностью на протяжении многих лет, поверили этим сообщениям.

В правительственных кругах Германии часто приходилось сталкиваться с любопытной точкой зрения, что большевики всегда говорят правду, тогда как эмигранты просто «клевещут на них, одержимые ненавистью и жаждой мести».

Один высокопоставленный германский сановник назвал все утверждения о том, что в Советском Союзе царит «красный террор», «эмигрантскими фантазиями». Он недоумевал, почему люди, бежавшие из России, не возвращаются домой — ведь страсти уже улеглись, и страданиям пришел конец. Другой правительственный чиновник, который раньше часто имел дело с большевиками, никак не мог поверить, что находящиеся в эмиграции судьи и государственные обвинители не получают от Советского Союза пенсий.

Чичерин тщетно старался всеми правдами и неправдами добиться моего выдворения из Германии, но Министерству иностранных дел было прекрасно известно, что моя деятельность направлена только против большевизма, а не против Германии.

После большевистской революции все русские, независимо от их партийной принадлежности, разделились на два лагеря — за и против большевизма. Как бывший судья, я был обязан, не говоря уже о политических и моральных соображениях, связать свою судьбу с теми, кто был против.

Ни один класс не подвергся столь безжалостному истреблению, как служащие судебных органов. Первой жертвой революции пал петроградский судебный следователь. Около девяноста процентов судебных чиновников старой России умерли в тюрьмах или от голода.

В Екатеринбурге всем судьям и государственным обвинителям отрезали языки и уши, после чего несчастных несколько часов волоком тащили по всему городу, а затем убили.

В то время как одни антибольшевистски настроенные эмигранты, раздраженные тем, что иностранные державы позволили Советам идти их собственным путем, решили молчать, чтобы Западная Европа могла на себе испытать все прелести большевизма, другие считали своим долгом предупредить Европу об огромной опасности. Я относился к числу последних. Было просто необходимо раскрыть глаза всем тем, кто не знал о деяниях большевиков, их системе, их разветвленной агентурной сети за границей, способах и методах обмана и провокациях.

Еще в Добровольческой армии я понял, что только Германия может помочь России, и трудился день и ночь, чтобы сблизить

германские и русские антибольшевистские круги, помочь им найти общий язык и объединить силы для достижения этой цели.

Шайбнер-Рихтер, убитый в Мюнхене во время гитлеровского путча, совершил поездку по России, и его общение с антибольшевистски настроенными русскими, связаться с которыми я ему посоветовал, отчетливо отразило мои собственные устремления. Те люди, которые были интернированы на юг России за прогерманские настроения и освобождены мною, обеспечили меня необходимыми связями с Германией, и моя совесть не позволила бы мне успокоиться до тех пор, пока я со всей энергией не продолжил борьбу с большевизмом.

В моем распоряжении имеются тысячи фотографий, характеристик и биографий ведущих большевистских деятелей. К счастью, я не храню эти документы в Германии, поэтому все попытки выкрасть их до сих пор успеха не имели.

Из многочисленных Информационных бюро некоторые были открыты самими большевиками, другие были инспирированы ими или стали орудием в их руках.

Хорошим примером системы распространения ложных сведений может служить бюро Гарольда Зиверта. Оно уже существовало, когда я приехал в Берлин, и снабжало информацией не только германские газеты и организации, но также русскую и зарубежную прессу.

Я познакомился с Зивертом и иногда обменивался с ним информацией. Зиверт, латыш по национальности, приехал в Берлин без гроша в кармане, но вскоре сколотил небольшое состояние и основал процветающий бизнес. Всего лишь семь лет назад полиция пыталась запретить ему заниматься этой деятельностью, так как располагала доказательствами, что его бюро распространяет фальшивки. Но поскольку к тому времени Зиверт уже получил германское гражданство, они не смогли осуществить свои намерения.

Бывший студент химического факультета, он был невероятно энергичен и хитер. Но хотя он и умел производить химический анализ, он не был большим знатоком человеческой натуры и готов был поверить каждому, кто был хоть немного умнее его самого. Именно эта черта его характера, известная ГПУ, оказалась для них чрезвычайно полезной. Примерно за три года до этого Зиверт оказался замешан в довольно неприятную историю, когда русские эмигранты были серьезно скомпрометированы документами, сфабрикованными тремя его агентами. В документах Зиверт разбирался не больше, чем в людях, и передал эту информацию в прессу. Когда выяснилось, что все материалы были фальшивками, Зиверт попал в затруднительное положение.

Ему нужно было доказать свою непричастность к этим подделкам. Однако письма Зиверта к своим агентам, к сожалению, свидетельствовали об обратном. И только очень наивные люди не сумели бы понять, почему агенты Зиверта захотели разоблачить русских эмигрантов. Позже стало ясно, что они выполняли задание ГПУ. Однако Зиверт так этого и не понял.

Затем к нему присоединился Сергей Дружиловский, чьи разоблачения носили чрезвычайно важный характер. Зиверт представил их в таком свете, что они так или иначе оказались в его пользу, хотя и не соответствовали реальным фактам. В то время ГПУ разработало систему обезвреживания антибольшевистских организаций при помощи живых «приманок». Дружиловский, по наущению Коминтерна и ГПУ, открыл в Берлине на Пассауэрштрассе бюро, подобное тому, которым руководил Зиверт. Он дал объявление в газете о том, что собирает информацию, и многие попались в эту ловушку. Таким образом, большевики выявили не только своих врагов, но и изменников в своих рядах. Дружиловского, однако, вскоре разоблачили, и ему пришлось свернуть свою деятельность.

Этот же метод был применен для компрометации Зиверта. В штате его сотрудников уже работали агенты-провокаторы ГПУ, и в августе 1924 года Дружиловский был первым, кто сообщил Зиверту о бегстве Сумарокова из посольства. 24 августа Сумароков объявился собственной персоной, представил свои дипломатические документы и предложил свои услуги.

После короткой беседы Зиверт зачислил его в штат. Из той массы информации, которую Сумароков привез с собой, Зиверту досталась лишь малая часть, остальное он оставил себе. Сумароков заявил, что работал на ЧК и ГПУ с 1917 года под фамилией Якшин и за это время побывал в Петрограде. Во время революции работал в Харькове, а затем вместе с Белой Куном отправился в Севастополь, где принимал участие в разгроме остатков армии Врангеля (число погибших там составило тридцать тысяч человек). Наконец ГПУ направило его своим уполномоченным в Варшаву, а позже — в Берлин.

Полиция проверила личность и документы Сумарокова и пришла к выводу, что они в полном порядке. Поскольку у Зиверта было мало опыта в чтении и расшифровке большевистской корреспонденции, он обратился за помощью ко мне и представил меня Сумарокову.

Мои помощники снимали копии с документов в доме Зиверта и в моей конторе, а Сумароков диктовал по памяти все, что узнал о деятельности большевиков. Это продолжалось несколько месяцев. Сумароков утверждал, что до сих пор поддерживает

связь с несколькими старыми коллегами и получает от них информацию. То, что он сообщал о фальшивых банкнотах, полностью совпадало с имевшимися у нас сведениями.

Я доверял Сумарокову и верил в его побег примерно в течение года. Что касается Зиверта, то он до конца был непоколебим в своей вере и в Сумарокова, и в подлинность его документов.

Я перестал доверять ему в 1926 году по следующим причинам. Одновременно с Сумароковым из посольства в Вене бежал красный дипломат Ярославский. Через несколько дней после побега он был отравлен большевиками в Мейенсе. Между тем никаких покушений на жизнь Сумарокова не было, хотя он и заявил, что большевики пообещали своим агентам три тысячи марок, если те обнаружат место его пребывания.

Не меньший интерес представляет сравнение с делом Матиняна в Париже. Обоих сопровождал Раковский: одного — в Берлин, другого — в Париж. Оба имели фальшивые паспорта, выданные им в Москве, оба бежали осенью 1924 года якобы для того, чтобы отомстить большевикам. У Сумарокова — его настоящая фамилия Карпов — был паспорт на имя представителя одной из знатнейших фамилий России, у Матиняна — тоже на имя аристократа, князя Аргутинского. Сумароков продал целые корзины документов, Матинян продавал их чемоданами, Оба предали большевиков под самым их носом, продолжая в то же время поддерживать с ними отношения, и, несмотря ни на что, оставались живы.

Один должен был, по-видимому, выявлять белых в Берлине, другой — в Париже. Ни на Сумарокова, ни на его предполагаемого коллегу известие о судьбе Ярославского не произвело большого впечатления. Они были целиком поглощены добыванием денег и выдавали горы информации, чтобы доказать Зиверту свою лояльность.

Цель и задача большевиков была достаточно ясна. Дружиловский исчерпал себя, и они нуждались в новой приманке. Поэтому и позволили Сумарокову инсценировать побег, предоставили ему устаревшую, бесполезную информацию и продолжали снабжать его таковой. То, что он выдал, не имело никакого значения, гораздо важнее было выманить противников большевизма, спровоцировать их и добиться их выдворения. Сумароков прекрасно подходил на эту роль. Он был сдержан, знал, как завоевать доверие людей, и многие русские, которые за версту могли распознать большевистскую провокацию, принимали его за честного человека и обсуждали с ним самые сокровенные вопросы.

Зиверт был очень полезен Сумарокову, поскольку был вхож в круги, включая прессу, не доступные русским, и к тому же был доверчив по характеру.

Сумароков оказался послушным орудием, марионеткой в руках ОГПУ. В соответствии с полученными приказами и благодаря личным качествам он прекрасно приспособился к Зиверту и завоевал его доверие, предоставляя информацию о людях, которых Зиверт считал врагами. Я не был знаком с Сумароковым в те дни и только несколько недель спустя ознакомился с его материалами. Они оказались написанными стилем, на который Сумароков не был совершенно способен, и являлись фальшивками от начала и до конца. Поскольку их от меня скрывали, я увидел их по чистой случайности. Они не имели никакого отношения к большевикам, а только к их противникам. Все фамилии заговорщиков были замазаны чернилами, и я мог понять, о ком идет речь только из контекста.

И еще одно обстоятельство укрепило мои подозрения относительно Сумарокова. Все его агенты находились в Петрограде, и он должен был знать, что этим заложникам непременно пришлось бы отвечать за его преступления. Если бы он признался в ужасной правде, жизнью поплатился бы не только он, но и все его родственники.

Вскоре Сумароков начал догадываться о моих подозрениях и попытался поссорить меня с Зивертом. После того как я в полной мере воспользовался его материалами, я отошел от дел и виделся с ним лишь изредка. Время от времени он говорил о том, что напишет мемуары, и утверждал, что, если он опубликует правду, мир содрогнется от ужаса. Его информация, как правило, не представляла большого интереса и в основном состояла из повседневной переписки чекистов. Я не мог купить много документов, поскольку он запрашивал за них слишком высокую цену, ссылаясь на непомерные аппетиты посредников. В числе тех немногих материалов, которые я у него приобрел, были два письма, написанные Трилиссером.

Под влиянием Сумарокова Зиверт, сам о том не подозревая, стал орудием в руках ГПУ. Иногда его удавалось убедить в двуличности Сумарокова, и тогда он заявлял о своем намерении позвонить в полицию или прокуратуру. Большевики распространяли сведения о том, что Сумароков — обыкновенный чекист и, следовательно, никакого интереса для них более не представляет. Однако важные документы, которые так часто оказывались в его распоряжении, свидетельствовали об обратном и служили доказательством того, что он был не простым красным дипломатом.

В течение пяти лет, которые Сумароков работал в бюро Зиверта, он не представил ничего, что позволило бы возбудить дело против большевиков. Примечательно и то, что он, занимая важные посты, ни разу не выдал ничего существенного ни о своих коллегах, ни о сотрудниках или структуре чекистско-дипломатической службы. Он снабжал Зиверта лишь теми данными, которые поступали к нему от внешних источников.

Два года назад из Харькова прибыли уполномоченные представители ОГПУ с тем, чтобы предложить ему еще раз поступить к ним на службу. Предложение было якобы сделано на двух условиях: 1) привезти назад все документы и 2) передать все копии, которые он отдал Зиверту. Эту историю рассказал мне сам Сумароков. Такое предложение могло быть только ловушкой; результат переговоров так и остался неизвестен.

Теперь мне следовало бы сказать несколько слов о моем собственном деле и о причинах, его вызвавших. Однако работа над юридическими документами по данному делу еще не завершена, поэтому я не могу занять по отношению к нему определенную позицию и должен отложить это на некоторое время.

Необходимость разработки методов борьбы с Советами и их разветвленной сетью за рубежом — точка зрения, которой я всегда придерживался, — стала еще более очевидна в свете событий последних нескольких лет. События в советском посольстве в Париже, таинственная кража во французском посольстве и не менее таинственное исчезновение шифровального кода из итальянского посольства в Берлине — все это доказывает, что большевики остаются верны своей испытанной системе: не позволяют сбить себя с толку какими то ни было разоблачениями. Они достигнут своей цели — подрыва и разрушения всех цивилизованных стран, которые гостеприимно приняли их, — если весь мир не увидит грозящей ему опасности и не предпримет немедленных ответных шагов.

ЭПИЛОГ

Сегодня, когда я обращаюсь к событиям, произошедшим более чем двадцать пять лет назад, и вспоминаю многочисленные преступления, в расследовании которых принимал участие, прихожу к выводу, что большевики, стремящиеся к мировому господству, не научили нас ничему новому в том, что касается провокаций, заговоров, предательства, искажения фактов или убийств. Все это совершалось и раньше отдельными личностями; сегодня же это неотъемлемая часть административной системы, которая действует на территории, составляющей одну шестую часть земной суши.

Благодаря тому, что на протяжении своей карьеры я находился в самой гуще борьбы против тайных сил, стремившихся уничтожить Россию, я сумел запечатлеть многие события в своей памяти. Однако воссоздание фактов и событий, имевших место в России и других странах на протяжении последних тридцати лет, вскрытых в ходе судебных расследований, а теперь ставших достоянием гласности, — трудная, хотя и чрезвычайно интересная задача. Моя профессиональная подготовка юриста, знающего и понимающего всю важность многочисленных документов, фактов и улик, которые проходят через его руки и без которых мало что можно понять в событиях дня сегодняшнего, заставила меня в значительной степени положиться на свою память. А также обратиться к мемуарам и записям других людей, принимавших участие в этих событиях. Воспоминания очевидцев позволили мне воспроизвести отдельные эпизоды, благодаря которым я смог связать все звенья воедино.

Упразднение полиции и жандармерий в самом начале революции имело целью уничтожить картотеки и досье на агентов-провокаторов, убийц и уголовных преступников, которые стремились занять ключевые позиции в ходе грядущей революции. Вот почему огромное количество документов впоследствии невозможно было найти ни в гражданских, ни в военных архивах.

В моей книге, как и в жизни, соседствует важное и второстепенное, что не всегда в полной мере оценят те, кто будет судить о ней с предубеждением, а не беспристрастно. Описанные мною события, конечно же, не охватывают все, чем мне приходилось заниматься, а некоторые эпизоды необходимо было опустить, поскольку определенные обстоятельства места и времени не позволяют мне пролить свет на все события,

свидетелем которых я был в течение последних двадцати пяти лет. Я вынужден сократить описание событий, свидетелем которых был в эмиграции, так как в то время я был гостем в чужой стране, политика которой не всегда отражала настроения и чувство долга простого русского.

Поскольку, помимо всего прочего, я издаю свою книгу на иностранных языках, мне приходится в некоторых случаях упоминать то, что известно любому русскому, но, возможно, неизвестно или непонятно иностранцам. И хотя я старался быть как можно более объективным, я подчас не мог не отразить в какой-то мере свою собственную точку зрения, так как эти мемуары отражают поступки, мысли и события из жизни реального человека. Однако моя юридическая карьера в России, многие годы работы в суде, которому до революции не было равных ни в Западной Европе, ни в Америке, приучила меня оставаться в определенной степени беспристрастным и избегать субъективных оценок.

Каждый русский знаком с типом современного Азефа. Одной рукой он отправляет на смерть бесчисленное количество русских людей, а другой — распространяет лицемерную ложь, рассчитанную на иностранцев, пытаясь снискать расположение капиталистов. Каин наших дней может с одинаковой легкостью играть любую из этих ролей, его цель — политически и морально уничтожить все народы, утопить их в крови, разжигая ненависть и антипатриотические настроения.

До революции Азеф вел активную работу в тайных обществах и использовал любую возможность, чтобы нанести смертельный удар по российской конституции. Сегодня эта деятельность продолжается в более широком масштабе и совершенно открыто. Но и через десять лет узурпатору не удалось сломить сопротивление русского народа, упорно защищающегося от диктатуры меньшинства и яростно протестующего против организованного террора.

За последнее столетие произошло много событий, которые передовая русская интеллигенция не только приветствовала, но и финансировала.

Пройдет много времени, прежде чем русский народ сможет искоренить бездушное и предательское жонглирование словами, которым занимаются беспринципные негодяи, стоящие у власти. Сознание народа пробуждается, необходимо покончить не только с ложью, но и с теми, кто ее распространяет. Если глубоко вникнуть в происходящее, можно впасть в отчаяние, поскольку в то время, когда одни совершают все эти чудовищные преступления против человечества и цивилизованного мира,

другие безучастно остаются в стороне.

Читатель, вероятно, поймет ту безысходность, которая, подобно черному облаку, висит над человеком, изгнанным из собственной страны, не имеющим дипломатической защиты и знающим, кому он обязан своим изгнанием. Я, тем не менее, был осторожен в своих суждениях и сдержан при описании личностей, хотя все те, кто посчитает написанное в книге нападками в свой адрес, должны знать, что я ни с кем не свожу личные счеты.

Нужно положить конец безжалостному попранию истины; клевета меня не испугает, ложь не восторжествует.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В настоящем издании немало страниц уделено действиям русской контрразведки против германского шпионажа как накануне первой мировой войны, так и в ходе ее. Ниже публикуются материалы, которые красноречиво рассказывают о том, как непросто было вести эту борьбу, поскольку на стороне тех, кто шпионил, были деньги, огромная собственность, средства информации, а у тех, кто их разоблачал, — любовь к Отечеству и вера в Победу.

В № 805 и 806 газеты «Руль», издаваемой в Берлине, от 25 и 26 июля 1923 года были помещены выдержки воспоминаний бывшего Товарища министра Временного правительства С. П. Белецкого, озаглавленные «Разбойничий вертеп». Записки Белецкого нашли отклик в среде эмигрантов, в том числе и других деятелей Временного правительства. К ним можно отнести и М. Ю. Цехановского, записки которого публикуются ниже. Рассказывает он о Комиссии генерала Батюшина, созданной по Высочайшему повелению для расследования антигосударственной деятельности и шпионажа целым рядом высокопоставленных лиц в пользу Германии. В Комиссии, которую зло назвал «вертепом» редактор газеты «Руль» Гессен, принимали между тем участие Председатель Совета Министров Штюрмер, его секретарь Монасевич-Мануйлов, Владыка Питирим, министр Хвостов, следователь по особо-важным делам Орлов и другие. Автор ниже публикуемых записок, обвиненный в содействии шпионам и предателям, отбывал срок наказания в царской тюрьме. Свершившаяся Февральская (1917) буржуазно-демократическая революция, для которой Белецкий, Цехановский и их сотоварищи, как мы увидим из публикации, постарались очень много, не только дала возможность автору этих записок оказаться на свободе, но и занять правительственный пост и, естественно, упрятать своих «обидчиков» в «Кресты». Среди тех, кто активно боролся с германским шпионажем, а затем по приговору первого русского демократического правительства угодил в тюрьму, был и замечательный русский патриот, начальник контрразведки при Ставке верховного главнокомандующего, непосредственный начальник автора книги «Двойной агент» — В. Г. Орлова генерал Н. С. Батюшин. Воспоминания Цехановского относятся к 1916—1917 годам и отражают точку зрения тех сил, которые, как известно, привели Россию к катастрофе и революциям.

Вслед за воспоминаниями читатель найдет другой материал, а именно документ, составленный начальником Генштаба воюющей русской армии. Документ красноречиво свидетельствует о том, что в действительности происходило в ту пору в России. (Стиль письма в материалах сохранен.)

ГЕНЕРАЛ БАТЮШИН И ЕГО КОМИССИЯ

Генерал Н. С. Батюшин, помещавшийся со своей канцелярией по адресу Фонтанка, 90, был фактически в это время диктатором России, так как имел право контроля не только телефонных разговоров и перлюстраций частной корреспонденции всех смертных, в том числе и господ министров, но также право обыска и выемок у всех лиц, равно как и ареста их по орденам начальника штаба верховного главнокомандующего, подписываемых этим последним, по докладу генерала Батюшина, по-видимому, не читая их.

К началу 1916 года русские армии потерпели ряд поражений, сначала в Восточной Пруссии, а затем в Галиции и Ставка верховного главнокомандующего начала искать причины этих потрясений не внутри себя, не в бездарности наших генералов, командного состава, отсутствии снарядов, оружия, других причин, а старалась объяснять эти неудачи наличием измены и дезорганизации тыла Правда, тыл в это время в лице Штюрмера, Протопопова, Добровольского, Хвостова и других ставленников Распутина был ниже всякой критики, но с другой стороны, при той бездарной военной диктатуре, которая царствовала в это время, трудно было мало-мальски уважающему себя человеку удержаться на министерском посту.

И вот для ловли шпионов и организации тыла Ставка верховного главнокомандующего выдвинула двух своих генералов; Батога и Батюшина. Батог действовал при армии генерала Рузского, а затем при штабе верховного главнокомандующего. Следует заметить, что при штабе верховного главнокомандующего был свой юридический отдел, который, однако, держатся в стороне и был в оппозиции и с генералом Батогом и с генералом Батюшиным. Генерал Батюшин не замедлил организовать комиссию для борьбы со шпионажем и спекуляцией. Эта комиссия получила название «Комиссия генерала Батюшина». Правою рукою генерала Батюшина был полковник Резанов, помощник военного прокурора, сотрудник «Нового времени», известный петербургским ресторанам как кутила и картежник. В состав комиссии вошли Товарищ прокурора эвакуированной Варшавской судебной палаты Жижин, судебный следователь по особо важным делам Матвеев, ряд судебных следователей той же судебной палаты, прапорщики запаса Орлов, Барт, Логвинский, Матфеев и другие, целая группа осведомителей (Монасевич-Мануйлов, Черныш и др.), агентов, сотрудников добровольных, штатных и невольных, разбросанных

по всем городам России. Для приобретения невольных сотрудников, намеченные лица арестовывались и выпускались на свободу лишь при условии сотрудничества с комиссией генерала Батюшина. Эта комиссия была настоящим разбойничьим вертепом, где широко применялись все разбойничьи приемы: произвол, насилие, шантаж, угрозы, вымогательство, при этом «вертеп» обладал всею полнотою власти, игнорируя все действующие законы, распоряжался имуществом и жизнью граждан по своему усмотрению или даже по усмотрению одного из своих сотрудников. В распоряжении Батюшина имелась вся полиция и жандармерия. Стоило одному из сотрудников комиссии генерала Батюшина пожелать устранить своего соперника, как немедленно к этому лицу предъявлялось обвинение в сношении с воюющей с нами державою — это обвинение фабриковалось с необычною легкостью, и обвиняемые рисковали не только имуществом, но и жизнью, на основании ст. 108 Уложения, за государственную измену. Монасевич, например, боялся, что берейтор Пец может отбить у него любовницу Лерма. Немедленно комиссия Батюшина, по просьбе Монасевича, предъявляет Пецу обвинение в сбыте лошадей в Германию, путем транспортов через Швецию. Пец немедленно подвергается аресту, а Монасевич тем временем наслаждается жизнью. В конце концов, оказывается, что весь этот вздор был сочинен тем же Монасевичем, и Пеца неохотно выпускают на свободу.

Генерал Батюшин уверил генерала Пустовойтенко, а этот в свою очередь генерала Алексеева в том, что все неудачи армии зависят от банков, банкиров и промышленников, и вот генералу Батюшину дается поручение «потрусить» банкиров и промышленников. Первым пострадавшим явился Д. Л. Рубинштейн. Ему было предъявлено обвинение в выдаче секрета отливки ружейных пуль, при этом у Рубинштейна дома был произведен тщательный обыск, и хотя при обыске ничего компрометирующего найдено не было, Рубинштейн был подвергнут пятимесячному тюремному заключению. Затем были арестованы два брата Животовские, вскоре выпущенные, с тем, однако, что один из них обязан был быть сотрудником этой комиссии. Был арестован также присяжный поверенный Вольфсон, за его дружбу с графиней Клейнмихель, обвиняемый к тому же в сношениях с воюющей с нами державой. Наконец, были арестованы мукомолы, а вслед за ними и сахарозаводчики. На этих последних, в сущности, генерал Батюшин и сломал себе зубы, так как немного спустя после окончания дела сахарозаводчиков комиссия генерала Батюшина была распущена. А он сам со своими сподвижниками попал в тюрьму, и разбором

дела этого почтенного учреждения занялась комиссия сенатора Бальца — это уже было в марте 1917 года, при Временном правительстве. Изо всех дел батюшинской комиссии меня больше всего интересовало дело сахарозаводчиков, как лица, близко стоявшего тогда к сахарной промышленности, а также подвергнутому аресту и четырехмесячному тюремному заключению, распоряжением генерала Батюшина. Я остановлюсь поэтому более подробно на деятельности генерала Батюшина по расследованию «дел» сахарозаводчиков.

После поражений наших галицийских армий, в начале 1916 года, был брошен лозунг: «Все для войны». Тогда же были образованы военно-промышленные комитеты и вся промышленность была мобилизована для надобности войны. Сахарная промышленность была также мобилизована: в многочисленных мастерских при сахарных заводах начали изготовляться походные кухни, телеги, колеса, подковы и многие другие предметы, в коих нуждалась армия. В общем движении «Все для войны» сахарозаводчики приняли самое горячее участие, организуя лазареты для раненых, санитарные отряды, поезда и тому подобное. Положение сахарной промышленности в это время сильно затруднилось вследствие недостачи рабочих рук, угля и расстройства железнодорожного транспорта. Указанные выше причины, а также удорожание материалов производства сахароварения: свеклы, угля и пр. и удорожание рабочих рук привели к резкому повышению рыночных цен сахара, превысивших на него установленные законом предельные цены. Министр финансов вошел в Государственный совет с предложением об отмене мер регулирования в сахарной промышленности. Правительство для регулярного снабжения воюющих армий продуктами питания вынуждено было взять в свои руки их распределение. Для этого под председательством министра земледелия было образовано Особое совещание по продовольствию, в задачи коего входило установление твердых цен на все продукты и направление их по адресам своих уполномоченных, находящихся в районах губерний. Сахарная промышленность была также подвергнута контролю за установлением твердых цен на сахар. Одновременно для более правильного снабжения сахаром населения и армии. Особое совещание по продовольствию образовало в Киеве, как центре сахарной промышленности, центральное бюро Центросахар, на которое и была возложена функция распределения сахара. Центросахар был подчинен министру земледелия, а заведующим бюро был назначен И. Г. Черныш. Однако и с учреждением этого органа население по-прежнему продолжало испытывать перебои с

приобретением сахара, хотя общий вес заготовленного сахара достиг цифры 108 млн пудов. Отсутствие на прилавках сахара, его высокая цена вызывали ропот и массовое неудовольствие населения. Газеты, не будучи в курсе дела, объясняли создавшееся положение алчностью и жадностью сахарозаводчиков.

Для выяснения положения в сахарной промышленности высочайшим повелением от 10 сентября 1916 года члену Государственного совета, сенатору В. Ф. Дейтриху было поручено провести полное обследование этой отрасли. В помощь сенатору Дейтриху был прикомандирован судебный следователь по особо важным делам П. Д. Александров. Сенатор Дейтрих тотчас же начал подробно знакомиться с общим положением в сахарной промышленности. Мне, как уполномоченному Правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, пришлось давать все необходимые объяснения и представить весь материал, имевшийся тогда в моем распоряжении. Во второй половине сентября 1916 года сенатор Дейтрих вместе с судебным следователем Александровым выехали в Киев, чтобы на месте ознакомиться с положением дел в этой промышленности и оказать ей содействие для получения угля, рабочей силы и железнодорожных вагонов. Словом, надо было наладить своевременную доставку сырья на заводы, так как в этом сахарная промышленность испытывала крайнюю необходимость. Я также в это время выехал в Киев.

Проснувшись однажды в один из дней конца сентября месяца, я узнал, что накануне в ночь было произведено ряд обысков и выемок в правлениях Товариществ сахарных заводов Александровского, Туль-Черкасского и Юльевских. У руководителей означенных предприятий гг. Добраго, Бабушкина, Гепнера, а также в отделениях банков Русского для внешней торговли и Международного были вскрыты сейфы. Кто произвел обыски, по чьему распоряжению, по каким причинам, выяснить было довольно трудно. Я немедленно вместе с графом А. Д. Бобринским, председателем Правления Общества сахарозаводчиков и другими сахарозаводчиками — Бродским, Фишманом, Шениовским побывали у сенатора Дейтриха, чтобы выяснить причины обысков и выемок. Сенатор Дейтрих также не был осведомлен о том, кто проделал всю эту работу и по чьему распоряжению все это проводилось. Однако несколько часов спустя судебный следователь Александров выяснил, что обыски и выемки были произведены по указанию генерала Батюшина, который накануне прибыл из Ставки в Киев, приняв меры к тому, чтобы его приезд был по возможности скрыт, для чего номер в

гостинице «Континенталь», где он остановился, по его телеграмме, был записан на имя киевского полицеймейстера. Под его руководством прапорщики запаса Орлов, Барт, Логвинский производили указанные выше обыски и выемки. Впечатление было самое удручающее: с одной стороны, высочайшая власть назначает члена Государственного совета, сенатора Дейтриха для детального обследования сахарной промышленности, с другой стороны — Ставка командирует своего генерала произвести в полном смысле слова «дебош» в той же отрасли промышленности; получался какой-то невольный конфликт, бессмысленный и ненужный между гражданской и военной властью — скорее, даже издевательство военной власти над гражданской. Трудно было допустить, чтобы, при наличии сенаторской ревизии, военные власти могли произвести обыски и выемки без достаточных к тому оснований. Положение сенатора Дейтриха становилось смешным и драматичным. Как потом выяснилось, это был просто разбойничий набег Наташинской шайки, в целях грабежа и контрибуции, предпринятый с соизволения военного командования в лице генерала Алексеева. Сенатор Дейтрих просил меня немедленно выехать в Петербург и доложить Председателю Совета Министров Штюрмеру и другим министрам о происшедшем.

Настроение среди деятелей сахарной промышленности стало апатичное и угнетенное. 3 октября 1916 года в конторе Всероссийского общества сахарозаводчиков и у меня в квартире был произведен обыск. Проводил его судебный следователь по особо важным делам Орлов по распоряжению начальника штаба Петроградского военного округа. Была взята вся текущая переписка по делам Общества и моя личная. Конечно, никаких компрометирующих бумаг или документов ни в конторе Общества, ни у меня найдено не было. Следует заметить, что Всероссийское общество сахарозаводчиков, действовавшее на основании высочайше утвержденного устава, никакими коммерческими или политическими операциями не занималось и вся деятельность его была направлена на развитие сахарной промышленности и на представительство перед правительственными учреждениями. Управлял делами Общества я. И также я не вел никаких коммерческих операций и не занимался политикой. Работал я тогда уже в сахарной промышленности свыше тридцати лет, пользовался известностью в этой области промышленности как автор многочисленных докладов, книг и брошюр, касающихся вопросов сахарной промышленности. В это время я был членом Военно-промышленного комитета и Особого совещания по

продовольствию и находился в составе представительства России на Брюссельской международной сахарной конвенции.

В течение всего 1916 года, вследствие значительного ухудшения работы железнодорожного транспорта и удорожания себестоимости продукции, сахар на рынках стал появляться все реже. Ропот населения, усиленный, как я уже выше говорил, газетной шумихой о том, что виною во всем сахарозаводчики, которые якобы прячут продукцию, спекулируют ею, естественно, по очень высоким ценам, Особенно резко в то время выступала газета «Новое время». Так как все эти выступления могли привести к еще большему возбуждению общества, я обратился в главному редактору этой газеты М. А. Суворину дать мне возможность осветить на ее страницах истинное положение дел. Согласие я такое получил. И сразу же опубликовал одну за другой редакционные статьи. Тогда же у меня появилась мысль периодически помещать там свои статьи.

Во время моих активных контактов с газетой М. А. Суворин предложил мне купить триста паев Товарищества «Нового времени», чтобы таким образом дать Всероссийскому обществу сахарозаводчиков через печать защищать свои права и интересы. Общество давно уже хотело иметь свой печатный орган, и вот случай подвернулся, и не воспользоваться им было бы большой ошибкой. Я обратился к председателю правления Русского банка Л. Ф. Давыдову, в коем имелся крупный пакет акций Александровского товарищества сахарных заводов, с просьбой открыть кредит правлению Общества сахарозаводчиков для покупки тех самых трехсот паев «Нового времени». Давыдов мое стремление одобрил, но так как сахарное дело находилось в руках А. Ю. Добраго, он предложил мне написать тому письмо и решить все вопросы. Вот это-то письмо и нашли при обыске в Киеве батюшинские сыщики. В нем они и усмотрели мое стремление подкупить прессу. Об этом полковник Резанов без промедления и известил М. А. Суворина. Если генерал Батюшин не мог обвинить меня в подкупе прессы, то вполне мог это сделать, мотивируя свое обвинение моим «желанием» подкупить прессу.

Докладывая министру земледелия графу А. А. Бобринскому о проведенных в правлениях сахарных заводов обысках и выемках, происшедшее я пояснил следующим образом: допустим, в окрестностях Петрограда (в верстах двадцати от него) была бы поставлена двенадцатидюймовая мортира, заряженная таким же боевым снарядом; кто-то, проходя мимо, дернул за затвор, произошел бы выстрел, ядро упало бы в Исаакиевский собор и разрушило его. Произведший выстрел сказал бы: «А я и не знал,

что орудие это так далеко стреляет». То же, по моему мнению, делает и генерал Батюшин — таким путем в данное время можно только разорить промышленность, а с ней и государство. Я побывал затем у министров финансов, торговли и промышленности и внутренних дел, и никто из них не знал, кто такой генерал Батюшин и на основании каких полномочий он действовал. У Председателя Совета Министров Бориса Владимировича Штюрмера я был вместе с Л. Ф. Давыдовым, председателем Правления Русского банка для внешней торговли. Изложив подробно дело и возможные последствия, мы просили г. Штюрмера довести до сведения Ставки. Он, конечно же, пообещал, но ничего не сделал, так как вместе со своим секретарем Монасевичем-Мануйловым, состоявшим, кстати, осведомителем батюшинской комиссии, были заинтересованы в успехе ее «работы».

10 октября 1916 года я был приглашен полковником Резановым на допрос «в качестве свидетеля» в его квартиру на Фонтанке, 90 (камера 90). С большим трудом поднялся я по грязной лестнице, пахнувшей кошками, на третий этаж, нашел нужную дверь, на которой красовался бумажный аншлаг «Комиссия генерала Батюшина». Открыв дверь, вошел в приемную (полутемную переднюю). Единственным предметом мебели тут был грязный топчан, служивший лежанкой для находившегося здесь же жандарма.

Пришлось несколько подождать, но в назначенный час в переднюю вышел полковник Резанов и, отрекомендовавшись, попросил меня войти в следующую комнату. Там за простым столом, заменяющим письменный, сидел генерал Батюшин. Он поднялся мне навстречу. Был он небольшого роста, с головой грушевидной формы, с неподвижным лицом. Стальной цвет его глаз был пугающе неприятен. Генерал, нервно поправляя выдвигавшуюся вперед шашку, представился и попросил меня сесть на стул против него. Рядом с генералом присел полковник Резанов, человек среднего роста, в новеньком мундире военно-судебного ведомства.

От него пахло духами, на лице светилась улыбка, делающая его человеком «приятным во всех отношениях». Он, я это знал, тоже активно сотрудничал в «Новом времени» и частенько помещал на его страницах стишки лирического направления. Он был на «ты» с генералом Батюшиим. Мне было с самого начала неприятно пребывать в этой компании. Принеся из соседней комнаты листы чистой бумаги, полковник стал записывать мои показания.

С первых же вопросов для меня стало ясно, что это допрос «по

форме», но не по «существу» и сущность дела, по-видимому, мало интересовала и Батюшина и Резанова. Расспросив меня, кто я и чем занимаюсь, а равно какие задачи Общества сахарозаводчиков, генерал резко заявил: «Я приказал арестовать ваших сахарных королей».

На мой вопрос: «Могу ли я узнать, кого именно и за какие преступления?» — генерал ответил: «Этого сказать вам пока не могу». Затем еще более резко, с нервным подергиванием лица и плеча, генерал спросил: «Скажите, господин Цехановский, не были ли вы недавно на завтраке у министра земледелия графа Бобринского и не говорили ли о том, что я разоряю сахарную промышленность?» Я ответил утвердительно и добавил, что в настоящее время, когда сахарная промышленность находится в критическом положении, обыски и выемки в сахарных предприятиях, равно как и аресты ответственных работников в этих предприятиях, приведут лишь к разорению сахарной промышленности. На это генерал Батюшин сухо мне ответил: «Я должен вас предупредить, господин Цехановский, что, несмотря на чин действительного статского советника, дарованный государем императором, я вынужден буду принять против вас репрессивные меры, если вы будете мешать мне заниматься делом».

Твердо веря в силу русских законов, в правоту своих действий и не зная за собой каких-либо преступлений, я смело ответил: «Если закон предоставляет вам, генерал, право подвергнуть меня аресту без особых к тому мотивов, я буду считать своим долгом подчиниться требованию закона». В то время я еще не знал, что для генерала Батюшина закон уже не существует и он руководствуется только произволом, опираясь на господина Монасевича-Мануйлова и Распутина, близких к высочайшему двору, при посредстве фрейлины императрицы А. Вырубовой.

На прощание генерал Батюшки мне сказал, что сахарозаводчики старались подкупить за миллион рублей Черныша, но им это не удалось. Господин Черныш был в это время отстранен от должности председателя Центросахара и заменен управляющим акцизными сборами Киевской губернии Орловым. Как потом выяснилось, Черныш состоял сотрудником батюшинской комиссии. Должен заметить, что сахарозаводчики не только не старались подкупить Черныша, но не имели в этом никакой надобности, так как найденная у них при обыске переписка не дала никаких результатов. Так окончилось мое первое и последнее показание в качестве «свидетеля» в комиссии генерала Батюшина.

Выйдя в переднюю, я встретил там господина Давыдова, имевшего довольно расстроенный вид. Он был вызван также в качестве «свидетеля» по поводу обысков, произведенных распоряжением Батюшина в Русском для внешней торговли банке. Мое самочувствие после допроса было самое отвратительное. Я не мог допустить ни на минуту того, что можно было подвергнуть кого-либо аресту без достаточных к тому оснований, а тем более ответственных работников сахарной промышленности во время великой войны, когда каждый работник должен был быть на счету. Я не знал, кто из сахарозаводчиков должен быть арестован и за что. У меня появилось сомнение в той, что, может быть, кто-либо из сахарозаводчиков действительно занимался шпионажем. Заявив мне на допросе о том, что арестованы сахарозаводчики, генерал Батюшин почему-то солгал, но через несколько дней в Киеве действительно были арестованы сахарозаводчики господа Бабушкин и Гепнер. Несколько дней спустя в Петербурге был арестован сахарозаводчик А. Ю. Добрый, прибывший из Киева Я снова побывал у министров земледелия, торговли и промышленности и внутренних дел. Для всех министров Батюшин появился как Deus ex machina, и все были бессильны оказать какое-либо содействие, так как все было облечено в секрет государственной важности. Министр внутренних дел Протопопов предложил мне поехать в Ставку вместе с товарищем министра Бальцом, чтобы выяснить причины арестов сахарозаводчиков. После ареста А. Ю. Доброго мои сомнения о возможности шпионажа увеличились еще больше. 26 октября 1916 года в № 228 «Правительственного вестника» было сделано следующее официальное сообщение:

> «Арестованы по распоряжению военных властей на театре военных действий киевские сахарозаводчики Израиль Бабушкин, Иоволь Гепнер и Абрам Добрый за противодействие снабжения армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара на внутренний рынок империи и злонамеренный вывоз сахара за границу в ущерб снабжению воюющей армии и населения».

Прочитав такое сообщение, для меня стало ясным, что ни о каком шпионаже не может быть и речи, так как все правительственное сообщение представляло от начала до конца сплошную ложь. Правительственное сообщение имело сильный

запах, но, вчитываясь в каждое его слово, становилось жутко. Та ложь, нахальство влекли за собой тяжкие последствия для обвиняемых. Ведь это сообщение было объявлено во время войны. Как я уже указывал раньше, снабжение сахаром, как населения, так и армии находилось в руках Центросахара и Особого совещания по продовольствию, то есть — правительства. Распределение сахара производилось Министерством финансов, таким образом, сахарозаводчики не являлись более хозяевами своего товара.

Еще более нелепо звучало заявление о «злонамеренном вывозе сахара за границу», ибо согласно Брюссельской международной конвенции, в которой Россия участвовала с 1908 года (соглашение это оставалось в силе и в 1916 году), вывоз сахара из России за границу был ограничен и производился только специальным распоряжением правительства и под его контролем, следовательно, могла быть речь о контрабандном вывозе сахара, если таковой был обнаружен военными властями, но этого не могло не знать Министерство финансов. Ясно, что подобное правительственное сообщение могло быть написано или злонамеренно, или круглым невеждою в вопросах действовавших по сахарной промышленности узаконениях. Становилось непонятным, почему такое серьезное правительственное сообщение было помещено без ведома Министерства финансов, торговли и промышленности, учреждений вполне компетентных в этой области промышленности.

Я немедленно отправился к сенатору Дейтриху и объяснил ему всю несостоятельность опубликованного правительственного сообщения. Сенатор Дейтрих в это время уже был в курсе сахарных законоположений и, выслушав меня, печально сказал: «Да, вы правы, это ужасно… Я попробую переговорить с министрами финансов, торговли и промышленности, но надежд мало. Военные власти закусили удила, необходимо выжидать». На другой день, это было 27 октября, министр земледелия граф А. А. Бобринский попросил меня по телефону немедленно к нему заехать. Еду к графу, который жил в своем особняке по Галерной улице. Застаю графа нервно шагающим по своему кабинету. Граф был одет в пиджак, при ботфортах, что вошло в моду для всех, в том числе и министров, приезжающих в Ставку. От непривычки носить ботфорты, которые к тому же жали ногу, граф был в дурном расположении духа. Поздоровавшись со мной сухо, граф взял со стола пакет и, подавая мне, сказал: «Прочтите». Он продолжил свое хождение по кабинету. На пакете была сургучная печать, с надписью на конверте: «Министру земледелия графу А. А. Бобринскому от начальника штаба верховного

главнокомандующего. В собственные руки». Пакет срочно был доставлен графу Бобринскому фельдъегерем. Из пакета, разрезанного уже графом, вынимаю лист бумаги, формата большого почтового письма, сложенного вчетверо. Письмо было написано на пишущей машинке, на бланке начальника штаба верховного главнокомандующего и подписано генералом Алексеевым. Я молча прочел письмо. Трудно было себе представить более грубое, глупое и бестактное письмо, и оно было написано министру земледелия. Содержание письма было приблизительно следующее: распоряжением моим были арестованы сахарозаводчики такие-то и вся мотивировка о причинах ареста была та же, что и в опубликованном правительственном сообщении. Затем говорилось об алчности и жадности сахарозаводчиков, об эксплуатации ими русского народа. Наконец генерал Алексеев требовал увольнения председателя Центросахара Орлова, назначенного Бобринским, и о замене его Чернышом, агентом генерала Батюшина, уволенного министром земледелия.

По справке министра внутренних дел, отосланной генералу Алексееву, при ответном письме графа Бобринского указывалось, что И. Г. Черыш состоял в партии социал-революционеров и принимал деятельное участие в революционном движении 1905 года. Было очевидно, что автор правительственного сообщения и письма генерала Алексеева к графу Бобринскому было одно и то же лицо — это был генерал Батюшин и его сподвижники. Письмо было подписано генералом Алексеевым, при этом им лично были подчеркнуты пикантные слова письма: «алчность», «жадность», «эксплуатация» и другие, как бы желая унизить и оскорбить графа Бобринского, как сахарозаводчика. Прочитав письмо, мне стало жутко и за себя и за те миллионы людей, которыми распоряжался генерал Алексеев. Было очевидно, что Алексеев подписал письмо, не понимая ни смысла его, ни значения. Если для безответственного генерала Батюшина можно было найти какое-либо оправдание в представлении им ложного и глупого доклада генералу Алексееву, то для последнего не может быть оправдания в подписании подобного письма. С моей точки зрения, получив доклад Батюшина о сахарозаводчиках, Алексеев должен был вызвать министров финансов, торговли и промышленности и выслушать их заключение. Прав Батюшин — арестовать сахарозаводчиков, не прав Батюшин — предать его суду, но никоим образом генерал Алексеев не мог вторгаться в сферу деятельности гражданского управления. Прочитав письмо генерала Алексеева, мне стало ясно, что выхода нет, что я буду арестован, так как нахожусь во власти «разбойничьего вертепа»,

где закон и право отсутствуют. Такое положение ничего хорошего сулить не могло, и результат его был очевиден. Увидя, что я окончил чтение письма, граф обратился ко мне и сказал следующее: «Михаил Юрьевич, я очень прошу вас спроектировать ответ на это письмо, но так, чтобы я с „трестом“ мог покинуть пост министра земледелия». Граф сдержал свое слово и через месяц подал прошение об отставке.

Возвратись к себе в контору, я начал готовить проект ответа на письмо генерала Алексеева Я имел обыкновение диктовать на пишущую машинку. Моя контора, помещавшаяся по Конногвардейскому бульвару, 15, состояла из анфилады комнат, причем машинистки находились в последней комнате, так что, находясь в ней, можно было видеть все комнаты, в том числе и приемную, которая была первой при входе. Я только что начал диктовать, когда услышал звонок в передней и увидел в ней жандармов. Я сразу понял, в чем дело. Подавая письмо Алексеева машинистке, я сказал: «Письмо спрячьте за корсет, а написанное на машинке немедленно уничтожьте». Затем я направился навстречу офицеру, находящемуся в приемной. Одет он был в военную форму, при шпорах. Это был судебный следователь, прикомандированный к комиссии генерала Батюшина.

— Имею честь видеть господина Цехановского? — спросил он строго.

— Да, это я.

— Я имею ордер начальника штаба Петроградского военного округа вас арестовать.

— Не будете ли вы любезны предъявить мне этот ордер, — попросил я офицера. Прочитав ордер, в котором говорилось о моем аресте без объяснения причин этого ареста, и, возвращая его судебному следователю, я сказал: — Что же, я в вашем распоряжении.

— Я предварительно должен произвести обыск у вас в конторе и квартире, — ответил следователь. Начался обыск. Сначала была контора, а затем квартира Она была смежной с конторой. В это время вошел граф Бобринский. Следователь не помешал мне переговорить с графом. Я объяснил ему причину появления жандармов.

В моих разговорах после ареста сахарозаводчиков и с графом Бобринским и с сенатором Дейтрихом проводилась мысль, что необходимо ходатайствовать о передаче нашего дела прокурорскому надзору. С одной стороны, у меня уже были практически полные данные о комиссии генерала Батюшина как о разбойничьем вертепе, с другой стороны, только прокурорский надзор мог разобраться в наших сложных сахарных делах.

Поэтому я просил графа Бобринского поехать в Ставку и просить генерала Алексеева передать дело о сахарозаводчиках и обо мне прокурорскому надзору. А так как центр сахарной промышленности находится в Киеве, я просил графа указать на передачу дел прокурору Киевской судебной палаты. 27 октября 1916 года я был арестован и находился в доме предварительного заключения в Петрограде на Шпалерной, при этом, как я потом узнал, генерал Батюшин сообщил начальнику тюрьмы о том, что я являюсь важным государственным преступником и что в отношении меня должны были быть приняты особые меры строгости. Итак, я пробыл в тюрьме до 10 февраля 1917 года.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о порядках в тюрьмах при царском режиме.

Обыск в моей квартире и конторе окончился около семи часов вечера, и на собственном автомобиле, в сопровождении уже городового, я приехал в полицейское управление местного района, откуда, по выполнении каких-то формальностей, на том же автомобиле я был доставлен на Шпалерную, 10, где и находился до предварительного заключения. Шофером у меня был матрос Николай — один из немногих спасенных при гибели броненосца «Петропавловск» — человек весьма нервный, из крайних левых. Я часто любил болтать с ним и слушать его критику действий правительства. Подъехав к дому предварительного заключения, Николай бросился целовать мне руки, желая тем самым выразить протест против моего ареста.

В канцелярии дома предварительного заключения, куда был доставлен, я сообщил свой формулярный список: год и место рождения, вероисповедание и прочее, Там же мне пришлось оставить часы, деньги и оружие. С небольшим чемоданчиком, в котором имелось все самое необходимое для туалета, я направился в сопровождении конвойного на четвертый этаж, где находилась предназначенная для меня камера. Начальник отделения, который принял меня как «арестанта», ввел в камеру. Он предложил мне раздеться догола, после чего начал тщательно осматривать весь мой костюм и белье, а затем и меня самого. Делал он это в целях найти что-либо зашитое или спрятанное. Потом я оделся и остался один. Камера была холодная, вследствие испортившегося парового отопления, и сырая, с небольшим окном наверху. Размеры ее — семь шагов в длину и три с половиной в ширину. В камере имелась подвесная кровать, откидные стул и столик и уборная, Электрический свет подавался из коридора и в дверях камеры имелось небольшое окошечко «глазок» для наблюдения за арестованным и окошко для подачи пищи. Свет подавался с шести до восьми утра, когда начиналась

жизнь арестантов. В коридорах начинался шум, раздавался крик: «Чай, кипяток», и в открывавшиеся дверные окошки камер, арестованные подавали чайники для кипятка. Вслед за этим раздавался новый кряк: «Гулять приготовиться», и арестованные гуськом по очереди выпускались во двор на прогулку на 15 — 20 минут. Для прогулок во дворе был отгорожен круг, разделенный деревянными перегородками на секторы, десять шагов в длину, где арестованные и могли прогуливаться, не имея права ни сообщаться, ни разговаривать со своими соседями. Арестованные находились под наблюдением отделенного начальника и дневальных служителей, причем последние несли дежурства по очереди шесть и двенадцать часов.

При доме предварительного заключения имелась библиотека и лавка. Каталог библиотеки заключат в себе большой выбор русских классиков, кроме того, разрешаюсь получать из дому как книги, так равно вещи и съестные припасы. В лавке можно было купить всякую мелочь, как нитки, иголки, папиросы и прочее. Арестованные кормились на казенный счет, но там же при кухне, за определенную плату, можно было получать улучшенное довольствие, вплоть до рябчика я куропатки. В определенные дни можно было помыться в душе и даже в ванной, имелись доктор и церковь, которую можно было посещать также по очереди во время праздников и накануне их. Причем для таких «важных политических преступников», как я, в церкви также имелись одиночные камеры, в которые вводились арестованные. Оставшись один в камере, в день моего заключения я был настолько морально разбит и подавлен, что почти в течение трех суток оставался на койке без пищи и движения. Крики «чай», «кипяток», «гулять приготовиться» меня совсем не волновали.

Но человек живуч и быстро ко всему приспособляется. Чувствуя свою правоту, во мне закипела злоба и желание мести. Я знал, что мои друзья не дремлют. Я стал прогуливаться по камере, есть и пить, обдумывать все происшедшее. Через какое-то время я услышал стук в стенку то справа, то слева моей камеры. Стук ясно имел свою планомерность. Я долго не мог сообразить, наконец, понял: «Кто вы?», «За что сидите?», «Доброе утро!» и так далее. Я стал отвечать. Во время уборки камеры утром, когда дверь камеры открывалась дневальным, я попытался войти в связь с ним. Дневальный согласился за определенную мзду доставить мое письмо родным, принести от них ответ и газетку. Таким образом, установив связь с внешним миром, я был в курсе того, что там делается, что предпринимается, и со своей стороны мог давать советы и указания. С этого момента жизнь моя в заключении сделалась легче и я уже более спокойно ожидая

развязки моей грустной истории.

У генерала Батюшина был широкий план разрешить дело господ Доброго, Бабушкина и Гепнера военно-полевым судом, подвергнув их за предательство смертной казни через повешение. А затем арестовать других сахарозаводчиков, таких, как графа Бобринского, Бродского, Фишмана и Щепиовского, однако этому плану осуществиться уже было не дано. Защитниками по делу сахарозаводчиков выступили присяжные поверенные округа Петроградской судебной палаты Грузенберг и Тарховский и Киевской — Фиалковский. Присяжный поверенный Тарховский несколько раз бывал в Ставке и в беседе с генералом Пустовойтенко сослался на компетенцию Министерства внутренних дел, на что генерал сказал: «За все ваше Министерство внутренних дел я не дал бы и трех копеек!» — таково было отношение военного командования во время войны к гражданскому управлению страной. До каких размеров доходило это пренебрежение военных, свидетельствует тот факт, что даже такой генерал, как Батюшин, не считал нужным являться по вызовам министров финансов, юстиции и внутренних дел. Генерал Батюшин пользовался приемами сыщика и провокатора. Когда вскоре после моего ареста граф Андрей Бобринский обратился к Батюшину с просьбой указать причины моего ареста и освободить меня, последний сказал: «Отчего, граф, вы так беспокоитесь — пусть Цехановский посидит, успокоится. Если бы вы знали, что он писал о вашем брате (бывшем министре земледелия), вы бы никогда о нем не хлопотали». И когда граф спросил: «Что же он писал?», Батюшин ответил, что этого он сейчас по понятным соображениям сказать не может. Это была наглая провокационная ложь, так как я никому о графе Алексее Бобринском ничего не писал. Этим путем Батюшин думал отбить у графа Бобринского охоту дальнейших обо мне выступлений. Тем не менее, граф Андрей Бобринский поехал в Ставку, был у генерала Алексеева и просил его о передаче дел о сахарозаводчиках прокурорскому надзору, указав на Киевскую судебную палату, как находящуюся в центре сахарной промышленности и знающей суть вопроса.

Надо сказать, граф Бобринский был сухо принят генералом Алексеевым, перед которым лежал доклад по делу сахарозаводчиков, представленный генералом Батюшиным. Впоследствии мне удалось ознакомиться с этим докладом. Трудно себе представить более бездарный, невежественный и провокационный доклад. А ведь, казалось бы, генералу Алексееву просто было представить этот доклад Министерству финансов, где были люди компетентные и знающие сахарную

промышленность, и просить заключения по этому докладу. Генерал Алексеев сам не мог быть компетентным в этой области промышленности — еще менее он имел право полагаться на генерала Батюшина и окружавших его прапорщиков запаса. Вмешательство же военных властей в сферу деятельности гражданского управления расшатывало тыл, и без того непрочный, и разрушало весь государственный организм. Это должен был понимать генерал Алексеев. Ему ничего более не оставалось, как исполнить просьбу графа Андрея Бобринского и передать дела о сахарозаводчиках прокурорскому надзору. 2 декабря 1916 года оно и было передано по назначению. Им теперь занимался прокурор Киевской судебной палаты господин М. С. Крюков и следователь по особо важным делам Новоселецкий. М. С. Крюков, убежденный монархист, молодой, энергичный, стоявший на страже закона и не питавший симпатий к евреям, с нетерпением ожидал доклада судебного следователя по этому делу, успевшему прогреметь тогда на всю Россию. Судебный следователь Новоселецкий, человек молодой, с твердой волей и сильным характером, проводивший следствие всегда с большим умением, в представленном Батюшиным докладе и материалах увидел полную беллетристику и жалкий лепет, с потугами на обвинение. На вопрос нетерпеливого киевского прокурора: «Что же там с делом о сахарозаводчиках?» — ответил: «Я бегло прочитал весь материал, и мне кажется, что дела нет». Прокурор Крюков просил ему доставить материалы, желая ознакомиться лично. Ознакомившись, он не только не нашел никакого дела, но почувствовал дурной запах батюшинской комиссии.

В это время члены этой комиссии и ее осведомители Владимир Орлов, Барт, Логвинский, Монасевич-Мануйлов и другие энергично практиковали шантаж и вымогательство. О многих выступлениях этих господ уже было известно. Прокурор Крюков испросил разрешения прибыть в Ставку и 23 декабря 1916 года приехал в Могилев, где была в это время Ставка. Генерал Алексеев был в отпуске, и его обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего исполнял генерал Гурко. В то время члены батюшинской комиссии развели максимум своей энергии. Шантаж и вымогательство достигли своего апогея. Следует заметить, что комиссия арестовывала исключительно богатых людей, причем мотивами арестов были главным образом обвинения в сношении с воюющими с нами державами, то есть, проще говоря, обвинение в государственной измене. Орлов и Логвинский требовали от родных арестованных сахарозаводчиков крупных сумм за их освобождение. Только из-за боязни провокаций родные сахарозаводчиков воздерживались от уплаты

требуемых сумм.

Монасевич-Мануйлов повел атаку против банков. Находясь в близких отношениях с Распутиным и с Штюрмером, он считал себя совершенно неуязвимым и застрахованным от каких-либо для себя неприятностей и посему действовал нагло и решительно. Он потребовал от председателя Соединенного банка графа В. С. Татищева платы ему 50 000 рублей за фиктивные одолжения, угрожая в случае отказа неприятными для графа Татищева последствиями. Желая себя обезопасить от возможной провокации, Татищев, приглашая к себе Монасевича-Мануйлова для вручения ему просимой суммы, принял некоторые меры предосторожности. В соседней комнате, где должна была проходить беседа, были посажены два свидетеля и стенографистка, записывавшая в точности весь разговор. Кроме того, были переписаны номера и серии кредитных билетов, которые должны были быть вручены Монасевичу-Мануйлову. Выходя от графа Татищева, помощник Штюрмера был арестован. При обыске у него были найдены кредитные билеты с записанными номерами. Шантаж и вымогательство были не только налицо, но и доказаны. По делу Монасевича-Мануйлова в воспоминаниях прокурора Петроградской судебной палаты С. З. Заводского («Архив русской революции», том VIII) имеется следующая интересная фраза:

> «Шантаж, послуживший поводом к возбуждению следствия, был уже почти совсем закончен, но рисовались очертания других шантажей, мало того, появилась улика, которая указывала, что Монасевичем-Мануйловым было много натворено такого, перед чем бледнел этот жалкий шантаж».

Какая великая была протекция у Монасевича-Мануйлова, указывает тот факт, что, когда дело его о шантаже было назначено к слушанию (16 декабря 1916 года) в Петроградском окружном суде, на имя министра юстиции Макарова накануне суда (15 декабря 1916 года) была получена следующая высочайшая телеграмма:

> «Повелеваю прекратить дело Монасевича-Мануйлова, не доводя до суда.
>
> Николай».

Чтобы понять причину посылки этой телеграммы государем императором, следует обратиться к опубликованной переписке императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Я приведу выдержку из одного письма императрицы от 10 декабря 1916 года из Царского Села.

> «На бумаге Мануйлова прошу тебя написать „прекратить дело“ и сослать ее министру юстиции. Батюшин, который имел все это дело, теперь сам пришел к Анне (Вырубова, фрейлина императрицы), чтобы просить, чтобы дело было прекращено, так как он, в конце концов, понял, что эта грязная история, задуманная другими, чтобы повредить нашему другу Питириму и др., — это все по вине толстого Хвостова. Генерал Алексеев узнал об этом позже через Батюшина. Иначе через несколько дней начнется следствие, и могут быть очень неприятные разговоры опять все сначала, и вновь поднимут этот ужасный прошлогодний скандал. Ну так, пожалуйста, сразу, без задержек, пошли бумагу о Мануйлове Макарову, иначе будет слишком поздно».

Это письмо императрицы указывает ясно на ту тесную связь, которая существовала между генералом Батюшиным, Монасевичем-Мануйловым, Распутиным и Вырубовой. При этих условиях Батюшин мог игнорировать любого министра, что он и делал, так как фактически он располагал «высочайшими повелениями». Насколько императрица относилась доброжелательно к просьбам своих друзей — Вырубовой и Распутина, показывает выдержка из ее письма от 15 декабря 1916 года из Царского Села к императору Николаю II:

> «Я так тебя благодарю (и Аня тоже) за Мануйлова, представь себе, милый, Малама в пять часов вчера сказал, что от тебя нет бумаги (курьер приехал утром), так что мне пришлось телеграфировать. Собрались поднять целую историю, примешав к ней целый ряд имен просто из гнусных соображений. И очень многие предполагали быть на суде. Еще раз спасибо, мой дорогой».

Эта переписка указывает на те приемы и ходы, какими генерал Батюшин пользовался для достижения своих целей…

Вскоре вслед за этим был уволен министр юстиции Макаров, как об этом и заявлял Монасевич-Мануйлов при его аресте. Тем не менее, в феврале 1917 года, когда Распутин был уже убит, при министре юстиции Добровольском, государь взял обратно свое повеление о прекращении дела Монасевича-Мануйлова. Петроградский окружной суд, под председательством Рейнбота, рассмотрел дело о шантаже, возбужденное против Монасевича-Мануйлова, и присяжные заседатели вынесли ему обвинительный вердикт с отдачей его в арестантские роты, с лишением прав состояния. Это было уже накануне революции. Интересен тот факт, что Монасевич-Мануйлов состоял, как мы уже выше говорили, секретарем Председателя Совета Министров Штюрмера, являлся в то же время сотрудником «Нового времени», Охранного отделения, осведомителем комиссии генерала Батюшина, а также членом революционных организаций. Благодаря этому последнему обстоятельству, Монасевич-Мануйлов, а затем также и генерал Батюшин, когда также был арестован, имели горячего защитника в лице В. Л. Бурцева.

Дело Монасевича-Мануйлова было первым большим ударом для генерала Батюшина и его комиссии, так как один из главных ее участников был изъят из обращения. В это же время выбыл из строя и Распутин. Генерал Батюшин, вызванный в суд в качестве свидетеля и призываемый к порядку председательствующим Рейнботом, во время слушания дела также почувствовал, что почва под его ногами уже шагается. В это время и дело сахарозаводчиков не сулило для генерала Батюшина ничего хорошего. Прапорщик Орлов, член батюшинской комиссии, находившийся в это время в Киеве, зорко следил за ходом дела сахарозаводчиков. Увидя, что следователь Новоселецкий и прокурор Крюков не находят состава преступления в деле сахарозаводчиков, он в частной беседе со следователем Новоселецким сообщил ему, что по «инициативе военного командования» предстоит издание закона согласно которому из имущества, конфискованного у лиц, осужденных за государственную измену, четвертая часть будет поступать в пользу открывателей. Этим путем прапорщик Орлов думал заинтересовать следственную власть в деле сахарозаводчиков. Этот разговор Новоселецкий довел до сведения прокурора Крюкова, и впечатление получилось обратное тому, на что рассчитывал Орлов. Орлову тогда пришлось привлечь к этому делу военное командование. В сих видах прапорщик Орлов телеграфирует генералу Батюшину приблизительно следующее:

«Чтобы отрезвить прокурора, необходима твоя густая редакция на заключение Генерального штаба» — и одновременно сообщает ему о необходимости привлечь к делу сахарозаводчиков Генеральный штаб. Генерал Батюшин отправляется в Ставку и подает начальнику Генштаба заявление приблизительно следующего содержания; «Прошу Генеральный штаб сообщить мне о причинах поражения наших галицийских армий и не было ли это поражение следствием спекуляции сахарозаводчиков».

На этот запрос последовал утвердительный ответ от имени Генерального штаба, за подписью генерала Лукомского. Этот ответ генерал Батюшин поспешил отправить прокурору Крюкову.

«Густая» батюшинская редакция в этом ответе генерала Лукомского, о котором просил прапорщик Орлов, была наведена добросовестно. Подписывал ли эту бумагу генерал Лукомский не читая, или не понимал того, что он подписывал, остается тайной «военного командования». Однако и это заявление, подписанное генералом Лукомским, не убедило прокурора Крюкова в виновности сахарозаводчиков, и он заявил и в Ставке и министру юстиции о том, что не видит состава преступления в деле сахарозаводчиков и не находит возможным держать под стражей невинных. Крюков настаивал на назначение следствия над комиссией генерала Батюшина. Следует отдать должное прокурору Крюкову, ставшему на защиту поруганного закона и права, не устрашившегося военного командования. Линия поведения его была вполне определенной. Прикомандированный к комиссии генерала Батюшина товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Жижин действовал иначе: говорят, это был родственник генерала Батюшина, и если бы дело о сахарозаводчиках удалось бы передать Жижину, как он всеми силами хотел, — то все бы пошло бы по задуманному и приняло бы, вероятно, другой оборот.

Положение Батюшина в связи с занятой позицией прокурором Крюковым становилось критическим. Тогда изобретательный прапорщик Орлов придумал новую комбинацию; он отправился на Кавказ, где нашел какого-то армянина, также прапорщика запаса, которого убедил подать ему заявление о том, что он слышал, что сахарозаводчики вывозят сахар из Персии через Турцию в Германию. Этим путем прапорщик Орлов думал помочь генералу Батюшину перетащить дело о сахарозаводчиках на Кавказ, по месту преступления. Ему казалось, что здесь будет легче решить дело по ст. 108 о государственном преступлении. Но и этот маневр прапорщика Орлова и генерала Батюшина успеха не имел. И тогда судебный следователь Новоселецкий сделал постановление об освобождении арестованных

сахарозаводчиков. Таким образом, как ни старался Батюшин и его сотрудники разрешить дело военно-полевым судом за государственную измену и воспользоваться их имуществом, ему это не удалось.

10 февраля 1917 года я был выпущен из дома предварительного заключения. Одновременно был выпущен и Добрый. Остальные сахарозаводчики господа Бабушкин и Гепнер были освобождены в Киеве лишь 22 февраля 1917 года. Одновременно с освобождением военное командование сделало постановление о высылке меня и остальных сахарозаводчиков из пределов Европейской России, как лиц вредных.

На следующий день после освобождения (11 февраля) я был приглашен в сыскное отделение для получения проходного свидетельства на выезд в «не столь отдаленные места». Для выдачи проходного свидетельства чиновник сыскного отделения, смотря на меня, диктовал машинистке: «…глаза серые, волосы седые, нос прямой, особых примет нет».

— Вы художник, — сказал я чиновнику, — и, по-видимому, привыкли писать портреты прямо с натуры.

12 февраля я был у Н. П. Саблина, контр-адмирала свиты Его Величества, лица близкого к царской семье, и рассказал ему подробно историю дела сахарозаводчиков. Н. П. Саблин, возмущенный моим рассказом, на другой день должен был быть на завтраке в Царском Селе у их величеств и любезно предложил мне представить мое письмо лично государю императору. Я составил письмо с кратким описанием моей тридцатилетней деятельности в сахарной промышленности и ходатайствовал пред его величеством о полном прекращении дела о сахарозаводчиках. 13 февраля Саблин передал мое письмо государю императору, который, прочитав его внимательно и выслушав объяснения Саблина, отдал распоряжение вызвать для доклада по этому вопросу министров юстиции Н. А. Добровольского и внутренних дел А. Д. Протопопова. Они сделали доклад по делу о сахарозаводчиках. На докладе Протопопова его величество выразил желание лично выслушать меня об этой истории, имея в виду то обстоятельство, что дело это представляло громадный интерес в российском обществе.

20 февраля 1917 года в присутствии Протопопова я представил лично государю императору подробный доклад в царскосельском дворце. Государь интересовался многими деталями этого дела, после чего на представленном ему по этому поводу рапорте министра внутренних дел написал резолюцию: «Дело о сахарозаводчиках прекратить, водворив их на места их жительства, усердною работою на пользу родине пусть искупят

свою вину, если таковая за ними и была».

О состоявшейся резолюции А. Д. Протопопов уведомил меня письмом от 23 февраля 1917 года за номером 61 781. Фотокопия письма при сем прилагалась. Это было, вероятно, последнее письмо министра внутренних дел, подписанное им накануне революции. В день получения этого письма я встретил у подъезда «Европейской» гостиницы бывшего министра финансов П. А. Барка и тот мне сказал, что на его докладе по делу о сахарозаводчиках его величеству угодно было сказать: «Я убедился, наконец, что генерал Батюшин действительно мерзавец».

В это время закончился процесс Монасевича-Мануйлова, и физиономия комиссии Батюшина, в которой тот принимал деятельное участие, определилась окончательно.

Присяжный поверенный Н. П. Корабчевский, работавший на этом процессе, дал такую характеристику Батюшину:

> «Комиссия генерала Батюшина, созданная по просьбе генерала Алексеева, хорошего военного стратега, но весьма незавидного политика и плохого знатока людей, призванная бороться с хищниками тыла, сама быстро превратилась в алчного хищника, арестовывая направо и налево богатых людей, с исключительной целью наглого вымогательства. Я совершенно в этом убедился, участвуя в предреволюционном уголовном процессе Монасевича-Мануйлова в качестве поверенного гражданского истца графа Татищева».

Я привел мнения о генерале Батюшине и его комиссии прокуроров палат Заводского, Крюкова и известного присяжного поверенного Корабчевского — в руках этих лиц были дела батюшинской комиссии и компетентность их суждений по этому поводу не подлежит ни малейшему сомнению.

Вслед за сим в конце февраля 1917 года произошла революция, и Батюшин со своими сподвижниками Резановым, Логвинским и другими были арестованы по распоряжению Временного правительства и посажены в дом предварительного заключения, куда с такою легкостью Батюшин сажал или тех, которые ему мешали, или тех, имуществом коих он интересовался.

Единственным горячим защитником генерала Батюшина в это время явился В. Л. Бурцев. Причину этого следует искать в близости его к Монасевичу-Мануйлову, а этого последнего к

генералу Батюшину и его комиссии. В. Л. Бурцев, будучи большим идеалистом, не видел всех отрицательных сторон своего ценного агента Монасевича-Мануйлова, имевшего возможности доставать В. Л. Бурцеву самые секретные сведения из недр российского правительства. Поэтому и защищал с жаром перед комиссией сенатора Бальца как Монасевича-Мануйлова, так и его друга Батюшина. Это был хороший жест благодарности со стороны В. Л. Бурцева, но все же трудно ему было обелить их.

Для более яркой характеристики генерала Батюшина мне остается сказать еще несколько слов о его деятельности за период времени 1913—1923 годов. В мае 1918 года я был в Москве. Большевики организовали Красную Армию. Для приема в нее господ генералов и офицеров были образованы военные комиссии, в которые и должны были обращаться желающие получить место. В подаваемых заявлениях господа генералы и офицеры указывали сбой формулярный список и просили определенного назначения. Список лиц, подавших такие заявления, опубликовывался в «Московских советских известиях». В номере от 21 мая 1918 года этой газеты был опубликован такой список, и среди просителей я прочел имя генерал-майора Николая Степановича Батюшина. Но назначения он не успел получить, так как ему представилась возможность бежать на Юг, где он снова стал заведовать контрразведкой в Добровольческой армии под именем генерала Петрова. Армией этой сначала руководил генерал Алексеев, а затем генерал Деникин. Сотрудниками генерала Батюшина-Петрова были те же Резанов, Орлов, Логвинский и другие. Деятельность этой компании была также направлена к грабежу и вымогательству, к этому особенно благоприятствовал общий развал.

После ликвидации Добровольческих армий Деникина — Врангеля генерал Батюшин бежал в Сербию. Сначала пристроился при монархических организациях и принимал участие во всех монархических съездах, начиная от Рейхенгаля и кончая Карловацким заграничным собором включительно, избираемый, очевидно, по недоразумению на различные должности. В мае 1922 года, узнав о деятельности генерала Батюшина в Сербии, я, желая раскрыть глаза его избирателям, писал о прошлой деятельности этого генерала представителям беженских организаций в Белграде господам Скаржинскому и Палеологу. Письмо это было напечатано 4 мая в газете «Русское дело», издаваемой в Белграде. В ответ на это письмо «Новое Бремя», также издаваемое в Белграде, 13 июня 1922 года поместило письмо генерала Н. С. Батюшина. В нем он с обычной для него наглостью старался оправдаться и обелить себя, ссылаясь

главным образом на защиту В. Л. Бурцева. Мне казалось, убежденному монархисту, каким рисовал себя генерал Батюшин, не совсем удобно прикрываться защитой социал-революционера. Но это дело вкуса — для генерала Батюшина все простительно. Когда я послал в «Новое время» ответ генералу Батюшину, почтенный редактор «Нового времени» М. А. Суворин не нашел возможности напечатать мой ответ. Это было к лучшему, так как это дало мне повод свой ответ на его письмо напечатать отдельной брошюрой в количестве 500 экземпляров и разослать его всем могущим интересоваться генералом Батюшиным и его деятельностью, чисто анархического характера, до революции. В напечатанном в «Новом времени» письме Батюшина интересен его конец, я его приведу полностью:

> «Вот и весь мой ответ господину Цехановскому, видному представителю в Петрограде сахарного синдиката, который он почему-то называет крупнейшей общественной организацией. Последняя же, по-видимому, поставила себе целью извлечение во время войны не только лихвенных барышей, пользуясь тяжелым положением русского народа, но и вывоз нашего сахара через Турцию в Германию, фактическими руководителями которого были: Абрам Добрый, Израиль Бабушкин, Иовель Гепнер и другие злостные спекулянты».

Очевидно, горбатого исправляет только могила, как говорит русская пословица Генерал Батюшин, покинув родину и состоя беженцем почти пять лет, имел достаточно времени подумать о том, что им было сделано для России — сколько деморализации и разрушений сделал он и его комиссия для России. Однако в его письме, напечатанном в «Новом времени» в 1922 году, та же ложь, то же невежество, та же провокация, какие им были сделаны в правительственном сообщении в октябре 1916 года. Сообщенные тифлисским армянином сведения о вывозе русского сахара через Турцию в Германию глубоко запали в генеральскую голову. На лжи и невежестве господин Батюшин далеко не уедет.

В истории разрушения государственного строя России имя генерала Батюшина должно занимать одно из первых мест. Разрушать всегда было гораздо легче, чем созидать. Вспоминая этот эпизод, который мне кажется теперь таким далеким, я должен заметить, что по должности уполномоченного Правления Общества сахарозаводчиков я не был обязан вмешиваться в

личные дела сахарозаводчиков, но я с гордостью думаю, что своим вмешательством в это дело я спас от веревки господ Доброго, Бабушкина и Гепнера. По выходе из тюрьмы двое из них прислали мне горячие благодарственные телеграммы. На этом дело и кончилось, а третий почему-то на меня обиделся. Наверное, на то, что я спас его от веревки.

М. Цехановский.

Министр внутренних дел.

Его Превосходительству Цехановскому М. Ю.

Милостивый государь, Михаил Юрьевич.

Вследствие письма от 21 сего февраля имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я счел приятным для себя долгом оказать содействие к справедливому разрешению Вашего дела, совместно с коим мною всеподданнейше была доложена переписка и о Добром, Бабушкине и других киевских сахарозаводчиках, причем ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ благоугодно было положить следующую резолюцию: «ДЕЛО О САХАРОЗАВОДЧИКАХ ПРЕКРАТИТЬ. ВОДВОРИТЬ ИХ НА ИХ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА, ГДЕ УСЕРДНОЮ РАБОТОЮ НА ПОЛЬЗУ РОДИНЫ ПУСТЬ ИСКУПЯТ СВОЮ ВИНУ, ЕСЛИ ТАКОВАЯ ЗА НИМИ И БЫЛА».

Позвольте выразить полную уверенность, что ЦАРСКОЕ внимание к представителям торговли и промышленности даст им силу в их производительной работе в тяжелую годину войны. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Протопопов.

23 февраля 1917 г.

№ 61 781.

ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА ГЛАЗАМИ РУССКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

Автором публикуемого документа предположительно является начальник Центрального контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба. Документ составлен не ранее июня — не позднее 29 ноября 1917 года.

Центральное контрразведывательное отделение ГУГШ было вновь образовано в мае 1917 года в связи с реорганизацией органов контрразведки после Февральской революции. В задачи отделения входило: наблюдение за иностранными миссиями, аккредитованными в России; наведение справок и переписка по делам военнопленных и о лицах, переезжающих границу; наблюдение за иностранными предприятиями и обществами; расследования и переписка по материалам военной цензуры; наблюдение за лицами из числа населения, подозреваемыми в шпионаже, главным образом, военнослужащими. Кроме того, отделение наблюдало за военными заводами.

При публикации документа взята лишь та его часть, где раскрывается деятельность немецких фирм в России. Опущена часть документа, освещающая деятельность фирм в Швеции, Дании, Норвегии, Японии, США.

Текст документа приводится в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

1. ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА ПРИ ПОСРЕДСТВЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Промышленность Германии является важнейшим союзником германской армии. Лишь благодаря высшей степени ее организованности возможно то сопротивление, какое оказывает наш противник натиску союзных держав в течение трех лет войны.

Организация германской промышленности для целей военных и мирного захвата других государств и народов началась тотчас же после франко-прусской войны[2], когда выяснилась с полной определенностью исторически-логическая неизбежность общеевропейского столкновения, причины которого маскировались немцами под видом экономических кризисов и катастроф; на самом же деле причины эти таились в политике мировой гегемонии, неуклонно проводимой Германией…

Главной задачей, решить которую были призваны германские

промышленники в России, Франции и Англии, являлось осведомление о развитии производительных сил страны, противодействие этому развитию и агентурная разведочная служба.

Осведомление о развитии производительных сил иностранных государств совершалось немецкими промышленниками с большой легкостью вследствие той близости к вопросу о военных заказах и всех тех отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, которые в большей или меньшей степени касались вопросов обороны страны. Нет ни одной области промышленности в России, где бы немецкий капитал и руководящие им лица не играли выдающейся роли. Особенное внимание было обращено немцами на электрическую, металлургическую, химическую промышленности, на добычу твердого и жидкого топлива и на лесную промышленность.

Предприятия Круппа, Гуго Стиннеса, Сименс-Шуккерта, фон Гратенау, Шпана, «Всеобщая компания электричества», Артура Коппеля, Вальдгофа, Баденский анилиновый синдикат и Гамбургской и Бременской лесных бирж наложили свою руку на перечисленные отрасли русской промышленности в лице крупнейших заводов и промыслов.

Дойч-банк с 1905 г. отпускает различные суммы (в 1911 г. — 11/2 миллиона марок) в виде беспроцентных ссуд крупнейшим немецким заводчикам в России для организации «промышленно-торговых экспедиций». На эти средства были произведены, судя по брошюрам, изданным Берлинской и Гамбургской биржами, экономические исследования Северного Урала, Эмбинского нефтеносного района, Закавказья, Тихоокеанского побережья — от залива Посьета до устья Амура, Архангельской и Вологодской губы, Камчатки, Восточного Забайкалья, Кавказских нефтяных районов, различных водопадов и пр.

В остальных русских предприятиях немцы имели своих агентов, изучавших развитие дела и наблюдавших за всем.

Доказательством сказанного может служить тот факт, что обширный, охвативший весь Старый Свет и Америку «пангерманский электротехнический союз» открыл свое отделение в 50-х годах прошлого столетия под наименованием «С. — Петербургского политехнического общества», существующего в Петрограде и в настоящее время. Немецкие инженеры обязаны участвовать в этом обществе и обязаны два раза в год представлять подробные отчеты о деятельности тех предприятий, в которых они работают. Отчеты эти посылались в Берлин, на Артиллерийскую ул., № 11, где они подвергались обработке и регистрации, производимым в последние годы

военным инженером ген. Беше, одним из членов совета промышленно-статистического отдела при германском генеральном штабе…

Германские промышленники и немцы-инженеры сразу или постепенно производили замену оборудования наших заводов, фабрик и промыслов установками германского производства. Этим и объясняется беспомощность нашей промышленности, проявившаяся в первые месяцы великой войны. Запасных частей к немецким машинам не оказалось, на рынке не было нужных станков для перехода промышленности на мобилизованное состояние, не было необходимых материалов, ввоз которых в Россию находился почти исключительно в руках германских купцов и комиссионеров…

Глубокое и всестороннее внедрение немецких капиталов, техники и промышленных деятелей в нашу промышленность и удобный для Германии торговый договор тормозили развитие таких важных для России отраслей промышленности, как машиностроительная, металлургическая, химическая, судостроительная и пр.

В этом отношении мы находились в полной зависимости от немцев. Вот почему, когда русская промышленность мобилизовалась, когда она сбросила с себя немецкую опеку, немцы произвели последнюю попытку задержать нашу самодеятельность в этой области. Многим из общественных деятелей известны жалобы русских изобретателей на неуспех применения их методов и способов производства благодаря немцам-техникам, медлительность в выполнении заказов, непонятные, полные злого умысла ошибки в производстве предметов военного снаряжения и т. д.

Наряду с такой пассивной оппозицией немцев шла другая тайная и опасная работа, проводимая немецкими агентами. Она известна, конечно, Генеральным штабам военного и морского ведомств всех союзных стран и состояла в устройстве пожаров и взрывов на фабриках и заводах, готовивших боевое снаряжение для войны с Германией. Для целей «саботажа» германское казначейство отпустило в 1916 г. особые средства, которыми ведали агенты, подчиненные проф. Эмилю Фишеру и военно-статистическому бюро при генеральном штабе в Берлине.

Однако вред, приносимый агентами, производящими непосредственные покушения на наши фабрики и заводы, как эпизодический и допускающий непосредственную с ним борьбу, гораздо менее опасен, чем та систематизированная разведочная служба, которую выполняли в России и союзных странах Германский электрический, Баденский анилиновый, Рейнско-

Вестфальский угольно-металлургический синдикаты, возглавляемые Сименсом, Круппами, Стиннесом, Штуммом и Фридрихом Байером…

2. СУДОХОДСТВО

Важную роль в вопросе разведки и ослабления противника играет судоходство — переходная ступень от промышленности к торговле.

Известно, что вопросы внутреннего каботажа в России и дальнего плавания, в смысле конкурирования на свободных морях, находятся в России на крайне невысокой степени развития…

Развивая свой торговый флот для соревнования с Великобританией, Германия естественно была озабочена тем, чтобы не допустить учреждения в России собственного океанского торгового флота. С этой целью Германии удалось установить льготные для себя в этом отношении статьи торгового договора, по проекту Абилина, фон Дернбурга и М. Варбурга провести на совещании банков в 1904 г. гарантированный правительством ссудный капитан для германских арматоров в смысле поощрения отечественного судостроения, скупки иностранных пароходов и заарендована некоторых иноземных верфей…

В союзе с такими германскими транспортными и погрузочными обществами, как Гергардт и Гей, Книп и Вернер, бр. Нобель, Кунст и Альберс, Дитрих Гейдеман, Ферстер, Геппнер и Ко, Трансман, Мартенс, Шмит, Штретер, Люче и др., действующими и ныне в Архангельске и Владивостоке, немцы захватили в свои руки всю нашу морскую торговлю и использовали свое исключительно выгодное положение в интересах своей родины.

Они составили точные навигационные карты Либавского и Рижского рейдов, Белого моря и Дальневосточного побережья, пользуясь услугами торговых моряков и членов «Германского флотского союза», разбросанных от берегов Тихого океана до Черного, Балтийского и Белого морей.

Борьба с германским торговым флотом вследствие дешевых морских фрахтов, удобных страховых ставок и невозможности обзавестись собственными морскими судами казалась у нас бесполезной, и наша внешняя торговля попала всецело в руки германских комиссионеров, в то время как все попытки развить отечественное судостроение разбивались о явные и тайные противодействия немцев и пассивность в этом направлении Министерства торговли и промышленности, не сумевшего

убедить Министерство финансов в государственном значении и политической важности этого предприятия, требующего для своего возникновения некоторой правительственной инициативы и жертв со стороны Государственного Казначейства.

3. ГЕРМАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

В деле разведки германский генеральный штаб широко пользовался немцами-купцами, производящими торговлю в иностранных государствах. Удобство кредита, предоставляемого немецкими купцами своим клиентам, строго обдуманная торговая система, необычайная подвижность германских купцов дали возможность последним проникнуть во все отрасли внутренней торговли России и на всех наших рынках, биржах, в биржевых и оценочных комитетах занять влиятельное положение…

Для насаждения возможно большего числа наблюдательных постов в виде германских торговых предприятий банку «Дисконто-Гезельшафт» еще в 1902 г. в германском имперском банке был открыт специальный кредит, размеры которого определить не удалось, но о существовании его были приведены данные в гамбургской биржевой газете, где были опубликованы списки предприятий, возникших на ссуды, выдаваемые имперским банком…

В 1908 г. германские консулы в России сообщили крупнейшим германским предприятиям содержание циркуляра № 2348, изданного 7 апреля 1908 г. германским генеральным штабом. Циркуляр этот был повторен 22 июня 1913 г. и содержал в себе предложение генерального штаба принять в число служащих некоторых торговых предприятий лиц, командируемых в Россию штабом, причем в циркуляре № 2348-бис указывалось на необходимость уплаты командируемым лицам значительного содержания, которое военное министерство принимало на свой счет. В 1908 г. действительно во многих германских торговых предприятиях появились приказчики и конторщики, совершенно не знающие русского языка и в качестве торговых служащих совершенно бесполезные для фирм, обслуживаемых ими.

Как показали обыски в некоторых германских фирмах, эти приказчики занимали иногда высокое служебное положение в военном и морском ведомствах в Германии.

Наряду с такой чисто разведочно-политической программой проводилась и другая программа, основанная на захвате торговли России в немецкие руки для того, чтобы в нужный момент внести замешательство в тылу. Захват этот совершался при широкой

материальной поддержке германских банков, за которыми, как упоминалось выше, скрывалось берлинское правительство, напрягавшее всю свою энергию на всестороннюю подготовку к вооруженному столкновению. Разительными доказательствами сказанного служат захват острова Сахалина немцами и торговля сибирским маслом. В первом случае начало было положено принцем Генрихом Прусским, который во время своего плавания по Тихому океану искал здесь будущие базы для германского флота на время неизбежной войны. Отсутствие этих баз и погубило крейсерскую эскадру адмирала графа фон Шпее, развившего свои действия в Тихом океане и погибшего потом в бою у Фальклендских островов.

Принц Генрих Прусский, ознакомившись с морским плацдармом Тихого океана, имел совещание в Америке с Шиффом[3], а во Владивостоке с Даттаном и директором фирмы «Артур Коппель» о программе захвата каменноугольных богатств обоих побережий. После этого свидания Шифф и Отто Кон при содействии своего банка, известного под фирмой «Кен, Леб и компания», старались заарендовать единственные на Тихоокеанском побережье Северной Америки каменноугольные копи на о. Ванкувер. Когда эта попытка не дала практического результата, тогда в 1914 г. германцы, живущие в С. А. С. Штатах, выработали план вооруженного нападение на Ванкувер, что было предупреждено, однако, канадскими властями.

Поручение, данное принцем Генрихом относительно России, увенчалось гораздо большим успехом. Первая попытка торгового дома «Артур Коппель» заарендовать на 90 лет богатейшие каменноугольные месторождения острова Сахалин, несмотря на сильную поддержку, оказанную германским посольством в Петрограде, успеха не имела, и бывший в то время министром земледелия и государственных имуществ действительный тайный советник А. С. Ермолов предложение торгового дома «Артур Коппель» решительно отклонил. Тогда выступил под флагом русского подданного германский консул Адольф Даттан. Лично от себя, а также при посредстве подставных лиц: крестьянина Ренкевича, дворянина Хитрово и членов семейства Бринера — он успел захватить лучшие площади каменноугольных месторождений Сахалина и владеть ими и до настоящего времени. Даттан старался расширить свои владения и с этой целью, при непонятной бездеятельности и полном отсутствии политической программы местного горного надзора, вел упорную борьбу с русскими предпринимателями…

Что касается западносибирского масляного рынка, то он был захвачен председателем австро-германских экспортеров

Майманом, скупавшим все масло и продававшим сибирским маслоделам немецкие гвозди, бочки, дубовую клепку, веревки и даже рогожу, т. е. все необходимое для укупорки экспортного сибирского масла…

Придавая большое значение торговым фирмам с точки зрения осведомления при их помощи о состоянии противника, берлинское правительство, и особенно военное министерство, обратило самое серьезное внимание на возникший в Гамбурге в 1858 г. «Комми-Ферейн» — «Союз приказчиков и коммивояжеров». Все немцы-приказчики во всех государствах состоят членами этого союза и, подобно членам С.-Петербургского политехнического общества, обязаны ежегодно посылать доклады в гамбургскую «Централь». Правительство Германии, начиная с 1902 г., при посредстве гамбургского банка «Макс Варбург и Ко» оказывает широкую финансовую поддержку названному союзу…

Деятельность союза шла параллельно деятельности «Германского флотского союза», нашедшего в нем весьма деятельного помощника. Гамбургский союз в лице своих представителей Бена и Шиммольпфенга принял участие в совещании, созванном при германском военном министерстве в 1904 г., где и была выработана подробная программа тех отчетов, какие должны были быть составляемы членами союза… О их деятельности в России можно судить лишь по событиям последнего времени, а именно со второй половины 1916 г. Гамбургский «Комми-Ферейн» принял на себя два поручения германского правительства. В конце сентября 1916 г. «Комми-Ферейн» вошел в соглашение с некоторыми норвежскими и шведскими судовладельцами относительно включения в состав команд их пароходов, под видом нейтральных боцманов, германских флотских офицеров. Члены «Комми-Ферейна», находящиеся в С. А. С. Штатах, приняли на себя труд по внесению беспорядка и замешательства при погрузке военного снаряжения для России и союзных стран, что, как известно из практики Архангельского и Владивостокского портов, имело в некоторых случаях значительный успех.

Гамбургский «Комми-Ферейн» вел такие переговоры с целым рядом нейтральных фирм, и нет никакого сомнения в том, что под видом служащих нейтральных фирм, действующих в России, Англии и Франции, скрывается немало членов «Союза приказчиков и коммивояжеров», исполняющих поручения гамбургской «Централи» и германского военного министерства. Обилие германских агентов, живущих вдоль всей нашей скандинавской границы, говорит за то, что эти агенты

поддерживают сношения между Берлином и скрытыми под маской нейтральности членами гамбургского союза, так же как и с другими агентами гамбургской разведки. Сношения эти поддерживаются также при посредничестве директоров различных «русских» отделений германских фирм, свободно посещающих Стокгольм, Копенгаген, Христианию и Женеву, немцев — русских подданных, часто отправляющихся в Швецию за товарами, и различных добровольцев-агентов, щедро оплачиваемых немецким золотом.

4. БАНКИ

Германские банки, как уже упоминаюсь в настоящей записке, выполняют многие политические поручения правительства Роль их в иностранных государствах не ограничивается только кредитными операциями среди немецких промышленников и купцов, но и участием германского капитала в банках той страны, на которую в данный момент обращено внимание германского правительства. В отношении России в этом направлении особенное значение имеют: 1) группа Дойч-банка, состоящая из 25 банков, обладающих по отчетам 1913 г. 1 077 000 000 марок; 2) состоящая из 16 банков группа «Дисконто-Гезельшафт», располагающая 718 млн марок и 3) небольшая (из 5 банков) группа германского торгово-промышленного банка с капиталом в 270 млн марок. Кроме этих групп, в делах русских банков заинтересованы отдельные банкирские дома вроде бр. Гирш, Мендельсона, Варбурга, Иоганна Берегнберга и др.

Группы Дойч-банка и германского Торгово-промышленного банка дружественны с нашим Рижским коммерческим, Петроградским Международным коммерческим, Русским для внешней торговли и Азовско-Донским коммерческим и Коммерческим банком в Варшаве. Имена Мойера, Винекепа, Розенталя и Кроненберга повторяются в списках учредителей почти всех русских банков. На Берлинской бирже котируются акции следующих русских коммерческих банков: Азовско-Донского, Коммерческого банка в Варшаве, Петроградского учетного и ссудного, Петроградского Международного коммерческого, Рижского коммерческого, Русского для внешней торговли, Сибирского торгового, Варшавского учетного и Торгового банка в Лодзи.

В составе правлений и советов русских банков немало германцев и осталось еще очень много немцев. Связь банков с безличным капиталом, идущим из Германии, и политическая роль германских банков заставляют обратить самое серьезное

внимание на деятельность наших банков. Не может быть никакого сомнения в том, что банки при постоянных и неизбежных сношениях своих с заграничными корреспондентами могут весьма легко исполнять различные поручения политического характера.

В Хапаранде проживал специальный агент Дойч-банка, некто Бальцер, оказавшийся затем Свенсоном, сносившийся с вождями большевиков, и целый ряд биржевых и банковских агентов, внимательно следивших за деятельностью русских банков для ограждения интересов германских держателей акций русских банков. Это одно уже указывает на постоянную коммерческую связь некоторых русских банков с Германией. Связь эта во время войны с таким противником, как Германия, может представить непосредственную опасность и с точки зрения военных интересов.

5. СТРАХОВЫЕ ОБЩЕСТВА

Страховые общества, действующие в России, отданы под правительственный надзор. Это вызвано той связью, которая существует между страховыми обществами, с одной стороны, и с германскими обществами перестрахования и банками — с другой. Германские общества перестрахования главным условием сношений со страховыми обществами ставили доставление им при полисах самых точных планов, чертежей, спецификаций и описаний земельных имуществ, построек, оборудования фабрик, пароходов и пр. На основании этих сведений германская главная квартира знала будущие плацдармы, планы городов, отдельные важные в стратегическом отношении постройки; количество запасов продовольствия, степень оборудования фабрик и заводов противника и рейсы и характер грузов пароходов. В Лейпциге профессор доктор Иоганн Карберг читал в феврале 1915 г. публичную лекцию, показывая на экране планы и чертежи наших Путиловского, Коломенского, Сормовского и других заводов и доказывая, что русская промышленность не в состоянии поддержать армию в смысле достаточного снабжения ее нужными предметами военного снаряжения.

В упомянутой в настоящей записке статье В. сметы военного министерства среди субсидируемых правительством предприятий упоминались общества перестрахования, оказывающие правительству «особые важные услуги».

6. ОРГАНИЗАЦИЯ НЕМЦЕВ В НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАНАХ. <...>

А. Швеция

В сопредельной с Россией Швеции германское правительство развило необычно энергичную деятельность, мобилизовав для этого при посредстве германских банков и гамбургского «Комми-Ферейна» не только шведских купцов и некоторых банковских деятелей, но и лиц различных профессий и общественного положения. Работа германских агентов была чрезвычайно разнообразна. Главные силы были мобилизованы для закупки и доставки в Германию важнейших для фронта и тыла шведских товаров и для противодействия таким же закупкам и заказам, делаемым Россией.

Нам приходилось искать в Швеции, равно как и в остальных скандинавских странах, металлы, станки, азотную кислоту, хлопок и химический полуфабрикат. В этом направлении развивались противодействия со стороны Германии, которая, с одной стороны, покупала все то, что могло быть использовано русской военной промышленностью, а с другой — при посредстве принимающего в политической и военной жизни Германии близкое участие «Гандельстага» отправляло на шведский машинный рынок непрочные и устарелые уже механизмы и орудия производства, а во враждебные страны — агитационную литературу.

За тем, что покупалось и что требовалось Россией на шведском рынке, внимательно следило особое бюро при германском посольстве в Стокгольме.

Б. Фирмы, обслуживающие интересы Германии и Австрии [4]

Ниже сообщаются списки немецких, нейтральных и других фирм в России, которые ликвидированы, взяты под надзор или занесены в черные списки за обслуживание военных, политических и экономических интересов Германии и ее союзников. В большинстве случаев прилагаются те сведения, какие имеются о деятельности перечисленных фирм в распоряжении прежнего правительства, Министерства торговли и промышленности, контрразведки русской и союзной, а также в русских и иностранных газетах, разоблачавших деятельность фирм.

Неприятельские предприятия в России.

Список ликвидированных торгово-промышленных предприятий.

1. Общество электрического освещения 1886 г. Электрические станции в Петрограде, Москве и Лодзи.

По исследованию правительства, фирма эта была центром германской промышленности в Москве.

Общество было членом пангерманского Электрическою синдиката и было в тесной связи с фирмой Сименса, т. е. с фирмами Сименс-Шуккерт-Гальске и Всеобщей компанией электричества, уличенных в России и за границей в шпионстве, и с Дойч-банком.

Общество 1886 г. до 1917 г. было защищаемо против ликвидации усилиями придворной партии, главным образом через ст. секретаря И. Л. Горемыкина[5] и графов Буксгевденов, за одним из которых была г-жа Сименс. В бюро профессора О. Куна при германском генеральном штабе был особый стол для обработки статистических сведений о России, доставляемых два раза в год Обществом 1886 г.

2. Московское акционерное общество электричества. Электрическая станция и торфяные залежи в Богородском уезде Московской губ.

3. Русское акционерное общество электрических районных станций. Электрическая станция под Петроградом.

4. Киевское электрическое общество. Электрическая станция в г. Киеве, освещение гор. Киева и городской трамвай.

5. Германское акционерное общество для эксплуатации газа и электричества. Газовые заводы в городах Вильне и Кронштадте.

6. Германское «континентальное газовое общество». Эксплуатация газового завода в гор. Одессе.

7. Германское акционерное общество электричества, В. Ламейер и К° во Франкфурте-на-Майне. Электрический трамвай в гор. Киеве.

8. Германское акционерное общество электрических предприятий. Электрические станции в городах Двинске, Киеве и Белостоке.

9. Акционерные: общество русских электрических заводов «Сименс и Гальске» и русское общество «Сименс и Шуккерт». Производство и установка различного рода электрических устройств; заводы в Петрограде.

10. Акционерное общество «Всеобщая компания электричества». Устройство и эксплуатация различного рода электрических сооружений; торговля машинами и различными аппаратами для электрических оборудовании. Завод в гор. Риге.

Все эти фирмы (2-10) входят в состав пангерманского Электрического синдиката, через который осуществлялась германская и австрийская разведка. Кроме того, все газовые общества были в тесной связи с Баденским анилиновым синдикатом и предприятиями «Гуго Стиннес». Через эти фирмы

германское правительство осуществляло свой план распространения германской промышленности и торговли в России, и в распоряжение названных фирм предоставлялись особые кредиты на поддержку и оказание финансовой помощи мелким немецким предприятиям. Через эту группу предприятий руководители германского и австрийского шпионажа в России — советник Гельмут фон Люциус, граф Лерхенфельдт, Геринг и граф Чернин вели организованную разведку и изучение боевой и экономической подготовки России, чем пользовались статистики Электрического синдиката в Берлине, Артиллерийская ул., 11, и центральные военно-статистические бюро при австрийском и германском генеральных штабах.

Директора некоторых из фирм упомянутой группы: Г. О. Герц, Э. В. Гот, Э. А. Крангальс, А. А. Шварц, Г. Ю. Зевиг, Г. А. Шпигель, Ю. Г. Вестфален, Б. А. Дейтшель, М. В. Фридлендер и др. — ежегодно в разные периоды отправляли в Берлин обстоятельные доклады, помечая их словом «БОК», т. е. «Бюро Отто Куна», являющееся отделом германского генерального штаба.

Наиболее деятельным из перечисленных предприятий является «Всеобщая компания электричества».

Русское общество «Всеобщая компания электричества» — русский филиал германского предприятия того же наименования (…)[6], являющегося главным членом «пангерманского электрического союза». В числе учредителей предприятий, кроме Сименса, учредителя Дойч-банка, находится советник Вильгельма II Вальтер Ратенау, одна из крупнейших политико-промышленных фигур современной Германии.

11. Общество русского северо-западного пароходства. Пароходное сообщение между Лондоном, Ливерпулем и Либавой.

К делам общества очень близко стоял Баллин, руководитель «Гамбург Америка линии», передавший обществу германские штурманские карты и получивший от правления общества отчеты и записки, содержание которых неизвестно. Директорами общества состояли казненный за измену жандармский полковник Мясоедов и его сообщники братья С. и Д. Фрейдберги.

<…>

14. Русское общество целлюлозной фабрики «Вальдгоф». Целлюлозная фабрика и лесная дача в Валкском уезде Лифляндской губернии.

В делах фирмы участвовали казненные за явное шпионство и предательство жандармский полковник Мясоедов и его сообщник Фрейнат. Кроме этих лиц, против членов правления были явные улики в сношениях с фон Люциусом, консулом Вальтером и ген. Хелиусом. Когда часть членов правления акционерного общества

Вальдгоф была отдана под суд, а остальную часть вместе со служащими немцами (60 человек) выслали в Сибирь, акционерное общество выбрало новое правление, и фирма Вальдгоф, поставив перед своим немецким воззванием[7] «русское акционерное общество», продолжала свою работу. Новое правление (Вас. Остр., 14 лин., д. 3) на одном из собраний постановило выплачивать всем высланным в Сибирь директорам и служащим-немцам впредь до окончания войны половину получаемого ими жалования. Таким образом, несколько директоров и в ссылке получают 10-15 тыс. руб. в год…

Вся исполнительная власть по делам петроградского отделения фирмы Вальдгоф перешла к двум конторщикам: Прокопе и Гейдеману. До войны первый получал около 200 руб., а второй — 85. Теперь же первый получает 500 руб., а второй — 300. Прокопе и Гейдеман по очереди ездили по делам фирмы в Швецию. Когда они возвращались оттуда, то их рассказы полны были самыми интимными подробностями о жизни тех бывших служащих фирмы Вальдгоф, которые успели проехать в Германию и вступить там в ряды действующей армии. После одной из таких поездок стало известно, что бывшие служащие петроградского отделения фирмы Вальдгоф, офицеры[8] запаса Фрейтис Милек ранен в левую руку, лесничий Нуслэ убит на французском фронте, директор перновской фабрики Дельвиг убит и конторщик Петр Гротте также убит.

Все инструкции, получаемые фирмой Вальдгоф, всегда тесно связаны с этими таинственными поездками в Швецию. Когда Гейдемана или Прокопе спрашивали о том или ином нововведении, они зачастую просили подождать до их поездки за границу…

«Дюбуа и Тимо». Контора по продаже целлюлозы из фабрик Вальдгофа (Мойка, 42).

Тиме, очень богатый человек (владелец в Петрограде нескольких домов и гостиницы «Пале-Рояль» на Пушкинской ул.), состоит членом правления русского акционерного общества «Вальдгоф» и в настоящее время является фактическим директором-распорядителем петроградского отделения этой фирмы.

<…>

15. Русское акционерное общество для развития и увеличения числа перевозочных средств и для эксплуатации таковых в России «Судовагон».

Основателями Общества являются имперский советник Симон Ландау, директор австрийского акционерного общества для устройства и развития средств сообщений, и д-р Альфред

Страус, директор германского об-ва отдачи вагонов в наем. Советник Ландау вместе с Майманом представит австрийскому штабу обширный доклад на тему о беспомощности русских железных дорог в случае войны. Доклад был составлен на основании поездок Маймана от Владивостока до Границы и Эйдкунена и статистических сведений, собранных в «Судовагоне». Кроме того, это предприятие находилось в сношениях с заподозренной в шпионстве и фигурирующей в деле бывшего военного министра Сухомлинова эмигрантской конторы Карлсберг, Спиро и К°. Характер этих сношений, по-видимому, не был достаточно выяснен.

< … >

41. Акционерное общество «Артур Коппель» и «русское общество полевых и узкоколейных путей „Паровоз“. Механический и вагоностроительный завод в Петрограде. Опреснители морской воды в г. Баку; вагоностроительный завод в д. Коло под Варшавой.

Фирмы эти известны во Франции и С. А. С. Штатах под именем «Артур Коппель и Оренштейн» и разоблачены союзной контрразведкой как шпионские организации, обслуживающие французские восточные крепости. В числе пайщиков фирм состоит нынешний министр Германии — доктор Швандер. Что касается России, то служащие владивостокского отделения «Артур Коппель» еще в 1904 г. шпионили в пользу Японии, о чем доносил начальник Уссурийской жел. дороги военный инженер полковник Н. И. Кремер военному губернатору. В Двинской крепости был арестован военный шпион швед фон Зегебаден, при котором найдено письмо с описанием Ковенского и Двинского укрепленных районов. Письмо было адресовано в петроградское отделение «Артур Коппель» и под маркой была надпись В., т. е., вероятно, Берлин. Служащие в петроградском отделении фирмы инженеры Густав Густавович Клебер и директор Роберт Кутцнер были частыми посетителями советника германского посольства фон Люциуса, руководителя германской разведки в России, и ген. фон Хелиуса, изучавшего боевую готовность России. При обыске найдены циркуляры германского генерального штаба за № 2348 от 7 апреля 1908 г. и 22 июня 1913 г. за № 2348-бис о принятии в число служащих фирм военных агентов. По негласным сведениям в 1910 г., германское казначейство покрыло убытки, понесенные фирмой при выполнении ею заказов в русских крепостях[9]…

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОРЛОВА В ШТАБ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

В настоящее время борьба с большевиками складывается из вооруженных столкновений на отдельных участках, не находящихся в непосредственной связи, и их борьба с агитацией и подпольным террором в странах антибольшевистских. Основными обособленными группами являются:

а) Восток — Народная армия адмирала Колчака при содействии и влиянии Англии, Америки и Японии.

б) Донская и Добровольческая армии на Юге при содействии и влиянии Англии и Франции.

в) Запад и Архангельская группа, связанные с белой Финляндией, при содействии Англии.

Между этими основными группами и местами в них самих вкрапливаются немецкие и польские войска антибольшевистского толка Указанные группы не имеют особой непосредственной связи, базируются на содействии различных государств, нередко и политически не сходны.

Кольцо окружения большевиков, таким образом, не замкнуто, и главная отдушина из него обращена к Германии, в которой в самой зарождается свой большевистский очаг.

Единое управление и командование всеми антибольшевистскими группами отсутствует и не присутствием на не всегда координированных действиях сторон. Правда, в Париже как бы и существует такой координирующий орган Союзного Командования и Мирной Конференции, но его деятельность ввиду сложности и важности вопросов, естественно, ограничивается вопросами крупной Государственной важности, оставляя в вопросах не менее важных, но менее крупного масштаба отсутствие координирования.

Отсутствие этого единого командования, не редко трения между различными командованиями не только иностранными, но и не подчиненными друг другу русскими, в частности, крайне вредно отзывается на области разведки и контрразведки.

Имея главным своим оружием агитацию и террор, большевики совместно с боевыми операциями на фронте широко развивают операцию агитации и террора.

Если для операций нам необходима объединенная разведка, то для контрпропаганды и препятствия террору и агитации совершенно необходима объединенная контрразведка.

Надо разгадывать и следить за каждым шагом

большевистской работы, своевременно ее пресекая, и в то же время самим наводнить тыл большевистский, производя там свой террор, свои разрушения, восстания и агитацию.

Объединенным координированным действиям большевиков должны отвечать такие же антибольшевистские коалиции.

Какие бы взаимоотношения между различными командными и политическими группировками не существовали, в области разведки и контрразведки всех ведущих борьбу с большевизмом стран и групп работа должна быть общая. Плодотворная работа разведывательных аппаратов при разрозненности усилий невозможна.

Указанные соображения заставляют искать способы сделать так, чтобы несогласованности и необъединенности всех антибольшевистских сил не отражались бы на разведке, допускали бы создание как бы единого аппарата разведки. Принимая во внимание, что каждая страна и даже каждая обособленная группировка, как по внутренним, так и местным особенностям, естественно, не может отдать свой разведывательный аппарат под контроль или распоряжение другой стороны, то достижение указанной цели возможно лишь не подчинением, а сосредоточением в одном пункте всего разведывательного осведомления и общего руководства разведки и контрразведки каждой страны. Здесь в тесном контакте, идя к одной цели, ища одни вопросы разведки само собой превратится в масштаб международной организации борьбы с большевизмом. Кроме общей пользы разведки, создание такого органа даст возможность объединенному аппарату антибольшевистской коалиции (будь то Главное Союзное командование или Мирная Конференция) быть в действительно полном курсе происходящего в большевизме.

Как практическое осуществление необходимо следующее:

1. Немедленно создать в Париже от каждой страны, а в России от каждой военной группировки бюро разведки и контрразведки.

2. Первоначально эти бюро состоят из двух-трех лиц с соответствующим штатом агентов связи и кредитом.

3. В такое бюро назначаются исключительно люди, детально знающие дело разведки, а не по иным соображениям.

4. Все представители разведки и контрразведки отдельных (обособленных) групп России там объединяются одним лицом, начальником бюро, являющимся руководителем всей разведки.

5. Начальники таких бюро всех стран и составляют орган объединенной разведки при Главном Союзном командовании. Старший — председатель на их заседаниях.

Такой орган стоит вплотную с международным регистрационным бюро, представитель коего входит.

Бюро каждой страны находится при Главном своем представителе в Париже, а весь аппарат соединенный при Главном командовании или Международной Конференции.

От России назначается: 1) начальник бюро с двумя-тремя помощниками, 2) от каждой группировки, 3) один от разведки, другой от контрразведки, 4) ряд курьеров для связи.

Русское бюро состоит при Главном представителе на Мирной Конференции.

Ст. сов. Орлов.

ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 422, л. 24 об., 25, 25 об.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к положению о Центральном Международном бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, прикосновенных к деятельности большевистского правительства

1. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Одним из способов борьбы с мировым большевизмом Державы Согласия наметили блокаду большевистского очага.

Необходимо не дать возможности этой заразе просачиваться в другие страны Европы, для чего все страны, стремящиеся предохранить себя от большевизма, должны объединить и координировать свои действия в этом направлении.

Существующее «Центральное Международное бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, причастных к деятельности большевистского правительства», действующее на территории России, как очаг большевистской заразы, должно распространять свою деятельность на страны, которые надлежит предохранить от большевизма.

Должен создаться стройный аппарат, охватывающий своею деятельностью все страны, вступившие в Международное бюро с целью кроме большей полноты изучения большевизма воспрепятствовать проникновению его деятелей в эти страны и вылавливания уже проникших ранее.

Ввиду различных направлений политики того или иного государства, проектируемый аппарат должен отвечать следующим условиям:

1. Быть органом чисто международным, подчиненным в своей деятельности лишь директивам Главного Союзного командования, а контролю — входящих держав через своих представителей.

2. Аппарат должен быть в тесной связи с тем органом Мирной Конференции, который ведает восстановлением порядка в России и в других зараженных большевизмом странах.

3. Кроме Центрального бюро и пунктов в России, во всех входящих в организацию странах должны быть отделения Центрального бюро с тою же задачей.

4. Организация и работа аппарата должна обеспечивать полную связь и однообразие действий, для чего как в Центральное бюро входят иностранные представители, так и в

иностранные бюро должны войти русские представители.

5. Организация совершенно не должна носить казенного характера и должна быть совершенно конспиративна.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАГРАНИЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО

1. Каждая страна, вошедшая в Международную организацию по борьбе с большевизмом и имевшая своего представителя в Центральном бюро, организует в своей стране Отделение Центрального Бюро.

2. Отделение Бюро находится в ведении представителя этой страны при Центральном бюро и под контролем правительственного органа данной страны.

3. Как в Центральное бюро входят представители всех стран, так и в отделение бюро в каждой стране входит представитель России (т. е. начальник Международного бюро).

4. Задача заграничного бюро: а) исполнять поручения Центрального бюро по наблюдению за лицами большевистского толка;

б) наблюдать за прибывающими с целью выяснения большевиков;

в) регистрация упомянутых лиц и сообщения о них в Центральное бюро; г) сбор материала о большевистском движении в данной стране.

5. Бюро должно быть открыто в одном из главных входных в данную страну пунктов, имея от себя небольшие органы в других входных пунктах и в столице страны.

6. Бюро должно быть совершенно конспирировано покровом частной деятельности. Настоящее мировое положение и опыт всякой разведки указывать, что здесь дело должно быть связано с Международной торговлей.

В намеченном пункте та или другая фирма или компания организует свое представительство, в каковое и входят главные деятели бюро.

Личный состав подбирается самым тщательным образом.

7. Штат отделения бюро применительно к штату Центрального бюро с добавкой представителя начальника Центрального бюро (русского) с двумя-тремя помощниками, применительно к штату Центрального бюро.

Судебный следователь по особо важным делам Орлов.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 1587, л. 8-9.

ПРОЕКТ организации в Париже особого информационного бюро по русским делам

Принцип:

Сведения бюро д. б. строго секретные. Источники:

Связь с Берлином, Прагой, Ригой, Варшавой, Белградом, Римом, Лондоном.

Здешний источник.

Содержание сведений: все то, что относится к русскому вопросу.

Для полного пуска в ход этого дела было бы достаточно 1000 фр. в месяц. Конечно, при более крупных средствах значительно расширились бы рамки работы, ускорилась бы доставка сведений, но уже можно начать и с этой суммой. Я подымаю этот вопрос, ибо как раз вчера получил сообщение из Берлина, что все готово и можно начать.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, д. 1587, л. 13.

Гор. Екатеринодар
20 февраля 1920 года
№ 0248/ос

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ ВОЕННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДЕНИКИНСКОЙ АРМИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В циркулярном предписании от 24 января содержалось требование наладить планомерную и систематическую борьбу с большевистскими организациями, отдельными советскими деятелями и другими политическими группами и лицами, являющимися противниками идей, руководящих Главным Командованием Вооруженных Сил Юга России. Подтверждая необходимость периодического представления упоминаемых в этом циркуляре сводок по контрразведывательной части, Отдел Генерального Штаба обращает Ваше внимание, что в настоящее время за границей одни Военные Представители и Военные Агенты в состоянии работать в этой области.

Между тем зло, наносимое нам заграничной деятельностью противников, чрезвычайно велико. Необходимо поэтому принимать все меры, чтобы воспрепятствовать им в этом, с другой же стороны, не давать враждебным элементам возможности проникать на территорию В.С.Ю.Р. и продолжать здесь свою опасную деятельность. Борьба может дать результаты лишь в том случае, если, с одной стороны, Отдел Генерального Штаба будет полно и своевременно осведомлен в отношении политическом, так, и в частности, о работе противников.

Для этого надлежит возможно лучше и шире поставить политическую разведку и контрразведку. Последняя должна обращать особое внимание на выяснение самой конструкции враждебных организаций, их центры и лиц их возглавляющих, а также им сочувствующих и их поддерживающих, затем на конкретные задачи, ими преследуемые, на существо их деятельности, методы работы, способы сношений этих организаций со своими центрами и центральными органами (правительствами).

Для того чтобы достигнуть успеха в этой области, необходимо, с одной стороны, широко использовать все элементы, нам сочувствующие, но в то же время принять все меры для того, чтобы поставить на должную высоту секретную агентуру, чтобы сведения, доставляемые Вами в этой области, не носили случайного характера и являлись главным образом результатом систематического внутреннего совещания упомянутых организаций и действий отдельных лиц.

В итоге этой работы, с одной стороны, возможно будет хотя

бы отчасти предотвратить или парализовать на месте действия, направленные против В.С.Ю.Р., с другой — должно явиться получение документальных данных, вещественных доказательств и, если это нужно, свидетельских показаний. Тогда изобличенные деятели и агенты враждебных нам сил, оказавшись в пределах досягаемости, могут быть переданы в распоряжение судебных властей и понести заслуженное наказание. При этом, памятуя, что главным врагом является Советская власть, нельзя упускать из виду работу всех новообразований, как-то: Грузии, Азербайджана, Эстонии, Латвии, Финляндии, особенно же самостийной Украины и Кубани. Помимо того, необходимо следить за деятельностью А. Ф. Керенского и ему сочувствующих, а равно за германофильской пропагандой и враждебными нам течениями среди стран Антанты. Во всех этих случаях должно устанавливать связи, организации и лиц, с таковыми же работающими, как на территории Советской России, так и в особенности В.С.Ю.Р., своевременно сообщая эти сведения в Отдел Генерального Штаба, чем сильно облегчится их раскрытие по прибытии в Россию.

Для достижения наибольшего успеха в этой области необходимо развить вышеуказанное секретное осведомление, а равным образом вести работу в постоянном единении с нашими военными агентами в прилегающих странах, всячески стремиться к возможно полному использованию всех ими достигнутых средств, применяя к местной обстановке и условиям. Для облегчения возможности ориентироваться, в дополнение к вышеупомянутому циркуляру, прилагается еще особый список вопросов по каждой стране в отдельности, связанных общей идеей, выяснения сущности отношения данной страны к воссозданию России и борьбе с ее врагами — большевиками, самостийниками и «керенщиной», а равно и тех элементов, которые работают активно против нас.

Обследование это надлежит вести самым интенсивным образом и приступить к нему по возможности немедленно, принимая во внимание, что Отдел Генерального Штаба по самому своему существу помимо точного и полного осведомления по разведывательным и контрразведывательным заданиям нуждается и в постоянном освещении с мест широкой мировой политики, а равно местных политических, экономических, финансовых и особенно социальных вопросов.

В «Общей части» приложения приведены те из них, которые наиболее сейчас интересуют Отдел. При этом надлежит помимо периодически посылаемых обзоров, куда помещается проверенный материал и обоснования, заключения по упомянутым вопросам и заданиям, выделять в особую группу

данные, добытые о деятельности враждебных нам организаций и лиц, систематизируя их по отдельным категориям. Относительно последних нельзя ограничиться сведениями, почерпнутыми из печати. Вообще же, пользуясь прессой, необходимо присылать по возможности весь подлинный номер или ограничиваться вырезкой или точной копией, указывая название газеты, номер, дату, место издания. То же самое относится к большевистским воззваниям, брошюрам и т. д.

Сообщая данные, добытые агентурой, нужно препровождать копии или подлинники агентурной записки, отмечая степень достоверности изложенных в ней сведений.

Приложение: Перечень вопросов.
Начальник Отдела Генерального Штаба
Военного Управления В.С.Ю.Р.
Генерал-лейтенант ВЯЗЬМИТИНОВ.

С подлинным верно:
Начальник Контрразведывательной, части
Отдела Генерального Штаба
Статский Советник Орлов.

Верно:
штабс-капитан Мартынов.

ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 127, л.1, 2.

Начальник разведки при специальной резидентуре секции Константинопольская, Генштаба.
Зарегистрировано под
№ 3948 5.07.20 г.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

В январе 1918 г. я был направлен генералом Алексеевым в командировку в Петроград для организации антибольшевистской разведки. В этой организации приняли участие представители французского Командования и несколько польских офицеров.

Мне было специально поручено наблюдать за большевистской агитацией в школах Советской России и отмечать даты, в которые они направлялись за границу для того, чтобы заняться большевистской пропагандой.

Я передавал эти сведения союзному Командованию с тем, чтобы его правительства могли вовремя принимать необходимые меры против большевистских происков.

В течение моего годичного пребывания в Петрограде я сумел заполучить свыше 10 000 фотографий агитаторов и политических агентов Советской России со следующими приметами:

1. Место рождения и профессия;
2. Заграничный адрес;
3. Место проживания их зарубежных родственников и отношения с их сторонниками;
4. Иностранные языки, которыми они владеют;
5. В какие иностранные города они намерены направиться из России и каким путем;
6. Дата отъезда и характер паспорта.

Я передал французам часть этих сведений и фотографий, а другую — англичанам. Однако наибольшая их часть осталась у меня, поскольку в то время французы были арестованы, а англичане покинули Советскую Россию.

Из Петрограда в январе 1919 года я уехал в Одессу, чтобы поступить добровольцем в армию. Получив назначение на другую должность, я перестал регистрировать большевистских агентов.

Представители французского и английского командования в Одессе, начальник 2-го бюро генерала Д'Ансельма майор Порталь были в курсе моей деятельности в Петрограде.

Принимая во внимание большевистское проникновение в союзные страны, майор Порталь направил в Париж план моей работы по наблюдению за большевистскими агентами за рубежом с отдельной припиской. Было даже решено направить меня в Париж для организации «Центрального бюро регистрации» и установления связи с Советской Россией и различными зарубежными резидентурами. Мои новые обязанности в Одессе не позволили мне направиться в Париж, хотя майор Порталь и другие лица, работающие в Париже по борьбе с большевизмом

(майор Фо-Па), просили меня неоднократно возобновить мою прежнюю деятельность.

Большевики, оценивая важность работы, предупредили своих товарищей за границей о возможном их аресте полицией союзников.

16 июня 1919 года отдел Екатеринодарской ЧК по борьбе с контрреволюцией направил записку под № 108 от имени отдела по борьбе с контрреволюцией Всеукраинской ЧК, которой объявил, что к концу 1918 года большевики раскрыли разведывательную организацию, руководимую Орловым, которая обзавелась 2130 фотографиями для передачи их союзникам с приметами агитаторов Москвы, отправляющихся за границу.

Моя работа по регистрации большевистских агентов была оглашена во всех главных большевистских газетах.

В настоящее время союзные правительства посредством российских дипломатических представителей в Польше и Италии обратились к нашему Командованию с просьбой передать список большевистских агитаторов и агентов, которые могут проникнуть из Советской России за границу.

Во 2-м бюро и в разведывательной службе Штаба Верховного командования нет никакого списка большевистских агентов. Однако в Советской России есть резидентура разведывательной службы, которая может быть использована не только Францией, Англией, Америкой и Польшей, но и другими заинтересованными странами. Эта резидентура может держать нас в курсе и сообщать нам имена большевистских агитаторов, выезжающих из Советской России за границу. Нет никакой трудности наблюдать за агентами, которые переезжают из страны в страну и имеют связь с секретной организацией и занимаются конспиративной деятельностью во всех странах, где царит беспорядок. Нужно создать сеть негласных осведомителей контрразведки в каждой стране. Необходимо использовать международную большевистскую пропаганду и направлять в Москву агентов разведки, способных создать резидентуру.

Я располагаю списком агентов разведки, которые уже работали в Советской России, способных внедриться в важные центры большевистской администрации. Необходимо согласие всех заинтересованных правительств для организации общей разведывательной службы, в которой будут иметься специальные секции для каждой страны и которые будут информировать заинтересованные стороны о том, что происходит в мире с точки зрения большевиков.

План моей работы следующий:

1. Усилить уже существующую в Советской России

резидентуру лицами, которые будут наблюдать за агитаторами по вышеупомянутой программе и иметь агентов-информаторов в следующих городах: Москва, Петроград, Самара, Киев, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Новороссийск. По три агента на каждый город. Всего — 24.

2. Для ускорения приема сведений организовать:

а) контрольные посты из двух агентов в городах: Выборг, Ревель, Рига, Варшава, Бухарест, Константинополь;

б) посты информации и связи (передача сведений) — по два агента в городах: Стокгольм, Копенгаген, Берлин, Прага, Вена, Рим (всего 12 агентов);

в) создать в Париже Центральное бюро регистрации для классификации и перепроверки полученных сведений. Его персонал должен состоять из 5 агентов.

Примечание: Посты контроля и приема сведений должны следить за русскими и большевиками за границей и облегчать местным властям борьбу против большевиков.

г) Обеспечивать связь внутри Советской России (12 агентов), между внутренней и внешней агентурой — по два курьера на каждую страну: Петроград — Выборг — Петроград — Ревель — Рига — Москва — Варшава — Киев — Вена — Одесса — Бухарест — Новороссийск — Константинополь. Всего — 12 человек.

Внешняя связь из 2 человек: Москва — Варшава — Берлин — Париж. Петроград — Выборг — Ревель — Рига. Париж — Лондон — Копенгаген — Стокгольм. Киев — Вена — Париж. Париж — Берн. Рим — Одесса — Бухарест. Париж — Новороссийск — Константинополь — Рим — Бухарест — Константинополь. Всего — 16 человек.

Организация будет состоять из:

— агентов, проживающих в Советской России (24);

— агентов-регистраторов 29;

— агентов-связников 30.

Всего (человек)…84

д) Для связи между Сибирью и Америкой во Владивостоке будут находиться трое офицеров, которые будут в курсе проводимой работы и которые получили инструкции; они будут ожидать приказов разведывательной службы Генштаба.

е) Лица, работающие в этой организации, будут получать поденную заработную плату. Расходы резидентур и расходы по связи будут отнесены на счет всех правительств, заинтересованных в защите их стран от большевистской пропаганды.

ж) Поскольку вышеупомянутая организация имеет секретный характер, все агенты должны использоваться в различных

администрациях — коммерческих, промышленных, имея в виду, что наиболее приемлемыми являются кооперативы и комиссионные магазины по обмену товарами.

Подпись: Орлов.

Письмо начальника Русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-лейтенанта И. А. Хольмсена генералу П. Н. Шатилову

№ 279/с 24 октября 1921 г.
Совершенно секретно
В собственные руки

Милостивый Государь Павел Николаевич.

Вследствие письма Вашего Высокопревосходительства от 3-го сего сентября за № 8885 докладываю нижеследующие соображения мои по поводу рапорта Генерального Штаба полковника Полякова от 18-го августа с. г. за № 18.

Этот проект надлежит рассмотреть как со стороны финансовой, так и со стороны достижения результатов в области осведомления и реальной политики.

Мне неизвестно в точности, какими средствами ныне располагает штаб Главнокомандующего; во всяком случае, не думаю, чтобы они были чрезмерны, и потому расход в 1 миллион германских марок в полгода, вероятно, должен быть предварительно тщательно взвешен. Далеко не все цифры в представленной полковником Поляковым смете являются серьезными. Если, с одной стороны, некоторые расходы даже и не могут быть произведены с затратой столь незначительных сумм, то, с другой, бросается в глаза вообще несоответствие расходов с преследуемой целью.

В предоставленной смете полковник Поляков указывает, что на единовременное оборудование канцелярий, которые неизвестно сколько времени просуществуют, требуется 94 350 германских марок, а на ежемесячные расходы — 161 860 германских марок. С самого же начала на осуществление целей этой организации, т. е. на работу по разведке, уделяется 76 000, т. е. несколько менее половины.

Для нас главным противником являются большевики, и потому вполне естественно, что работа должна вестись главным образом на Советскую Россию, по направлению на Петроград — Москва и в глубь страны от границы с Польшей и другими новообразованиями, как наиболее доступными направлениями. Однако из суммы в 76 000, предназначенной на разведку, — 30 000 сразу же ассигнуется на Германию, т. е. более одной трети

должны остаться в Берлине и других местах, оставшиеся 46 000 ассигнуются на разведку в самой Финляндии, что не представляет пока особого интереса, и на Эстонию, Латвию, Литву и Польшу, а также и на Советскую Россию. Несомненно, что при таком помещении центра тяжести работы вся главная часть этой суммы останется в названных странах и до Совдепии почти ничего не дойдет или выразится в сумме меньше чем 25 000 марок. Является странным такой расход на ведение разведки из Германии, где, насколько мне известно, с большим успехом уже работает д. с. с. Орлов, деятельность коего заслуживает быть отмеченной по своей интенсивности и плодотворности в части, касающейся обследования деятельности большевиков и III Интернационала. Таким образом, мы видим, что с первого же месяца на работу по Совдепии уделяется около 15 000 марок, вся же остальная сумма, т. е. около 145 000 будет ежемесячно уходить главным образом на личный состав и канцелярию или на разведку в направлении, ныне отнюдь не являющемся главным.

Эти выводы невольно напрашиваются при сопоставлении приведенных цифр, но, даже предполагая, что у штаба найдутся эти средства и признано будет возможным их отпустить полковнику Полякову на проектируемую им организацию, возможно ли ожидать, что она даст благоприятные результаты. Считая, что официальным учреждениям очень трудно вести разведывательную работу в широком масштабе и что проектируемая организация является даже желательной, приходится, однако, с прискорбием констатировать, что при таком неправильном расходовании сумм, когда в Советскую Россию предполагается отпускать всего лишь одну десятую, а то и менее, больших результатов ожидать нельзя. Кроме того, создание большого и громоздкого аппарата в Германии возможно было бы, но не из состава людей, ничего общего с торговой деятельностью не имеющих, а лишь под флагом какой-либо торговой фирмы или представительства: в данном же случае значительная группа иностранцев, не состоящих официально на службе в каком-либо учреждении, должна незамедлительно привлечь на себя внимание соответствующих местных органов, а также весьма деятельной советской контрразведки. Несомненно, начнется обследование деятельности указанных лиц, и если даже удастся избежать ареста и судебной ответственности, то, во всяком случае, вся организация будет тотчас же разрушена и должна будет прекратить свою деятельность, потеряв при этом затраченные средства и имущество, а лица, стоящие во главе, могут подвергнуться высылке.

Эти соображения всем, в том числе и полковнику Полякову,

хорошо известны. Начатая им в 1920 году работа в Латвии кончилась неудачно, и офицерам, причастным к этой организации, лишь с трудом удалось избежать неминуемого ареста. Лица, работавшие там по разведке, по имеющимся у меня сведениям, повсеместно хорошо уже известны на Севере и в Прибалтике, так что им трудно будет работать в тени. Всякое затеваемое ими там предприятие, можно сказать с уверенностью, заранее обречено на неудачу.

Переходя к осуществлению задач проектируемого политического центра, то, не зная взаимоотношения этого центра и полковника Полякова, позволяю себе представить нижеследующие соображения.

Новый «политический центр», при наличии в Берлине ряда крупных партийных русских политических организаций, будет производить лишь работу, параллельную с другими группами, и тоже, как разведывательная организация, скоро привлечет на себя внимание местных правительственных и большевистских органов. В настоящее время чрезвычайно опасно перегружать терпение и снисходительность германских властей, подписавших соглашение с большевиками и, по существу, являющихся представителями левых течений. Деятельность такого центра, составленного, не дай Бог, из неопытных лиц, в случае малейшей серьезной оплошности может повлечь неприятности не только для него самого, но и для наших официальных учреждений и вызвать ликвидацию делегации, к чему ныне, возможно, что ожидается лишь серьезный предлог.

В Германии если и возможно вести какую-либо негласную работу, то только очень осторожно и под флагом официальных учреждений, как это и делается нашими противниками — советским представительством, имеющим в своем распоряжении нечетное число агентов, официально, однако, числящихся на совершенно невинных должностях.

Работа политического характера в Германки должна быть ведена не всецело в духе узкой германофильской ориентации. Нельзя упускать из виду крайне колеблющегося характера современной внутренней и внешней политики Германии. Последняя, как я уже неоднократно раньше отмечал, пока носит определенно оппортунистический характер, и в настоящий момент очень трудно равняться по ней. Мне кажется, что нам нужно заставить Германию пойти с нами, убедив ее в том, что иначе она останется за флангом при восстановлении законности и порядка в России. Германия многим еще, в том числе и полковнику Полякову, представляется прежнею могучею державою, которая может вести самостоятельную политику,

конкурируя с Англией и Францией, как это было раньше. В своих донесениях я, отмечая слабость Германии, указывал на многочисленные причины этого положения, вследствие чего она вынуждена, в конце концов, подчиниться воле победителей. Вести свою собственную, совершенно самостоятельную политику в русском вопросе она не может и не посмеет. Мы уже видели, чем кончилась затеянная ею в Курляндии Бермондтовская авантюра. (См. док. № 24/8, 12/9-21 г.) В настоящее время она, несомненно, поддерживает дружественные отношения с Совдепией, но и тут главной причиной является [то], что и Англия ведет такую же политику. Это подтверждается хотя бы и тем, что обнародование в мае этого года германо-советского торгового договора последовало вскоре после заключения Великобританией подобного же договора с Совдепией. Германские торгово-промышленные круги стараются распространить свое влияние в России при посредстве Англии. С нами же или торгово-промышленными кругами они пока не хотят разговаривать. Переговоры с русскими собственниками предприятий и полезными деятелями они будут вести после свержения существующего сейчас в России строя. На всякий случай с ними обращаются любезно и, в лучшем случае, скупают за медный грош богатейшие дела, относя огромную разницу к" (так в документе).

Из вышеизложенного, казалось бы, можно сделать заключение, что нам нужно, прежде всего, сосредоточить все свое внимание не на Берлине, а на Лондоне и Вашингтоне, задающем тон и здесь. Судя по англо-германским тайным переговорам, эти страны начинают приходить к убеждению, что без восстановления прочного порядка в России торговля немыслима в тех широких размерах, без которых не только Европа, но и весь мир еще долго будут задыхаться от отсутствия дешевого и обильного сырья, а также огромнейшего рынка для сбыта своих фабричных производств, Англия и Америка переживают опаснейший кризис и застой в делах, а число безработных в этих странах достигает многих миллионов, Падение же германской марки временно удешевляет заграничные германские товары, а потому промышленность в стране пока как бы процветает и безработный кризис здесь менее ощутим. Однако, по всему судя, надвигается мировой экономический кризис, от разрешения которого зависит и участь России и ее нынешнего и будущего государственного строя. При решении этого вопроса наш голос должен быть услышан, и эмиграция, несомненно, имеет право на это. Лучшая часть ее связана с Русской армией, а последняя является реальной силой; торгово-промышленные круги являются готовыми

техническими руководителями при восстановлении порядка и новой экономической жизни в России.

Мысли полковника Полякова о необходимости связи между этими двумя сферами правильны, но, по-моему, слишком узко понятны. Лианозов — не единственный русский деятель, и не в Берлине решаются мировые вопросы.

Если мы сперва точно выясним себе, чего мы желаем и что мы можем сделать, то из этого уже можно будет определить руководящую мысль нашей реальной политики, на основании которой только и возможно работать подчиненным органам.

Но в таком серьезном вопросе не следует переоценивать своих сил и значения, а нужно помнить, что при настоящем нашем положении мы должны быть на стороне сильного во имя русских интересов, которые являются единственной нашей путеводной звездой.

Если ныне наметить основную цель, учесть главные данные существующей политической обстановки и наметить тактику действий, то легко будет вынести правильное решение всяких организационных вопросов, работы и ролей на местах. Ясно будет, кто с нами и кто против нас и как и где нужно работать, для чего нужна разведка против кого и как она должна быть ведена, При этом мы избегаем затрат на учреждение всяких вредных для дела параллельных наслоений или учреждений. Обыкновенно этого рода предприятия являются плодом туманных мыслей или эгоистических стремлений в период нарождающегося нового положения.

Если только Америка и Англия окажутся на нашей стороне, мы увидим, что и Германия будет с нами и поможет нам разрешить все наши мелкие вопросы; организационные, военные и др. При их же помощи и мы, все здесь живущие антибольшевистские деятели, окажемся самыми желанными людьми и деятелями, и для разговоров не нужно будет никаких посредников. Если же этого не случится или, не дай Бог, положение еще ухудшится, то нам не помогут ни реорганизация существующих органов, ни политические или военные центры консервативного характера, ни разведки или контрразведки, даже веденные опытными людьми. Поэтому правильнее, не создавая новых дорогостоящих учреждений, усилить средствами уже зарекомендовавших себя организаций и парирования тех неприятностей, которые могут появиться.

Ввиду вышеизложенных соображений, казалось бы, что рано думать об организации Берлинского политического центра, когда еще не решен основной вопрос о цели и путях нашей политики.

Текущие задачи военно-политического характера возможно

возложить и на Делегацию. (Здесь и далее имеется в виду Русская делегация по делам военнопленных и беженцев в Германии; начальник делегации генерал-лейтенант И. А. Хольмсен.) Что же касается военного центра здесь, в Берлине, то с переездом Главнокомандующего в Сербию, мне кажется, Берлинский центр будет лишь тормозить дело. Неизбежна потеря времени при доставке сведений не прямо в Штаглав, а через Берлин. Работа же по регистрации и т. д., а также объединение офицерства на корпоративной почве и прочие задачи уже настолько здесь налажены в духе требований Вашего Высокопревосходительства, что если только будут усилены денежные средства специально на эти предметы, все пойдет без всякой посторонней помощи и деньги будут использованы с действительной пользой для дела. Создание для этой цели нового самостоятельного коллегиального учреждения внесет лишь путаницу и вызовет дальнейшие интриги, свойственные времени. У нового учреждения, как неофициального, конечно, не будет авторитета старого, но и значение Делегации будет, конечно, умалено. Между тем более чем когда-либо нам теперь нужно поддерживать принцип единства и силы власти.

Меня несколько удивило, что, до представления Главнокомандующему проекта, который может, по существу, совершенно преобразовать нашу военно-политическую организацию в Германии, полковник Поляков не нашел нужным переговорить подробно по настоящему проекту со мною непосредственно и не пожелал сообразоваться с теми конкретными данными, которые он мог бы почерпнуть из имеющегося уже у меня материала и личного моего опыта. Единственный раз, и то мимоходом, этот вопрос был затронут полковником Поляковым, когда он спросил, желательно ли мне иметь здесь «дублера» для особо щекотливых разговоров с немцами. Согласно принятому мною издавна обыкновению не оставлять неиспользованным какого-либо предложения услуг, я ответил положительно, полагая, что в будущем при случае и после более близкого знакомства мне удастся извлечь что-либо полезное из этого заявления. Подобных предложений в моей деятельности я получаю так много, что этому разговору я не придаю того значения, которое, видимо, имел в виду сам полковник Поляков.

Вполне признаю, что моя деятельность здесь далеко не лишена пробелов в смысле полноты негласного осведомления, тем более что я признаю возможным давать только подлинный материал. При этом, однако, считаю своим долгом упомянуть, что со дня моего вступления в должность по приказу генерала

Щербачева был совершенно прекращен отпуск каких бы то ни было средств на всякого рода разведку. Предшественник же мой, полковник Брандт, не был в состоянии указать даже фамилий лиц, составляющих его агентурную сеть в Германии и на С. — З., деятельность же д. с. с. Орлова, отлично ориентированного в круге возложенных на него задач, дает блестящие результаты и избавляет меня от работы в этой специальной области.

Наблюдение за германской политической жизнью и добывание необходимого осведомительного материала в объеме, необходимом при современном положении вещей, тоже ныне поставлено на надлежащую высоту после прибытия в мое распоряжение весьма опытного и дельного работника в этой области статского советника Верисоцкого. Благодаря исключительной работоспособности, он почти один справляется с этими задачами. Для получения большего материала и еще лучшей его обработки представлялось бы желательным вместо отпуска в распоряжение полковника Полякова 30 000 германских марок на разведку в Германии предоставить статскому советнику Верисоцкому на служебные расходы 4000 марок, что дало бы гораздо больше для дела и стоило бы меньше.

В заключение необходимо еще сказать, что вся проектируемая полковником Поляковым организация должна иметь в виду обследование Совдепии, лишь попутно затрагивая соседние с ней страны. Несомненно, что в интересах дела надлежит центр такой работы поместить не в таком далеком тылу, как Берлин, где уже успешно работают другие лица, а выдвинуть его гораздо ближе к месту действий. Такого же мнения держится и генерал граф Пален, которому, казалось бы, и должна быть предоставлена власть по решению таких вопросов и замещению всех должностей, что, видимо, предвосхищено полковником Поляковым.

Берлин, конечно, большой и хороший город, он имеет много плюсов и как центр, но нельзя забывать, что при нынешних отношениях к русским не большевикам, прежде чем попасть сюда, нужно пройти длинный ряд паспортных, полицейских, таможенных, а для почты и цензурных чистилищ и мытарств, как со стороны властей окраинных государств и самой же Германии, а равно подвергнуться усиленной большевистской слежке. Между прочим, по всему видно, что полковник Поляков предполагает создавать свою организацию именно в Берлине. Это стремление проскальзывает во всем его докладе, вплоть до фактов, которые приводятся лишь постольку, поскольку они нужны для необходимости осуществления его желания. Он умалчивает о политической внутренней и внешней слабости Германии, о ее

колоссальных финансовых затруднениях в связи с платежами по мирному договору о разоружении ее армии и населения, равно как ничего не упоминает о далеко не благоприятном отношении к небольшевистским русским кругам и к Главнокомандующему столь влиятельных здесь демократически-социалистических кругов, а главное он считает, на стр. 20 своего доклада, возможным мечтать об образовании в Берлине «мощной русской группы» из состава политических партий русской эмиграции, а также о «действительном авторитетном представительстве широких русских кругов». Упуская из виду, поскольку вообще это возможно, нельзя забывать, что значительное большинство оказавшихся на чужбине имеет свое «прошлое». Их вынужденное пребывание за границей явилось результатом подготовленной или ими же произведенной революции в России, причем, получив власть, они доказали свою полнейшую неспособность справиться с последствием государственного переворота, а здесь отличаются неумением жить дружно, сплоченно и никак не могут объединиться под флагом одной патриотической мысли.

Я этим хочу только подчеркнуть всю трудность, чтобы не сказать невозможность и бесцельность, попытки опираться на политические партии в Берлине. Они слишком политиканствуют и их деятели отчасти отжили свой век.

Политическая работа в Берлине, конечно, чрезвычайно важна, но она должна быть ведена организациями, преследующими реальные цели и представляющими из себя реальные силы, как Русская Армия и торгово-промышленный союз.

Слишком тесно связан вопрос о свержении большевиков со слабой Германией, и в ней образовывать политический центр, казалось бы, не следует. Но мы должны стараться всемерно культивировать дружественные с ней отношения и, по возможности, работать параллельно с нею, памятуя, что она в будущем все же окажется вашей надежной опорою при восстановлении единой России, образование каковой, несомненно, входит в интерес Германии.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в глубоком уважении и таковой же преданности.

[Генерал-лейтенант И. А. Хольмсен].

ЦА ФСБ РФ, ф. 1, оп. 5, д. 19, л. 313—321. Копия.

СПРАВКА ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗВЕДКИ ОБ ОРЛОВЕ

27 декабря 1923 года.

Французские осведомительные органы, производя расследование по делу о реорганизации связи между советскими разведывательными органами в Германии и их наблюдателями во Франции, заинтересовались неким Владимиром Григорьевичем Орловым, относительно которого собрали следующие сведения:

В. Г. Орлов — человек лет 40 — 45, бывший судебный следователь, состоял на германской разведывательной службе с 1917 года. В настоящее время живет в Берлине, Шарлоттенбург, Берлинерштрассе, 84, телефон Вильгельм 42-28. Орлов сейчас работает одновременно: 1) для германского министерства иностранных дел, осведомляя его по русским (большевистским и небольшевистским) делам; 2) для Полицей-Президиума, осведомляя его о русских, нелегально проживающих в Берлине: он, между прочим, выдал недавно немецкой полиции генерала Комиссарова, состоящего агентом большевиков по распропагандированию белого офицерства, но которого немцы обвиняют в соучастии в деле о снабжении немецких большевиков оружием. Сейчас Комиссаров содержится в военной тюрьме в распоряжении генерала фон Зекта; 3) для К-Разведывательного отделения советского представительства в Берлине, осведомленного о германских делах и о русских антибольшевиках, одновременно Орлов содействует связи между Берлином и большевистским центром во Франкфурте-на-Майне; 4) для великобританского посольства в Берлине, осведомляя его о большевиках, об антибольшевиках и о немцах; 5) для разведки генерала Врангеля в Берлине (адрес: при русском Красном Кресте, Уландштрассе, 156 (телефон Уланд 86-22), где осведомляет полковников Лямпо и Гагмана о большевиках, немцах и англичанах.

Некоторое время тому назад Орлов трижды предлагал свои услуги французской военной разведке, и трижды от его услуг отказались ввиду вышеизложенного. Орлов усиленно добивается разрешения выезда во Францию для того, чтобы, по полученным контрразведочным путем сведениям, выполнить здесь секретные задания большевиков по информации военного характера. Об Орлове составилось объемистое досье, не оставляющее никаких сомнений относительно его провокаторской роли.

Отзыв о нем: человек умный, крайне энергичный и ловкий.

Совершенно лишен каких-либо принципов. Гонится исключительно за деньгами. В 1921 году осведомлял французов, давал сенсации, но ничто не подтвердилось, и его выгнали. В настоящее время работает больше всего для советской разведки, давая ей массу сведений, черпаемых им на Уландштрассе, у представителей Врангеля. Специализировался на выдаче сведений о русских, желающих возвратиться в Россию, или имел связь с лицами, оставшимися там. В сношениях с Вильгельмштрассе пользуется часто посредничеством немецкого доктора Гейнце.

ГАРФ, ф. Р-5802, оп, 1, д. 2151, л 6,7.

ПИСЬМО КУТЕПОВУ А. П. ОТ ПОЛКОВНИКА АРХАНГЕЛЬСКОГО

Сремски Карловицы,
6 июня 1924 года.

Глубокоуважаемый Александр Павлович!

Пользуясь Вашим разрешением писать обо всем, что может меня заботить или тревожить, я решил поделиться с Вами своими мыслями по поводу одного моего бывшего подчиненного, ныне перешедшего в Ваше ведение.

Из частного, но совершенно для меня достоверного источника мне стало известно, что Вы наводили справки о деятельности и политических убеждениях Владимира Григорьевича Орлова.

Я не знаю, что могли сообщить о Вл. Гр., почему решил поделиться и своими данными, основанными на многолетнем знакомстве с деятельностью этого лица.

Конечно, нет человека без недостатков, и последние, несомненно, можно отыскать у Вл. Гр., но достоинства его, без всякого преувеличения, значительны и очень ценны.

Вл. Гр. — человек с огромным опытом и не меньшими способностями, всецело направленными к единой цели: борьбе с большевиками. Искренность и постоянство его политических убеждений не представляют для меня никаких сомнений.

Темперамент Вл. Гр. в работе, осведомленность в вопросах своего дела, инициатива и широта замысла давно снискали ему уважение даже тех иностранных организаций, кои, имея одинаковые с ним цели, работают с ним уже несколько лет. Ввиду последнего обстоятельства, одни только деловые связи Вл. Гр. делают его трудно заменимым работником в своей области.

Для меня лично никогда не было секретом, что яркая личность Вл. Гр. создала ему некоторое число недоброжелателей, кои, как это я вполне допускаю, не зная в точности работы Вл. Гр., могли, в оценке последней, вполне добросовестно заблуждаться, считая Вл. Гр. не то очковтирателем, не то политическим хамелеоном.

В числе таковых достаточно откровенных недоброжелателей Вл. Гр. считается и генерал Монкевиц, ныне Ваш помощник.

В заключение позволю себе высказать уверенность, что мое совершенно откровенное письмо не вызовет у Вас неправильного истолкования, и Вы его примете исключительно как попытку

человека дать искреннюю беспристрастную характеристику одного из своих бывших подчиненных, личность коего ныне возбудила, по-видимому, у Вас некоторые сомнения.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и искренней преданности.

ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 3, л. 81-82.

Из книги «АНТИСОВЕТСКИЕ ПОДЛОГИ» Изд. НКИД, М., 1926 г.

ПОЯВЛЕНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ГОРИЗОНТЕ ФАЛЬШИВОК

Чем дальше продолжалось мирное существование Советского Союза, чем больше укреплялись его связи с Западной Европой, тем все труднее было использовать в целях агрессивной политики такие ненадежные источники, как простая шпионская информация.

Усложнившиеся взаимоотношения между буржуазными странами Западной Европы и Советским Союзом, желание во что бы то ни стало подорвать всякий авторитет Советского государства и разрушить его экономическую и политическую мощь заставляют руководителей внешней политики буржуазных стран, и в первую очередь Англии, начать пользоваться более «верными» документами и более «надежными» источниками.

История фальшивых документов, циркулирующих по всему миру и направленных против Советского Союза; указывает на то, что фальсификаторами преимущественно являются представители русской контрреволюционной эмиграции. Трудно сказать с достаточной точностью, выполняли ли фальсификаторы определенные заказы, шедшие сверху, или соответствующие министерства иностранных Дел в своей практике использовали уже готовое предложение. Факт тот, что в течение последних 2 — 3 лет Советский Союз констатирует следующие явления: во-первых, обильный поток всяких, в разных местах опубликованных, фальшивых документов, имеющих целью осложнить и ухудшить взаимоотношения между Советским Союзом и рядом стран, с которыми он находится в тех или иных политических взаимоотношениях, и, во-вторых, обилие раскрытых в последнее время фабрик фальшивых документов и разоблаченных, в связи с этим, представителей контрреволюционной эмиграции.

Начало потоку разного характера фальшивых документов, исходящих из различных центров, было положено знаменитым подложным «письмом Зиновьева». Вслед за ним появляется мнимый договор между Коминтерном и Хорватской республиканской крестьянской партией, мнимое письмо тов. Зиновьева к тов. Кашену по поводу северо-африканских дел,

опубликованное в «Либерте», мнимые письма Крестинтерна к румынской крестьянской партии, ряд документов, имеющих то или иное отношение к болгарским событиям, и, наконец, ряд отдельных фальшивок, преследующих разные цели и непосредственно не связанных ни с какой большой кампанией, предпринятой тем или иным государством или той или иной группой государств против Советского Союза. Среди этих документов находятся следующие наиболее замечательные из них:

1) схема организации Коминтерна; 2) объяснение к схеме центральных учреждений Исполкома Коминтерна и схема; 3) руководство Коминтерна партийной работой на местах; 4) отношение консульской части Полпредства на имя Стеценко о разрешении въезда в СССР; 5) отношение делегации Исполкома Коминтерна уполномоченных ОГПУ в Берлине; 6) письмо ИНО ОГПУ тов. Блюменфельду и письмо тов. Маршину; 7) отношение ИККИ к представителям заграничной делегации в Германии; 8) отношение РЛКСМ к представителям заграничной делегации в Германии; 9) доклад члена Исполкома Коминтерна председателю ИККИ; 10) письмо Бондаревского из Рима в Полпредство в Германии; 11) отношение Наркомнаца в Полпредство в Германии; 12) отношение Полпредства в Австрии в Полпредство в Германии; 13) письмо Краковецкого о советско-японских отношениях; 14) письмо тов. Балабановой, представителя заграничной делегации РКП, в Германии; 15) отношение ЦИК к Полпредству в Германии; 16) отношение Торгпредства в Германии в финотдел ИКИ; 17) отношение ВСНХ в консульский отдел Полпредства в Берлине, тов. Александрову; 18) поддельный бланк ИККИ; 19) бланк с советским гербом; 20) отношение ИККИ, опубликованное в болгарских газетах. Кроме того, имеется целая группа документов на английском языке, относящихся к мнимой деятельности несуществующей организации, именуемой «Британский революционный комитет» и долженствующих дискредитировать советское Полпредство в Англии и доказать связь между революционным рабочим движением Великобритании, Коминтерном и Советским Союзом.

ФАБРИКА ФАЛЬШИВОК

1925 год был особенно богат раскрытием фабрик фальшивых документов и разоблачением их организаторов. Изучая материалы, опубликованные в свое время во всей европейской печати, приходится констатировать наличие крупных гнезд, занятых фальсификацией документов, направленных против Советского Союза и имеющих пребывание в крупнейших столицах Западной Европы. В Берлине — фабрика Дружеловского, в Вене — фабрика Якубовича, в Лондоне — фабрика Синклтона, в Париже — неудачная попытка к организации фабрики, в Китае — фабрика белогвардейца Кедрливанского и так далее. Все эти фабрики и фабриканты были известны полицейским учреждениям соответствующих государств и городов. Виднейшие из этих фальсификаторов состояли и состоят на службе у этих государств или у ряда государств одновременно. Все они были в той или иной степени связаны с политическими представителями заинтересованных стран, получая от них заказы и поставляя им необходимые документы.

БЕРЛИНСКАЯ ФАБРИКА ДРУЖЕЛОВСКОГО, ЕЕ ДЕЯТЕЛИ И АГЕНТЫ

Об организации Дружеловского и его фабрике фальшивых документов было опубликовано довольно много сведений как в нашей печати, так и в заграничной. Уже после первого ареста Дружеловского было очевидно, что он — не один в этом деле. В действительности во главе центральной организации по подделке документов в Берлине, кроме Дружеловского, стоял также Гуманский.

Дружеловский — уроженец Могилевской губ. Происходит из семьи полицейского чиновника. Был русским офицером-летчиком.

Поступил на службу к капитану Братковскому в польский 11 Oddzial Sztabe generalne. С Братковским ездил в Ригу во время заключения русско-польского торгового договора в 1920 году. Оказал там полякам ценные услуги. По возвращении в Варшаву был уличен в 1922 или 1923 году в измене, был выслан в Данциг. Из Данцига попал в Берлин в конце 1923 года.

Александр Феофилович Гуманский — чрезвычайно красочная фигура белого эмигранта. Подполковник по чину, с которым он вышел из империалистической войны, типичный контрразведчик, этот господин не брезгует ничем. Он при помощи Дружеловского продает сфабрикованные ими документы то болгарскому, то польскому правительствам, одновременно занимается шпионажем против Германии. Через другого бывшего русского офицера, Зиверта, о котором речь ниже, Гуманский в свое время продал германскому имперскому оберрегирунгсрату (министру внутренних дел), действительному статскому советнику Мелейзину, схему ИККИ с соответственными карточками по государствам. Эти карточки и схема начерчены и написаны были самим Гуманским.

Кроме подделки документов, советских печатей и шпионажа в пользу Франции, Гуманский был одним из активнейших работников в различных белогвардейских контрреволюционных организациях. Он был руководителем технической части разведывательного кирилловского центра, организованного в прошлом году генералом Сахаровым. Задача этого центра заключалась в наиболее подробном собирании информации о СССР от балтийских и финляндских организаций.

Он также является активнейшим корреспондентом и сотрудником так называемого «Братства Святого Георгия»,

возникшего в Мюнхене в 1923 году по инициативе того же генерала Сахарова. Гуманский пользовался услугами проживавшего в Женеве американского общественного деятеля Фергюссона, близко стоящего к Форду, и через него передавал информацию в американскую прессу. Входя в состав берлинского центра этого «братства», Гуманский находился в тесном контакте с антибольшевистской лигой Обера в Швейцарии.

«Братство Святого Георгия» оказалось скомпрометированным, как и много других белогвардейских организаций, и дельцы этого «братства» оказались вынужденными его ликвидировать и заменить другой тождественной организацией, которой дали имя «Святогор». Среди многих других активных участников этого нового союза снова оказался во главе его все тот же Гуманский, который был назначен членом исполнительного комитета и заведующим информационным отделом.

Так как, очевидно, выяснилось, что Гуманский занимается не только продажей поддельных документов представителям Польши и Болгарии, а что он фабрикует подложные документы с явной целью дезинформировать германские власти и оказывает определенные услуги Франции в ущерб Германии, то осенью 1924 года Гуманский был арестован, причем у него на квартире были найдены три подложных инструкции Коминтерна с подписями и печатью. Но вскоре Гуманский был освобожден с предложением выехать из Германии. А у Гуманского были, очевидно, свои счеты с берлинским Полицей-Президиумом, и последний медлил с исполнением своего собственного решения. Но так как некоторые документы явно изобличали Гуманского в его работе в пользу французов, то он снова весною этого года был арестован. Сведения обо всей этой истории чрезвычайно скудно проникают в германскую печать. Объясняется это тем, что во всем этом деле замешаны агенты и чиновники министерства иностранных дел.

Таким образом, перед нами вполне законченная фигура, на которую ставит свою ставку агентура международной буржуазии в ее борьбе против Советского Союза Офицер бывшей царской армии, специалист контрразведчик, работающий на германское правительство и продающий его интересы французам, подделыватель советских документов и печатей, активнейший руководитель разнообразнейших эмигрантских антиреволюционных организаций, агент оберовской организации и информатор американской капиталистической прессы, — вот каков герой многочисленных историй с фальшивками, которые всегда являлись немаловажным основанием для агрессивной политики признавших и не признавших нас правительств.

Геральд Иванович Зиверт состоял в теснейшем контакте с

Дружеловским по подделке всяческих документов. Как и Гуманский, Зиверт — бывший офицер, подпоручик Русской армии. Он состоял в разведке 12-й армии, а после занятия немцами Риги поступил на германскую службу. Работая то на немцев, то в разведке армии Вермонта, он главным образом был связан с германской военной разведкой в Прибалтике. А затем он окончательно переселился в Берлин и открыл здесь частное разведывательное бюро, преследовавшее якобы цели борьбы с Коммунистическим Интернационалом. А фактически он выполнял задания разных лиц, организаций, а также иностранных правительств по снабжению их документами и материалами информационного о Советском Союзе характера.

С кем только не был в сношениях этот подпоручик! Во время осложнений в Руре он был в связи с рейнской комиссией через своего приятеля, французского капитана Меньер. Зиверт также был в связи с агентами польского представительства в Берлине, от которого он получал очень крупные суммы. Совсем недавно он выполнял определенные поручения латвийской разведки в Берлине, и он же находился в деятельных сношениях с лигой Обера. Не менее пикантно и то, что он работает по заданиям берлинского Полицей-Президиума. Да, собственно говоря, как же ему не работать на берлинских полицейских, если он с весны этого года принял немецкое подданство?

Не менее видной фигурой в мире контрразведчиков и творцов фальшивок, чем Гуманский и Зиверт, является В. Г. Орлов. Как и первые два, он также бывший офицер царской армии — начальник врангелевской разведки. Благодаря своему знакомству со знаменитым по своему налету на берлинское торгпредство Вейсом, а также комиссаром Полицей-Президиума Хеллером, он вхож в кабинеты берлинского Полицей-Президиума. Но он занимается, как и вся прочая братия, не только информацией Полицей-Президиума, но и контрразведкой. Он обслуживает латвийскую контрразведку, находясь для этого в тесной связи с неким Покровским — кирилловским разведчиком в Риге.

Бельгардты — это бывшая аристократическая знать в царское дореволюционное время. Отец — бывший сенатор Алексей Валерьянович Бельгардт, сын — без всяких царских титулов, просто А. А. Бельгардт, оба — кирилловцы. Папаша и сынок самым тесным образом связаны со всей предыдущей братией — Гуманским, Орловым и Зивертом. На квартире этих Бельгардтов происходили совещания при участии Гуманского, Сахарова и других, на которых Гуманский делал информационные доклады о положении в Советском Союзе и о новых назначениях на

командные должности в Красной Армии. В уже упомянутом союзе «Святогор» папаша Бельгардт вошел в совет как его председатель, а сынок — как руководитель агитотделом исполнительного комитета союза. Через этого же бывшего сенатора Бельградта союз «Святогор» поддерживал связь с реакционными партиями Германии.

ВЕНСКАЯ ФАБРИКА ФАЛЬШИВОК ЯКУБОВИЧА И ЕЕ УЧАСТНИКИ

Австрийская фабрика фальшивок была обнаружена таким образом: 28 мая в Полпредство СССР в Вене явился некто Генрих Горт. работающий в качестве ученика в гравировальной мастерской М. Хаммера — Вена, IV, Фаворитенштрассе, 34, который получил от этой фирмы поручение получить по четырем фактурам платежи за изготовление штемпелей. Заказанные якобы по поручению Полпредства печати были следующего содержания: «Строго секретно», «Совершенно секретно», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Делегация Исполкома Коминтерна», «Иностранный отдел Секретной части ОГПУ» и так далее.

Явившийся был допрошен, и в результате оказалось, что еще 17 и 21 марта являлся некий русский, представившийся в качестве сотрудника Полпредства, заказал печати указанного выше содержания и дал задаток. Через некоторое время он явился за заказом, получил его, и за остающейся недоплаченной суммой он велел обратиться в Полпредство. Выяснилось, что еще несколько месяцев тому назад в эту же самую мастерскую обращался один гравер с просьбой дать ему оттиски полпредских печатей. В дальнейшем выяснилось, что заказчиком является некто Александр Якубович.

Об этом Якубовиче венская полиция сообщает следующее:

> «Александр Якубович, родившийся 18 мая 1896 года в Полтаве, в России, православного вероисповедания, женат, живет в Вене, Хисгассе, № 14, III район, был после соответствующих расследований 25 июня 1925 года приведен дирекцией полиции, и здесь делопроизводитель граверной мастерской М. Хаммар — Теодор Билек узнал в нем того человека, который в марте 25 года заказал несколько русских штемпелей, якобы предназначенных для советской миссии».

Сам Якубович при полицейском допросе указал на то, что к заказу штемпелей его побудил один с 1921 года знакомый ему украинец по имени Александр Гаврилов, который в марте 1925 года прибыл из Берлина в Вену. Якубович будто бы при доставке штемпелей служил Гаврилову исключительно переводчиком и посыльным и доставлял Гаврилову полученные штемпеля.

Якубович будто бы с самого начала знал, что Гаврилов хотел употребить штемпеля для пропаганды против большевиков, но он не думая о том, что эти штемпеля служат для изготовления фальшивых документов.

Дальнейшие расследования по этому делу указывают на то, что Гаврилов, который тождествен с инженером Александром Гавриловым (родившимся 7 августа 1892 года в Киеве, католического вероисповедания, холост), которого давно знает дирекция полиции, как манипулятора фальшивыми сведениями, и высланный на 5 лет из Вены указом от 27 декабря 1922 года за № 12 824 от 5-го до 12 марта 1925 года проживал в отеле «Тегетгоф», Вена, 1, Иоханнесгассе, № 22, и затем опять уехал в Берлин.

Характерно еще, что во время обыска на квартире Якубовича было найдено несколько писем Гаврилова на русском языке, из которых явствует, что последний находился в продолжительной деловой связи с Якубовичем и из Берлина продолжал заказывать штемпеля, в особенности штемпеля с надписью «Делегация Исполнительного Комитета Коминтерна» (ДИКИ).

Другой, не менее официальный документ, исходящий из высоких австрйских административных сфер, среди общего изложения событий, предшествовавших и сопутствовавших обнаружению автора фальшивых документов, говорит следующее:

> «Заслуживает внимания, что все штемпеля заказаны на русском языке и, по-видимому, предназначены были служить для изготовления исключительно секретных документов. Кроме штемпелей, как „Совершенно секретно“ и „Строго секретно“, находятся также печати: „Иностранное отделение“, „Секретный Департамент“ и „Шеф СОГПУ“ (ЧК). Особенного интереса заслуживает печать на русском языке немецкими буквами, гласящая: „Бюро Делегации Исполкома Коминтерна“, „Исполбюро Красного Профинтерна Исполкома Коминтерна Молодежи“. Здесь мы, без сомнения, имеем дело с печатью того учреждения, называемого „ДИКИ“ (Делегация Исполкома Коминтерна), которое, судя по секретным заграничным сообщениям, руководит из Вены от имени Коминтерна большевистской пропагандой на Балканах…»
>
> *Известия, 15.03.29 г.*

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ

В свое время после процесса Дружеловского три крупнейших политических факта можно было считать установленными. Процесс Дружеловского показал:

1) что налицо имела место целая организация прекрасно осведомленных друг о друге международных шпионов и фальсификаторов, преследующая задачу использования нынешнего, чреватого всяческими столкновениями международного положения и находящаяся в связи со шпионскими и разведывательными отделениями военных штабов и дипломатических представительств буржуазных государств;

2) что официальные представители буржуазных государств, занимающие руководящие посты в этих представительствах и творящие иностранную политику, не только не гнушались тем, чтобы иметь сношения с господами а-ля Дружеловский, но и руководили их деятельностью, давая им сплошь и рядом определенные задания по фальсификации документов, которыми затем сами или их правительства пользовались для достижения своих политических и классовых целей, и

3) что основным кадром лиц, из которых вербуются эти международные фальсификаторы и авантюристы, являлись слои окончательно деклассированной русской контрреволюционной эмиграции и что главным объектом, против которого направлялась эта фальсификаторская деятельность со стороны почти всех работников и деятелей буржуазных представительств и военных штабов, являлся наш Советский Союз.

Эти три факта были в свое время резко подчеркнуты в нашей печати и обоснованы целым рядом имен и данных, выявившихся на судебном следствии по делу Дружеловского. Второй отдел польского генерального штаба и его работники в Эстонии, Риге, Варшаве и Берлине (Моравский и Пацирковский); деятели берлинского министерства иностранных дел и берлинской полиции, в частности Зиверт, который, по словам Дружеловского, работал во французской разведке, в латвийской разведке, состоя в то же самое время представителем немецкого Полицей-Президиума, деятели французского генерального штаба — майор Лоран и капитан Вайо, деятели американского посольства, с которыми Дружеловский связался при помощи русского эмигранта Гамма; деятели сербского посольства, из которых Дружеловский называет некоего доктора Першке; деятели болгарского посольства в лице болгарского посланника Попова, именовавшего себя при встречах с Дружеловским Ангеловым;

наконец, деятели английского генерального штаба в лице уже известных русской общественности агентов мировой контрреволюции — Эльвенгрена и Рейли, получавших прямые задания от английского министра иностранных дел Черчилля, — вот какой ряд имен непрерывной цепью связанных между собой единой целью борьбы против Советского Союза малых и больших руководителей иностранной политики и дипломатии вскрыл процесс Дружиловского.

Сейчас не место и не время повторять отдельные детали и факты, установленные этим процессом. Нам важно здесь повторить лишь эти три основных политических вывода, которые были сделаны нами в свое время в итоге процесса Дружеловского и которые были нами подчеркнуты как то, что уже нельзя опровергнуть, что уже документально доказано и подтверждено.

Казалось бы, что после процесса Дружеловского элементарное приличие, элементарные интересы самосохранения должны были заставить всю эту фалангу больших и малых фальсификаторов международных авантюристов и шпионов и деятелей большой и малой политики быть по меньшей мере осторожнее в своих дальнейших «художествах». Этого можно было ожидать уже потому, что во время процесса Дружеловского приоткрылась, — правда, немного, но все же достаточно, — завеса над тем, что еще казалось тогда недостаточно выясненным, недостаточно раскрытым, — нити к фабрикации известного письма Зиновьева, с одной стороны, и нити, ведшие к террористическим актам русских белогвардейцев, с другой стороны. Эти нити, связывавшие террористов и фальсификаторов с крупнейшими деятелями иностранных правительств, уже в этом процессе представлялись более или менее ясно очерченными. В частности, уже в то время был назван ряд имен, которые не сосредоточили тогда на себе всеобщего внимания, но которые не остались не отмеченными советской общественностью, заинтересованной прежде всего в установлении элементарных гарантий политической безопасности нашего Союза. Уже тогда было названо имя русского эмигранта Орлова, к которому обращался в свое время Дружеловский, как к своему наставнику и руководителю и в фальсификаторской деятельности и к такому же наставнику и руководителю по установлению связи с контрреволюционными террористами. Это последнее обстоятельство должно было заставить, повторяем, быть многих и многих, связанных с Дружеловским и Орловым, элементарно более осторожными.

Наши предсказания и ожидания, однако, не сбылись. Новые данные, раскрытые сейчас в связи с арестом этого самого Орлова

и Сумарокова в Берлине, показали, что наши противники и после процесса Дружеловского ничего не забыли и ничему не научились. Опять мелькают перед нами те же имена — Орлова и Сумарокова, а рядом с ними того же Зиверта, проходят тот же самый Гуманский и тот же самый Стенли. И не только те же самые лица выступают опять, — выступают и те же самые методы и уже, конечно, те же самые задачи и цели, которые преследуют белогвардейские фальсификаторы и их берлинские покровители, если не соучастники.

Что конкретно сейчас установлено следствием по делу Орлова? Установлено прежде всего, что Орлов имел в своем распоряжении целую мастерскую фальшивых документов, работавшую при помощи целого ряда технических средств и фабриковавшую целый ряд документов, которые потом продавались фальсификаторами за ту или другую значительную сумму денег, в зависимости от потребителя, представителям буржуазной печати и стоявшим за спиной этой печати дипломатическим и иным правительственным деятелям и агентам. Если сейчас оказалось случайно, благодаря некоторой прозорливости корреспондента американской газеты, что подлог, который ему хотели всучить фальсификаторы, был сделан настолько грубо, что потребитель фальшивки успел вовремя заподозрить его подлинность, то это, конечно, ничего не говорит о том, во всех ли случаях имело место такое положение вещей и в каких случаях фабрика Орова работала не на вольный рынок в ожидании того или другого простодушного или простоватого потребителя, а работала по специальным заказам лиц, для которых нужны были именно фальшивые документы, для которых заведомо было известно, что документы, которыми они потом будут пользоваться, являются фальсифицированными.

Процесс Дружеловского вскрыл именно эту картину деятельности фальсификаторов.

И недаром разбор документов по делу Орлова немецкой политической полицией был поручен не кому иному, как тому же самому Зиверту, роль которого в берлинской полиции нам давно известна и далеко не двусмысленна Зиверт, сотрудник Дружеловского, лицо непосредственно связанное с тем же самым Орловым, был призван разбирать документы, найденные у Орлова. Разбирать или скрывать? Вытащить на свет божий или уничтожить? Вот какие вопросы сами собой немедленно встают при сопоставлении этих имен. Отсюда становится ясным и не только то, почему так была начата работа политической берлинской полицией, — отсюда становится уже ясно и то, почему газеты сообщили нам о решении берлинской полиции

выслать Орлова за пределы Германии, а не отдать его под суд, который смог бы положить предел работе Орлова хотя бы на время путем заключения его под замок и лишения его возможности свободно сноситься со своими большими и малыми покровителями и соратниками. Мы, конечно, ни в малой степени не хотим этим сказать, что в тюрьме, под стражей немецких тюремщиков он также не мог бы продолжать эту работу, вплоть до организации в тюрьме такой же мастерской, но, во всяком случае, эта работа была бы более затруднена, чем теперь, когда ставится вопрос о том, чтобы его только выслать, и даже не из пределов Германии, а только из пределов Пруссии. По имеющимся сведениям, предположено выслать его только из пределов Пруссии, с тем, чтобы он затем обосновался хотя бы в Баварии.

Связь Орлова с политической полицией и хранителями и столпами нынешнего германского порядка обнаружена уже и по другой линии. По газетным сведениям, Орлов, рассказывая свою «биографию» своему защитнику, упомянул о своих близких отношениях с руководителем берлинской полиции для иностранцев — Бартельсом. Этот Бартельс был смещен по обвинению его во взяточничестве, и он вызывал тогда Орлова в числе свидетелей, которые должны были показывать о «честности» Бартельса. После его смещения Орлов и Зиверт вошли в близкие сношения с Эйвером и Мюльэйзеном в комиссариате общественного порядка. Эти новые имена и новые лица, входящие в одну и ту же шеренгу должностных лиц (они же защитники русских террористов и фальсификаторов, международных авантюристов и жуликов), показывают еще раз, как мы уже сказали, что ничего не изменилось со времени процесса Дружеловского ни в методах работы, ни в целях деятельности банды, которая была поставлена к позорному столбу на процессе Дружеловского.

Сведения по делу, однако, показывают, что корни здесь идут еще глубже, чем могло бы показаться на первый взгляд. По телеграфу из Берлина от 6 марта было сообщено, что ночью был совершен налет неизвестными жуликами на редакцию «Вельт ам Абенд» и что взломщики проникли и в квартиру того же самого американского журналиста Книккербокера, по заявлению которого раскрыта фабрика фальшивых документов.

Интерес представляют и дальнейшие эпизоды в развертывании «эпопеи» Орлова и Сумарокова Террорист и белогвардеец, человек, непосредственно связанный с работой Рейли, Савинкова и Эльвенгрена, принимавший активное участие в 1922 г. в подготовке террористического акта на Чичерина,

Красина и Раковского, пойманный, наконец, сейчас с поличным в организации крупнейшей политической аферы, в отношении которого органы печати публично заявляют о том, что он работал с ведома, если не с поощрения, официальных сотрудников и германских должностных лиц, — Орлов высылается из Германии, причем в качестве мотивов такой высылки приводятся, видимо уваженные берлинской политической полицией, следующие мотивы его защитника Яффе. Орлов не совершил мошенничества, так как подлог не был использован корреспондентом американской газеты, ибо был немедленно распознан. Таков первый мотив защитника Орлова Яффе. Итак, мошенничества нет налицо, не потому, что мошенник не хотел смошенничать, а потому, что лицо, которое он хотел обмошенничать, не дал себя ввести в обман. И второй аргумент: уголовного преступления нет, потому что деяния Орлова и Сумарокова не были направлены против германского государства, а «подлог иностранных документов сам по себе, при отсутствии международного особого соглашения по этому поводу, не наказуем».

Так аргументирует немецкий юрист свободу для господ Орловых и Сумароковых вредить нашему Союзу, подрывать наши отношения с иностранными державами, подготовлять войну против нас капиталистических держав на территории Германии, с благословения германской полиции, Орлов и Сумароков, мол, не приносили вреда германскому государству своей деятельностью.

Именно по этому пункту мы коренным образом должны разойтись с его защитником Яффе и со всеми его покровителями.

Советская общественность имеет право утверждать, что вред Орлов и Сумароков наносили не только СССР. Они хотели нанести вред СССР, но они в первую голову наносили его именно Германии, именно Германскому государству и угрожали его нанести и германскому народу, германским трудящимся. Ибо прежде всего и Советский Союз, и германские трудящиеся заинтересованы в поддержании самых дружественных, самых мирных между собой отношений. Об этом много раз заявляло и само германское правительство. Цена такого рода заявлениям сейчас и проверяется его отношением к делу Орлова и Сумарокова. Если германское правительство и германские власти признают, что по германским законам деятельность Орлова, совершаемая на территории Германии, не вредит Германии, это для нас означает, что покровительство террористам, белогвардейцам, международным жуликам, авантюристам и фальсификаторам, когда эта деятельность прямо направляется во вред, как это утверждают сами Орлов и Сумароков, Советскому Союзу, — признается не портящей отношений между СССР и

Германией даже тогда, когда деятельность этих международных аферистов протекает на территории Германии с ведома и покровительства германских официальных лиц.

Так ставит вопрос советская общественность. И иначе она его не может ставить после процесса Дружеловского и после того, как со времени этого процесса протек ряд лет и в течение этого ряда лет те же лица, разоблаченные процессом, продолжали ту же свою деятельность, в той же самой обстановке и под тем же самым покровительством.

Мы требуем не только гласного суда над ними по немецким законам, — мы требуем и прекращения того покровительства и укрывательства, которым пользовались международные фальсификаторы со стороны немецкого Полицей-Президиума.

Н. Крыленко.

Известия, 20.03.29 г.

ПРЕСТУПНИК ОРЛОВ И ЕГО СЛЕДОВАТЕЛЬ ЗИВЕРТ

Телеграф сообщил, что мастер фальшивых документов гражд. В. Орлов «пока что остается под стражей и что прокуратура продолжает выяснять вопрос, не совершил ли он каких-либо уголовно наказуемых деяний».

Поразительная формулировка! Казалось бы, что колоритная фигура Орлова, хорошо известная берлинскому Полицей-Президиуму, в частности его политическому отделу, так называемому Ейнц-А, не требует больших доказательств «уголовно наказуемости деяний» этого субъекта. Эти доказательства должны иметься в распоряжении германской полиции.

Мы понимаем, что г. Вейс не всегда явится достоверным и даже желательным свидетелем. Он может многое скрыть и не сказать не только всей правды, но даже частицы правды.

В руках берлинского прокурорского надзора также имеются или должны иметься данные, напечатанные в «Известиях» от 16 и 17 июля 1927 года, изобличающие Орлова в террористической деятельности, причем объектом террора был избран ряд советских работников, находившихся на территории Германии.

ОРЛОВ — ТЕРРОРИСТ

В «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» были напечатаны выдержки из собственноручно написанного показания Эльвенгрена. В них, между прочим, говорится:

> «Мы условились о конспирации и совместно с Савинковым, Дерепталем поехали в Берлин, причем я ехал под своим именем, а Савинков — по подложному паспорту. В Берлине мы с вокзала прямо поехали на квартиру монархического разведчика Орлова, который там состоял резидентом разведывательной организации Врангеля. Он же был в близкой связи и полной зависимости от офицера английской разведки Рейли. В царское время Орлов был где-то прокурором в Польше.
>
> На квартиру Орлова нас привез Савинков. Орлов был чрезвычайно услужлив и выразил готовность сделать все, что ему было указано, показывал нам разные альбомы и журналы бывшего сыскного отделения с фотокарточками и биографиями политических деятелей, целые коллекции фотографических карточек советских деятелей, причем заверял, что в смысле оружия, паспортов и сведений об адресах советских представителей он все может нам предоставить. Там же у него находились какие-то банки с ядами, бомбы и тому подобное. Савинков заказал ему пять револьверов, фотографические карточки Красина, Чичерина, Радека и Бухарина, а также сведения о них».

Тот же Эльвенгрен показывает:

> «Из наружных наблюдений мы к тому времени ознакомились с местонахождением советской делегации, и в нашем распоряжении в смысле подготовки было сделано следующее: имелись заготовленные для всех револьверы системы Маузера с тщательно отбитыми заботами Орлова номерами на них».

Далее Эльвенгрен описывает организованную им и

Савинковым форменную охоту за Чичериным, кончившуюся, к счастью, неудачей для савинковской компании.

Итак, имеется показание Эльвенгрена, опубликованное в 1927 году, об участии Орлова в террористическом заговоре. Имеются указания в официальном издании НКВД (в книге «Антисоветские подлоги», стр. 15) о личности Орлова.

> «Не менее видной фигурой и в мире контрразведчиков и творцов фальшивок, чем Гуманский и Зиверт, является В. Г. Орлов. Как и первые два, он также бывший офицер царской армии — начальник врангелевской разведки. Благодаря своему знакомству с комиссаром Полицей-Президиума Хеллером он вхож в кабинеты берлинского Полицей-Президиума. Но он занимается, как и вся прочая братия, не только информацией Полицей-Президиума, но и контрразведкой. Он обслуживает латвийскую контрразведку, находясь для этого в тесной связи с неким Покровским, корниловским разведчиком в Риге» (там же, стр. 15).

И что же предпринимается для выяснения террористической деятельности Орлова? Абсолютно ничего! Могут возразить, что показания Эльвенгрена, данные в ОГПУ, не являются достаточными для обвинения. Допустим на одну минуту, что это так. Но проверить, особенно принимая во внимание, что Орлов вхож в кабинеты Полицей-Президиума, — проверить все это нужно или нет? Такой проверки до сих пор сделано не было.

Точно кто-то считает, что покушения на советских деятелей организовывать можно безнаказанно.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШПИОНАЖА

Судившийся в военной коллегии Верховного суда СССР Дружеловский показывал, что он, Дружеловский, работал совместно с Орловым и Зивертом, сотрудником берлинского Полицей-Президиума.

Кто этот Зиверт? Бывший русский офицер, затем работник германской военной разведки, «во время осложнений в Руре он был в связи с рейнской комиссией через своего приятеля, французского капитана Меньер. Зиверт также был в связи с агентом польского представительства в Берлине, от которого он получал очень крупные суммы. Совсем недавно он выполнял определенные поручения латвийской разведки в Берлине» («Антисоветские подлоги», стр. 15). Словом, предательство является профессией этого господина.

Этот самый Зиверт направил Дружеловского к Орлову. У него, Орлова, Дружеловский проходил усовершенствованный курс разведывательных наук в целях работы на нескольких хозяев одновременно.

Орлов, находившийся в полной зависимости от английского разведчика капитана Рейли, одновременно работал на поляков, будучи связан с польским офицером Пациорковским, и одновременно имел деловые отношения с Вейсом. И немудрено, что через Вейса и Зиверта все секретные сведения Германского государства попадали в руки польской, английской и французской разведок. Ведь сотрудники Орлова любили деньги. Так, согласно показаниям Эльвенгрена, Зиверт (повторяем: сотрудник Полицей-Президиума) в период подготовки к террористическим актам на Чичерина и других получал от Савинкова довольно крупное вознаграждение за дачу нужных Савинкову сведений.

Орлов, Зиверт, Реттингер (резидент польской разведки), Пациорковский, Дружеловский и другие в центре Германии, в Берлине, организовали шпионаж, направленный против Германии. Из показаний Дружеловского явствует, что он, а также перечисленные выше лица обслуживали межсоюзническую контрольную комиссию. О таком обслуживании говорили и в немецкой прессе. В свое время, в 1925 году, «Берлинер Тагеблатт» указывала в статье «Фальсификаторы документов», что русские эмигранты выполняли постоянно шпионскую работу при межсоюзнической военно-контрольной комиссии и что, в частности, следует остерегаться Боткина и Дружеловского.

Дружеловского, судя по его показаниям, с фальшивками по

всем иностранным адресам направлял руководитель польской разведки Пациорковский. Он, Пациорковский, связал Дружеловского с майором французской армии Лораном и Вайо, имевшими очень близкое отношение к межсоюзнической контрольной комиссии. А если вспомнить, что Пациорковский, Орлов, Реттингер, Зиверт, Дружеловский были тесно связаны друг с другом и вместе с тем обслуживали страны Согласия, что Рейли (английский разведчик) именовался в кругах Орлова не иначе как «хозяин», то нужно прийти к заключению, что Орлов и Зиверт состояли в группе, обслуживающей военно-контрольную комиссию.

А какие сведения давались в межсоюзническую военно-контрольную комиссию, видно хотя бы из сообщений «Ганновер-Курьер», который в статье «фальсификатор документов» сообщает, что Дружеловский предлагал известным дипломатическим журналистам и иностранным кругам сведения о тайном вооружении и хвалился, что будто находится в наилучших отношениях с межсоюзнической военно-контрольной комиссией.

Надо признать, что благодаря этим господам, Орлову, Зиверту и К°, союзники вдоволь потешились кровью немецких трудящихся.

АНТИГЕРМАНСКАЯ ФАЛЬШИВКА

В середине 1925 года польский резидент в Берлине доктор Реттингер предложил Дружиловскому составить фальшивку о том, что крушение поезда в Данцигском коридоре было произведено немецкими коммунистами. При этом доктор Реттингер дал ему инструкцию, чтобы в основных положениях этого документа было указано, будто бы германские правые круги в лице правых националистов поручили своим членам в провокационных целях пролезть в коммунистическую партию Германии и под видом коммунистов произвести диверсию в виде крушения поезда в Данцигском коридоре. Во-вторых, что этот шаг правых якобы имел своею целью вызвать конфликт с Польшей, что шло вразрез с интересами германского правительства, в оппозиции которому они (правые) были. Вместе с тем этот документ послужил бы поводом для усиления репрессий против коммунистов.

Полицей-Президиум, узнав о подготовке такой фальшивки, арестовал Дружеловского, рассматривая данное дело, как самостоятельное преступление Дружеловского, а не преступление шайки, в состав которой входили Зиверт, Орлов, Пациорковский, Реттингер и прочие.

СОУЧАСТНИК ОРЛОВА — УЧАСТНИК СЛЕДСТВИЯ

Из материалов по делу Эльвенгрена и показаний его видно, что в подготовке покушений на советских деятелей принимал участие Г. И. Зиверт наравне с Орловым. Из материалов по делу Дружеловского и показаний его видно, что в организации шпионажа против Германии и в изготовлении фальшивок Г. И. Зиверт играл активную роль наравне с Орловым.

Зиверт служил одновременно в Полицей-Президиуме и в разведках различных государств. Зиверт выявил себя настоящим двурушником. При таких условиях участие Зиверта в следствии по делу, по которому сам Зиверт должен быть привлечен в качестве обвиняемого и арестован, является гарантией неправосудного разрешения дела. И немудрено, что прокурор безнадежно ищет улик, в то время как соучастник обвиняемых Зиверт имеет полную возможность уничтожать улику за уликой.

Приведенные факты, достоверность и правильность которых установлена, дают нам право говорить о том, что Орлов и Ко являются не обычной группой эмигрантов, контрреволюционеров, а что это — шайка международных авантюристов, работавших не только против ненавистного им СССР, но и против давшей им убежище Германской республики.

Р. Катанян.

ПИСЬМО ОРЛОВА В. Л. БУРЦЕВУ

17 августа 1930 года.

Глубокоуважаемый Владимир Львович!

В № 7 газеты «Общее дело», в статье «Всем, всем, всем!» (стр. 6), помещено обращение ко всем эмигрантским деятелям по поводу того, что «несмотря на то, что в эмиграции о многих деятелях циркулируют самые сомнительные сведения и слухи», — они не обращаются к доверенным лицам для того, чтобы расследованием их деятельности эти слухи опровергнуть.

Пользуясь случаем, я на основании параграфа 2 обращения редакции «Общего дела» покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Львович, не отказать взять на себя труд и произвести расследование о моей деятельности в эмиграции и о тех слухах, которые регулярно и сознательно пускаются обо мне советской прессой и агентурой (подделка документов, служба и связи с иностранной агентурой, авторство «письма Зиновьева» и пр.) и охотно поддерживаются некоторыми представителями эмиграции и беженства, которые уже от себя лично настаивают на моем сотрудничестве в ГПУ и прочих ком. учреждениях.

ГАРФ, ф. Р-5802, оп.1, д. 2222, л. 12.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Н. КРОШКО-КЕЙТ

Пишу это по давней просьбе той моей службы и для себя, в конце концов, теперь, когда после описываемых здесь событий минули годы и годы, мне и самому надо разобраться в своей судьбе — необычной и непростой, в том, что тогда было моей работой и жизнью. Так или иначе, буду писать правду, хотя кое-что в памяти моей померкло и другой раз приходится задумываться: а точно ли так это было? Но врать не буду. В чем не уверен, лучше вовсе не напишу или сделаю необходимые оговорки.

Я не могу без горечи и боли вспомнить о том, как я, сын крестьянки Воронежской губернии Анны Ефимовны Крошко, внук крепостного, после революции оказался в стане белых, среди людей, чуждых мне по политическим убеждениям и по своему социальному положению…

Дед мой, Ефим Крошко, после солдатской службы остался работать в 7-м запасном кавалерийском полку вольтижером. Полк стоял в Тамбове, там и жила вся многочисленная семья моего деда.

Мать моя совсем молоденькой девушкой сошлась с офицером этого полка Александровичем. Результатом этой связи и было мое появление на свет в ноябре 1898 года. Николай Евгеньевич Александрович попал на военную службу поневоле. Он был студентом Харьковского технологического института, принимал участие в революционном движении и, когда при Александре III вспыхнули студенческие волнения, был исключен из института и отдан в солдаты. Не выдержав муштры и тягот солдатской службы, он, как говорится, идейно разоружился, примирился с действительностью, пошел в военное училище и стал офицером.

Когда встал вопрос об узаконении его связи с моей матерью, это оказалось для него делом непростым и еще одним испытанием. Ему нужно было уйти из полка, так как офицер не мог жениться на крестьянке. Александрович снова поступился своей совестью — из полка не ушел и бросил мою мать. Деда в то время прогнали из вольтижеров, а я стал внебрачным ребенком, или, как тогда говорилось, «незаконнорожденным».

Дед с семьей переехал в Воронеж, служил сперва кучером, а состарившись, ночным сторожем.

В Воронеже мать сошлась с Валерианой Александровичем Бедряной, служившим тогда начальником вокзала Бедряна был женат, давно разошелся с женой, но в те времена получить разрешение на расторжение церковного брака было невозможно,

и мать жила с ним, как говорилось, вне законного брака. У них родились двое детей — мои сводные сестра Анна и брат Анатолий.

В 1904 году Бедряна перевелся в Полтаву, а затем в Киев, где он служил на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге. Получал он небольшое жалованье, детей было двое, а затем трое, и мать стала работать портнихой.

Бедряна был много старше моей матери. Умер он в 1922 году.

В связи с переездами из одного города в другой я поздно начал учиться. При поступлении в гимназию, да и в дальнейшем крестьянское происхождение и «незаконнорожденность» крайне тяжело отражались на мне.

Рос я, как говорится, сам по себе, но учился хорошо и кончил гимназию с серебряной медалью. Рано начал работать: давал уроки, служил в товарной конторе.

Читал я много, как многие мои сверстники, увлекался спортом, но жили мы беспросветно бедно, и уже в те годы я начал чувствовать антипатию к богатым, ко всякого рода властям, даже сам царь-батюшка не вызывал у меня восторга, как у некоторых моих сверстников. Истинный мой батюшка меня бросил, и этот ничего хорошего нашей семье не сделал. Но это еще не было моей политической позицией. И вообще, политическими вопросами я стал интересоваться, только когда началась мировая война. Поражения русской армии, позорные дела царской фамилии, Распутин и все такое прочее — вот что заставило меня думать, почему все идет не так, как надо.

В эти годы, семнадцатилетним, я сдружился со своими одноклассниками Федором Брауном и Леонидом Федоровым. Один брат Федора, Ленька, мой лучший дружок, был студентом, состоял в партии эсеров, другой брат тоже был связан с эсерами; их влияние, их восторженные рассказы о бесстрашии эсеров-боевиков и главного их террориста Бориса Савинкова завлекли меня к эсерам, затуманили мне голову и, в конце концов, забросили в эмиграцию.

В 1917 году, в бурные дни Февральской и Октябрьской революций, я было вырвался из эсеровского дурмана, начат читать марксистскую литературу, увлекся Плехановым, бегал на митинги, где выступам большевистские ораторы, но в 1918 году, когда в Киев пришли немцы, опять попал в объятия своих старых друзей и под их влиянием поехал на Дон, где находился тогда их «вождь» — Борис Савинков. Там, присмотревшись к деникинцам, разобравшись, за что они воюют, я сбежал от них и вернулся в Киев, к которому в это время подходила Красная Армия. Тут бы мне и остаться, но, снова поддавшись влиянию друзей, я уехал в

Одессу, а в декабре 1919 года на английском пароходе — в Салоники, а затем перебрался в Югославию.

Жизнь там вызывала горькие мысли: как и зачем я сюда попал? Через несколько месяцев мне, как и другим эмигрантам, предложили поехать в Крым, к Врангелю, в случае отказа угрожали лишением пособия. Большинство поехало, и лишь немногие, в том числе и я, отказались — мы не хотели участвовать в братоубийственной войне. Нас сразу лишили пособия, пришлось продать все, что было. Приходилось голодать, чтобы не умереть с голоду, пришлось работать уборщиком.

Через некоторое время в Белграде появился мой «злой ангел» — Ленька Федоров, приехавший из Польши в составе миссии от Бориса Савинкова вербовать людей в «настоящую революционную армию освобождения России от большевиков». Я опять поддался ему и поехал.

Пока я добирался до Варшавы, формирование «армии освобождения» прекратилось. Федоров сперва приютил меня у себя в гостинице, где он занимал прекрасный номер. Жили мы, как говорится, по-царски, в свое удовольствие. Но вскоре я ему надоел, и он выставил меня, устроив в офицерский эмигрантский лагерь. Он же состряпал мне офицерские документы, чтобы я мог быть с полным правом помещен в этот лагерь. Так я и сделался поручиком Крошко.

Через пару месяцев Федоров вызвал меня из лагеря для работы в оперативной группе савинковской организации. Возглавляли эту группу Виктор Савинков — брат Бориса — и полковник Перхуров (один из руководителей ярославского мятежа). Непосредственными моими начальниками были капитан Гомолицкий и полковник Самсонов. Как я позже выяснил, Гомолицкий был агентом французской разведки, а Самсонов — английской. Раньше Самсонов был начальником контрразведки в Архангельске.

Вскоре вместе с капитаном Гомолицким я выехал во Львов, где в экспозитуре 2-го отдела польского генштаба нам оформили документы на право пребывания в пограничной зоне и перехода через границу в так называемую нейтральную зону (граница с Советским Союзом не была тогда еще демаркирована, и на советскую сторону мы ходили с целью переброски туда антисоветской литературы и для сбора информации, интересующей польскую разведку). Затем мы с Гомолицким из Львова переехали в Сарны. Там Гомолицкий остался, а я выехал в погранзону в Олевск, откуда начал добывать информацию о положении в «большевистском аду» и искать связи с полезными людьми на советской территории. Однако очень скоро я убедился,

что никакого «большевистского ада» нет, народ твердо стоит за Советскую власть, перебрасываемая нами тогда антисоветская литература никем не читается, а передается в погранпосты войск ОГПУ. Население в погранзоне настроено враждебно против польских панов и помогает советским пограничникам, поэтому никаких связей мне наладить не удалось.

При очередной встрече с Гомолицким я осторожно высказал ему свои впечатления, а он на это сказал мне, что я ничего не понимаю, что только погранполоса усеяна агентами ОГПУ, а дальше от границы все только и ждут, когда будет свергнуто «большевистское иго».

Но тут последовало неожиданное: поляки выслали Гомолицкого из Сарн. Позже я узнал причину этого. Оказалось, что Гомолицкий получаемую от меня и других своих агентов информацию для польского генштаба и Виктора Савинкова передавал (конечно, за деньги) в разведывательный отдел французской военной миссии в Варшаве.

Бесцельно, без руководства, проболтавшись несколько недель в погранзоне, я выехал в Варшаву, но там получил приказ немедленно вернуться назад, так как «назревали крупные события». Этим событием явилась переброска на советскую территорию банды Тютюнника, организованой экспозитурой 2-го отдела польского генштаба. Я не принимал никакого участия в этой авантюре и стал свидетелем полного разгрома этой банды, что окончательно убедило меня в том, что народ стоит за Советскую власть, за большевиков, за Ленина и все, что я до сих пор делал, является не чем иным, как преступлением против своего народа, и что Борис Савинков враг и предатель своего народа.

Из трофеев разгромленной тютюнниковской банды мне попали в руки приказы, инструкции и другие документы советской погранзаставы. С этим «багажом» я вернулся в Варшаву, чтобы передать его полковнику Перхурову в савинковскую организацию. Но я этого не сделал, и вот почему: я показал эти документы одному из подручных капитана Гомолицкого — капитану Насонову, рассказав ему о разгроме банды Тютюнника. Заодно рассказал и о настроениях народа в Советском Союзе и высказал ему свое мнение о бессмысленности и беспринципности борьбы с большевиками, ибо бороться нам, русским офицерам, против большевиков — значит бороться против России. В свою очередь я попросил объяснить мне историю с высылкой Гомолицкого. Насонов рассказал мне, что Гомолицкий всю разведывательную информацию не сдавал людям Савинкова, а продавал французам. Он посоветовал привезенные с границы

материалы отдать не Перхурову, а ему, Насонову, а он найдет им место.

Мои настроения в отношении борьбы с большевиками Насонов поддержал. Сказал, что я прав — верить в Савинкова глупо и вообще надо кончать все эти бессмысленные дела. Тогда я отдал ему документы, а он отнес их во французскую миссию, ибо он сам, оказывается, промышлял тем же, что и Гомолицкий, то есть работал на французов.

На следующий день у меня произошел страшный скандал с Перхуровым и полный разрыв с братьями Савинковыми.

Вскоре я познакомился с приехавшими в Варшаву представителями атамана Краснова, которые предложили мне вернуться на границу. Я от этого предложения отказался. В результате остался совершенно не у дел и без денег.

Находился я тогда в состоянии полной депрессии, не жил, а существовал, не представлял себе, как дальше жить и для чего. Однажды я поделился своими черными мыслями с неким поручиком Шпеером, тоже киевлянином, с которым я был знаком по савинковской организации. Выяснилось, что он тоже находится в таком же подавленном состоянии, как и я. С савинковцами он порвал еще раньше меня, и у него созрело решение идти в советское посольство и просить разрешения возвратиться на Родину.

Прошло несколько недель, в течение которых я часто встречался со Шпеером. Он убеждал меня тоже покончить с сомнениями, возвращаться на родину. А однажды он сказал мне, что он уже был в посольстве и ему разрешают вернуться на родину, в Киев, и сообщил, что он говорил обо мне в посольстве и меня там примут.

На другой день я пошел с ним в советское посольство, где, к моему удивлению, меня принял не рядовой сотрудник посольства, а сам советник посольства Кобецкий. Из этого я понял, что Шпеер, очевидно, подробно рассказал обо мне, о моих связях и поэтому ему было поручено привести меня.

Кобецкий принял меня очень любезно, внимательно выслушал, но на мою просьбу отправить меня на родину с первой же группой возвращенцев ответил, что мне будет дано разрешение вернуться на родину при определенных условиях, а пока предложил тут же в его кабинете подробно написать о себе, об антисоветской деятельности и о моих связях и знакомствах в Варшаве.

Писал я часа три. Написал много, ничего не утаивая, не щадя себя. Кобецкий предложил мне зайти через несколько дней.

Через несколько дней я пришел в посольство без Шпеера и

снова был принят Кобецким. На этой встрече присутствовал еще один товарищ. Мне предложили подробно написать о савинковской организации в Варшаве, о ее взаимоотношениях с французской миссией и 2-м отделе польского генштаба, об их агентурной сети в пограничной полосе, в районе Сарн, Ровно, о деятельности эсера Кароля Вензьягольского, о представителе Краснова генерале Дьячкове, о полковнике Самсонове, то есть обо всем, что я тогда знал.

Просидел несколько часов в посольстве, написал исчерпывающую информацию. Закончив ее, спросил, как решен вопрос о моем возвращении на родину. Мне сказали, что я много знаю, у меня большие связи и знакомства и я кажусь им подходящим человеком для нужней и ответственной работы. Прежде чем вернуться на родину, я должен поработать, заслужить право на возвращение и таким образом искупить свою вину перед Советским правительством. Я посчитал это условие вполне закономерным и согласился.

Вот так я начал в 1922 году свое сотрудничество с советской разведкой за границей. Мне было предложено собирать информацию о деятельности савинковцев и других активных белоэмигрантских группировках в панской Польше.

Савинковская организация в это время находилась в состоянии полного разброда. Сам «вождь» Борис Савинков уединился и не проявлял никакой активности. Виктор Савинков и Перхуров, Португалов и другие еще рвались к борьбе, вернее сказать, к польским и французским субсидиям. Этим разбродом среди савинковцев старались воспользоваться другие белоэмигрантские группировки, чтобы вытеснить савинковцев и стать на их место у кормушки.

Этого же добивались деникинский генерал Бредов, представитель атамана Краснова генерал Дьячков, небезызвестный командир волчьей сотни есаул Яковлев, остатки антоновцев, перешедшие в Польшу после разгрома мятежа.

Мои взаимоотношения с савинковцами были испорчены, поэтому я решил закрепить отношения с красновскими представителями — генералом Дьячковым и полковником Самсоновым. Через них я и начал собирать информацию. Получаемую информацию я передавал на назначаемых встречах.

Примерно через месяц генерала Дьячкова в его попытках вытеснить савинковцев постигла неудача, и поляки выслали его в Данциг (бывший тогда самостоятельным «вольным городом»). В связи с этим мои возможности получения информации ухудшились. Кроме того, Перхуров натравил на меня польскую дефензиву, и я почувствовал наблюдение за собой. Я доложил об

этом, и было решено, что мне надо вслед за генералом Дьячковым ехать в Данциг и там собирать информацию о деятельности генерала Глазенапа, его агентах в Латвии и Литве и, конечно, о генерале Дьячкове.

Однако выехать сразу мне не удалось. Мои посещения советского посольства были выслежены агентами дефензивы, и я был арестован. Допрашивал меня сам начальник дефензивы Спарский. На допросе я заявил, что ходил в посольство по заданию генерала Дьячкова Меня несколько раз били крепко, как это было принято в польской дефензиве, но я твердо стоял на своем. Тогда Спарский заявил, что меня отправят в Данциг к Дьячкову.

Под конвоем двух жандармов я был выслан в Данциг, что меня, конечно, устраивало. Прибыв в Данциг, я явился к генералу Дьячкову и рассказал ему, что меня, как его приближенного, по интригам савинковцев тоже выслали в Данциг, что и было принято этим неумным казачьим генералом за чистую монету.

Генерал Дьячков познакомил меня с генералом Глазенапом, и я начал собирать сведения о его деятельности, его связях. Прошло около двух месяцев, мне удалось собрать интересный материал, а связного все не было. Я не знал, что делать: в Польшу дорога была закрыта, представительства СССР в Данциге не было, генерал Дьячков уехал в Париж, деньги у меня кончались… Поэтому решил нелегально, через польский коридор перебраться в Германию и в Берлине связаться с советским посольством. Собранные материалы я решил уничтожить, так как опасался, что при нелегальном переходе польского коридора и немецкой границы могу быть задержан.

Благополучно перебравшись в Германию, я добрался до Берлина и после устройства пошел в советское представительство и попросил отправить меня в Советский Союз. После продолжительной беседы мой собеседник заявил, что мое сообщение нужно проверить в Москве, и предложил мне зайти через несколько недель, а пока ознакомиться и постараться войти в активные белоэмигрантские группировки в Берлине.

Прошло около месяца, пока меня снова принял знакомый мне товарищ Бронск. За это время я постарался завести знакомства с эмигрантскими кругами в Берлине. Он заявил мне, что возвращаться в Советский Союз рано и я должен продолжать работать на советскую разведку. После этого меня Бронск познакомил с другим товарищем (Бобровым), с которым я должен был держать связь.

Передо мной была поставлена задача проникнуть в руководящие центры активных белоэмигрантских группировок,

выяснить их возможные связи в Советском Союзе, их отношения с иностранными разведками и политическими организациями. Задача была трудная. Для эмигрантских кругов и их вожаков я был неизвестной личностью, в Берлине я никого не знал и меня никто не знал, и мне стоило немалых трудов и времени, чтобы закрепиться в какой-либо группировке.

Месяца через два я познакомился с бывшим офицером царского флота Павловым. В прошлом аристократ, он имел тесные связи и политическую и материальную поддержку со стороны крайне правых членов прусского ландтага — графа Ревентлова, Кубе и Вулле (в дальнейшем крупных деятелей гитлеровской партии националистов).

При поддержке этих лиц Павлов организовал группировку национал-социалистского типа под названием «Братство белого креста», и вокруг Павлова группировались молодые офицеры, разочаровавшиеся в старых вождях — Деникине, Врангеле и в правомонархических группировках.

Мне, как недавно прибывшему из пограничной с Советским Союзом полосы, переходившему границу и имевшему якобы «связи по ту сторону», постепенно удалось войти к нему в доверие и сделаться ближайшим его помощником.

Под прикрытием «Братства белого креста» я смог завязать знакомства и связи в руководящих центрах активных белоэмигрантских группировок, получать от них интересующую наши разведывательные органы информацию и освещать их деятельность.

Лейтенант Павлов являлся вождем и идеологом «Братства белого креста», сочинял антисоветские брошюры и листовки, которые я по своим «связям» должен был перебрасывать в Советский Союз. Получаемые брошюры и листовки я прямо из типографии передавал связанным со мной сотрудникам нашей разведки.

Затем со мной работал еще один товарищ, Василий Смирнов. Это был умный и чуткий руководитель, он многому меня научил и сыграл важную роль в моем политическом развитии. Под его руководством я весьма успешно развернул работу по расширению своих знакомств и связей и стал получать интересную информацию о деятельности антисоветских белоэмигрантских группировок.

Основными группировками правого крыла эмиграции были сторонники «блюстителя престола» — бывшего князя Кирилла Владимировича, затем шли приверженцы бывшего князя Николая Николаевича, а затем уже группировки Деникина, Врангеля, Кутепова. Значительными были группировки кадетов, издававших

в Берлине свою газету «Руль», остатки эсеров, сильно подорванные в связи с переходом Б. Савинкова в Советский Союз, и, наконец, эсдеки, представлявшие большой интерес вследствие своих связей с эсдеками, оставшимися в Советском Союзе и работавшими в советских учреждениях. Особо держались петлюровцы, украинские эсдеки и грузинские меньшевики.

Среди всех этих эмигрантских группировок царила свирепая грызня. Все обвиняли друг друга в политических ошибках, приведших к разгрому белого режима, каждая группировка заявляла, что только она имеет рецепт спасения России от «большевистского ига», все старались завоевать доверие иностранных разведок, политических организаций и правительств и, главное, получить от них деньги и поддержку в борьбе с «большевиками».

В этой грызне использовались все средства, какие только возможны, вплоть до слежки друг за другом. Используя такую обстановку, я сумел наладить получение информации о деятельности самых различных эмигрантских группировок и отдельных интересовавших нашу разведку лиц.

Мне сперва было поручено работать против правого крыла эмигрантских группировок, как наиболее активного и пользующегося поддержкой иностранных разведок и политических организаций. Кроме того, разработке правых группировок способствовало мое руководящее положение в «Братстве белого креста», занимавшего крайне правые позиции национал-социалистского толка. Это было ново и эффектно.

На каждой встрече я получал от товарища Василия все новые и новые задания по освещению деятельности отдельных лиц. Информацию я делал в форме донесений, а иногда делал устные доклады. Через меня прошло такое количество заданий, имен и фамилий, что запомнить и восстановить все это теперь, через много-много лет, очень трудно. В памяти остались только немногие лица и факты. Часть информации собирал сам, а большую часть получал через приверженцев «Братства белого креста» и их приятелей, связанных с другими эмигрантскими группировками.

Так постепенно я создал, так сказать, свою сеть, собиравшую мне обширную информацию. Это было очень удобно и к тому же ни копейки не стоило.

Одной из крупных операций, проведенных мною под руководством товарища Василия, было изъятие документов из помещения военной миссии Деникина — Врангеля в Берлине. В этом помещении проводились офицерские занятия по тактике. Я принял деятельное участие в организации и проведении этих

занятий. Снял слепок ключей от входных дверей и сейфов, по которым были изготовлены их дубликаты.

В ночь с субботы на воскресенье я проник в помещение и изъял два или три чемодана с документами. На улице меня ждал товарищ Василий с машиной. Он отвез все документы, сфотографировал их, а к утру я уложил все документы на место.

В этот период времени товарищ Василий уехал, а связь со мной стала поддерживать молодая женщина, товарищ Зося. Фамилию ее я забыл, знаю только, что она вскоре умерла в Москве от чахотки.

Продолжалась текущая работа по сбору информации об эмигрантах. Одной из крупных операций было изъятие документов из квартиры французского военного агента полковника фон Ляшпе. Товарищ Зося сфотографировала их, после чего я водворил их на место.

В связи с активизацией антисоветской политики французского правительства и усилением помощи белогвардейским организациям меня направили в Париж. Туда же выехала и товарищ Зося. Через Гучкова, Брешко-Брешковского и Гомолицкого я собрал необходимые сведения, и в частности о натиске со стороны французских органов на поляков с целью оказания поддержки кутеповским агентам в Польше.

Через Казым-Бека я собрал материалы о деятельности кирилловцев. Под предлогом безденежья я устроился на несколько дней у него на квартире и сфотографировал все документы и переписку, хранившуюся у него как у секретаря Кирилла Владимировича Материалы я передал товарищу Зосе и вернулся в Берлин. Здесь продолжалась текущая работа по сбору информации, «переброска» брошюр и листовок «Братства белого креста», наблюдение за отдельными лицами. В это время немецкие связи Павлова сильно уменьшились, немцы потеряли интерес к Павлову и его «братству», перестали субсидировать его. Личные его средства, а они были немалые, тоже понемногу иссякли. Богатые эмигранты жили широко, надеялись, что вот-вот вернутся в освобожденную от большевиков Россию. Павлов вынужден был подрабатывать себе на жизнь, сделавшись шофером.

Вскоре я серьезно заболел, перенес операцию и на два с половиной месяца выбыл из строя. Мою работу, видимо, ценили, считали нужной и успешной. Когда же я заболел, крепко меня поддержали, так как лечение за границей стоит дорого.

После болезни на условленную явку ко мне пришел связной — заместитель начальника ИНО Логинов-Бустрем. Я подробно доложил ему о моем положении в эмигрантских кругах, связях и

знакомствах и перспективах дальнейшей работы. Был разговор и об упущенных возможностях в Германии.

Шел 1925 год, положение в Германии стабилизировалось, и теперь взять немцев, как говорится, голыми руками и думать было нельзя. Теперь нужны были большие деньги, время и упорная настороженная работа. На нацистскую партию по-прежнему серьезного внимания не обращали, хотя еще были возможности организовать работу против гитлеровцев.

От Логинова я получил задание постараться проникнуть в белоэмигрантскую организацию «Братство русской правды». Эту организацию возглавлял бывший следователь по особо важным делам царского правительства В. Орлов. Он раньше был во главе контрразведки у Врангеля. Это был умный и опасный враг.

Орлов был связан с английской, французской и немецкой разведками. В берлинской полиции у него была связь с начальником отдела политической полиции (доклад Бартельса), в рейхскомиссариате у него был свой человек, прибалтийский немец Зиверт, в разведке рейхсвера — ближайшие сотрудники начальника отдела разведки полковника Николаи — майоры Лизер и Рау.

Орлов был знаком с известным английским разведчиком Сиднеем Рейли и некоторыми его начальниками, во Франции у него были давние связи со 2-м отделом генштаба «Сюрте женераль».

«Братство русской правды» имело своих представителей в Латвии. В Риге представителем «братства», то есть Орлова, был поручик Покровский, тесно связанный с латвийской охранкой, разведкой и эсерами.

В Финляндии — в Хельсинки и Выборге у Орлова были также доверенные люди (фамилии их, к сожалению, я не могу припомнить), тесно связанные с политической полицией, разведкой генштаба и организацией шюцкоров. Он имел личные связи с начальником политической полиции Саариярви.

Были у Орлова свои люди и в Харбине, связанные с японцами и полицией Манчжоу-Го. Он имел, как уже отмечаюсь, личные связи с начальником политической полиции Саариярви, а через него и Ееско Рисики, бывшим тогда министром полиции.

Орлов был организатором фабрики антисоветских и антикоммунистических фальшивок, принесших много вреда Советскому правительству и коммунистическому движению за границей. Он был, в частности, автором фальшивки о якобы подготовлявшемся взрыве собора в Софии, приведшей к аресту многих болгарских коммунистов.

Из орловской фабрики вышло известное «Письмо

Коминтерна», Орлов же снабжал английскую разведку фальшивками, способствовавшими налету английской полиции на Аркос. Он приложил руку и к налету немецкой полиции на торгпредство в Берлине.

Деятельность Орлова по изготовлению фальшивок продолжалась много лет. По заказам иностранных разведок Орлов «добывал» для них, то есть изготовлял, «директивные письма ОГПУ и Коминтерна» и другую липу, послужившую, однако, основанием для крупных антисоветских провокаций. Возле него терся и уже упомянутый выше подонок Дружеловский.

Особенно успешно Орлов развернул свою фабрикацию фальшивок, когда связался с предателем Яшиным (он же Сумароков-Павлуновский). Этот предатель был сотрудником в представительстве УССР в Берлине (тогда было такое представительство). Его через своего агента немку Дюммлер обработала немецкая полиция, и он сбежал, захватив с собой много документов, которые постепенно сбывал немецкой полиции. Яшину-Сумарокову дали паспорт на имя Павлуновского.

Когда выкраденные подлинные документы были проданы, Павлуновский скооперировался с Орловым по изготовлению фальшивок. Павлуновский передал Орлову некоторые подлинные советские документы, с которых были скопированы бланки, штампы, подписи и печати. Поэтому эти фальшивки воспринимались как достоверные.

О размахе этого «бизнеса» можно судить по тому, что на доходы от своей фабрики фальшивок Орлов приобрел большое имение в Мекленбурге. У него были фото— и химлаборатория, пишущие машинки с различными шрифтами, десятки штампов и печатей, огромная картотека на советских работников и т. д.

Под предлогом установления контактов я познакомился сначала с полковником Кольбергом, а затем и с Орловым, который знал обо мне как об одном из руководителей «Братства белого креста» и о моих связях в Советском Союзе через Польшу. Поэтому Орлов охотно пошел на знакомство со мной. Начались встречи, беседы о совместной борьбе с большевиками, о связях «по ту сторону». Последние больше всего интересовали Орлова, да и не только его. Все эмигрантские группировки только об этом и думали, тем более что большинство из их руководителей уже превратились в платных агентов иностранных разведок. А крепких связей с людьми в Советском Союзе ни у кого не было, хотя имелись адреса, фамилии.

Постепенно я начал входить в доверие к Орлову, но к своей фабрике фальшивок он меня долго не подпускал. Для этого потребовалось приложить усилия. Это был не недоверчивый

аристократ лейтенант Павлов, не болтун Брешко-Брешковский, не «министр» Гучков, от которого выуживал интересующую нашу разведку информацию, не восторженный секретарь «блюстителя престола» Казым-Бек, а умный и хитрый разведчик, бывший следователь по особо важным делам.

Несмотря на это, я понемногу узнал о его связях в Финляндии, познакомился с его представителем в Латвии — Покровским, а через Кольберга получил сведения о намечавшемся переходе через финскую границу английского разведчика Сиднея Рейли.

В 1925 году в Берлине появился упоминавшийся мною ранее английский агент полковник Самсонов, а затем из Швеции приехал его брат есаул Самсонов, который устроился заведующим большим автогаражом, принадлежавшим ростовскому миллионеру Парамонову. Парамонов до революции издавал в Ростове газету «Приазовский край», владел мельницами, пароходами и шахтами в Донбассе.

В эмиграции Парамонов являлся виднейшим членом «Союза промышленников». Этот «Союз промышленников» имел реальные связи со старыми специалистами, работавшими на советских предприятиях и в советских учреждениях. Они часто приезжали в командировки в торгпредство в Берлин, так как тогда Советский Союз наиболее активные торговые отношения поддерживал с Германией.

Торгово-промышленный союз и, в частности, Парамонов являлись организаторами и вдохновителями диверсий на советских предприятиях и имели прямое отношение к делу шахтинских вредителей.

Я получил задание собрать сведения о деятельности Парамонова и выявить его связи в Советском Союзе. Через братьев Самсоновых мне удалось собрать довольно интересный материал о деятельности и связях Парамонова.

Затем последовала разработка редакции газеты «Руль», издававшейся в Берлине одним из вождей партии конституционных демократов (кадетов) Набоковым. Нужно было установить источники получения газетной информации из Советского Союза. Через своих осведомителей из числа приверженцев «Братства белого креста» я собрал нужную информацию.

Я продолжал разработку Орлова и его «Братства русской правды», «перебрасывал» в Союз листовки «Братства белого креста».

После товарища Смирнова я находился на связи у Михаила Горба, который предложил мне срочно выехать в Париж,

встретиться с тем же Смирновым. В Париже я получил от него задание выехать в Ниццу, установить там связи с местными эмигрантами и выяснить планы и намерения якобы созданной там террористической группы.

Получив рекомендательные письма от Гучкова и Казым-Бека, я выехал в Ниццу. В эмигрантских центрах в Ницце я выяснил, что ничего серьезного и конкретного по подготовке террористических актов у них нет. Это подтвердилось в дальнейшем. Вернувшись в Париж, я доложил товарищу Виктору о результатах поездки по его заданию, собрал информацию о деятельности грузинских меньшевиков в Париже и вернулся в Берлин. Здесь мне дал задание т. Михаил выехать в Гамбург и выяснить намерения эмигрантов и немецкой полиции по организации провокации против сотрудников Дерутра (германо-советского транспортного агентства). Выяснив, что ничего серьезного там тоже не планируется, я вернулся в Берлин.

Мои связи с «Братством русской правды» и Орловым постепенно укреплялись, я стал получать все более и более обширную информацию о его деятельности и связях с разведкой рейхсвера, с берлинским Полицей-Президиумом и разведкой рейхсвера майорами Лизером и Рау, Бартельсом из Полицей-Президиума и Зивертом из рейхскомиссариата общественного порядка и безопасности, а также о его финляндских связях. Однако к своей фабрике фальшивок Орлов меня все еще не допускал.

На одной из встреч на квартире Орлова, изрядно выпив, он утерял свою обычную осторожность, начал хвалиться своими связями. Орлов заявил, что деятельность агентов ОГПУ в Берлине находится под наблюдением полиции и разведки рейхсвера и что ему предоставлена возможность знакомиться с этими материалами и, в частности, он знает, кто сейчас является резидентом ОГПУ в Берлине. Я подзадорил Орлова, выразив свои сомнения. Тогда он заявил, что покажет мне кое-что и это рассеет мои сомнения. Можно представить себе мое удивление и беспокойство, когда Орлов показал мне фотокарточку товарища Михаила и заявил, что это Червяков — секретарь советского Полпредства и резидент ОГПУ. Из дальнейших разговоров я понял, что многого Орлов не знает и, во всяком случае, я не расшифрован, иначе Орлов не стал бы мне об этом рассказывать. В дальнейшем я выяснил, что Полицей-Президиум снабжает Орлова фотокарточками и данными на всех ответственных сотрудников берлинского Полпредства и торгпредства, официально регистрируемых в германском министерстве иностранных дел и Полицей-Президиуме.

На следующий же день я срочно по условленному паролю позвонил в Полпредство, вызвал своего товарища Михаила на внеочередную встречу. По тому, что я не подошел к нему, товарищ Михаил понял, что произошло что-то серьезное. Мы долго колесили по городу и, наконец, запутав следы, встретились. Я рассказал ему о том, что слышат от Орлова. Вскоре, в связи с явным провалом, Михаил был отозван в Москву. На этой встрече мы договорились, что связь с ним я прекращаю и буду ждать условленного вызова по телефону. Недели через две по паролю меня вызвал на явку приехавший в Берлин заместитель начальника ИНО А. В. Логинов. Я доложил Логинову о положении с разработкой Орлова, о других моих связях, о положении «Братства белого креста» и других эмигрантских группировках. Я сообщил также, что мои акции в эмигрантских кругах падают, мои «связи по ту сторону» ставятся под сомнение, вокруг меня возникает атмосфера недоверия и подозрительности. Только у лейтенанта Павлова я, как говорится, на коне, но так как его «Братство белого креста» само потускнело и перспективы для дальнейшей работы неважные, не пора ли мне возвратиться на родину, тем более что я сильно измотался и чувствовал себя плохо. Но беседовавший со мной товарищ Логинов сказал, что, пока я еще не расшифрован и добываю нужную информацию, надо продолжать работать, а для укрепления моего положения в эмигрантских кругах надо что-то придумать. На следующей встрече он предложил мне, используя финские связи Орлова, организовать мой нелегальный переход в Советский Союз через финско-советскую границу, пожить немного в Москве и, вернувшись назад, разафишировать свою поездку, свои связи с «организацией» в Советском Союзе. Это, конечно, подымет мой авторитет среди эмигрантских кругов. Поездку в Финляндию необходимо использовать для разработки связей Орлова в Хельсинки и Выборге. На этой же встрече я получил описание внешности товарища, с которым буду держать связь, и место, где должен с ним встретиться. Решение было принято, и я начал проводить его в жизнь.

Встреча с новым товарищем произошла через несколько дней в одном маленьком кафе. Это был товарищ Иван (Иван Васильевич Запорожец, помощник начальника ИНО). Как обычно, на встрече я получил новые задания по разработке отдельных лиц и сбор интересующих нашу разведку сведений. Через свои связи и знакомства я собирал информацию и одновременно подготовлял свою поездку в Финляндию. С этой целью я сочинил для Павлова и Орлова историю о полученных мною через Польшу сведениях о расширении деятельности «наших людей» в Советском Союзе и

желательности установления с ними прямой связи, то есть поездки в Советский Союз. Имея в виду мои прошлые неприятности с польскими властями из-за генерала Дьячкова, переход границы при помощи моих связей через польскую границу был невозможен. Поэтому, с согласия Павлова, я обратился к Орлову с просьбой организовать мой переход в Советский Союз через финско-советскую границу, так как у меня есть явка в Ленинграде.

После некоторых колебаний Орлов дал мне рекомендательные письма в Хельсинки к начальнику политической полиции Саариярви и к своему представителю в Выборге. Павлов дал мне адрес своей тетки в Севастополе. В ноябре 1925 года через Стокгольм и Турку я приехал в Хельсинки, где меня, заранее предупрежденный Орловым, очень любезно принял начальник политической полиции Саариярви.

Через несколько дней я выехал в Выборг, связался с представителем Орлова, а он в свою очередь представил меня уполномоченному разведотдела финского генштаба. Этот человек и должен был организовать переброску меня через границу.

Пребывание в Хельсинки и Выборге, конечно, я использовал для сбора информации о составе эмигрантских группировок, их связях с финнами, их деятельности в пограничных районах и, конечно, об их связях в Советском Союзе. Как финны, так и эмигрантские группировки были удручены «гибелью при переходе границы английского разведчика Сиднея Рейли» (наша пресса сообщила тогда, что при попытке перейти границу Рейли был убит). В Выборге меня вооружили, дали советские документы. Вместе с капитаном финской разведки я выехал в Терриоки, откуда двумя проводниками был переброшен через границу. Предварительно мы договорились о дне, часе и месте обратного перехода. Меня должны были встретить те же проводники.

Переход границы произошел не совсем гладко. Раза два чуть не напоролись на наши патрули. Проводники уже готовились к перестрелке. Сложись такая ситуация, мое положение было бы тяжелое: или получить пулю от наших пограничников, или пристрелят проводники, если заподозрят меня. Пришлось уходить от пограничников по руслу реки, а вода была ледяная, шел снег, и я отчаянно простудился.

Перешли границу благополучно. Проводники ушли обратно, а я пошел в сторону Сестрорецка, там меня задержали и для проверки документов препроводили в штаб погранотряда, где я назвал сообщенную мне в Берлине фамилию уполномоченного ИНО при ПП ОГПУ в Ленинграде, куда меня немедленно доставили. Отдохнув до вечера, я выехал в Москву. Там меня на

вокзале встретил товарищ Горб.

Поселили меня в гостинице «Балчуг», где и происходили мои встречи с товарищем Логиновым, Горбом и Запорожцем. Я составил обширный доклад о проделанной работе в Финляндии, о деятельности эмигрантских группировок в Хельсинки и Выборге, их связях с политической полицией и финской разведкой, о составе и людях, работавших на погранзаставе, откуда проводилась моя переброска через границу.

Несколько дней я прожил в Москве, с жадностью знакомился с ее кипучей жизнью, словом, начат, наконец, по-настоящему жить. У меня было такое состояние, как будто бы я вновь родился, что мои политические грехи зачеркнуты и я стал советским человеком, приносящим посильную пользу своей стране, своему народу.

Как было обусловлено с Павловым, я должен был выехать в Севастополь для свидания с его теткой. Мне очень хотелось заехать в Киев, повидать свою мать, сестру и братишку, и я получил разрешение на эту поездку. На случай неожиданных встреч я должен был представляться работником немецкой фирмы, приехавшим в Москву по торговым делам.

По приезде в Киев я немедленно связался с ПП ОГПУ Западным и его заместителем Кривцом, которые были предупреждены о моем приезде. Мать моя, простая женщина, рада была увидеть меня живым и здоровым и никаких ненужных вопросов не задавала. Сестра уже работала в немецком консульстве. Это меня, конечно, обеспокоило. При встрече с полномочным представителем Западным я высказал свое беспокойство по этому поводу, однако он сказал мне, что все в порядке и беспокоиться мне нечего. По его просьбе я дал сведения о ряде известных мне лиц, работавших в польской разведке на участке границы Ровно — Олевск.

В город я выходил редко, сидел дома у матери, но однажды на улице я столкнулся нос к носу с неким Тоцким, агентом польского генштаба в Ровно. Тоцкий очень растерялся, начал рассказывать, что он «возвращенец», и, сославшись на дела, быстро распрощался. На улице было мало народу, и мне, принимая во внимание мой рост (около двух метров), стоило большого труда проследить, куда пошел Тоцкий. Об этой встрече я немедленно доложил Западному. Тоцкий был взят под наблюдение и впоследствии арестован.

Прожив несколько дней в Киеве, я выехал в Севастополь к тетке лейтенанта Павлова. Эта женщина, бывшая богатая аристократка, оказалась старухой без интересных связей и знакомств. Я передал ей письмо от Павлова, получил от нее

письмо к нему и в этот же день выехал в Киев. Здесь я прожил еще дня три и вернулся в Москву, так как приближаюсь время моего обратного перехода в Финляндию.

В Москве я был представлен заместителю председателя ОГПУ М. А. Трилиссеру, подробно доложил ему об условиях работы, моих связях и знакомствах и дальнейших перспективах моей разведывательной работы за границей. В частности, я пожаловался на отсутствие надежного прикрытия материальных источников моего существования за границей.

Через несколько дней меня познакомили с Андреем Павловичем Федоровым, работавшим тогда в КРО. Федорову было поручено организовать переброску меня на границу в условленное место для встречи с финскими агентами-проводниками. Вместе с Федоровым я выехал в Ленинград, откуда меня подбросили к условленному месту, где я и встретился с проводниками. Переход границы прошел спокойно, так как посты и патрули на этом участке на время перехода были сняты.

В Москве меня снабдили большим количеством не имевших значения материалов — разных приказов, распоряжений, то есть дезинформационными материалами. С этим «багажом» я прибыл в Выборг, часть материалов пришлось дать уполномоченному финского генштаба, в Хельсинки пришлось кое-какие «документы» дать начальнику политической полиции Саариярви. Большую же часть материалов я взял с собой в Берлин.

Мой «успешный рейд» произвел на финнов большое впечатление. Меня настоятельно просили дать явку к «своим» людям в Ленинграде и Москве. Однако я получил указание пока никаких явок не давать, мотивируя это тем, что мои связи являются политическими, а не разведывательными, что к сбору разведывательных данных надо подходить осторожно и т. д.

По приезде в Берлин я успешно афишировал поездку в Советский Союз. Привезенные мною «документы» и письмо тетки к Павлову, сообщения из Финляндии о моем «рейде» подняли мой авторитет в эмигрантских кругах и укрепили доверие ко мне и к «Братству белого креста».

Орлов, которому я показал привезенные документы, стал более доверительно относиться ко мне и старался перетянуть меня в свою организацию. К фабрике фальшивок, однако, он меня все еще не допускал.

Связь я поддерживал с Запорожцем, а затем с товарищем Игорем, С этим товарищем работалось очень хорошо. Места встреч часто менялись, хорошо конспирировались. Он приобрел мотоцикл и благодаря этому легко ускользал от слежки немецкой

полиции. Мы встречались в пригородах Берлина, что было надежней и спокойней. Продолжалась обычная работа по сбору интересующей информации.

Как я уже указывал выше, через созданную мною из эмигрантов сеть осведомителей я получал обширную информацию и мог вести наблюдений за интересующими нашу разведку лицами. В это время я получал очень хорошую по тому времени зарплату, имел возможность через ИНО помогать матери.

Летом 1926 года я снова тяжело заболел, сказалась простуда, полученная при переходе границы. Проболев около двух месяцев, я получил месячный отпуск и поехал поправляться на курорт.

На очередной встрече после отпуска товарищ Игорь сказал мне, что я должен снова организовать при помощи Орлова и его финских друзей поездку в Финляндию и снова перейти через границу в Советский Союз. В Финляндии мне необходимо закрепить связи с финнами и собрать материал о деятельности эмигрантских группировок в Выборге.

Приехав вместе с Павловым в Париж, я через него, а также с помощью своих связей собрал интересующую информацию и вернулся в Берлин. Павлов остался в Париже еще на полгода, но вернулся ни с чем. В финансовой поддержке ему отказали, и его «братство» начало распадаться. Мне уже почти нечего было «перебрасывать» в Советский Союз. Денег у Павлова на печатание его макулатуры не было.

Я же старался все больше и больше сближаться с Орловым и «Братством русской правды», так как помимо задачи разоблачения его фабрики фальшивок и использования его связей в Финляндии я получал от Орлова богатейшую информацию о деятельности активных эмигрантских группировок и об их связях с иностранными разведками.

К лету 1927 года я подготовил свою поездку в Финляндию. С письмом Орлова приехал в Хельсинки. Я думал, что Саариярви будет организовывать мою переброску через уполномоченного финского генштаба в Выборге. Однако Саариярви заявил мне, что сделает это сам через своих агентов на границе: политическая полиция и Саариярви не хотят делиться с разведкой генштаба ожидаемыми от меня материалами и моими возможными связями в Ленинграде.

Вместе с Саариярви я выехал на границу и днем в районе Сестрорецка перешел границу в указанном мне месте без проводников. Из этого мне стало ясно, что политическая полиция располагает точными данными о расположении наших пограничных постов и движении патрулей в дневное время. В

Ленинграде я пошел, как в первый раз, на квартиру уполномоченного ИНО и вечером выехал в Москву, где меня встретил товарищ Горб.

В Москве в этот раз пробыл долго, около двух месяцев. Меня представили начальнику КРО Артузову и его заместителю Пузицкому. Мне сказали, что на некоторое время я передаюсь в распоряжение КРО и буду работать по их заданиям. Я неоднократно встречался с Артузовым, Пузицким и Горбом. На встречах всегда присутствовал А. П. Федоров.

Во время встреч обсуждались дальнейшие аспекты работы, и в частности разработка финских связей. Решен был также вопрос о снабжении меня дезинформационными материалами, дана явка для финнов в Ленинграде и решен вопрос о прикрытии материальных источников моего проживания за границей.

Кажется, в конце июля, снабженный в достаточном количестве материалами для финнов и для моих берлинских связей, я выехал вместе с Федоровым в Ленинград, а затем в том же самом месте, в районе Сестрорецка, перешел границу.

В Хельсинки я, как и в прошлый раз, передал Саариярви часть материалов, предназначенных для финнов, а главное, к большой радости Саариярви, дал адрес-явку в Ленинграде. С Саариярви договорился, что часть получаемых на этой явке материалов он будет пересылать мне в Берлин через посольство Финляндии. Таким образом, мои финляндские связи успешно закреплялись. От Саариярви я получил подробные сведения о деятельности эмигрантских группировок в Финляндии, отношении к ним финского правительства и их связям с разведывательными органами, в том числе и с английской разведкой.

Пробыв несколько дней в Хельсинки, я через Стокгольм возвратился в Берлин и по условленному паролю связался с товарищем Игорем. Передал ему собранную в Хельсинки информацию, получил валюту для прикрытия материальных источников моего существования в Берлине. Получил я также первые задания КРО, состоявшие в организации наблюдения за приезжавшими в Берлин из Москвы специалистами и установлении их связей с белоэмигрантскими группировками. Мне было названо несколько фамилий и переданы фотографии лиц, за которыми надо было вести наблюдение. Это было легко организовать, так как я использовал для этого своих осведомителей из «Братства белого креста», поручая им следить за «большевистскими агентами». Одновременно я должен был продолжать сбор информации и разработку Орлова.

На полученные деньги я купил хорошую машину, нанял шофера из прибалтийских немцев (конечно, бывшего офицера) и

начал ее эксплуатировать по частным заказам, как это тогда практиковалось в Германии. Машину я поставил в парамоновском гараже, которым заведовал упоминавшийся мною ранее казачий есаул Самсонов. Таким образом, источники моих средств стали всем известны и разговоры о том, на какие же средства живет поручик Крошко, прекратились.

Однако это мероприятие повлекло за собой ухудшение моих отношений с моим, так сказать, вождем лейтенантом Павловым. Он был удручен отсутствием денег для финансирования «Братства белого креста»; не получая поддержки, организация его теряла влияние в эмигрантских кругах. Я же почти совсем перешел в «Братство русской правды» к Орлову.

Однажды Павлов спросил меня, откуда у меня появились деньги на покупку автомашины. Я ответил, что получил крупную сумму денег от финской разведки за оставленные мною «большевистские документы». Эту версию я распространил и среди всех моих эмигрантских знакомых. Павлов заявил мне, что это компрометация «Братства белого креста», ведущего «идейную борьбу с большевиками». На это я ответил, что имевшиеся у меня скудные средства иссякли и у меня не было другого выхода. После этого разговора мои отношения с Павловым стали весьма холодными, но полностью отношения с «Братством белого креста» я не порывал и оставался одним из его руководителей.

За этот период времени я получил через секретаря финского посольства в Берлине несколько пакетов с материалами. Следовательно, явка, данная для финнов в Ленинграде, функционирует исправно и разрабатывалась под наблюдением КРО.

Затем мною было получено от КРО задание собрать возможно большую информацию о деятельности группы генерала Кутепова, его связях в Польше, Латвии и Эстонии. Эта разработка заняла месяца два, однако до конца ее довести не удалось. Я собрал интересную информацию и должен был выехать в Париж, где находился генерал Кутепов и его штаб-квартира, чтобы подробно и до конца разобраться в деятельности кутеповцев. Однако получил сведения, что французская военная разведка и «Сюрте женераль» взяли меня на учет как германо-большевистского агента, которого надо разоблачать. В такой ситуации поездка делалась нецелесообразной и опасной. Я доложил об этом Игорю, и выезд в Париж был отложен, а на следующей встрече товарищ Игорь сказал мне, что поездка вообще отменяется.

Моя последняя поездка в Советский Союз, получаемые мною материалы и явка для финнов в Ленинграде окончательно расположили ко мне Орлова, и он, наконец, посвятил меня в

тайны своей фабрики фальшивок. Орлов познакомил меня с Павлуновским-Сумароковым и предложил мне принять участие в изготовлении материалов, «подрывающих деятельность большевиков за границей».

Орлов показал мне свою картотеку, угловые штампы, печати и дубликаты наиболее громких фальшивок («Письмо Коминтерна», директиву о взрыве собора в Софии и др.). Я сперва сделал вид, что отказываюсь от этого дела, так как вижу в нем только нечистый способ зарабатывать деньги и по сути дела дезинформировать иностранные разведки.

Орлов же горячо доказывал мне, что фальшивки являются мощным оружием для подрыва и компрометации деятельности советских органов за границей и борьбы с коммунистическими партиями. Так, он вспомнил аресты болгарских коммунистов, спровоцированные фальшивкой о подготовке взрыва собора в Софии, налет английской полиции на Аркос и немецкой полиции на торгпредство в Берлине, чему также способствовали антисоветские фальшивки. При этом он намекнул, что иностранные разведки не особенно проверяют «подлинность документов». Главное, чтобы они были на высоте по качеству и по содержанию.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что материалы Павлуновского-Сумарокова устарели и «дело» надо было оживить. Мои связи «по ту сторону» и мои материалы могут очень помочь им. Орлов начал меня уговаривать, чтобы я в загримированном виде, в красноармейском шлеме и гимнастерке со знаками различия дал себя сфотографировать. Эту фотокарточку Павлуновский покажет сотруднику рейхскомиссариата Зиверту, заявив, что это его, Павлуновского, приятель, приехавший в командировку в Германию из Москвы и у него можно купить «большевистские документы». Дело было рискованное, но, посоветовавшись с товарищем, сменившим на связи со мной товарища Игоря, я согласился на это.

Но Зиверт, не удовольствовавшись этой фотокарточкой, по указанию своего начальства, потребовал от Павлуновского устроить свидание с его «большевистским другом», то есть со мной. Это было уже совсем рискованно, учитывая мой рост и фигуру. Но пришлось пойти и на это. Тщательно загримированный, поздно вечером, вместе с Павлуновским я встретился с Зивертом. Быстро договорившись о продаже документов, я ушел. Однако, как говорится, я еле ноги унес, так как заметил, что Зиверт пришел не один, а с двумя агентами полиция, наблюдавшими за встречей. Я быстро вошел в знакомое мне кафе, прошел в уборную, снял грим и через черный ход

вышел на улицу, вскочил в такси и уехал домой.

После этого я завоевал у Орлова полное доверие. Он уже стал иногда оставлять меня одного в своей квартире, и я смог снять слепки с ключей от его квартиры, шкафов и сейфа. Когда Орлов уехал к жене в свое Мекленбургское имение, я проник в его квартиру и изъял материалы, изобличающие изготовление им фальшивок (дубликаты, черновики, заготовки, образцы штампов, печатей и т. д.). В частности, я изъял заготовки фальшивок, «изобличавших» американских сенаторов Бора и Норриса в получении денег от Советского правительства.

Провал произошел в конце сентября 1928 года. Связь была прервана почти на месяц. В Берлин приехал товарищ Виктор Смирнов, который сообщил мне о провале и необходимости незаметно выехать из Германии в Советский Союз. Я и без того почувствовал провал, так как за мной неотступно ходили два шпика, что было нетрудно заметить.

Некоторое время я должен был, не проявляя беспокойства, встречаться со своими знакомыми в эмигрантских кругах и готовиться к отъезду. Орлов ничего не знал о провале, так как уехал в имение и, видимо, немецкая полиция его еще не информировала об этом.

В конце октября товарищ Виктор передал мне документы на имя советского гражданина Сидорова с выездными визами (на меня и мою жену). С этими паспортами, уйдя от наблюдения агентов полиции, я выехал в Гамбург, потом сел на пароход «Герцен». На нем прибыл в Ленинград. На этом и закончилась моя работа по заданию советской разведки, продолжавшаяся семь лет, с 1922 по 1928 год.

Между тем в Берлине произошли события, имевшие непосредственное отношение ко мне и возможностям дальнейшего использования меня на работе за границей. В начале 1929 года на основании заявления корреспондента американской газеты «Нью-Йорк Ивнинг пост», известного американского журналиста Артура Книккербокера-младшего, немецкая полиция вынуждена была арестовать Орлова, Павлуновского-Сумарокова и его сожительницу, агента немецкой полиции Дюммлер, барона Кюстера, полковника Кольберга, в общем, всю шайку Орлова. Им инкриминировалась попытка продать Книккербокеру фальшивое письмо о получении американскими сенаторами Бора и Норрисом денег от Советского правительства за то, чтобы эти сенаторы выступили за признание Соединенными Штатами Советского правительства и установление дипломатических отношений.

Заготовки и черновики этих писем вместе с другими

изобличающими Орлова материалами были, как указывалось выше, изъяты мною у Орлова незадолго до провала. Произошел грандиозный международный скандал. Вся международная пресса месяцами писала об этом сенсационном аресте и последовавшем за ним процессе Орлова и Ко. Наши газеты «Известия», «Правда», «Труд» и другие, начиная с марта 1929 года, широко освещали «дело Орлова и Ко» и возвращались к нему в 1930 и 1932 годах.

Процесс, конечно, закончился легким испугом для Орлова и компании. Орлов был изображен эдаким идейным борцом с большевиками. На процессе фигурировали начальник политического отдела берлинского Полицей-Президиума Бартельс, Зиверт и другие лица. Защита Орлова в числе других аргументов в пользу Орлова заявила, что все это дело спровоцировано опаснейшим агентом ОГПУ поручиком Крошко, таинственно исчезнувшим из Берлина. Наша пресса также писала с иронией о «мнимом» агенте ОГПУ поручике Крошко.

Спасая свою репутацию, лейтенант Павлов выпустил брошюру, в которой написал, что поручик Крошко давно ушел из «Братства белого креста», а затем в эмигрантских газетах распространились слухи, что поручик Крошко убит при переходе советской границы.

Вскоре же за границей вышла книжка о советском шпионаже, в которой также упоминалось «об агенте ГПУ поручике Крошко, который много лет действовал в столицах европейских стран».

Газета «Возрождение»,
№ 4044 от 19 сентября 1936 г.,
Париж

ФАБРИКАНТ ФАЛЬШИВОК

В Европе послевоенная и революционная расшатанность умов и нравов откликнулась упадком даже в области «каторжной» совести. Коснулась она и эмиграции, изобильно плодя в ней «шаткие элементы», готовые на любую политическую сделку, как скоро она хорошо оплачивается, а в особенности если ей возможно придать, хотя бы временно, благопристойный вид. Отсюда — промысел фальшивками уже не по политической наивности и патриотическому усердию, не по разуму, как приводились примеры в предшествующей статье, но корыстный, злостный, цинически бессовестный. «Одним из главных фабрикантов фальшивок, — повествует мой осведомитель, — королем „лин“, как его называют, может по праву считаться бывший следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов». Спекуляция и игра «секретными сведениями» шла у него в крупном масштабе. Например, за подложные письма заведующего заграничной работой ОГПУ Трилиссера было заплачено В. Орлову германской полицией 20 000 марок.

В 1929 году Орлов с компаньоном своим Сумароковым попались на фабрикации фальшивых документов, компрометировавших некоторых иностранных политических деятелей, в частности американского сенатора-большевика — Бора. Были арестованы. Дело получилось очень неприятное для эмиграции, так как большевики нашли в нем удобный предлог распространить бесспорное жульничество Орлова на всю эмиграцию, а потому раздули процесс в огромное классовое обвинение. Ведь-де как работают зарубежные белогвардейцы: чуть европейский или американский деятель им не по нраву, они не гнушаются не только словесными клеветами на него, но даже документальными подлогами.

История Орлова была в свое время освещена «Возрождением» (29 марта 1929 г.) подробно и точно. Вкратце она такова. При первом появлении Орлова, по уходе от большевиков, в расположении Добровольческой армии он был принят недоброжелательно, с подозрением, а потому некоторое, довольно долгое, время оставался не у дел. Однако уже в 1919 году мы видим его вольным агентом при разведочном отделе Добровольческой армии в Крыму; а в 1920-м — он, по собственной инициативе, никем не командированный, ни на что не уполномоченный, перебрался в Берлин. Здесь он учредил своеобразное бюро вольной разведки и контрразведки и строго

тайное — к услугам как русских эмигрантских организаций, так, в особенности, иностранцев — по большей их платежеспособности.

Русские эмигранты продолжали относиться к Орлову с некоторым недоверием, тем не менее, поддерживали с ним связь, ибо он умел доставать такой интересный материал о большевиках, какого никто не имел. Это открыло ему доступ также к германской полиции, где он пользовался большим доверием.

Таким образом, Орлов, — человек ловкий, бывалый, прошедший огонь, воду и медные трубы, беззастенчивый в способах и приемах разведки, — обрел в Германии обширную и доходную клиентуру. Зарабатывает большие деньги, ведет широкий образ жизни, но L'appetit vien en mangent: с приходом растут и прихотливые расходы, и — мало-помалу «потребности» беспечального житья в свое удовольствие втянули Орлова в сомнительные предприятия, в которых вскоре затем он запутался уже до превращения в уголовного преступника.

Постепенно Орлов в своей разведывательной работе падает все ниже и ниже. Один бог у него — деньги. Начинается кампания подложных документов. Они фабриковались Орловым совместно с его компаньонами — чекистом М. Г. Сумароковым-Павлуновским-Яшиным и Н. Н. Кр-о. Достоверность сфабрикованных документов Орлов удостоверял германской полицией, поставщиком которой он состоял уже долгое время.

Естественно, такая «работа» без конца продолжаться не могла «Фирма», обнаглев на легком успехе, рискнула на опыт одурачить мастера, который по разведочной специальности сам мог бы давать уроки: известного американского политического корреспондента Книккербокера. На попытке продать ему за крупную сумму «липовые» документы, направленные против американских политических деятелей, фирма «засыпалась», и участники ее попали в тюрьму, куда потащили за собой и еще нескольких, более мелких, своих соучастников.

9 мая 1930 г. в Моабите, во втором Ландсгерихте, началось слушание, после неоднократных отсрочек, дела по обвинению Орлова и Павлуновского в торговле фальшивыми документами. Уличенный в явно уголовном деле, Орлов старался придать процессу чисто политический оттенок и выставить себя жертвой большевистских интриг. С этой целью он придумал и выполнил легкую штуку. В один прекрасный день в берлинском коммунистическом органе «Роте фане» появилось письмо «Союза немцев — бывших военнопленных в России». Оно выдвигало против Орлова губительное обвинение, будто во время войны он,

будучи следователем в Саратове, содействовал смертной казне трех немецких военнопленных. «Роте фане», печатая письмо, снабдило его негодующим редакционным комментарием. Но на суде Орлов блестяще опроверг содержание письма как злостную небылицу и, следовательно, новое против него большевистское ухищрение. Так как действительно выяснилось, что «Союз военнопленных» никакого подобного письма ни в «Роте фане», ни в другие газеты не посылал и, значит, оказывается оно чьей-то злокозненною клеветою на подсудимого, то Орлов торжествует настолько, что в скором времени возбуждает против редактора «Роте фане» депутата Шнеллера судебный иск за клевету в печати. И выиграл дело. Шнеллер был приговорен к штрафу в 150 марок, а Орлов украсился ореолом жертвы большевиков, победоносно разорвавшей их коварные сети.

Между тем коварные сети были сплетены и закинуты на жертву не кем другим, как… самим же В. Г. Орловым. Надо воздать должное его ловкости. Сидя уже в тюрьме по делу с Книккербокером, он сработал вышеизложенное письмо с доносом на самого себя с целью многосложной интриги. Во-первых, явностью большевистского гонения несколько просушить свою подмоченную репутацию в глазах русской эмиграции. Во-вторых, как невинно оклеветанному в одном деле, заронить в общественное мнение сомнение в виновности подсудимого по другим обвинениям и, таким образом, смягчающе повлиять на суд, который и без того вел дело Орлова вяло и с послаблениями «по независящим причинам», и действительно очень мягкий Орлов и сотрудник его Павлуновский получили всего четыре месяца тюрьмы и затем — первый еще высылку за пределы Германии. И, наконец, в-третьих, сорвать с «Роте фане» малую толику за бесчестье.

Само собой разумеется, что свой остроумный «подлог подлога» Орлов, сидя в тюрьме, не смог бы осуществить самостоятельно, без сообщников, оставшихся на воле. Но таковых он имел достаточно. Например, из его бюро не пошел на скамью подсудимых, ибо «числился в бегах», его ближайший сотрудник и компаньон, Н. Н. Кр-о.

Цели Орлова были достигнуты только отчасти, благодаря догадливости доктора Минца о самодельном происхождении «Письма военнопленных». А главное, Минц настойчиво и доказательно выяснил в Орлове «двурушника», который одновременно работал и против большевиков и с большевиками, — в зависимости от того, где на его удочку лучше клевала рыбка.

«Независящие обстоятельства», ограничившие судебное

разоблачение Орлова, вступили в силу уже на второй день процесса, когда доктор Минц просил суд:

1. Пригласить специалиста по почеркам для определения имеющихся у него в распоряжении компрометирующих Орлова документов.

2. Допросить в качестве свидетеля Зиверта, могущего дать неоспоримые доказательства работы В. Г. Орлова на две стороны.

3. Пригласить криминал-комиссара Гезера, имеющего возможность дать суду доказательства сношения Бартельса, личного друга Орлова, с большевиками.

Ввиду замешанности секретных осведомительных органов государства в этом деле, суд во многих требованиях и просьбах вынужден был отказать, и, таким образом, многое на суде осталось невыясненным и замолчанным.

Тем не менее, перед судом прошла яркая вереница разных «деятелей» и «политических коммерсантов». Вот выдержки из судебного отчета русской берлинской газеты «Руль» № 2615 от 5.7.1930 г.:

> «Суд допрашивает владельца типографии эмигранта фон Швабе, где были напечатаны, по заказу Орлова, бланки с пометкой: „Государственное Политическое Управление. Заграничный отдел. Москва. Большая Лубянка, 2“. Фон Швабе подтверждает, что Орлов несколько раз делал ему заказы, но не помнит, печатался ли именно такой бланк. Орлов признает, что действительно заказывал бланки, но их было отпечатано всего не более 7 штук, специально для проверки, в этой ли типографии и такими же ли шрифтами были отпечатаны бланки по заказам берлинских агентов ГПУ. Фон Швабе подтверждает, что какие-то заказы он получал от советского торгпредства, но какие именно, он сказать не может. Ему были обещаны даже заказы на крупные суммы, но когда в торгпредстве обратили внимание на то, что фамилия имеет приставку „фон“, то все дело расстроилось».

Столь, видите ли, велик коммунистический фанатизм большевистского сыска, что сословному врагу пролетарскому не дозволит он интересной прибыли!

> «Во время допроса фон Швабе происходит

неожиданный инцидент. Прокурор заявляет, что в его распоряжении имеется записка Орлова, из которой видно, что он вместе с Павлуновским должны были типографу Швабе крупную сумму. Орлов замечает по этому поводу, что записка эта касается не его личных долгов к типографии, а тех сумм, которые, по его сведениям, типографу должны были агенты ГПУ».

И таким образом подтверждает общность своих с сим учреждением типографских заказов и счетов.

Высланный из Германии В. Г. Орлов обосновался в Бельгии и немедленно принялся за свою обычную работу, выступая на этот раз уже в качестве «убежденного германофоба» и торгуя с разведками стран Антанты разными «разоблачениями против немецкого шпионажа».

Этой деятельности его посвятила немало внимания газета «Фолькишер Беобахтер». В ее номерах 112 и 113 от 21 и 22 апреля 1932 года помещен обширный материал, подкрепленный многочисленными фотографиями с собственноручных писем Орлова, неукротимого разнообразного торговца разведочным товаром. Газета обличала:

«Исчерпав безрезультатно все средства борьбы против просто национал-социалистского движения в Германии, ГПУ взялось за последнее оружие, за так называемый моральный террор — средство политического и морального отравления при помощи фабрикуемых документов. Первые „документы“ были выпущены 14 сентября 1930 г. и фотографически воспроизведены в парижской газете „Борьба“, издаваемой бывшим зампредом в Париже Беседовским. Цель их была доказать материальную связь национал-социалистов с большевиками. „Документы“ эти гласили:

1. «200 (двести) штук получил Зальцбург. 10 июня 1930 г. *Адольф*».

2. «Совершенно доверительно товарищу Любченко. Прага. Витеска, 16. При сем квитанция Адольфа на 200 штук немецкого товара в счет отдаленных соседей. Прошу записать их на счет Виктора-старшего». Подпись.

Под Адольфом здесь подразумевается не кто иной, как… Адольф Хитлер! Беседовский утверждал, что нац. — соц. получали деньги от большевиков регулярно и что шифрованные квитанции на них хранятся в

московских архивах. Теперь мы («Фольк. Беоб.») в состоянии документально доказать, кто является фальсификатором этих и многих других «документов», так как располагаем подлинной перепиской и фотографиями с нее автора этого подлога. Это известный в Германии русский эмигрант Владимир Орлов. Вот фотография его рукописных писем:

1. «Уважаемый товарищ. Посылаю Вам большую и малую рыбку. Большую переведите. Эту грамотку верните, для верности. Крепко жму Вашу руку. Ваш *Орлов*».

2. Его же рукой по-немецки: «200 штук получил. Зальцбург 10.6.1930 г.».

(Опускаю из рукописи осведомителя третий документ, так как он лишь воспроизводит фотографически вышеприведенную записку под номером 2.)

Эта переписка, достаточная уже сама по себе для того, чтобы разоблачить приемы фальсификаторов, подкрепляется следующей запиской, написанной рукой Орлова, фотографию с которой мы («Фольк. Беоб.») воспроизводили: «Подпись Адольфа у меня будет».

Этим дается полное доказательство злоупотребления подписью Адольфа Хитлера со стороны фальсификаторов в целях фабрикации подложных против него документов. Этот самый Орлов, который в свое время сфабриковал письма Трилиссера, чтобы компрометировать таким образом немецкий «Комиссариат общественной безопасности», продолжает и ныне, конечно из-за границы, по мере помощи своих друзей в Германии, свое темное, подлое, но хорошо оплачиваемое ремесло.

Через своего друга и сотрудника Александра Гуманского, бывшего еще до недавнего времени «представителем Беседовского» в Германии и уже в 1924 году подлежавшего высылке из Германии за подлоги политических документов, отмененной благодаря хлопотам его тестя, имевшего хорошие связи в социал-демократических кругах. Орлов также имел эти заручки и чувствовал себя в полной безопасности. Расшифрованные нами («Фольк. Беоб.») сегодня подлоги против национал-социалистской партии являются далеко не единственными в «работе» Орлова и Гуманского. В наших руках находится переписка между Орловым и

Гуманским, личности которых не оставляют ныне никакого сомнения.

Вот эта переписка:

1. Гуманский — Орлову (перевод с немецкого). «В. Г. Я говорил в моих кругах о вашем предложении. Мне было указано лицо, близко стоящее к Ш., которое, наверно, будет заинтересовано этим материалом. В разговоре я заявил, что интерес действительно есть и что некоторые вещи против национал-социалистов можно будет „опубликовать в „Мюнхенер пост“, где ищут сенсаций. Очень вероятно, что если вы изготовите удачный ассортимент, то «интерес“ может быть сейчас же реализован, дело это совершенно солидное. *А. Гум.*».

Как явствует из дальнейших писем, под буквой «Ш» подразумевается другой фальсификатор — Шеффер.

2. Орлов — Гуманскому. «Уважаемый господин Портков. Я нашел блестящий материал. Тут мы можем сделать дело. Опустите приложенное письмо просто в почтовый ящик, ведь нужен только материал о подготовке нац. — соц. убийств. Опасно лишь оставить следы отпечатков для дактилоскопа. Документы сфабрикованы. Не выпускайте их из рук: предложению СПД (социалист, партии) нельзя доверять. Материал очень важен. Он происходит из большой серии документов. Из-за Порткова Ш. (Шеффер) может провалить все дело, очень беспокоюсь об этом. Деньги перешлите Кузьм. Карав. Жду с нетерпением телеграммы. Ваш. Кс. Венцеслав. Ваш телефон 6555».

Красным карандашом Орлов добавляет: «Документ может быть дан сейчас же для экспертизы».

Портков — псевдоним Гуманского (уж и выбрал!). Кс. Венцеслав — псевдоним Орлова. Из этих писем явствует, что Орлов находится в связи через посредника с лицом, которое опубликовало в газете «Мюнхенер пост» подложные проскрипционные списки, приписываемые национал-социалистам. Опасения Орлова, что Шеффер может «из-за Порткова провалить все дело», следует объяснить тем, что Портков-Гуманский был сильно компрометированным лицом и был несколько раз арестован. Поэтому Орлов и советует ему не действовать лично, но через посредника.

3. Орлов — Гуманскому (фотография подлинного письма). «Уважаемый г. Портков. Очень просит (заказчик?) отсрочки на два дня. Дал денег. Согласился.

Ш. будет угол Фридрихштрассе и Кох. штр. Приступлена к выработке условий. Срок сдачи 14 дней. 25 000 за поручение и словесное обещание в случае нужды дать показания. Ваш *Кс. В.*».

Как видно, цена за подлог и ложное показание на суде довольно высока: 25 000 марок, хотя впоследствии она и сильно понижается.

4. Орлов — Гуманскому. «Дорогой господин Портков. Посылаю Вам новости:

1. Организация покушения на Х. Бурга.
2. По делу Кенкеля.
3. Убийства наци.
4. Круги, замешанные в дело Х. Бурга.

С другим мы ввалимся. Я бы этого не делал. Надо приготовить для С. П. что-то новое. Пишите о событиях. Ваш *Кс. В.*».

По этому письму судя, выходит, что Орлов подготовлял материал, доказывающий намерения нац. — соц. устроить покушение на ф. Зинденбурга. Также и члену ландтага Кинкелю, обличавшему уже давно Орлова и Гуманского, готовилась какая-то неприятность.

«Фолькишер Беобахтер» приводит еще ряд фотографий с писем Орлова в Париж и в другие страны близких к «высшим белым» кругам и к французской разведке, которые, доверяя Орлову, невольно и бессознательно являлись фактическими пособниками по распространению его «фальшивок» среди эмиграции.

После ареста В. Г. Орлова и М. Г. Павлуновского участники разоблаченной «фирмы» принуждены были разъехаться в разные стороны, продолжая каждый по своим силам, разумению и способностям свою «почтенную» деятельность. В. Г. Орлов перебрался в Бельгию, в Брюссель. Второй компаньон Орлова — М. Г. Павлуновский — остался в Берлине. Третий, и главный, участник, Н. Н. Кр-о, перебрался в Париж, где и живет под другой украинской фамилией. Осведомитель мой дает приблизительный адрес. Работа его в Париже, как и раньше, двойственна: с одной стороны, он состоит в тесной связи с отборными, матерыми чекистами, с другой — хорош с кругами легитимистов.

В свое время «Возрождение», излагая историю Орлова, назвала его почтительным отрицательным примером: показательным образцом путей, каких эмиграция должна избегать, как бы они не являлись соблазнительными по

обстоятельствам времени и хотя бы даже казались на первый взгляд невинными по прямому отношению к русскому делу.

> «Что же, мол, если иные наши даже и морочат каких-то там немцев и американцев? Велика ли беда? Ведь не наша деревня с того сгорит! А и в том-то и пущее зло, что палки от них далеко во все стороны летят и пламенят, прежде всего добрую славу, честь и способность той среды, которая имеет несчастье считать лгунов-поджигателей, хотя уродами своей семьи, а все же не чужими».

А. Амфитеатров.

ПИСЬМО ОРЛОВА АМФИТЕАТРОВУ

Брюссель, 25 мая 1937 года.

Глубокоуважаемый Александр Валентинович!

Очень Вам благодарен за Ваше любезное письмо от 27 апреля 1937 года.

Просимую копию моего письма к Вам я послал сразу же, но из Италии ее мне вернули, так как в виде «папье д'афер» в Италию на русском языке посылать нельзя. Пришлось посылать ее второй раз уже в закрытом конверте.

Свой протест в «Возрождение» я послал через шесть дней, после появления Вашей статьи.

Я привык уже к иностранной газетной этике и рассчитывал, что «Возрождение» не может оставить мой протест без внимания. Задержку я объяснял всяческими причинами. Полагал, что у них финансовая катастрофа, что мой протест так же велик, как и Ваша статья, а это уже много. Объяснял, конечно, главным образом, теми соображениями, кои изложены мною в прилагаемом письме, которое я отправил в редакцию газеты «Наш путь» по поводу статьи Генерала П. Н. Краснова. Думал, что тут могли иметь место и личные мои взаимоотношения с рядом лиц, кои в свое время числились моими клиентами, когда я был Судебным и Военным Следователем и Чином Прокурорского Надзора. Лица эти, являющиеся в настоящее время поклонниками Кандаурова, Соколова, Кольберга, Крошке, естественно, не могли не влиять на редакцию «Возрождения».

Я все ждал, что кто-либо из доверенных лиц, как это я предложил г. Семенову, у меня в Брюсселе просмотрит то из моих архивов, что я мог распубликовать в прессе, как относящейся к организации секретной работы Русского Генерального Штаба и генерала А. П. Кутепова.

Однако ничего из ожидаемого не последовало. Мало того, «Возрождение» не послало Вам даже моих документов и опровержения. Оно явно этим подчеркнуло, что село в лужу.

Назвать поименно Ваших «сообщителей» я не могу, так как материалы для Вашей статьи — плод работы целого коллектива двух организаций: Братства Русской Правды, куда входили лица, состоящие в одной ложе с Кандауровым, Соколовым, прикрывавших своими именами агентов ГПУ — Александра Кольберга, Кротко, Хомутова, Карпова с их компаньонами — Зивертом, Толем и др., а также второй Организацией, работающей в Брюсселе и руководимой гг. Жозефом Дуйе и

сыном его Виктором. Всем этим Организациям оказывало и сейчас оказывает содействие тоже «Возрождение», так как большинство сотрудников и сам редактор, судя по книге Свиткова, входят в те же ложи, в которых были Соколов и Кандауров.

То, в чем сознался Александр Кольберг перед гитлеровской полицией, а именно в службе в ГПУ и получении от этого учреждения значительных сумм — было мною доказано за девять лет до его вынужденного сознания. Но благодаря заступничеству Соколова и ряда влиятельнейших агентов ГПУ, вкрапленных в верхи эмигрантских организаций, все шишки за эти разоблачения посыпались на меня.

Естественно, что в Берлине они именно помогли ГПУ спровоцировать против меня процесс, они стремились к тому, чтобы меня не впустила ни одна страна в Европе и чтобы таким образом социал-демократы могли оказать свою «дружескую» услугу Советскому правительству и выслать меня в СССР.

Когда же я совершенно для них неожиданно, благодаря содействию В. Л. Бурцева, попал в Брюссель, то поднялась паника. Организовывались у меня кражи, вскрывалась почта, взламывались двери у меня в квартире, писались и пишутся на меня доносы и только благодаря одному В. Л. Бурцеву я добился возможности быть у местных властей на надлежащем счету, а не числиться белой вороной.

Когда Ваша статья обо мне как о члене Ордена Иуды Предателя была переведена на немецкий и французский языки и в сотнях экземплярах разослана указанными выше двумя организациями по всем шпионским и полицейским организациям Германии и Бельгии, то начальник здешнего Сюрте Люблик в разговоре на эту тему сказал советнику Министерства иностранных дел (их обоих знает В. Л. Бурцев):

> «Мы считаем эту статью грязным бельем русских эмигрантов».

Работа этих организаций, однако, продолжается, но чего она стоит и кем ведется, Вы можете усмотреть из книги «Силлак без вуали», суть которой знает и может подтвердить правильность ее выводов В. Л. Бурцев, отлично знающий и организацию эту, и ее руководителей.

Вы сообщили В. Л. Бурцеву, что я, состоя в Ордене Иуды Предателя, «что-то проделал с документом, который компрометировал» русских и испортил взаимоотношения их с

немцами.

Тут я чего-то не понимаю.

Все время процесса по всем газетам публиковалось, что своими делами в Германии я разрушал дружеские взаимоотношения Германии с Коминтерном. О России или о русских на процессе не было сказано ни одного слова.

Если считать Интернациональную банду, засевшую в Кремле, за Русское Правительство, а заграничных Апфельбаумов, Бриллиантов, Радеков-Собельсонов, Баллахов-Финкельштейнов, Розенбергов за представителей русского народа, то даже и этого не было, так как речь шла исключительно о Коминтерне.

Сейчас последователи Кандаурова, Соколова, Кольберга, Дуйе и их покровители из «Возрождения» стараются затушевать Коминтерн в моем процессе, но стоит только прочесть хоть один документ из трех фигурировавших на суде, как тотчас же будет установлено, что никто из этих лиц не знает, в чем же дело.

Уже одно то, что «Возрождение» старается затушевать следы уличенного агента ГПУ, называя его не по действительной его фамилии, а только одной буквой, доказывает, что за спиной «Возрождения», как и за спиной Верховного Круга гг. Дуйе, Кольберга, Хомутова, Зиверта, кто-то стоит, кому совершенно невыгодна правда о работе ГПУ среди русской эмиграции. Вся эта мелочь понимает, что им выступать нельзя нигде со своими подмоченными именами и репутациями, и потому пытается спрятаться за именами авторитетными.

Я полагаю, что наши «сообщители» не совсем надеялись на Вас и Вам не доверяли, так как предполагали, что не на все приманки Вы пойдете. Поэтому они Вам подсунули вырезки из враждебной мне прессы только за период моего процесса во второй инстанции, не дав Вам для изучения материала печатного за период времени, когда дело мое слушалось в первой инстанции. А это был основной момент процесса, когда мирового судью еще не стесняли приказания Москвы, переданные через Министерство иностранных дел. Во второй инстанции делалось только то, чего требовала Москва. Ваши «сообщители» не дали Вам также и прессы периода времени третьей инстанции, а также, вероятно, не дали прессы немецкой национальной, а не масонской. Все это указывает на руководящую роль лиц из ГПУ, стоящего за спиной «сообщителей». Занятна также здесь роль и самого «Возрождения», которое отменно хорошо знало о всех периодах моего процесса с Москвой и не только не напомнило Вам об этом, но и скрыло от Вас мои протесты и документы, что я им немедленно послал.

Сообщаю Вам некоторые данные о себе. Я рязанец, у меня

сотни и сотни лет в роду были монахи, священники, профессора Духовных Академий, и отец еще кончил Вологодскую Бурсу, хотя потом и оказался в Университете. Для меня все эти инородцы, сидящие в Кремле и правящие именем моим, то есть рязанца, моим же народом — враги, как враги их покровители за границей, с которыми и я, и мои дети, и внуки будем бороться до конца. Никакая сила меня не заставит молчать и сложить оружие.

Мне сейчас шестой десяток при их конце. Недавно меня освидетельствовали в Брюссельском Военном Госпитале (я военный инвалид, две трещины в черепе и дырка в животе от красноармейской пули) и мне определили 70 процентов потери трудоспособности и инвалидности. На руках у меня жена, у которой во время операции 16 лет тому назад вынули на 18 сантиметров позвонки и перерезали центральные двигательные нервы ног, рук и желудка, чем обрекли ее на полный паралич. Я сам сейчас за 10 франков в сутки работаю в ночном ресторане и мою там грязные тарелки по 12-14 часов. Домой прихожу с опухшими и разъеденными содой и горячей водой пальцами. У меня нет ни домов, ни автомобилей, что есть у моих обвинителей и их московских покровителей. Но я каждую минуту покоя и отдыха работаю над своими материалами по изобличению красных дипломатов в совершении уголовных преступлений. Сейчас уже у меня скопился огромной важности материал, который знает В. Л. Бурцев, знающий, в какой тяжелой материальной обстановке живу я и жил в Германии.

Пишу все это я Вам не в виде жалобы. Я ни на что не жалуюсь и меня ни Верховный Круг, ни Силлакт с их покровителями из Москвы не запугают. Я буду бороться для России и за Россию так же, как, вероятно, работаете и Вы, так как в Вашем лице я всегда видел такого же коренного русского активиста, как и я сам.

Искренно Вас уважающий,
Ваш покорнейший слуга.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, я— 2268, л. 116—118.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Г. Председателю Совета Комбатантов Русской Императорской Армии, проживающих в Бельгии,
генералу П. С. Шорину.
Г. Председателю Содружества «Амикаль»
Русских Военных Инвалидов при Федерации Союзов
Бельгийских Инвалидов Генералу Н. Н. Ходаковскому.
Г. Председателю Объединения Офицеров и Солдат, участников Великой Войны, проживающих в Бельгии, полковнику А. А. Кулицкому
Юрисконсульта этих Организаций, прапорщика,
Действительного Статского Советника
Владимира Григорьевича ОРЛОВА,
проживающего в Брюсселе, Иксель, ул. Кейенвельд, 48

Прошу меня уволить от моей должности и исключить из всех выше указанных Организаций.

Основания к тому:

Травля меня Москвой и ее агентами, вкрапленными в русские эмигрантские организации, вот уже 20 лет, спровоцированный в Берлине в 1929 году против меня Москвой процесс. Высылка меня Прусским Социал-демократическим правительством в угоду Советскому правительству из Пруссии. Клеветническая кампания, поднятая против меня в русской зарубежной прессе Семеновым и Амфитеатровым. Нежелание газет помещать мои протесты против выступлений агентов ГПУ, замаскированных третьими лицами, — все это сделало свое дело, и мое имя стало одиозным не только среди русского беженства, случайно попавшего за границу по экономическим причинам, но и среди политической эмиграции, умственные способности которой оказались не на достаточной высоте.

Бесконечные и глупейшие доносы на меня в Бельгийскую полицию с приложением статьи А. Амфитеатрова из «Возрождения», сводки о моей деятельности такого же характера в Бельгийские министерства, всевозможные ходящие по рукам пасквили и листовки, сочиняемые агентами ГПУ, спрятанными за спиной различных иностранных, якобы антибольшевистских организаций — все это не дает мне здесь, в Бельгии, вот уже семь лет, возможности работать где бы то ни было.

Все это мне известно как от Бельгийских властей, так и от представителей других иностранных государств.

Мало того.

Мои политические недоброжелатели, желая бить по мне и сводить со мною свои идеологические счеты, стремятся разрушить и те русские воинские организации, где я работал все эти семь лет как бесплатный юрисконсульт.

Не желая ни в коем случае причинять этим русским воинским организациям ни малейшего вреда и стремясь дать им возможность дальнейшего преуспевания, я принужден сложить с себя мои обязанности юрисконсульта и выйти из числа членов всех этих организаций.

Таким образом, у ГПУ и покрывающих его организаций и лиц будет отнят их главный козырь — мое пребывание в воинских организациях, и они будут лишены возможности продолжать свою вредительскую, провокаторскую и разлагательную работу среди военной эмиграции, под предлогом, что я состою юрисконсультом в этих организациях.

Мне кончается шестой десяток, здоровье мое все ухудшается, нервная система пришла в совершенную негодность, и я испытываю чувство глубочайшего отвращения по поводу необходимости занимать время этих организаций вопросами личного характера.

Из этого вовсе не следует, чтобы я, как и раньше совершенно бескорыстно, не помог своим юридическим советом и своими связями здесь, в Бельгии, среди адвокатуры, магистратуры и прокуратуры, но только в виде частного лица, а не юрисконсульта воинских организаций, не только обездоленному солдату или офицеру, но и каждому русскому эмигранту, поскольку он действительно нуждается в моей бесплатной юридической помощи.

Прапорщик Орлов
9 июля 1937 года

ГАРФ, ф. Р-5802, оп. 1, д. 2268.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Об авторе этой книги В. Г. Орлове (основано на материалах, не предназначенных при его жизни для широкой публики)

Беспрецедентный политический скандал разразился в Берлине в самом начале марта 1929 года. Практически все городские газеты, вне зависимости от их приверженности тем или иным идейным и нравственным ценностям, протрубили на всю страну, что полиция арестовала группу русских эмигрантов, промышлявших продажей сфальсифицированных документов.

Под прицел провокаторов, как утверждали многие журналисты, попали два сенатора США — Бора и Норрис, которые якобы лоббировали интересы СССР, добиваясь признания его со стороны Соединенных Штатов Америки. И делали они это отнюдь не бескорыстно, получая значительные суммы в долларах по тайным, скорее всего коминтерновским, каналам.

У арестованных фальсификаторов были проведены обыски, результаты которых подбросили еще одну охапку хвороста в разгорающийся костер политического и уголовного скандала. Полицейский комиссар Венцель сообщил жаждущим сенсаций журналистам, что в одной из квартир на Потсдамштрассе обнаружена настоящая фабрика по производству фальшивок, с большим набором разнообразных печатей, штампов и бланков советских учреждений, известных далеко за пределами России, таких, как Государственное политическое управление (ГПУ), военная разведка штаба РККА, а также пугающего всех обывателей монстра — Коммунистического Интернационала. Здесь же сыщики берлинского Полицей-Президиума нашли картотеку, содержащую подробные сведения и фотографии более чем на пятьсот представителей внешнеполитических, торговых и разведывательных служб СССР, а также деятелей Коминтерна.

Фамилию хозяина квартиры и, по всей вероятности, владельца архива и «лаборатории» полицейские скрывать не стали. Им оказался действительный статский советник, бывший следователь по особо важным делам Владимир Григорьевич Орлов.

Этой информации было больше чем достаточно для пронырливых репортеров. Уже на следующий день биографию арестованного расписывали, что называется, в красках — правдивые сведения тонули в выдумках и сплетнях. Особо

старались сотрудники органа Коммунистической партии Германии — «Роте фане». К удивлению многих, в том числе и русских эмигрантов, на ее страницах появились даже хвалебные отзывы о берлинской полиции, ранее всячески дискредитируемой, определяемой не иначе как орудие классового господства врага всех трудящихся — буржуазии.

А в Советском Союзе тон задавала газета «Известия», основывая свои сообщения на сведениях собственного корреспондента в столице Германии Л. Кайта. Вот лишь некоторые заголовки почти каждодневных, в течение четырех месяцев, статей: «Новая вакханалия фальшивок», «Фальшивки без конца», «Берлинский „фабрикант“ фальшивок Владимир Орлов» и т. д.

Прошло всего три дня со времени ареста В. Г. Орлова, а прокурорский работник В. В. Ульрих, печально известный нынешнему поколению читателей как «гробовщик» на судебных процессах 30-х годов, выступил в государственном официозе с большой статьей о нем, обрисовав гражданам СССР «звериный облик» этого ярого противника большевиков и вообще коммунистической идеологии.

Судя по статье, соответствующие «компетентные» органы давно держали в поле зрения бывшего следователя, считали его одним из злейших врагов Советского Союза.

Так кем же был в действительности «герой» трескучей и широкомасштабной газетной кампании, какие его деяния заставляли разведки и контрразведки СССР, Англии, Франции, Польши, Германии, некоторых других стран и даже русских эмигрантских организаций, заводить на него досье, собирать любую, желательно компрометирующего свойства, информацию, проводить специальные акции по устранению Орлова с арены тайной борьбы?

ВАРШАВА

Владимир Григорьевич Орлов родился, согласно оставленным им биографическим данным, в 1882 году в Зарайском уезде Рязанской губернии. Вскоре семья обедневших дворян Орловых решила перебраться на запад Российской империи — в Польшу. Решение родителей Владимира предопределило во многом его дальнейшую судьбу, по крайней мере, то обстоятельство, что юный переселенец всю сознательную жизнь будет в гуще криминальных, политических и шпионских дел сперва как следователь, потом как крупный врангелевский контрразведчик и уж затем как самостоятельный, но активный борец с международной опасностью — интернациональным коммунистическим движением.

В отличие от тихой, провинциальной Рязани, Варшава представляла собой «кипящий котел» политических страстей. Без преувеличения можно сказать, что польская столица стала чемпионом в империи по количеству совершенных на ее улицах и площадях террористических актов. Социал-демократы, эсеры, различные националистические группировки были едины в одном — ненависти к царским властям, к царской администрации, к военным, особенно к жандармам и полицейским.

Примечателен такой факт — в одной гимназии с Орловым учились, к примеру, известнейшие впоследствии террористы Иван Каляев и Борис Савинков. Недаром одно из первых «отделений по охранению общественной безопасности», называемых в народе «охранками», было учреждено в Варшаве.

Пройти школу политического розыска в польской столице, а тем более руководить отделением, считалось среди жандармских офицеров серьезной заявкой на продвижение по службе в Департаменте полиции. Здесь действительно ковались кадры агентуристов, способных проникать в самые законспирированные революционные организации, разлагать их изнутри, парализуя тем самым опасную деятельность, наносящую реальный ущерб интересам Российской империи.

В Польше, кроме того, дислоцировался самый боеготовый военный округ — Варшавский. Понятно, что его штабы, гарнизоны и укрепленные сооружения являлись объектом первоочередного внимания разведывательных служб потенциальных противников России в лице Германии и Австрии. Отсюда и ускоренное развитие контрразведки штаба округа, формирование ядра квалифицированных «охотников за шпионами», чинов прокуратуры и следователей,

специализировавшихся на раскрытии вражеских козней. По числу раскрытых в довоенный период иностранных агентов контрразведка Варшавского округа далеко опередила своих коллег. Реальную опасность от шпионской деятельности в этом регионе хорошо осознавали в Петербурге. Недаром, как указывал в своей книге начальник варшавской контрразведки полковник Николай Батюшин, отпуск средств из государственной казны на секретные расходы составлял тридцать тысяч рублей в год, что было в два с лишним раза больше соответствующих расходов штабов Московского и Петербургского округов.

С целью повысить бдительность военнослужащих и гражданского населения сообщения о разоблачении шпионов систематически публиковались в газетах. Можно предположить, что подобные публикации не остались без внимания выпускника гимназии Владимира Орлова и, возможно, в какой-то степени подтолкнули его к поступлению именно на юридический факультет Варшавского университета.

Усердному, пытливому студенту, не отвлекавшемуся подобно многим другим на участие в разного рода тайных кружках и обществах, учеба давалась сравнительно легко. Досрочно сдавая экзамены, он выкроил время на поездку в Северо-Американские соединенные штаты и прошел там дополнительный курс по криминалистике, уголовной регистрации и постановке учета в следственной сфере.

Не получая денег от родителей, Владимир Орлов вынужден был работать по вечерам наборщиком в типографии и даже матросом на мелких портовых судах. Забегая вперед, отметим, что морской эпизод в его биографии классически использовали сначала некоторые эмигрантские деятели, а затем советские «восхвалители» Коминтерна, не обошли вниманием сей факт даже нынешние демократические историки.

Дело в том, что с 1907 по 1912 год в Одессе действовала подпольная организация черноморских моряков. Она издавала свою газету — «Моряк», создала крепкие ячейки в некоторых иностранных портах, в том числе в Константинополе и Александрии, наладила транспортировку революционной литературы в Россию. С помощью английской полиции и при деятельном участии секретного сотрудника Одесского охранного отделения, значившегося в полицейской картотеке под псевдонимом Американец, нелегальная организация была разгромлена, многие члены ее осуждены и сосланы на поселение в Сибирь.

Уже после Февральской революции допрошенные Чрезвычайной следственной комиссией Временного

правительства бывшие директора Департамента полиции Виссарионов и Белецкий показали, что Американец — это человек, связанный с торговым флотом, бывавший в Америке. Для обличителей вчерашних «сатрапов царского режима» большего и не требовалось. Орлов на торговых судах работал — да, и в Соединенных Штатах бывал — факт, как говорится, налицо. Вот и приклеили Орлову кличку Американец. Для пущей убедительности связали его по «тайной службе» с полковником Павлом Заварзиным, который действительно служил в те годы начальником Одесского жандармского управления, а позднее Варшавского и слыл отменным агентуристом, крупным специалистом по борьбе с революционным подпольем. Дело сделано. Сфабрикованная об Орлове информация не раз в течение многих лет воспроизводилась в прессе, статьях и книгах советских и зарубежных авторов.

Чтобы поставить точку в этом вопросе, отсылаем читателя к изданному еще в 1918 году эсером В. Агафоновым сборнику «Заграничная охранка», где черным по белому написано, что Американец — это редактор того самого журнала «Моряк» — Антон Попов (он же Семенов), секретный сотрудник полиции, выдавший одесскую организацию революционных матросов. Так что Орлов в этом деле был ни при чем и ярлык провокатора носил незаслуженно.

КАРЬЕРА СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Известие о начале русско-японской войны застало Владимира Орлова в Соединенных Штатах Америки. Движимый патриотическим чувством, он срочно возвращается в Россию и, как и многие его знакомые сверстники, добровольно поступает на военную службу, добиваясь отправки на фронт. Вскоре он оказался в действующей армии, в Маньчжурии. По сохранившимся отрывочным сведениям сложно определить, участвовал ли бывший студент непосредственно в боевых действиях. По логике вещей, командование не могло не учитывать наличие у него университетского диплома 1-й степени, и поэтому он, скорее всего, был определен для прохождения службы в штабные подразделения либо в военно-судебные органы. Как бы там ни было, но свою фронтовую отметку в виде контузии он получил и в 1906 году демобилизовался по здоровью в звании прапорщика крепостной артиллерии.

Молодой юрист с фронтовой закалкой — это то, что было нужно главе Варшавского судебного округа.

Прокурорские и следственные работники в Польше, особенно расследующие политические дела, находились в зоне повышенного внимания боевиков из революционных и националистических организаций.

Словно специально оговоренным сигналом к расширению масштабов террора стала полицейская акция по захвату одной из нелегальных типографий в Варшаве в апреле 1904 года. В ходе операции социал-демократ Марцин Каспшак оказал ожесточенное сопротивление — убил двух и ранил еще трех полицейских. По приговору суда он в 1905 году был казнен. Позднее Феликс Дзержинский вспоминал, что «выстрелы Каспшака, как электрическая искра, разбудили рабочие массы и призвали их под знамена активной борьбы». (Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, М., 1967. Т. 1. С. 92.)

Владимира Орлова назначили судебным следователем в Лодзь. Все, кто служил в городе в административных органах — в суде, полиции и жандармерии, находились под сильнейшим впечатлением лодзенских событий всего годичной давности. Тогда рабочие предприятий города после расстрела демонстрации подняли вооруженное восстание. Разгорелись ожесточенные уличные бои, в ходе которых погибло много восставших. Не обошлось без жертв и со стороны властей.

Офицеры охранного отделения и полицейские работали не покладая рук над установлением зачинщиков кровавых событий.

Многие деятели революционного подполья были арестованы, и теперь проводилось расследование происшедшего.

В своих биографических заметках Орлов не упоминает о конкретных уголовных делах, кои поручались ему в то время. Однако твердо можно сказать, что университетские знания и дополнительная учеба в Америке даром не пропали. По меркам судебного ведомства, он делает неплохую карьеру, переходя на все более сложные участки работы в разных городах Польши.

Владимир Григорьевич Орлов в 1911 году занял должность следователя в Варшаве и специализировался на раскрытии дел об измене государству и шпионаже. В это время министр юстиции И. Щегловитов признал необходимым сосредоточить предварительное следствие по данной категории дел у наиболее опытных юристов, На основе специального решения, утвержденного царем, учреждались четыре должности судебных следователей по особо важным делам. В числе чиновников, отобранных для назначения на эту чрезвычайно ответственнейшую должность, был и В. Г. Орлов, И вот в 1912 году соответствующий приказ вступил в силу, За Орловым закреплялось все западное пограничное пространство, включая территорию дислокации Варшавского, Виленского и Киевского военных округов. Он наделялся правом не только самому вести наиболее важные уголовные дела, но и истребовать необходимые ему доклады от других следователей, а также служебную информацию из органов контрразведки и охранных отделений.

Именно в это время Орлов приступил к созданию своего любимого, но принесшего впоследствии ему столько неприятностей детища — знаменитой «картотеки на политических преступников, шпионов и подозреваемых в шпионаже лиц». Собирание вырезок из газет, подлинников и копий, различных документов, фотографий и вещественных доказательств стало его многолетней страстью, не угасшей до последних дней жизни. Канцелярское на первый взгляд занятие — составление архива — имеет исключительно важное значение в деятельности специальных служб. И это прекрасно понимал Владимир Орлов. Широкий размах тайных операций, развернувшихся еще до первой мировой войны, требовал накопления, систематизации и анализа массы разрозненных сведений об иностранных разведорганах, построении их негласной сети, личностях резидентов и секретных сотрудников. На серьезном уровне такая работа велась в Департаменте полиции, свои оперативные архивы имели охранные отделения и жандармские управления. Молодая, набирающая опыт русская военная контрразведка тоже уделяла внимание архивной службе.

Следователь по особо важным делам конечно же мог и не заниматься этой рутиной, поручить всю работу архивным клеркам. Но Орлов, как уже отмечалось, имел свой взгляд на подобные учеты, не раз на практике убеждался в необходимости иметь их под рукой и использовать при новых расследованиях.

В своей книге Орлов описывает, как спасал архив, вывозя его с фронта в Петроград, и можно добавить, что с не меньшей изобретательностью он проделал ту же операцию еще несколько раз. Каждый такой эпизод мог лечь в основу детективного романа.

ВОЙНА

Расследуя шпионские дела, которых становилось все больше и больше, Орлов, как и многие его коллеги из контрразведки и охранных отделений, ощущал неотвратимость столкновения с Германией и Австрией. Усиление шпионажа — лакмусовая бумага подготовки боевых действий. И вот война разразилась. Как и в русско-японскую, Владимир Орлов добровольно надевает военную форму и получает назначение в артиллерийскую часть в крепость Оссовец. Вполне естественно, долго он там не задержался. Следственная практика и знание польского языка потребовались в разведотделе штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом. За неимением других вакансий юрист с многолетним стажем назначается на скромную должность переводчика, однако с обязанностью участвовать в контрразведывательной работе.

Надо сказать, что в начале первой мировой войны русская контрразведка оказалась в довольно сложном положении. В связи с развертыванием новых частей и соединений катастрофически не хватало офицеров и полицейских чинов, имеющих хотя бы общее понятие о борьбе со шпионажем. Трудно понять, почему в этих условиях ряд опытных офицеров переводился на командные должности. Показательным в этом отношении является назначение начальником штаба корпуса генерала Николая Монкевица, несколько лет возглавлявшего всю разведку и контрразведку Генерального штаба русской армии.

Как отмечал в своей книге упомянутый уже генерал Батюшин, «Ставка верховного главнокомандующего обращала на контрразведку столько же внимания, сколько и на тайную разведку, то есть предоставила им обеим работать по их собственному усмотрению, без общего руководства». По словам генерала, к контрразведке относились преступно беззаботно многие высшие чины армии до начальника штаба верховного главнокомандующего включительно. В штатах контрразведывательных отделений не предусматривалось должностей следователей, а гражданские и даже военные юристы не имели в большинстве своем опыта раскрытия шпионских дел, работы с агентурными материалами, сводками наружного наблюдения, перлюстрированной корреспонденцией, не обладали знаниями о деятельности иностранных разведок.

Орлов всем этим обладал, но статус переводчика не давал ему возможности проводить какие-либо следственные действия, а посему он ограничивался консультациями, рекомендациями,

советами, Но экспрессивная, деятельная натура прапорщика артиллерии подталкивала его к более активным шагам. Ему казалось, что многие расследования ведутся не в том направлении, в котором нужно, без должной интенсивности и решительности. И свое мнение он не скрывал не от сослуживцев, не от высшего начальства. Нравилось, естественно, это далеко не всем. Излишняя ретивость, тем более затрагивающая интересы, личное благополучие некоторых армейских чипов, способная отрицательно повлиять на продвижение по службе, затормозить получение чинов и наград, порождала недоброжелательность, а порой и ненависть. «Честные штабы, — писал официальный биограф Ставки верховного главнокомандующего капитан Михаил Лемке, — любят его присутствие: оно наводит страх на негодяев в области воровства». Тот же Лемке зафиксировал и циркулировавшие об Орлове слухи, что, мол, он из таких юристов, которые не прочь создать улики, если человек им кажется виновным.

Вполне вероятно, без ошибок и преувеличения у Орлова не обходилось. Нельзя отрицать и честолюбивые мотивы в его поведении — роль переводчика явно не соответствовала довоенному положению следователя по особо важным делам. Явных и скрытых противников в войсках Орлов себе нажил достаточно, что отражалось на его благополучии даже в период эмиграции.

Тут уместно упомянуть о нашумевшем в свое время деле жандармского подполковника Мясоедова, обвиненного в шпионаже и повешенного по приговору военно-полевого суда в Варшавской тюрьме весной 1915 года.

Историки до сих пор спорят по вопросу: была ли доказана вина подсудимого? Те, кто находит неустановленной связь Мясоедова с вражеской разведкой, а следовательно, необоснованным жестокий вердикт суда, утверждают, что дело полностью сфальсифицировано в угоду верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу Романову, желавшему свалить все свои неудачи по проведению фронтовых операций на происки немецких и австрийских шпионов и скомпрометировать военного министра В. А. Сухомлинова.

Кто же были непосредственные организаторы «дутого» дела? Называют, прежде всего, обер-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича, его подчиненного, тогда еще полковника, Н. С. Батюшина и В. Г. Орлова, который, заметим, в начале работы по уголовному делу являлся всего лишь переводчиком разведывательного отделения. В то же время совершенно не упоминаются опытные и

независимые от военных властей юристы: принявший дело к производству следователь Варшавского окружного суда П. Матвеев и надзирающий за ним товарищ прокурора Варшавской судебной палаты В. Жижин. Не найдем мы и фамилий чинов военно-судебного ведомства, таких, например, как генерал Цеге фон Мантейфель, известный в эмигрантские годы под фамилией Николаев. Основание отбора «фальсификаторов» понятно — это штабные начальники и контрразведчики, «у коих и намека на совесть и чувство справедливости нет»…

Во многих статьях, посвященных делу Мясоедова, появившихся у нас в стране, а также написанных эмигрантами, особое место отводится Орлову, поскольку считалось, что именно он обработал главного свидетеля обвинения поручика Колаковского, добровольно согласившегося на роль немецкого шпиона, чтобы возвратиться из плена на родину. Якобы Орлов подсунул ему информацию о работе Мясоедова на вражескую разведку и каким-то образом убедил поручика придерживаться таких показаний на всем протяжении следствия, а затем и перед военно-полевым судом. Каких-либо доказательств авторы, естественно, не приводят. Сам же Орлов разъяснения по делу Мясоедова и личному участию в нем изложил в нескольких письмах к известному борцу с провокаторами Владимиру Бурцеву, в надежде, что последний сможет их опубликовать либо напечатать материалы собственного расследования. Ни того, ни другого не случилось. Тогда Орлов пишет своему сослуживцу, бывшему важному прокурору Александру Резанову, и тот подготовил статью в эмигрантскую газету «Новое время». Увы, ее тоже постарались не заметить.

Мы далеки от мысли обелять Орлова, не настаиваем и на его абсолютной безгрешности, в том числе в деле жандарма Мясоедова, мы выступаем лишь за чистоту историко-юридических исследований, когда для рассмотрения и объективной оценки берутся все, без какого-либо исключения, факты и свидетельства.

Над делом Мясоедова еще стоит потрудиться, не все там ясно, в подтверждение чему приведем часть письма Орлова Бурцеву от 15 февраля 1925 года:

> «Я думаю, что преждевременно (и это через десять лет после событий. — А. З.) раскрыть все свои карты, так как дело не закончено, спрятано в Москве, следователь Матвеев тоже в Москве, а главное, масса обвиняемых находится на видных постах у московских коммунистов и они-то, и могут при некоторых указаниях в прессе

отыскать все дело и уничтожить и дело и документы».

Для ясности добавим, что речь, видимо, идет не об уголовном деле, хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве, а о материалах контрразведки.

В середине марта 1915 года В. Г. Орлов, наконец, получил процессуальные полномочия, будучи назначенным военным следователем при Ставке верховного главнокомандующего. Он участвует в разоблачении немецкого шпиона с довоенных времен ротмистра Бенсена, двойных агентов разведотдела штаба 9-й армии Сентокоралли, Затойского и Михель, австрийской шпионки Леонтины Карпюк. Он расследовал дело предателя штабс-капитана Янсена, коменданта штаба корпуса, бежавшего к австрийцам с секретными оперативными документами. Подчеркнем, что начальника этого штаба, возглавлявшего с 1909 года и до войны русскую разведку и контрразведку Николая Августовича Монкевица, отстранили от занимаемой должности по результатам расследования и с понижением направили для дальнейшей службы за границу. Данный факт, как известно, «аукнулся» Орлову в эмиграции, когда, по воли случая, он оказался подчиненным пострадавшего генерала. Высокопоставленный военный из близкого окружения П. Н. Врангеля (скорее всего, генерал Везмятинов. — А. З.) писал А. Н. Кутепову:

> «Для меня лично никогда не было секретом, что яркая личность Владимира Григорьевича создала ему некоторое число недоброжелателей, кои, как это я вполне допускаю, не зная в точности работы Владимира Григорьевича, могли в оценке последней вполне добросовестно заблуждаться, считая Владимира Григорьевича не то очковтирателем, не то политическим хамелеоном. В числе таковых достаточно откровенных недоброжелателей Владимира Григорьевича считается и генерал Монкевиц, ныне Ваш помощник».

Летом 1915 года по указанию царя Николая II была учреждена верховная следственная комиссия «для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения». А в апреле 1916 года был арестован бывший военный министр генерал-адъютант Владимир Александрович

Сухомлинов по обвинению в бездействии, превышении власти и в государственной измене. Поскольку речь шла и о связях Сухомлинова с казненным за шпионаж жандармом Мясоедова, другими агентами неприятельских разведслужб, по указанию главнокомандующего в состав указанной выше комиссии с задачей расследования шпионской деятельности всех подозреваемых в этом деле лиц из окружения Сухомлинова вошел и военный следователь В. Г. Орлов.

Но совершенно неожиданно для Орлова его снова назначают переводчиком разведывательного отдела, ссылаясь на то, что должность военного следователя не предусматривалась новым штатом. Однако работу в комиссии он не покидает, проводит допросы подозреваемых и свидетелей, ведет необходимую переписку. Недоброжелатели не преминули использовать этот факт для указания на превышение им своих полномочий.

Биограф Ставки верховного главнокомандующего Михаил Лемке отметил в своем дневнике:

> «Четырнадцатое марта. Понедельник. Был следователь Орлов. Он писал сегодня докладную записку от имени генерал-квартирмейстера о том, что вместо переводчика он должен называться „судебным следователем по особо важным делам“, т. к. только это соответствует его деятельности и поставит его следственный материал в настоящее положение для судов.
>
> Теперь бывают случаи, что суды отрицают за его следствием официальное значение».

Просьбу Орлова удовлетворили ровно наполовину — должность переводчика сократили, а следователя не ввели. Нахождение в состоянии «за штатом» свело на нет его возможности в плане участия в делах верховной следственной комиссии. Бесцельно бродить по кабинетам, отрывая штабистов от работы, либо проводить время в офицерском казино для Орлова было совершенно неприемлемо, хотя дружеского застолья он никогда не чурался.

Только начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Михаил Васильевич Алексеев мог внести необходимые изменения в штатное расписание и произвести соответствующее назначение. Владимир Орлов надеялся, что сможет убедить генерала в своей правоте, и добивался личной встречи с ним. Надо отметить, что Михаил Васильевич Алексеев со школьной

скамьи приятельствовал с отцом Орлова, не раз встречался с ним на русско-турецкой войне, видел, что детей своих тот воспитывал в патриотическом духе — «за Веру, Царя и Отечество». Утверждать, что именно это обстоятельство способствовало разрешению возникших у Орлова проблем, мы не можем, но 2 апреля его назначили на вновь образованную должность — военного следователя по особо важным делам при штабе ВГК, то есть при самом Алексееве. Так Орлов стал действовать непосредственно по указаниям начальника штаба ВГК. Долго ждать эти указания ему не пришлось.

В июне 1916 года, на основе докладов военной контрразведки о подозрительной деятельности банкира Дмитрия Рубинштейна и некоторых других финансовых воротил, своими операциями подрывавшими устойчивость снабжения фронта и тыла продовольствием, генерал Алексеев добился решения Николая II о создании специальной оперативно-следственной комиссии. Возглавил ее Генерального штаба генерал-майор Николай Степанович Батюшин, о котором мы уже не раз упоминали. В состав комиссии вошли квалифицированные офицеры контрразведки и юристы, служившие до войны в Варшавском военном округе, хорошо знакомые Батюшину.

Работа комиссии требует отдельного рассмотрения, поскольку в исторической литературе мы найдем лишь краткие упоминания о ней, а верить газетным публикациям того времени, авторы которых явно отрабатывали полученные от заказчиков-банкиров деньги, совершенно не стоит, Их лживость убедительно доказал еще в 1917 году известный «революционный сыщик», общественный деятель и публицист Владимир Бурцев. Однако удалось-таки заказным журналистам приклеить к комиссии Батюшина ярлык — «пресловутая», закрепить в сознании многих людей, что ее руководитель и члены поимели огромные деньги, необоснованно арестовывая одних и освобождая других банкиров и предпринимателей, Под влиянием подобных утверждений оказались и прокурорские деятели Временного правительства. Короче говоря, Рубинштейна и иже с ним немедленно после Февральской революции освободили, а Батюшин и многие его подчиненные заняли места в тюремных казематах. Среди тех немногих членов комиссии, кто остался на свободе, был Владимир Орлов, благодаря тому, что находился в служебной командировке на Южном фронте и в Персии, а когда возвратился в Ставку, то развернулись другие события, заслонившие вопрос о комиссии, Однако причастность к ней не пройдет для Орлова бесследно, более того, она расширит и без того немалый круг его недоброжелателей.

Положенные на бумагу компрометирующие следователя Орлова слухи (именно слухи, а не факты) осели даже в соответствующих досье иностранных разведок. Вот, к примеру, что отметило 2-е бюро французского генштаба:

> «Секретарь русской миссии (в Польше. — А. З.) Коростовец в ходе беседы с одним знакомым выяснил, что бывший секретарь комиссии Батюшина Логвинский… показал во время следствия, что Орлов также участвовал в злоупотреблениях, допущенных комиссией Батюшина».

Наверное, если бы дело Рубинштейна и компании дошло до суда, то кое-какие из собранных комиссией и персонально Орловым материалов подверглись бы сомнению и не попали бы в категорию доказательств, ряд обвинений был бы снят судом. Но история не терпит сослагательного наклонения. Произошло только то, что произошло. Без огрехов не обходится, пожалуй, ни одно расследование, но факты коррумпированности и мздоимства со стороны следователя по особо важным делам Орлова не установлены. А за свою добросовестную службу и вклад в дело борьбы с неприятельским шпионажем в период войны Владимир Григорьевич удостоился высоких наград: орденов Святой Анны, Святого Станислава, Святой Анны и Святого Владимира с мечами и с бантом.

НА СЛУЖБЕ У БОЛЬШЕВИКОВ

Период между двумя революциями менее всего отражен в биографических материалах Орлова. Нам удалось найти в Государственном военно-историческом архиве небольшое дело с перепиской о нем между Генеральным штабом и Ставкой. Судя по сохранившимся документам военные чины и правительственные комиссары не забыли его заслуг, но помнили и об участии в комиссии генерала Батюшина, поэтому конкретных дел на него не возлагали. Не обремененный службой Орлов имел возможность привести в надлежащий порядок значительно разросшийся за военные годы архив.

Как не раз заявлял сам Орлов, он придерживался монархической идеи. Однако в опубликованных у нас в стране и за рубежом исследованиях о деятельности враждебных Временному правительству организаций, таких, как Военный отдел Республиканского центра, «Военная лига», «Союз офицеров армии и флота», по преимуществу также монархической направленности, фамилии Орлова мы не находим. И это притом, что основные силы указанных организаций находились в Могилеве, в Ставке ВГК, где он и служил. Можно допустить, однако, что Орлов умело скрывал свою принадлежность к различным «союзам» и «лигам». До сих пор неизвестен, к примеру, состав особой конспиративной группы внутри «Союза офицеров», основной целью которой, как утверждал позднее А. Ф. Керенский, было установление военной диктатуры путем переворота Подтверждение наличия такой группы мы находим на страницах «Очерков русской смуты» А. И. Деникина, однако даже он не назвал ни одной фамилии. Известно, что «конспиративная группа» готовила почву для того, чтобы генерал М. В. Алексеев, не раз протежировавший Орлову, мог стать диктатором. Но в мае 1917 года Алексеева снимают с поста главкома, и он уезжает в Петроград, где находился до большевистской революции.

В первые дни нового режима Орлов навестил своего патрона до отъезда последнего на Дон и получил от него последнее поручение — создать в Петрограде, Москве и некоторых других городах подпольную разведывательную организацию, способную обеспечить формирующуюся Белую армию необходимой военной и политической информацией, а также для переброски в донские районы и на Север, где возможно было ожидать интервенционистские войска, готовые продолжать борьбу офицеров. С благословения генерала Алексеева В. Г. Орлову предоставлялось право установить и поддерживать связи с

представителями в России союзнических разведывательных служб, прежде всего с англичанами и французами, и доводить до них добытые сведения о замыслах и реальных планах советских властей. Выработать же план деятельности организации, подобрать необходимые кадры и наладить устойчивую связь с генералом Алексеевым предстояло самому Орлову.

Итак, начало 1918 года — это новый этап в жизни профессионального юриста Орлова. Никогда ранее ему не приходилось быть на нелегальном положении, пользоваться поддельным паспортом на вымышленную фамилию, заниматься агентурной работой, не защищать закон, а проводить акции, за которые по декретам советской власти полагаюсь суровое наказание, вплоть до расстрела.

Первый шаг — легализация. К январю 1918 года этот вопрос удалось решить. В Петрограде появился польский революционер Болеслав Иванович Орлинский, а следователь по особо важным делам при Ставке ВГК почти бесследно исчез. Тем же, кто вздумал бы его искать, предусмотрительно запущенный слух подсказывал — уехал на Украину навестить родственников. Пришлось Орлову менять и свою внешность — отпустить бороду и усы.

Однако главной для него задачей было проникновение на службу в какое-либо советское учреждение, обеспечив тем самым легальный статус, гарантирующий от случайных арестов, обысков и прочих массовых мероприятий, проводившихся в эту смутную пору в целях борьбы с контрреволюционерами. Одновременно солидное должностное положение давало возможность лично получить доступ к нужной информации, заводить полезные знакомства в среде чиновников властных и партийных структур.

В своей книге Орлов указывает, что начал внедрение в советский аппарат с получения рекомендательных писем от своего старого друга Б. «Я не осмеливаюсь, — писал он, — назвать его фамилию, чтобы не скомпрометировать его, учитывая то положение, которое он занимает теперь в Москве».

Эта ремарка не более чем попытка автора показать читателям, прежде всего соотечественникам-эмигрантам, свое отношение к канонам офицерской чести (мол, друзей, даже ставших по другую сторону баррикад, не продаю).

Для советских органов безопасности никакого труда не составляло «вычислить» таинственного друга Орлова в столице СССР. Достаточно было произвести небольшой поиск в архиве СНК или еще проще — допросить бывшего секретаря Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, задав единственный вопрос: «Кто рекомендовал „товарища Орлинского“ к нему?» Сейчас остается только гадать, почему этого не было сделано.

Допустим, что ОГПУ недосмотрело. Анализ сохранившихся документов из знаменитого архива Орлова и других материалов позволяет нам почти со стопроцентной уверенностью сказать, что отрекомендовал Орлова-Орлинского на советскую службу родной брат тогдашнего секретаря В. И. Ленина — генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, неутомимый борец с немецкой агентурой в годы первой мировой войны, всячески способствовавший деятельности следователя по особо важным делам и упомянутой нами комиссии Батюшина. В своих воспоминаниях под заголовком «Вся власть Советам», напечатанных в 1958 году, генерал, естественно, не упомянул Орлова ни разу, а описание своих контактов с известным агентом английской разведки Сиднеем Рейли (о котором речь впереди) существенным образом исказил, поскольку отрицать их было невозможно после опубликования воспоминаний британского шпиона.

Но вернемся к В. Г. Орлову. Из аппарата СНК он был направлен в распоряжение первого наркома юстиции Петра Ивановича Стучки и встречен тем, что называется, с распростертыми объятиями. У наркома с кадрами, тем более имеющими университетское юридическое образование, было туго, и назначение Орлова-Орлинского состоялось без всякой оттяжки, связанной с проверкой нового сотрудника. Да и что проверять — звонка из Совнаркома хватило с лихвой. И вот Орлов во главе 6-й уголовно-следственной комиссии. В первые месяцы советской власти различных следственных органов в Петрограде существовало почти десяток. Работали они независимо друг от друга, зачастую параллельно, без четкого разграничения предмета ведения. Совнарком даже вынужден был принять специальное решение по данному поводу, в котором говорилось следующее:

> «Ознакомившись с положением дел в разных следственных комиссиях, СНК в целях упорядочения борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией постановляет: „В Чрезвычайной комиссии — концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение дел, ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале“.

Однако на практике выдержать это решение в первое время

не удавалось. Данное обстоятельство здорово помогало Орлову, не работая официально в ВЧК (а после ее переезда в Москву в Петроградской ЧК), быть в курсе отдельных, проводимых ею оперативных и следственных действий, добиваться решений о передаче производства по некоторым делам из Чрезвычайной комиссии в свое ведение, спасая тем самым попавших под подозрение лиц от возможного расстрела.

Чтобы еще более приблизиться к чекистам, Орлов в различных докладных записках старался поднять в глазах начальников значимость для молодой Республики Советов своей работы. Для примера приведем выдержку из одного документа:

> «Производя следствие по этого рода делам (спекулятивным и мошенническим. — А. З.) — я все время обнаруживал систематическую утечку банковских ценностей за границу и устанавливал лиц — обычно крупных капиталистов и банкиров, кои принимали все меры к сокрытию своих капиталов за границу. Заграничные капиталисты шли им в этом отношении широко навстречу и покупали у русских банкиров аннулированные процентные бумаги и другие банковские ценности задним числом, чтобы своевременно от имени своих правительств предъявить их к оплате России. Считая, что подобного рода деяния являются преступлением государственным, я же вправе обследовать только преступления уголовные, все сведения по этого рода делам направлял по принадлежности Чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией».

В ВЧК должны были по достоинству оценить уровень понимания проблем своим соратником.

Возможности «товарища Орлинского» еще более расширились, когда состоялось назначение его председателем Центральной уголовно-следственной комиссии при Наркомате юстиции Союза коммун Северной области. Теперь его влияние распространялось на территорию Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний.

Случайная встреча с Председателем ВЧК Феликсом Эдмундовичем Дзержинским в мае 1918 года имела совершенно непредсказуемые последствия. Дзержинский, конечно же, узнал следователя по своему делу, которое тот вел шесть лет назад.

Известно, как относились новые власти, а тем более чекисты к тем, кто принимал участие в преследовании революционеров в царские времена. Как правило, разговор был короткий — ставили к стенке персонально или содержали под стражей до расстрела в числе заложников. Исключения из правила подтверждали само правило. Это как раз и случилось с Орловым. Дзержинский запомнил корректность, даже некоторую доброжелательность следователя, отсутствие с его стороны нарушений установленных тогда правовых норм, угроз и издевательств.

Можно доверять или не доверять описанию встречи с «железным Феликсом», приведенной в книге Орлова, но итог ее документально установлен — он не только не был арестован, но вскоре продвинут по служебной лестнице. Более того, зная о специализации Орлова в период военных действий на расследовании шпионских акций немецкой разведки, председатель ВЧК стал поручать ему конспиративные задания в этой сфере, помимо Петроградской ЧК. В одном из писем-отчетов Дзержинскому он сообщал:

«Я тут завален мелкой, пустяковой работой, что буду благодарен, если Вы меня хоть на месяц заберете к себе для организации работ по борьбе со шпионажем. Здесь она еле-еле существует, так как все кустарно. Понятно, с таким налаженным аппаратом, каким является германская разведка, бороться нужно техникой и опытом. У меня наклевывается отличная агентура: 1) среда военнослужащих; 2) в германофильских кругах аристократии; 3) в германофильских кругах финансовых и 4) в германской миссии».

Не исключено, что В. Г. Орлов составил бы реальную конкуренцию Якову Блюмкину при рассмотрении кандидатур на должность руководителя контрразведки Всероссийской ЧК. Воспрепятствовал этому, не зная сам того, будущий секретарь ЦК РКП (б), а затем полпред СССР в Берлине Николай Николаевич Крестинский (руководитель органов юстиции в Петрограде), не желавший расстаться с опытным и деятельным юристом.

Успехи на советской службе позволяли Орлову самым активным образом вести свою подпольную деятельность. Еще в начале февраля 1918 года он вошел в контакт с заместителем резидента французской разведки в России капитаном Фо-Па и офицером этой же службы Вакье, с которыми активно обменивался информацией и получал от них субсидии на разведывательную работу. С англичанами, в лице разведчиков Ватсона и Бойса, поначалу дело не заладилось. Они хотели использовать возможности Орлова для организации разведработы

исключительно по немцам в прифронтовой и зафронтовой полосе. Политические вопросы, включая развитие коммунистического движения и большевистской пропаганды, их тогда интересовали меньше.

Орга, как сам Орлов называл разведывательный центр, насчитывала почти восемь десятков сотрудников, проникших во многие советские учреждения. Часть из них использовалась «втемную», не догадываясь, кому и зачем они дают сведения. Не исключено, что к числу таких агентов относился, к примеру, генерал Михаил Бонч-Бруевич. О других «источниках», как и о самом «центре», до сегодняшнего дня почти ничего не известно. Даже в книге Давида Гоменкова «Крушение антисоветского подполья в СССР», которую считают насквозь идеологизированной и недостаточно объективной, однако наиболее полной с точки зрения насыщения сведениями из истории тайной борьбы в первое десятилетие советской власти, мы не найдем указания на орловскую организацию. Сам же Орлов упомянут в ней не единожды, однако в связи с другими эпизодами своей биографии, о которых мы еще скажем. Отрывочные сведения о подпольной работе «Орлинского» имеются в делах на шпионские группы Жижина-Экеспаре и Стояновского, хранящихся в архиве ФСБ. Обе они были раскрыты чекистами в октябре — декабре 1918 года.

При допросе Стояновского выяснилось, в частности, что в мае он «поступил в качестве разведчика к председателю уголовно-следственной комиссии Орлинскому, который в то же время служил в разведке во французской миссии», который направил своего нового агента на сбор сведений в интересах французов и англичан.

Штаб-ротмистр Александр Экеспаре утверждал, что прибыл в Петроград по заданию генерала Алексеева и связался с Орловым, знакомым ему еще по службе в Ставке верховного главнокомандующего. Одновременно Экеспаре установил контакт с английским резидентом Бойсом.

— Орлинский был посвящен во многое, — утверждал в ЧК на допросе Экеспаре, — чего я совершенно не знал, так как не старался заглянуть в верхи организаций… наоборот, Орлинскому были, очевидно, известны серьезные связи и крупные имена.

Не входя в непосредственный контакт с резидентурой английской разведки, а действуя через Экеспаре, Орлов снабжал союзников сведениями о действиях немцев в Петрограде и на фронте, освещая заодно и работу некоторых советских органов. Как и приказывал еще в ноябре 1917 года генерал Алексеев, разведцентр Орлова обеспечивал устойчивую связь с районами

формирования Белой армии и переправлял туда офицеров. В докладной записке в штаб А. И. Деникина, представленной Орловым после прибытия на контролируемую белыми войсками территорию, он указывал, что таких офицеров было отправлено свыше восьмисот человек.

В конце весны 1918 года состоялось знакомство Орлова с «нелегалом» Секрет интеллидженс сервис (СИС) Сиднеем Рейли, приятельские отношения с которым он поддерживал до ареста английского агента чекистами в 1925 году. Несколько лет спустя жена Рейли — Пинита Бабадилья опубликовала его записки. Поскольку на русском языке они пока не изданы, познакомим читателя с небольшим отрывком, где говорится об Орлове:

> «Между тем мне было нужно довольно часто ездить в Петроград, чтобы отвозить донесения, полученные от полковника Фриде, и встречаться с друзьями, живущими в этом городе. Поэтому я попросил полковника достать мне пропуск. Полковник посоветовал последовать его примеру и поступить на службу в одно из советских учреждений и помимо пропуска дал мне рекомендательное письмо к Орловскому, председателю Петроградской ЧК по уголовным делам, который, как и Фриде, был антикоммунистом.
>
> ЧК состоит из двух частей — политической тайной полиции под началом Дзержинского, самой дьявольской организации за всю историю человечества, и уголовной, соответствующей полиции в цивилизованной стране. Председателем последней и был Орловский, бывший следователь, и именно к нему направился я по прибытии в Петроград.
>
> Я в полном смысле слова лез в логово льва, но другого выхода не было. Чтобы получить постоянный пропуск, я должен был пойти к Орловскому. В Москву я вернулся товарищем Релинским, сотрудником ЧК.
>
> Разумеется, я поспешил воспользоваться своей новой должностью. Она давала мне ценнейшие возможности, которые я быстро реализовал, получив очень важную информацию.
>
> Орловский был человеком сардонического склада. Я помню рассказ Грамматикова о его первой встрече с господином председателем. Однажды он, к своему полному ужасу, был вызван в ЧК по уголовным делам. Дрожа от страха, Грамматиков явился в ЧК,

расположенную в здании бывшего Министерства внутренних дел на набережной Фонтанки. Его тут же провели в роскошные апартаменты старого министерства, в которых разместился председатель. Председатель сидел за столом, вместе с ним в кабинете находилась стенографистка.

Когда Грамматиков вошел, председатель представился Болеславом Орлинским и говорил с сильным польским акцентом.

Затем, отпустив стенографистку и повернувшись к Грамматикову, он произнес на чистом русском языке: «Что же, господин Грамматиков. Вижу, что вы меня не узнаете».

Грамматиков понял, что человек, сидящий напротив, знаком с ним, но вспомнить его не мог. Председатель напоминал ему кого-то, но кого?…

— Помните Орлова, — продолжил председатель, — судебного следователя из Варшавы?

Грамматиков был адвокатом и работал в том же суде. Теперь он узнал в сидевшем перед ним господине знаменитого судебного следователя по делам о шпионаже. Как он стал председателем ЧК? Об этом не спрашивают.

— Я знаю, — сказал Орлов, — что вы должны ехать в Москву, но все передвижение между Петроградом и Москвой для обычных граждан запрещено. Вот билет туда и обратно. Поедете как мой сотрудник, А теперь — до свидания. Зайдите ко мне снова сразу же, как вернетесь из Москвы.

Таким образом, мы с Грамматиковым очень просто решили чрезвычайно сложный вопрос о поездках из Петрограда в Москву и обратно. Мы ездили как сотрудники ЧК по уголовным делам».

У Орлова и Рейли были очень схожие взгляды на перспективы развития европейских и других стран в случае неоказания сопротивления международной коммунистической пропаганде, деятельности организаторов коммунистического движения и агитаторов, направляемых из Советской России. По их мнению, именно на этом направлении необходимо было сосредотачивать усилия разведывательных и полицейских служб различных государств, не забывая, естественно, всяческую помощь белым армиям и подпольным контрреволюционным группам для

свержения власти большевиков — первоисточника угрозы в виде мировой революции.

Поэтому нельзя сводить, как это делалось во многих изданиях советского периода, совместную работу Орлова с Рейли другими представителями спецслужб Антанты к банальному шпионажу. Кстати говоря, добываемую информацию о замыслах немцев в Петрограде и на фронтах и Орлов, и союзнические разведчики доводили до советского командования. Шла война, и кайзеровская Германия была общим врагом, в противодействии ей сходились, пусть и временно, интересы советских властей, антантовских специалистов тайной борьбы и подпольных организаций, подобных орловской.

Для работы по «немецкой линии» Орлов завербовал сотрудника германского консульства в Петрограде Вальтера Бартельса. Видимо, о нем идет речь в процитированном нами фрагменте письма Орлова Дзержинскому. Но Орлов не сообщил своему неофициальному начальнику, что не только получает от немца важные сведения, но и сам снабжает Бартельса информацией, в частности о большевистской пропаганде в Германии и причастности к этому советского посла Йоффе. На процессе В. Г. Орлова в Берлине в 1929 году допрошенный в качестве свидетеля Бартельс показал:

> «Действительно, Орлов дал чрезвычайно ценные сведения… Все сообщенное Орловым подтвердилось. Никогда он не спрашивал, не просил и не получал денег за свои услуги».

Контакты с Бартельсом союзники, и в частности французы, оценили по-своему — хоть и пользовались полученной через него информацией, но Орлова занесли в «черный» список германских шпионов. Вместо обещанных орденов и других наград закрыли навсегда ему въезд во Францию и многие годы держали под агентурным наблюдением, о чем свидетельствуют материалы совсем недавно возвращенного на берега Сены архива французской разведки.

Из-за нелепой случайности в конце сентября 1918 года (в книге Орлова об этом рассказано подробно) чекисты вышли на «товарища Орлинского», и ему удалось бежать из Петрограда только благодаря усилиям Бартельса. При нелегальном переходе границы Орлов получил ранение в живот, но остался жив и в феврале 1919 года вступил в ряды Добровольческой армии. Так закончился советский период деятельности следователя.

В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Залечив полученную рану в одном из варшавских госпиталей, — собрав у знакомых кое-какие деньги на дорогу, Орлов решает пробираться в Одессу, к добровольцам. Одолев в одиночку далеко не безопасный путь, в начале февраля 1919 года он уже шагал по улицам города, отыскивая штаб белых войск. Надо полагать, что в штабе нашлись офицеры, знавшие Орлова лично либо осведомленные о его деятельности. Обычно к лицам, которые прибыли из-за линии фронта, относились с недоверием, проводилась необходимая в таких случаях проверка. Вся эта процедура закончилась для Орлова довольно быстро, и 6 февраля командующий войсками Добровольческой армии одесского района генерал Александр Сергеевич Санников назначил его начальником контрразведывательного отделения своего штаба.

До вступления Орлова в должность контрразведки здесь фактически не существовало. На агентурную работу, основу любой спецслужбы, отпускались столь незначительные суммы, что о реальных и успешных действиях вообще не стоило и говорить. Приходилось уповать на органы безопасности французских интервенционистских войск. Орлов смог убедить командование, что такое положение недопустимо. Поддержанный начальником штаба полковником Неймирок, он добился для начала увеличения в четыре с лишним раза штата сотрудников наружного наблюдения, расходов на вербовку и работу с секретными сотрудниками. Результаты не пришлось долго ждать, Агенты Орлова проникли в подпольную организацию «Моревинт» («Молодежный революционный интернационал»), «Объединенный Совет Южно-Русской коммуны анархистов», а через него вышли на областной комитет большевиков и типографию газеты «Коммунист», выходившую на русском, польском и французском языках. Тираж только французской версии газеты составлял пять-шесть тысяч экземпляров, плюс листовки, предназначенные для офицеров и солдат иноземных войск.

Естественно, была почва для сотрудничества между белогвардейской и французской контрразведками. Они, что называется, на своей шкуре убедились в действенности большевистской пропаганды, на которую коммунистический центр в Москве не жалел денег. Поток воззваний к французским и греческим солдатам шел и из Константинополя, где большевикам удалось создать неплохую полиграфическую базу и наладить транспортировку печатной продукции в Одессу.

На второй областной большевистской партийной

конференции секретарь обкома Иван Смирнов-Ласточкин призвал удесятерить усилия по разложению войск противника, и все присутствующие поддержали докладчика. Еще в Москве, перед убытием на подпольную работу, Ласточкину указали, что следует создать специальную организацию для работы в войсках интервентов. Так появилась воспетая в историко-революционной литературе Иностранная коллегия, состоящая из национальных секций: французской, сербской, польской, румынской и греческой. В Одессу по заданию ЦК РКП(б) прибыла французская коммунистка Жанна Лябурб и энергично включилась в пропагандистскую работу. Под влиянием большевистской агитации французские войска стали постепенно разлагаться, что в высшей степени волновало и нервировало их командование.

Начальник штаба французского контингента полковник Фрейденберг и начальник 2-го бюро (разведка и контрразведка. — А. З.) майор Порталь беспрерывно посылали в Париж донесения об усилении брожения среди военнослужащих. Перед лицом реальной угрозы восстания воинских частей французская контрразведка «забыла» о ярлыке германского шпиона, который она же навесила на Орлова в Петрограде, и усиленно укрепляла контакты с ним.

Проанализировав всю добытую агентурным путем информацию, контрразведчики пришли к выводу о необходимости проведения совместной операции. 1 марта удалось арестовать Жанну Лябурб и еще нескольких членов Иностранной коллегии и активистов из числа французских моряков и солдат. Десять человек, по приказу французского командования, были ночью расстреляны. Скоропалительные, бессудные действия коллег вызвали недовольство у Орлова как у юриста, а теперь и специалиста в области тайной борьбы. Нельзя исключать, что среди расстрелянных мог быть и его агент, от которого тянулась ниточка к руководителю подполья Ивану Ласточкину. Но французы не реагируют на критические замечания, давая понять, кто в городе хозяин.

А тем временем Ласточкин докладывал в советские руководящие органы: «Имеем теперь связь с Главным штабом Добровольческой армии… Кроме того, имеем связь со всеми штабами». Так оно и было. Только одного не знал Ласточкин, лично занявшийся разведработой, что одна из этих связей специально подставлена ему Орловым — это был офицер контрразведки, которого сам Ласточкин окрестил псевдонимом Барин. 15 марта руководитель большевистского подполья должен был получить от Барина список офицеров Добровольческой армии, переходящих на сторону советской власти и готовых

примкнуть к подпольщикам в случае вооруженного восстания. На встрече Ласточкина арестовали и, боясь попыток со стороны большевиков отбить своего вождя, передали под охрану французов. Они церемониться не стали и, предчувствуя скорую эвакуацию из Одессы, утопили Ласточкина в море. В отместку подпольщики ликвидировали Барина, предприняли попытку убийства и самого Орлова.

Организуя борьбу с нелегальными организациями, в том числе и нацеленными на пропаганду коммунистических идей среди иностранных войск, предвидя, что посеянные большевиками семена, несомненно, дадут всходы далеко за пределами бывшей Российской империи, Орлов укрепился в мысли о необходимости противодействия большевизму не только в своей стране, а и там, где революционные процессы уже набирали силу, прежде всего, конечно же в Европе.

Одним из первых, если вообще не первым, он выдвигает проект создания Международного бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, прикосновенных к деятельности большевистского правительства. В объяснительной записке Орлов указывает:

> «Одним из способов борьбы с мировым большевизмом Державы Согласия наметили блокаду большевистского очага. Необходимо не дать этой заразе просачиваться в другие страны Европы, для чего все страны, стремящиеся предохранить себя от большевизма, должны объединить и координировать свои действия в этом направлении».

Международное бюро, по замыслу автора записки, должно действовать по директивам главного союзного командования и каждая страна, вошедшая в соглашение, иметь своего представителя в центральном аппарате бюро. Идея создания подобного рода организации не оставит Орлова многие годы, но все его усилия разобьются о каменные лбы политиков и руководителей национальных специальных служб.

Но тогда, в Одессе, он искренне полагал, что все буржуазные деятели верно оценили состоявшиеся в Москве в начале марта 1919 года учредительный конгресс Коминтерна, осознали, какими методами Интернационал будет действовать, опираясь не на слегка ожиревших от спокойной жизни членов социал-демократических партий, а на преданных коммунистической идее людей, готовых на все ради ее воплощения в жизнь во всемирном

масштабе.

Со своим проектом Орлов в первую очередь, конечно же, ознакомил французов, рассчитывая, что уж они-то, убедившиеся в действенности большевистских мероприятий, прежде всего в области пропаганды, пойдут ему навстречу. Позднее он вспоминал:

> «Принимая во внимание большевистское проникновение в союзные страны, майор Порталь направил в Париж план моей работы по наблюдению за большевистскими агентами за рубежом с отдельной припиской. Было даже решено направить меня в Париж для организации Центрального бюро регистрации и установления связей с Советской Россией и различными зарубежными резидентурами».

И какова же была реакция высокопоставленных парижских чиновников? Чтобы оценить ее, приведем записку директора службы безопасности Франции — «Сюрте женераль» на имя военного министра, совершенно недавно найденную в архиве и любезно предоставленную нам историком Валерием Авдеевым.

Вот текст данной записки:

> «…Вы запросили мое мнение о проекте господина Вальдемара Орлова, русского действительного статского советника, по поводу создания антибольшевистской разведывательной службы. Имею честь сообщить Вам, что не могу дать положительного отзыва на создание организации, которая, по всей вероятности, будет состоять из русских и ответвления которой будут в соседних странах, и в частности в Берлине, поскольку, как мне кажется, есть опасения, что проектируемая организация будет служить не тем целям, которые заложены в проект для оправдания целесообразности ее создания…
>
> С другой стороны, деятельность разведывательной службы повлечет за собой постоянные передвижения русских агентов между Россией и Францией, а это, на мой взгляд, доставит нам больше неудобств, нежели выгоды».

Конечно же Орлов не читал этого документа, но в последующих контактах с французами понял, что особой поддержки он не получит и стоит пока налаживать работу, опираясь на штабные структуры Добровольческой армии.

Есть сведения, что одна из копий проекта создания Международного бюро сказалась в руках советских властей после стремительной и плохо организованной эвакуации интервентов, а с ними и белогвардейских частей из Одессы. Это был сигнал для чекистов. Он указывал на то, что своевременно не разоблаченный и не отловленный «товарищ Орлинский» не застрелен при переходе границы, как явствовало из помещенной его тайными сподвижниками заметки в петроградской газете, а жив и здоров, активно работает против органов советской власти и Коминтерна. Охота за Орловым, видимо, еще не началась, но в Особом отделе ВЧК и в Разведупре Красной Армии учетные карточки на него завели, а следовательно, положили начало созданию информационной базы для последующих активных мероприятий.

4 апреля 1919 года вооруженные рабочие отряды заняли банк, телеграф, помещения полиции, а через два дня советские войска вошли в город Одессу. На борту одного из последних пароходов, покидающих одесский порт, находился и Орлов, теперь уже бывший начальник контрразведывательного отделения. Штурман взял курс на Новороссийск. В штабе Добровольческой армии в Екатеринодаре, куда Орлов прибыл в начале мая 1919 года, конкретной должности поначалу ему не нашли. Свои услуги он предложил работавшей комиссии, призванной упорядочить систему органов разведки и контрразведки, определить направления и формы их деятельности. На основе рекомендаций комиссии, в которых было учтено и письменно зафиксировано мнение Орлова, произошла реорганизация белогвардейских спецслужб. Общее руководство разведкой и контрразведкой вне зоны боевых действий возлагалось теперь на отдел Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем генерале Антоне Ивановиче Деникине. В указанном отделе Орлов стал заведовать «особо секретной разведывательной политической сетью на западной границе Совдепии» в районе Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Румынии. Слова «политическая сеть» означали, что ему удалось, пусть только частично, реализовать давно созревшие замыслы. В своем письме Владимиру Бурцеву он сообщал, что еще надеется на контакт с французами, и даже намечает поездку в Париж. В связи с этим просит отыскать бывшего начальника французской контрразведки в Одессе майора Порталь, который обещал представить его к награждению орденом Почетного

легиона за оказанные союзникам услуги. Напомним, что аналогичное обещание давали офицеры Вакье и Фо-Па в период работы Орлова в Петрограде. Вполне вероятно, что они, так же как и Порталь, сдержали слово, однако руководители спецслужб в Париже принимали иные решения.

Забегая несколько вперед, отметим, что Орлову удалось лишь единожды побывать в столице союзного государства. Транзитную визу ему выдали в Варшаве, во французской миссии, за что, кстати, ответственного за это чиновника отстранили от должности. И было за что. Ведь врангелевского контрразведчика зачислили не только в немецкие, но уже и в английские шпионы. В одном из архивных документов читаем:

> «Владимир Григорьевич Орлов недавно прибыл в Париж. …Занимая важный официальный пост в правительстве Врангеля, Орлов в то же время являлся английским агентом. Деятельность Орлова была направлена непосредственно против Франции… Как он сам говорит, деятельность Орлова направлена против немцев и большевиков, но она очень подозрительная, и поэтому за Орловым надо установить плотное наблюдение».

Французы не поддержат — к такому выводу Орлов приходит к концу 1919 года. Остаются англичане, и в частности Сидней Рейли. Последний побывал в Одессе со специальной военной миссией, повстречался там с «товарищем Орлинским», не раз выручавшим его в 1918 году в Петрограде. «Я все надеюсь, — писал Орлов через год Сиднею Григорьевичу, — что и Вы не оставляете мысли об организации того Международного регистрационного бюро, о котором мы с Вами мечтали. Теперь это больше нужно, чем когда-нибудь. Делаете ли Вы по этому поводу что-либо? У меня в Совдепии работа кипит. Остается только санкция цивилизованных государств».

Всплеск активности действительного статского советника (это звание было пожаловано В. Г. Орлову главнокомандующим Деникиным. — А. З.) зафиксировали и в ВЧК. Соприкасавшийся с ним офицер, перейдя на сторону красных, рассказал чекистам о деятельности особого разведывательного отдела. Вновь завербованный агент сообщил, что Орлов занимается установлением и прослеживанием деятельности лиц, посланных из Советской России за границу, а также за теми, кто вредит интересам Добровольческой армии, включая А. Ф. Керенского.

Сотрудники разведки выезжали в европейские страны, снабженные ценностями и иностранной валютой. Им удалось, по сведениям агента ВЧК, завербовать одного из секретарей советского полпреда в Эстонии Максима Максимовича Литвинова (Баллах). На советской территории имеются явочные квартиры в Москве и Харькове, куда прибывают привлеченные Орловым офицеры, имеющие задания на внедрение в государственные и партийные структуры. Через своих коллег-контрразведчиков Орлов внедрял агентов в подпольные большевистские организации, и после отступления белогвардейских войск те занимали официальные посты при новой власти.

К середине 1919 года для многих генералов и офицеров Белой армии стало ясно, что победа будет не за ними. Учитывая, что Орлов владел более полной информацией, чем большинство военных, то он мог составить наиболее точный прогноз. Несомненно, предстояло продолжать борьбу за Россию, какой он ее представлял, находясь в эмиграции, а следовательно, подлежало укрепить разведывательную работу с позиций иностранных государств. В лице своего шефа — начальника Военного управления «Вооруженных сил Юга России» генерала Никольского он находит полную поддержку, и всем военным агентам в Европе была направлена телеграмма следующего содержания:

> «Мною командирован в Западную Европу начальник разведывательной части отдела Генерального штаба, действительный статский советник Орлов для выяснения постановки агентурного дела в военных агентурах (т. е. атташатах. — А. З.), организации тайной противобольшевистской разведывательной сети за границей и связи ее с Генеральным штабом».

Летом 1920 года Владимир Григорьевич Орлов покинул родину, не зная еще, как и большинство будущих эмигрантов, что не вернется сюда никогда. До отъезда он писал Владимиру Бурцеву:

> «С приходом нас в Москву Вам необходимо приехать в Россию — все объединимся, силы хватит».

Надеждой жив человек.

В БЕРЛИНСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ

Объехав ряд европейских столиц, включая и Париж, где, как мы знаем, его не особенно желали видеть, Орлов получил приказание направиться в Ригу и организовать сбор информации о ходе советско-польских мирных переговоров, возобновленных в конце сентября 1920 года. Члены московской делегации (а в составе ее, несомненно, находились сотрудники ВЧК или Разведупра Красной Армии) не отфиксировали появление Орлова в городе, а он тем временем вел тайные переговоры с советским военным экспертом, генералом Федором Федоровичем Новицким. Чем их встречи закончились, Орлов никогда не упоминал, как, кстати, и о других лицах из числа военных и гражданских лиц, с которыми имел деловые, а тем более конспиративные отношения. Даже несколько лет спустя, когда к архиву Орлова получат доступ агенты иностранного отдела ОГПУ, они не смогут найти свидетельств против связанных с ним советских граждан. Свою агентуру он берег как зеницу ока. В конфиденциальной переписке с Бурцевым мы найдем следующее:

> «Пожалуйста, не давайте моих материалов французам. Они обязательно провалят мою агентуру. Уже некоторые из моих материалов попали к французам, а от них немедленно к большевикам, и я очень боюсь за своих агентов».

Главным эмигрантским центром первой половины 20-х годов, несомненно, была Германия. Наибольшее число русских беженцев концентрировалось в ее столице. Берлинский этап эмиграции был, естественно, неслучайным явлением. Сравнительно быстрое восстановление отношений между Советской Россией и Германией, относительная географическая близость последней с покинутой родиной, схожесть жизненных условий в разоренной в ходе мировой, а затем и Гражданской войны России и поверженной союзниками Германии. Набирала обороты взаимная торговля, укреплялись хозяйственные и культурные связи.

Все это учитывалось штабом генерала Врангеля. По данным, собранным Всероссийской ЧК на 1921 год, врангелевская разведка предстает в следующем виде. Главный ее орган пока оставался в Константинополе и руководился Генерального штаба полковником Александром Игнатьевичем Гаевским. Своей

задачей он имел не только «чистую» разведку и контрразведку, но и проведение активных акций против большевиков в самой России и в европейских странах, вступая в контакты с различными антисоветскими организациями и правительственными структурами. Наиболее активной, подчиненной Гаевскому резидентурой являлась берлинская. Она состояла почти из десятка бывших офицеров и военных чиновников и возглавлялась Орловым, который действовал под псевдонимами Орбанский и Боровой.

Интересную, на наш взгляд, оценку в этот период времени дает бывшему следователю и его работе один из советских закордонных секретных сотрудников:

> «После развала армии Врангеля руководитель его заграничной разведывательной агентуры действительный статский советник Владимир Григорьевич Орлов не ликвидировал своей организации, а продолжает ею руководить, располагая весьма большими средствами и полномочиями, данными ему французским правительством (в этом чекистский информатор явно заблуждался. — А. З.). Личность и значение деятельности Орлова всеми, с кем мне приходилось сталкиваться, характеризовалась в качестве первоклассной по своему разведывательно-политическому значению. В. Г. Орлов, будучи скрытой пружиной, которой приводились в исполнение и движение разного рода начала дел разведывательного характера, потом махинации политического свойства, с течением времени стал автономным выполнителем своих собственных планов… поставив себе целью борьбу с коммунистами и советской властью… Особенно интенсивной была работа Орлова в Польше. Здесь его задачей было управление работой Савинкова. Последний никак не мог сговориться с представителем Врангеля генералом Махровым, и Орлов, приехав в Варшаву, добился того, что Савинков подчинился Врангелю. В настоящее время Орлов подготовляет новый план атаки на Советскую Россию. В основание этого плана положен польско-румынский военный договор относительно совместных действий против России. Считается лишь необходимым спровоцировать войну России, и тогда Польша автоматически начинает войну».

Добавим к этому, что Орлов принял действенное участие, вероятно в контакте с англичанами, в организации «Петроградской боевой организации», во главе которой стоял профессор В. Н. Таганцев.

Реально осознав, что объединить усилия спецслужб европейских государств вряд ли удастся, Орлов изменил свою тактику, но остался в глазах многих эмигрантов и ВЧК как разработчик проекта и ярый сторонник реального создания так называемого «Белого Интернационала».

На сводке, из которой мы процитировали выше характеристику бывшего следователя и его акций, рукой заместителя начальника Особого отдела ВЧК Артура Христиановича Артузова начертано указание подчиненному сотруднику: «Завести агентурное дело на Орлова и разведку Врангеля». Это уже не просто учетная карточка, далеко не на всех деятелей эмиграции чекисты собирали досье, на основе материалов которых планировались и проводились специальные мероприятия. Орлов попал в разряд наиболее опасных врагов советской власти. После Гражданской войны ВЧК-ОГПУ — это уже не машина, перемалывающая противоправительственные элементы и тех, кто заподозрен в принадлежности к ним. Быстрыми темпами укреплялся и расширялся агентурный аппарат органов безопасности, в том числе и за границей, росло мастерство контрразведчиков и разведчиков, оттачивались новые приемы борьбы. И Орлов ощутил их на себе.

Выстроенная чекистами программа действий базировалась на абсолютно реальном прогнозе — у Врангеля постепенно начнет нарастать нехватка денежных средств, пойдут сокращения расходов по всем линиям, включая и разведку. А агентам, как известно, нужно регулярно платить: дешевые тайные службы могут стать источником повышенной опасности для их хозяев. Старые агенты, разочарованные безденежьем резидентов, отойдут от дел либо станут прирабатывать на другие структуры. Учитывая деятельную натуру Орлова и даже некоторую азартность в работе, он, несомненно, будет искать новых, менее требовательных источников информации, в число которых возможно продвинуть своих людей, действующих якобы исключительно из идейных соображений. В результате врангелевский резидент окажется в плену тех сведений, которые направят из ВЧК или ее берлинской резидентуры.

Так или почти так и происходило.

Как мы показали ранее, дела Орлова пока шли неплохо. Врангелевский представитель в Берлине генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен докладывал руководству, что

действительный статский советник работает не покладая рук и деятельность его «заслуживает быть отмеченной по своей интенсивности и плодотворности в части, касающейся обследования деятельности большевиков и III Интернационала». Хольмсен высказался против создания дублирующего разведцентра неким полковником Поляковым, стремившимся не столько протянуть агентурные линии на Россию, сколько тратить деньги в Европе, и, прежде всего в Берлине. Генерал удивлялся, что со дня вступления его в должность был совершенно прекращен отпуск денег на разведку, а Орлов, «отлично ориентированный в круге возложенных на него задач, дает блестящие результаты…». Секрета здесь не было — работали экономно расходуемые резидентом деньги. Но дальше положение менялось к худшему. Орлов принужден заняться «разведывательным товарообменом». Он писал неустановленному лицу, будучи в командировке в Лондоне:

> «Меня интересуют только следующие данные: 1) внешняя политика московского правительства; 2) организация, состав, расположение и передвижение Красной Армии и 3) работа III Интернационала в Западной Европе и в Польше. Такие же материалы и я могу давать Вам. Если Вы сговоритесь с Генеральным штабом о таком „товарообмене“, то я с удовольствием устрою его».

В начале 1924 года, отчитываясь за истраченные на разведку средства, Орлов убеждал своих шефов, что дороговизна в Германии растет, естественно, что платная агентура повышает свои требования, а количество присылаемых денег уменьшилось почти в два раза. «Я сократил до минимума количество работающих у меня лиц, — сообщалось из Берлина, — и сократил всем содержание».

Еще через год Орлов уведомляет своего конфидента Бурцева, что вообще не получает жалованья уже много месяцев и добавляет:

> «Мало того, работая юрисконсультом, приходится часть своего заработка приплачивать на противобольшевистскую работу, и это Кутепову хорошо известно, так как он является моим контролером. Можете себе представить, что мне приходится

приплачивать до 100 долларов в месяц. Конечно, напрягаешь все силы и тратишь массу времени на побочные заработки, сам живешь как истинный пролетарий, но все свои денежные возможности расходуешь на борьбу с большевиками».

А ведь на руках у Орлова в ту пору была почти недвижимая после неудачной операции жена и дети.

Скорее всего, к 1923 году Орлов отказался от своей идеи фикс — создание «Белого Интернационала». Денег ни одна страна на это не выделила, а тем более не хотела ставить в какую-либо зависимость свои национальные контрразведывательные и полицейские органы от некоего Международного бюро. Орлов соглашался уже и на меньшее. Он готов был давать информацию от своих источников в России в обмен на сведения о всех лицах, прибывающих в эти страны из Республики Советов. Предполагалось, что он будет регистрировать указанных лиц, и когда восстановится монархический строй, то ни один из зарегистрированных не возвратится в Россию, не пройдя процедуру специальной проверки на причастность деяниям большевистского режима. Заниматься этим, по мысли Орлова, станет верховная следственная комиссия во главе с ним самим.

Но все призывы тонули в пустоте. Во Франции его сторонниками были лишь некоторые, пусть даже известные, эмигранты, такие, как Владимир Бурцев и великий князь Дмитрий Павлович. По сведениям чекистской агентуры, Орлов остался в восторге от приема в Лондоне, где на встречу его пригласил руководитель британской контрразведки. На дело регистрации большевистских деятелей он даже получил некоторые финансовые средства. Но дальше этого дело не пошло. Несколько лучше складывалась обстановка в самой Германии — установились и окрепли связи с берлинским Полицей-Президиумом и Статскомиссариатом — Государственным комитетом по охране общественной безопасности, где заведующим иностранным отделом состоял спасший Орлова в 1918 году в Петрограде Бартельс. Германские власти усиленно конспирировали свои контакты с русским эмигрантом, поскольку избегали в тот период негативных моментов в развивающихся отношениях с РСФСР, а затем СССР. В то же время они ощущали приближение «красной опасности» и готовы были использовать любые источники информации из коммунистических кругов, а тем более получать сведения о замыслах руководства Коминтерна Орлов представлялся им очень важным осведомителем и

наиболее квалифицированным экспертом. История показала, что эксперт не ошибся — он громче других говорил о попытке коммунистов взять власть путем вооруженного восстания, и она имела место осенью 1923 года. Это он сигнализировал о создании при участии прибывших из Москвы коминтерновских групп, наличие которых подтвердил лейпцигский судебный процесс по так называемому делу «германской ЧК». Основным обвиняемым был некий «Скоблевский» — в действительности Вольдемар Розе, командир Красной Армии.

Как утверждал позднее чиновник тайной полиции Бартельс, денег за работу эксперта и предоставленные сведения Орлов не получал, действовал исключительно из идейных соображений, Единственное, что его интересовало, — так это материал полиции и контрразведки для пополнения своего обширного архива.

Некоторым деятелям эмиграции картотека и прочие орловские бумаги казались своеобразным складом забытых вещей, а их хранитель — маньяком, сдвинувшимся на идее всеобщего документирования большевистской деятельности в области внешней политики, подрывных действий, пропаганды и шпионажа, в том числе и в эмигрантской среде.

В ОГПУ, однако, так не считали. Когда агенту иностранного отдела эмигранту Николаю Кротко удалось подобраться к архивам Орлова, а последний продемонстрировал ему фото резидента советской разведки, с которым Кротко и был связан, все слухи о запыленных и никому не нужных архивных папках рассеялись. Резидент вынужден был срочно покинуть Германию, но чекисты с удвоенной энергией принялись за Орлова.

К 1925 году окончательно выяснилось, что бывший следователь в разведывательном «товарообмене» использует фальшивые документы. Сведения об этом стали поступать из разных источников. По большому счету, это было даже выгодно сотрудникам ОГПУ — дурил-то Орлов враждебные Москве спецслужбы, отвлекая их порой на ложный объект, заставляя раскошеливаться на «пустышку». Но фальшивки — вещь обоюдоострая, рано или поздно они могут ударить по самому их изготовителю. Чекисты решили лишь ускорить «полет бумеранга».

В 20-е годы в европейских столицах, и особенно в Берлине, объявилась масса людей и так называемых Информационных бюро, продукция которых, внешне очень правдоподобная, улавливалась разведками, контрразведками и полицейскими службами многих стран. Порой зная, что покупают подделку, «бойцы невидимого фронта» не скупились на деньги, поставляя правительственным либо партийным структурам материал для

серьезных шагов в отношении своих оппонентов и откровенных противников. Есть спрос — расширяется и предложение.

В этой связи уместно вспомнить нашумевшее «письмо Зиновьева», где излагались инструкции для коммунистических деятелей в Англии. Опубликование «письма» привело осенью 1924 года к падению лейбористского правительства и приходу к власти консерваторов.

Коммунистическая пропаганда уже тогда приписала Орлову и некоторым другим эмигрантам авторство этого письма, присоединив к ним для пущей убедительности Сиднея Рейли. О его переписке и встречах с Орловым чекистам было доподлинно известно, и они не преминули уведомить об этом коминтерновских и наркоминдельских пропагандистов.

Даже много лет спустя литературный адвокат Коминтерна Эрнст Генри с определенностью утверждал, что «Рейли был автором подложного „письма“. „Орлов и его берлинские сотрудники — техническими исполнителями фальсификации“. Таксе объяснение и упоминание известных фамилий вполне устраивало и советских и зарубежных агитаторов.

Чекисты же, проникшие к тому времени в самое близкое окружение Орлова, знали о его непричастности к злополучному письму. Более того, они провели свое негласное расследование, результаты которого подтвердили и в Разведупре Красной Армии, основываясь на сведениях своих секретных информаторов.

Версия отечественных спецслужб выглядела следующим образом. В Риге работала группа русских эмигрантов, возглавляемая бывшим офицером Покровским. Эти люди не раз фабриковали (и довольно качественно) советские документы, продавая их заинтересованным лицам, включая сотрудников английской разведки и Орлова, с которым Покровский поддерживал связь и считался его информатором. Среди покупателей был и бывший генерал Корнев, получивший британское гражданство и обосновавшийся в Лондоне. В конце лета 1924 года он запросил Покровского: не мог бы последний достать большевистский документ, который реально давал бы возможность навредить английской рабочей партии во время предстоящих выборов. Так родилось «письмо Зиновьева». Дальнейшее — дело техники. Конверт с «письмом» направили в советское посольство в Лондоне, уведомив об этом британскую полицию. Та перехватила послание, ознакомила с его текстом специально приглашенных свидетелей, а в конверт был вложен чистый лист бумаги. Курьер доставил предварительно занесенное в реестр «письмо» по назначению. Затем власти потребовали от советских дипломатов сообщить текст зарегистрированной

корреспонденции. Естественно, ответные слова о чистом листе могли вызвать только смех. Провокация удалась. А самого Покровского английская разведка, с которой Корнев имел тесные связи, срочно переселили из Риги в Южную Америку.

Так что Орлов в действительности и в этом случае не имел никакого отношения к этой фальсификации. Однако это вовсе не означает и не доказывает самоустранение Орлова с рынка «достоверной документальной информации». Эмигрантское житье, наоборот, подталкиваю и его в эту сферу. Влиятельный в берлинской русской колонии эмигрант С. Боткин описал председателю совещания бывших русских послов М. Гирсе, на наш взгляд, довольно объективно логику поступков бывшего следователя:

> «К сожалению, с Орловым случилось то, что часто бывает с тайными агентами, — не имея возможности, отчасти из-за отсутствия материальных средств, добывать верный материал, он стал доставлять сведения, основанные на непроверенных слухах, а, в конце концов, уже под влиянием денежной нужды, он ступил на скользкий путь пользования, а затем, вероятно, и фабрикации, фальшивых документов… Тем не менее, лица, хорошо и давно его знающие, уверены, что его работа никогда не будет на пользу большевикам».

ШУМНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Событие, последствия которого, проявившиеся через несколько лет, стали роковыми для Орлова, фактически привели к полному устранению его с арены тайной борьбы. Произошло это в августе 1924 года. Тогда стало известно, что, уличенный в хищении казенных средств, бежал из советского Полномочного представительства в Берлине и отказался возвратиться на родину сотрудник Михаил Сумароков. Он заранее все обдумал и решил, что с пустыми руками никому не будет нужен, окунется в нищету и закончит свои дни среди бездомных бродяг. Секретные бумаги Полпредства, несомненно, давали гарантии сытой жизни, хотя бы на некоторое время. Крал он документы не один день и в результате туго набил ими огромный чемодан.

Не исключено, что еще до побега Сумароков установил контакт с руководителем частного Информационного бюро, бывшим царским офицером, выходцем из Прибалтики Гаральдом Зивертом, усердно трудившимся для Комиссариата по обеспечению общественной безопасности.

Узнав через свою агентуру о существовании Сумарокова, а вернее Павлуновского, поскольку немецкая полиция уже выдала беглецу новый паспорт на вымышленную фамилию, Орлов решил установить с ним связь непосредственно. Свой план он реализовал, но напрочь испортил отношения с давним партнером Зивертом. За Сумарокова-Павлуновского шла серьезная борьба, ведь он не только доставил советские секретные документы — товар, имеющий солидную цену, но и уверял, что сохранил связи в Полпредстве и среди приезжающих из СССР дипломатических курьеров, разного ранга чиновников и партийных, включая коминтерновских деятелей. Более того, он представился сотрудником советской разведки, службу свою якобы начинал еще в 1918 году у Дзержинского, знал агентуру ОГПУ в ряде стран Европы, не говоря уже о Берлине и здешних эмигрантских кругах. Словом, о таком источнике информации можно было только мечтать.

Прошло некоторое время, сумароковские документы пополнили архивы Орлова, германских и некоторых других спецслужб, отыграли свою роль в антибольшевистских и антикоминтерновских пропагандистских акциях. Заработанные деньги, в отличие от Орлова, Сумароков прогулял в ресторанах с любовницей-немкой и вновь остался без средств к существованию. Работать где-нибудь на фабрике он, естественно, не хотел, а посему избрал для себя путь фальсификатора, что не

являлось чем-то исключительным в эмигрантских кругах. Был, к примеру, разоблачен немецкой полицией изготовитель фальшивок бывший летчик Сергей Дружеловский. Он отсидел за свои подделки несколько месяцев в тюрьме, а затем, в результате умелой оперативной комбинации резидентуры иностранного отдела ОГПУ был выведен на территорию СССР и предстал перед судом. На процессе он назвал имена почти дюжины эмигрантов, кои также занимались доходным промыслом — изготовлением и продажей «секретных» документов.

Об Орлове он почти не упоминал, но указал на его связь с польской разведкой. Остальное сделала официальная пресса в СССР и контролируемые Компартией Германии газеты в Берлине.

Резидентура ОГПУ полностью контролировала развитие событий. Ее агент Николай Крошко, прозванный позднее «королем кремлевских шпионов», регулярно изымал из орловского архива конфиденциальные документы, обращая внимание своих руководителей на то, что Орлов не только водит за нос некоторые разведки, но и собирает для коллекции образцы всякого рода фальшивок. Среди последних Крошко обнаружил и сфабрикованные бумаги, уличающие американского сенатора Бора и еще одного его коллегу в лоббировании за крупное вознаграждение принятия решения о признании Америкой Советского Союза.

Кстати говоря, российский историк Борис Старков обнаружил в архиве Президента России направленный в Политбюро документ ОГПУ, подтверждающий, что Бора работал в интересах внешней политики СССР. Информация в отношении сенатора дошла в те годы до Орлова в виде подготовленной в Париже фальшивки и сохранялась в архиве. Как ее предполагал использовать Орлов — неизвестно, а вот Сумароков быстро сообразил и начал искать покупателя. Через третьих лиц он вышел на контакт с американским корреспондентом Книккербокером, но тот особого интереса не проявил. Однако о сделанном предложении рассказал своему знакомому, не зная, естественно, что тот состоит в связи с представителями ОГПУ. Это было недостающее звено в цепи чекистских мероприятий в отношении Орлова. Книккербокеру ненавязчиво порекомендовали разоблачить шайку фальсификаторов — Сумарокова и Орлова. Одновременно в берлинский Полицей-Президиум поступил доклад от монархистов, приверженцев великого князя Кирилла Владимировича. В нем отмечаюсь, что Орлов, будучи последователем франкофила великого князя Николая Николаевича, ведет работу не только по дискредитации кирилловцев — сторонников Германии, но и занимается

разведкой в пользу французского генерального штаба.

Так страсть Орлова к пополнению своего архива, фабрикация основанных на ложной информации документов для французской и польской спецслужб, участие в склоках между эмигрантскими группировками создали благоприятную базу чекистской операции. При попытке продать порочащую американского сенатора фальшивку и другие сфабрикованные материалы криминальная полиция арестовала Сумарокова. Вслед за этим был проведен обыск на квартире Орлова, обнаружена часть его архива, а в газетах появились сообщения об обнаружении «фабрики фальшивок». Владельца архива взяли в тот же день.

С марта по начало июля 1929 года длилось предварительное расследование. Советская и германская коммунистическая пресса подняли страшный шум, требуя от властей примерно наказать «фальсификаторов», эмигрантские газеты были несколько сдержаннее, но четко обозначили свою позицию — подделыватели документов действовали только на свой страх и риск, опозорили идейную эмиграцию, и поддержки им ждать не следует. Заметим, что в газетах русского зарубежья тоже работали связанные с ОГПУ люди. Но это к слову, а не в оправдание Орлова. В борьбе с советской властью и Коминтерном он в последние перед арестом годы считал возможным использовать любые методы. На изменение Орловым методов деятельности повлияло раскаяние перед советским судом, расцененное как предательство, давнего знакомого и соратника Бориса Савинкова, исчезновение в России партнера и близкого приятеля Сиднея Рейли, компрометация коммунистами и уход с поста в Государственном комитете по обеспечению общественной безопасности Вальтера Бартельса. И, конечно же, финансовые трудности, далеко не личного характера.

Приведем фрагмент из письма Орлова Бурцеву, написанного в конце зимы 1925 года:

> «Я тут собираюсь действовать методами большевиков и оттолкнуть в сторону все рассуждения об этичности или неэтичности моих действий, почему и перехожу на активизм и выхожу из комнатной работы на улицу. Посмотрим, что выйдет. Несомненно, в газетах скоро появятся описания некоторых событий, и я, после совершения некоторых действий, сообщу Вам подробности. Я вполне уверен, что Вы по ознакомлении с делом станете на мою сторону, т. к. предполагаемые и разрабатываемые действия подрежут большевикам корни

в Европе».

А подрезанными оказались корни у Орлова. Он решил в одиночку или пусть даже с группой единомышленников (если таковые у него были) переиграть ОГПУ, которое уже провело операцию «Синдикат-2», сковало наиболее активную часть эмиграции по операции «Трест», но самое главное, что его сотрудники имели за собой поддержку государства, основы которого чекисты защищали в большинстве своем идейно.

Десять дней длился суд. Сумароков пытался поначалу валить все на Орлова, но потом сник и признал, что надумал продать фальшивки американскому журналисту лично, без влияния «содельника». Дело рушилось. В последний день суда прокурор вынужден был признать, что отказывается от основной части обвинений. Суд учел, что Орлов не использовал фальшивки для публичных целей, вреда они не нанесли (разумеется, для Германии). Его признали виновным в попытке совершить мошенничество и так же, как и Сумарокова, приговорили к четырем месяцам тюрьмы, которые поглощались заключением в период предварительного следствия. Из зала суда Орлов направился домой, а защитник по его просьбе обжаловал решение суда. Для Орлова не произошло самого страшного, чего тайно добивались чекисты. Не имея немецкого подданства проживая на «птичьих» правах по так называемому нансеновскому паспорту, он мог быть выдворен из Германии и выдан советским властям. Суд второй инстанции, состоявшийся через год, подтвердил решение своих коллег, а власти приняли решение, запрещающее ему оставаться в стране. С большим трудом, при активной помощи Владимира Бурцева, он переехал на жительство в Бельгию и совершенно отошел от активной части эмиграции, переключившись на персональную литературную и пропагандистскую работу.

НА ЗАДВОРКАХ ЭМИГРАЦИИ

Все немецкие газеты пристально следили за ходом процесса над Орловым. Как сообщали репортеры, в зале суда яблоку негде было упасть. И это немудрено. Дело из чисто уголовного, вне всяких сомнений, превратилось в политическое. Ясно, что германские власти испытывали определенное давление со стороны советского посольства и, не желая повредить пока еще успешно развивающимся отношениям с Москвой, довели расследование до судебной стадии. А тут началось — защита потребовала вызова в качестве свидетелей сотрудников берлинского Полицей-Президиума и чинов государственного комитета по охране общественной безопасности. Обнаружились интереснейшие подробности оказания безвозмездной помощи со стороны Орлова в выявлении нелегальной деятельности Германской компартии и представителей Коминтерна. Одновременно было установлено, что Сумароков-Павлуновский тоже работал на тайную полицию, но за деньги, причем снабжал ее в последнее время чистой «липой». Вскрылась неприглядная картина нечистоплотной конкуренции германских спецслужб между собой. О разгоревшемся скандале наверняка детально знали чекисты, поскольку опубликованные в последнее время факты свидетельствуют о наличии в Полицей-Президиуме их агента — Вилли Лемана (Брайтенбах). Это давало возможность корректировать проводимые мероприятия, нагнетать обстановку вокруг процесса.

То, что Орлова хотя и осудили, но выпустили в зале суда, не расстроило работников ОГПУ. Своей цели они достигли: Орлов теперь уже в судебном порядке признан мошенником, у него конфискована часть злополучного архива. Но самое главное, что от осужденного отвернулись многие эмигранты, пусть и не разделявшие решения суда, но для сохранения своего реноме считавшие за благо открыто не общаться с ним. Эмигрантская пресса через свой статьи отделила Орлова от «добропорядочной и высоконравственной» беженской публики.

Имелся и побочный эффект, на который чекисты, может быть, и не рассчитывали — решением высших германских властей был упразднен Государственный комитет по охране общественной безопасности: одним надзирающим за работой резидентур советских спецслужб стало меньше.

Многие немецкие газеты, не имея конкретных фактов, но исходя из анализа обстановки на процессе и оглашенных в зале суда сведений пришли к правильному, по сути, выводу, что без

«руки Москвы» здесь не обошлось. В одной из статей говорилось:

> «Сражен Чекой с помощью американского журналиста Книккербокера по приговору берлинского суда самый опасный и неумолимый противник большевиков».

Другой журналист выразился еще более определенно:

> «Процесс против Орлова является победой Чеки в Германии».

Ну а что же сам Орлов? Через адвоката он подал прошение о повторном рассмотрении его дела судом высшей инстанции, но, предчувствуя, что изменений добиться будет крайне сложно, решил не форсировать рассмотрение ходатайства, засел в своем загородном доме и закончил ту самую книгу, которую читатель держит сейчас в руках. Естественно, Орлов торопился, судя по некоторым подготовительным материалам, она должна быть полнее, точнее и, если хотите, более литературно отделана. Не успей он издать свой труд до повторного рассмотрения дела, он мог вообще не увидеть свет. Ярлык фальсификатора напрочь приклеился к нему, и хозяева типографий явно не выражали заинтересованности издавать заклейменного судом мошенника. Позднее, с большими трудами, при помощи старых знакомых, удалось протолкнуть в печать, пусть и в существенно сокращенных вариантах, еще две книги: в Англии — «Секретное досье», а в США — «Подполье и Советы». К концу 30-х годов, по имеющимся у нас сведениям, уже были готовы два объемных тома о красных дипломатах, но они так и остались в архиве Орлова.

Как и ожидалось, повторное рассмотрение дела не внесло изменений. Приговор был оставлен в силе. Кроме того, германские власти принудили его покинуть страну. При поддержке Владимира Бурцева Орлов получил разрешение на проживание в Бельгии по так называемому нансеновскому паспорту.

Брюссель — далеко не самый оживленный эмигрантский центр. Представителей активного крыла здесь практически не было, а те, кто относился к их числу, не интересовались знаниями и опытом Орлова. Все последующие годы он проявляет себя лишь в написании антибольшевистских статей да обличением устно и

через печать некоторых эмигрантов и целых их организаций в сотрудничестве с органами советской власти.

Как ни странно, он сам действовал в русле чекистских мероприятий, выступал в роли незавербованного агента Чего, например, стоит его жесткая позиция в отношении «Братства русской правды», разработку которого усиленно вели иностранный и контрразведывательный отделы ОГПУ.

В составленной справке «О деятельности Верховного круга БРП» Орлов изобразил организацию как чисто разведывательную, служащую интересам одних иностранных держав против других, а вожди ее совершенно забыли о России, утратили напрочь идейную основу своей деятельности. Распространяемая в виде статей и писем на имя известных эмигрантских деятелей орловская информация «внесла раскол между БРП и РОВС», а следовательно, раздробила хотя бы на время их акции против СССР.

В письме Верховного круга БРП к Владимиру Бурцеву — вечному арбитру в эмигрантских спорах и ссорах — говорилось, что Орлов чернит не только головку организации, и, прежде всего Александра Кольберга — «брата номер девять», но и ее саму, называет «шпионской немецкой фирмой», разглашает в переписке имена известных ему «братьев», ставя их под удар чекистов.

Боролся Орлов и с русскими фашистами, и с другими антикоммунистическими группами, одних обвинял в пассивности, других — в услужении большевикам. Словом, он действительно стал «чужим среди своих».

Недруги платили ему взаимностью. Собравшись с силами, они нанесли Орлову ответный удар. В сентябре 1936 года русский писатель и эмигрантский журналист Александр Валентинович Амфитеатров в газете «Возрождение» опубликовал довольно объемную статью под кричащим заголовком «Орден Иуды Предателя», полностью посвященную Орлову. Образно говоря, статья явилась последним гвоздем в крышку гроба бывшего судебного следователя и разведчика. Дело в том, что Амфитеатров тоже состоял в «Братстве русской правды». Его подручные — «братья» подготовили для статьи неплохую фактурную базу, сознательно исказив или не проверив сведения из биографии Орлова начиная чуть ли не с босоногого детства.

Известный литератор безапелляционно обвинил Орлова во всех смертных грехах, причислив к Ордену Иуды Предателя. Стареющий Орлов пытался было защищаться, направлял многостраничные письма во все эмигрантские газеты, отдельным авторитетным соотечественникам. Но отклика, а тем более поддержки в большинстве случаев не находил. В редакциях его

послания даже не рассматривались, в праве на опровержение ему отказывали повсеместно.

Общую кампанию против Орлова поддержали и фашистские средства массовой информации. Еще в 1933 году гитлеровские пропагандисты опубликовали полностью сфальсифицированную переписку его с другим эмигрантом Александром Гуманским, в которой указывалось о якобы проводимых ими действиях по дискредитации Адольфа Гитлера. Здесь явно не обошлось без участия давних противников Орлова из числа «монархистов-легитимистов», ориентировавшихся с давних пор на национал-социалистов. Известно, что последних «брюссельский изгой» называл коммунистами наоборот и врагами России, хотя первоначально он видел в Гитлере единственного действенного борца против большевизма в Германии и даже в числе первых послал ему только что полученную в типографии книгу «Убийцы, фальсификаторы и провокаторы». Уже позднее он прочел гитлеровскую «Майн кампф» и понял, что главный нацист ненавидит Россию, будет стремиться расчленить ее, а затем завоевать.

Русский патриот не мог сбросить это со счетов и далее воспринимал Гитлера и вообще национал-социалистов равнозначными большевикам.

Орлова сломали окончательно. Чтобы не бросать тень на воинские и эмигрантские общества, где он работал в качестве юрисконсульта, ему пришлось подать прошение об увольнении, тем самым лишая себя относительно устойчивого заработка.

О последнем этапе жизни безработного эмигранта почти ничего не известно.

На протяжении многих лет своей деятельности на должностях следователя, контрразведчика и разведчика, работая подпольно или гласно, он был занят то обеспечением охраны тайн, то их раскрытием любыми доступными средствами. Тайна находилась всегда рядом, поэтому и сейчас, спустя много лет, мы не можем полностью реконструировать богатую событиями биографию Владимира Григорьевича. Тайной остаются и обстоятельства его гибели.

По имеющимся сведениям, он был учтен в розыскных списках гестапо, и после оккупации Бельгии фашистами сотрудники группенфюрера Мюллера разыскали и доставили Орлова в Берлин, а несколько дней спустя его тело ранние пешеходы нашли в одном из скверов. Поэтому 1941 год условно можно считать последним на пути «человека отчаянной жизни», как не единожды называл Орлова его долголетний соратник Владимир Бурцев.

Александр Зданович.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абиссалов Ибрагим. Негласный сотрудник ОГПУ в 20-е годы.

Азеф Евно Фишелевич (1869—1918). Из семьи портного. Окончил реальное училище, работал хроникером в Ростове-на-Дону. Для продолжения образования уезжает в Германию и поступает в Политехническую школу. Получил диплом инженера. По возвращении в Россию инициативно предложил свои услуги политической полиции. В течение 15 лет состоял платным агентом, являясь одним из руководителей партии эсеров, возглавляя ее боевую организацию. В 1908 году его тайная деятельность была разоблачена, и он уезжает за границу. Во время первой мировой войны был арестован в Берлине по подозрению в шпионаже в пользу России. Умер в тюрьме.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918). Генерал от инфантерии, сын солдата сверхсрочной службы. Окончил военное училище, Академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой, русско-японской и первой мировой войны. С августа 1914 года начальник штаба Юго-Западного фронта, затем главнокомандующий армиями Северо-Западного, Западного фронтов. С августа 1915 года начальник штаба верховного главнокомандующего, а с марта по май 1917 года — верховный главнокомандующий. Один из инициаторов создания «Союза офицеров армии и флота». Был сторонником активной борьбы с неприятельским шпионажем и дезорганизаторами тыла армии. Требовал от Временного правительства немедленного восстановления деятельности военных судов. Осенью 1917 года приступил к созданию «Алексеевской организации» — предшественницы Добровольческой армии. После Октябрьской революции нелегально проживал в Петрограде и 12 ноября тайно выехал в Новочеркасск, где возглавил Добровольческую армию вместе с генералом Л. Г. Корниловым. После гибели Л. Г. Корнилова руководил «Особым совещанием» — правительством на территории Белой армии. Умер от болезни сердца.

Альтшиллер. До первой мировой войны австрийский консул в Киеве. Был в близких отношениях с командующим Киевским округом, а затем с военным министром России Сухомлиновым. Подозревался русской контрразведкой в шпионаже.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938). Русский писатель, журналист, автор романов, критических статей, пьес, фельетонов. С 1921 года в эмиграции, активно сотрудничал в эмигрантской газете «Возрождение».

Архангельский Петр Григорьевич (1885—1938). Генерального

штаба полковник, начальник особого отделения Генерального штаба Военного управления ВСЮР. С 1920 года в эмиграции. Долгое время служил в Управлении РОВС по линии разведки, но после растраты казенных денег вынужден был покинуть должность. Сотрудничал в белогвардейском журнале «Часовой». Скончался в Париже.

Багоцкий Сергей Юстинович (1879—1953). Из семьи служащих. Врач, участвовал в студенческом движении. Член РСДРП с 1904 года, партийная кличка Александр. Неоднократно арестовывался полицией, был осужден и отбывал каторгу в Иркутской губернии. В 1910 году бежал. В 1917 году принимал активное участие в организации возвращения В. И. Ленина в Россию. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 годах — представитель советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. В 1950—1951 годах научный редактор медицинского отдела «Большой советской энциклопедии».

Бартельс Вальтер Генрихович. В период первой мировой войны служил в МИДе Германии. После заключения Брест-Литовского мира прибыл в Петроград в составе группы сотрудников немецкого консульства и занимался разведработой. Через своих агентов скупал русские ценные бумаги и ювелирные изделия, на чем, вероятно, и был завербован Орловым. С конца 1918 года консул в Швеции. С 1920 по 1924 год — начальник иностранного отдела Государственного комиссариата по охране общественной безопасности. Изобличен во взяточничестве и уволен со службы.

Баткин Федор Исаакович (1892—1923). Из семьи коммерсанта. Учился в Севастопольском реальном училище, исключен за распространение эсеровских прокламаций среди матросов и рабочих. В 1910 году эмигрировал в Бельгию. Накануне Февральской революции возвратился на родину. В марте избирался членом Севастопольского Совета, добровольно вступил на военную службу в качестве рядового матроса. В составе флотской делегации выехал в Петроград, где выступал на митингах и собраниях с идеей продолжения войны до победного конца, участвовал в создании ударных частей. В конце 1918 года уезжает на Дон к генералу Корнилову. Активно участвовал в пропагандистской работе против большевиков. Участник «ледового похода». Работал в деникинском «Осваге». С мая 1920 года — снова в эмиграции, но уже в Турции, занимается литературной и журналистской деятельностью. Завербован ВЧК и по ее поручению участвовал в склонении генерала Я. А. Слащева

и других офицеров к возвращению на родину, непосредственно организовал отъезд Слащева в Севастополь. Весной 1922 года нелегально прибыл в Крым. Готовился для командировки за границу, но в июне арестован Украинским ГПУ по обвинению в шпионаже и незаконных валютных операциях. Осужден тройкой ГПУ и расстрелян.

Бегге Карл (Верде Карл Лилович). Торгпред СССР в Германии в 20-е годы, член Президиума Центральной комиссии, член коллегии ОГПУ.

Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938). Из рабочей семьи. В 1907 году вступил в большевистскую партию. С 1917 года занимался партийной работой на Урале. В июле 1918 года подписал решение Совета о расстреле царя Николая II. В годы Гражданской войны в рядах Красной Армии, награжден орденом Красного Знамени. Далее на советской работе. Был сторонником Троцкого, за что исключен из партии. В конце 30-х годов репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Бокий Глеб Иванович (1879—1937). Из семьи учителя. Учился в Петербургском горном институте. В 1900 году вступил в РСДРП. После Февральской революции секретарь Петроградского комитета. В годы Гражданской войны — член Комитета обороны Петрограда, председатель ЧК Союза коммун Северной области. С 1919 года в системе особых отделов ВЧК, полномочный представитель ВЧК в Туркестане. В 1921 году переводится в Москву и назначается членом коллегии ГПУ и начальником специального отдела. До 1937 года работал в системе ОГПУ-НКВД. Необоснованно арестован и расстрелян. Полностью реабилитирован.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955). Из семьи дворян. Окончил земельное училище. Член большевистской партии с 1903 года, сотрудник ряда партийных изданий. Участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С ноября 1917 по октябрь 1920 года — управляющий делами СНК, организовал переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. В конце 1920 года перешел на научную работу.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870—1956). Старший брат В. Д. Бонч-Бруевича. Генерал-лейтенант. Из семьи дворян. Окончил Межевой институт, военное училище и Академию Генерального штаба. Участник первой мировой войны. С августа 1914 года занимал должность генерал-квартирмейстера (руководителя военной разведки и контрразведки) в 3-й армии и Северо-Западного фронта. Затем начальник штаба Северного фронта и исполняющий обязанности командующего. После

Октябрьской революции начальник штаба главковерха. Представил руководству страны ряд проектов реорганизации и укрепления органов разведки и борьбы со шпионажем. После подписания Брестского мира назначен военным руководителем Высшего военного совета, занимался созданием на линии фронта частей «завесы» для сдерживания немецких войск. В 1919 году в течение месяца возглавлял Полевой штаб Реввоенсовета РСФСР. Далее на научной и педагогической работе.

Бора Уильям Эдвард (1865—1940). Сенатор США. В 20-е годы член комитета по иностранным делам сената. В эти же годы в европейских и американских газетах появились сообщения о небескорыстном лоббировании им вопроса о признании СССР. По этому поводу создавалась в 1926 году специальная сенатская комиссия, которая пришла к заключению, что приводимые в статьях сведения сфальсифицированы русскими эмигрантскими организациями в Париже.

Бортновский (Бронковский) Бронислав Брониславович (1894—1937). Из мещанской семьи. Окончил гимназию. С 1910 года участвовал в революционном движении, являлся членом Союза социалистической молодежи в Варшаве. В 1912 году вступил в СДКПиЛ, работал как пропагандист. Через год поступил в Пражский политехнический институт, но после окончания первого курса становится партийным профессионалом и возвращается в Польшу. В августе 1914 года арестован полицией в Варшаве, затем вывезен в Саратов и к концу 1915 года освобожден из заключения. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде и был назначен генеральным секретарем польского комиссариата. С начала 1918 года работал в ВЧК секретарем председателя и следователем. Во время операции по английскому посольству ранен. После выздоровления служил в Красной Армии, заместитель начальника, начальник Разведуправления Западного фронта. С 1921 по 1924 год заместитель резидента Разведупра штаба РККА в Берлине. В Постоянном представительстве РСФСР известен под фамилией Петровский, оперативный псевдоним Бронек. Отвечал за проникновение агентов ОГПУ-НКВД в круги белой эмиграции. По возвращении в Москву — заместитель начальника Четвертого (Разведывательного) управления штаба РККА по агентурной работе. В 1929 году переведен на работу в Коминтерн (начальник Польско-Балтийского регионального секретариата). В 1937 году арестован по сфабрикованному делу и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Брашвиц, сотрудник берлинского Полицей-Президиума (криминаль-комиссар), вел следствие по делу Орлова и

Сумарокова. По образованию дантист.

Буденный Семен Михайлович (1883—1973). Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза. Из крестьянской семьи. С 1903 года служил в армии, участник первой мировой войны, награжден за храбрость четырьмя Георгиевскими крестами. В 1918 году сформировал конный отряд на Дону и в дальнейшем в рядах Красной Армии возглавлял кавалерийские части и Первую Конную армию. После Гражданской войны на различных командных должностях. В 1939 году — первый заместитель наркома обороны. Похоронен у Кремлевской стены.

Бурцев Владимир Львович (1862—1942). Из семьи офицера. Учился в Петербургском и Казанском университетах. Участник народовольческих кружков, был арестован, судим и приговорен к ссылке в Сибирь. Из ссылки бежал и уехал в Швейцарию, а затем во Францию. За границей издавал народовольческую литературу. В 1905 году амнистирован, возвратился в Россию, стал одним из редакторов исторического журнала «Былое». Увлекся изучением провокаций, как явлением в революционном движении, порожденным политической полицией. С 1907 года вновь в эмиграции из-за угрозы ареста. Однако не оставил работу по разоблачению агентов охранных отделений, доказал, что один из руководящих деятелей эсеровской партии — Е. Ф. Азеф является негласным сотрудником полиции. В начале первой мировой войны вернулся в Россию как активный борец за защиту отечества. Арестован полицией, приговорен к ссылке, по ходатайству французского правительства освобожден. После Февральской революции выступал за продолжение войны до победного конца. Поддержал и широко пропагандировал идею о том, что В. И. Ленин и его близкие соратники — агенты германской разведки. Издавал в Петрограде газету «Общее дело», в которой открыто выступал против большевиков. После Октябрьского восстания арестован, стал первым политическим заключенным нового режима. В феврале 1918 года освобожден и нелегально выехал в Финляндию. Обосновавшись в Париже, возобновил издание «Общего дела», своими статьями и практической деятельностью пытался объединить различные группировки русской эмиграции. Написал мемуары и ряд брошюр, посвященных в основном разоблачению агентуры ОГПУ и Разведупра в рядах эмигрантов. Умер во Франции в крайней нищете.

Бустрем (Логинов) Владимир Владимирович (1883—1944). Из семьи служащих. Экстерном закончил Архангельскую классическую гимназию и один курс Томского технологического

института. Член большевистской партии с 1905 года. Служил в армии, работал статистиком. Принимал участие в революционной деятельности, а затем стал партийным профессионалом. Участник Лондонского съезда РСДРП. В 1907 году арестован полицией, судим и до 1913 года на каторжных работах. Затем в ссылке в Иркутске. После Февральской революции возвращается в Архангельск и избирается председателем Совета. После занятия Архангельска белыми в 1918 году вышел из партии и не участвовал в подпольной работе. В апреле 1920 года вновь вступил в РКП(б) и занимал должность заместителя заведующего учетным подотделом ЦК РКП(б). В августе 1922 года по приглашению соратника по каторге и ссылке Трилиссера перешел в иностранный отдел ВЧК, стал первым резидентом от ВЧК в Берлине. Награжден знаком «Почетный чекист». С 1930 года служит в ВСНХ на должности заместителя начальника инспекции, затем на хозяйственной и научной работе.

Бухарин Николай Иванович (1888—1938). Из семьи учителей. Учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета. В 1906 году вступил в РСДРП. Неоднократно арестовывался полицией. Из ссылки бежал, проживал в эмиграции. В апреле 1917 года возвратился в Россию через Японию. Член Московского комитета РСДРП(б), редактор «Известий московского ВРК», затем член редколлегии и главный редактор газеты «Правда» (с 1918 по 1920 год). В 1919—1929 годах — член Исполкома Коминтерна. Далее работал в ВСНХ, Наркомтяжпроме: В 1934—1937 годах — редактор газеты «Известия». Был членом ЦК большевистской партии, затем кандидат и член ее Политбюро. Многое сделал для дискредитации Троцкого, Каменева и Зиновьева. В 1928 году обвинен Сталиным в правом уклоне и выведен из состава Политбюро. В 1938 году необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно в 1988 году.

Вайнберг (Вейнберг) Наум Моисеевич (? — 1919). Биржевой делец. Использовался Орловым для получения информации о деятельности немецкого посольства. По данным ВЧК, Вайнберг скупал русские ценные бумаги и перепродавал сотрудникам посольства. Одновременно Вайнберг стремился получить компрометирующие сведения на сотрудников ВЧК, включая Дзержинского и Петерса. Вступил в контакт с Н. К. Крупской, предлагая ей купить дачу под Москвой. В июне 1918 года арестован, предлагал свои услуги чекистам. После окончания следствия осужден московским ревтрибуналом за мошенничество и спекуляцию, приговорен к высшей мере наказания. Сокамерники сложили о нем стихи:

Храня невозмутимый взор,
Он ищет первенства и шефства.
Черт карамазовский в нем спит
С реальной подлостью азефства.

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938). Из крестьянской семьи. Окончил военное училище и Академию Генерального штаба. Участник первой мировой войны, командовал латышскими стрелковыми частями. После революции перешел на сторону советской власти. Руководил подавлением мятежей генерала Довбор-Мусницкого и левых эсеров. Командовал Восточным фронтом, а с сентября 1919 года главнокомандующий советскими войсками и член Реввоенсовета РСФСР. Награжден орденом Красного Знамени. После Гражданской войны на преподавательской работе в Военной академии РККА. В августе 1923 года находился в Германии как частный гражданин. Выполнял задания Л. Д. Троцкого, Разведывательного управления РККА и Коминтерна по оценке обстановки, готовности вооруженных отрядов Компартии Германии к революционному выступлению и возможного руководства боевыми дружинами. В 1937 году арестован НКВД и после следствия приговорен к высшей мере наказания. Полностью реабилитирован.

Виленский, сотрудник Всеукраинской ЧК, в 1921 году из Крыма вел разработку по белогвардейской эмиграции в Константинополе, участвовал в операции по организации возвращения генерала Слащева. За растрату казенных денег был уволен из органов ГПУ в 1922 году, работал в кооперации и торговле.

Войков Петр Лазаревич (1888—1927). Из учительской семьи. С 1903 года член РСДРП, меньшевик до 1917 года. В эмиграции учился в Женевском и Парижском университетах. После революции на советской службе. Участвовал в расстреле Николая II и его семьи. С 1924 года полпред СССР в Польше. Убит в Варшаве белоэмигрантами. Похоронен у Кремлевской стены.

Врангель Петр Николаевич (1878—1928). Генерал-лейтенант Генштаба. Из дворян. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт в Петербурге. В 1891 году поступил рядовым в лейб-гвардии конный полк, вскоре получил офицерское звание. Участник русско-японской войны. В 1910 году окончил Академию Генштаба. С началом первой мировой войны на фронте, сначала командует полком, затем бригадой, дивизией и конным корпусом. После Октябрьской революции уехал в Крым. С августа 1918 года в Добровольческой армии — командир дивизии,

корпуса, армии. С апреля 1920 года преемник Деникина на посту главнокомандующего ВСЮР, Русской армии. В ноябре 1920 года вместе с войсками эвакуировался в Турцию. Организатор «Русского общевоинского союза» (РОВС). С 1927 года проживал в Бельгии, где неожиданно тяжело заболел и скончался.

Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879—1937). Из семьи высокооплачиваемых служащих. Активный деятель польского и российского революционного движения, член партии с 1896 года, участник многих партийных съездов и конференций. С 1903 по 1909 год член Главного правления СДКПиЛ, сторонник В: И. Ленина. Неоднократно арестовывался полицией, отбывал наказание в тюрьмах и ссылках. В период первой мировой войны выступал с интернациональных позиций. После Февральской революции являлся членом Заграничного бюро ЦК РСДРП (б) в Стокгольме. С конца 1917 года работал в Наркомате финансов, на дипломатическом поприще и в Наркомате внешней торговли. В 1935 году стал директором Музея революции, через два года незаконно репрессирован и расстрелян. Впоследствии полностью реабилитирован.

Гиршфельд (Сташевский, Верховский, Степанов) Артур Карлович (1890—1937). Из мелкобуржуазной семьи. Юношей вступил в СДКПиЛ. Дважды арестовывался полицией за революционную деятельность. В 1908 году эмигрировал во Францию, а затем в Англию. В 1918 году возвратился в Россию и вступил в РКП(б). После окончания школы красных командиров в Москве направлен на Западный фронт. Служил на комиссарских должностях, а с 1920 года — начальник Разведывательного управления штаба фронта. Один из организаторов нелегальной военной организации (НВО), созданной для диверсий и террористических актов в тылу польской армии. В 1921 году переведен в Разведупр штаба РККА и назначен первым резидентом в Берлине под прикрытием секретаря торгпредства. После измены одного из сотрудников резидентуры вынужден был возвратиться в Москву. Зачислен в резерв Разведупра и назначен в Главное управление торгового флота, а затем во Внешторг. В 1936—1937 годах — торговый атташе в Испании. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Голощекин Филипп Исаевич (1876—1941). Из семьи служащего. Окончил зубоврачебную школу. Член партии с 1903 года, с 1912 года — член ЦК РСДРП. В 1917 году в дни Октябрьской революции член Петроградского ВРК, затем комиссар по военным делам Екатеринбургского Совета, участник расстрела царской семьи, с 1918 года в Красной Армии на политической работе. После Гражданской войны на советской и

хозяйственной работе. Член ЦК РКП(б) и ЦИК СССР.

Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (? — 1919). Полковник царской армии. Действуя под псевдонимом Алмазов, создал ряд подпольных антибольшевистских офицерских организаций в Сибири. Произведен А. В. Колчаком в генерал-майоры и назначен командующим Сибирской армией. Не смог наладить контакты с представителями союзнических миссий и переведен в Одессу, где был комендантом и командующим войсками Одесского района. Во время командировки к Колчаку застрелился, чтобы избежать пленения.

Гуманский Александр Феофилович (1889—1939). Из семьи чиновника. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1912 году арестовывался полицией за участие в студенческой революционной группе эсеровской направленности. Завербован охранным отделением и работал под псевдонимом Сергеев. В августе 1914 года добровольно поступил на военную службу. Участвовал в боевых действиях полковым разведчиком. Ранен. После госпиталя направлен на курсы разведки при Академии Генштаба, затем командирован в Париж, к заведующему русской секцией Межсоюзнического разведывательного бюро. В период Февральской революции арестован в Петрограде как бывший агент охранки, а после освобождения командир роты в ударном батальоне. С мая 1918 года в Добровольческой армии, затем в армии генерала Юденича. В конце 1919 года эмигрировал в Германию. Вошел в контакт с английской разведкой и давал информацию по Германии. Установил связь и с Орловым, участвовал в подготовке ложных сведений для французской разведки. По поручению члена Прусской демократической партии в 1930 году сфабриковал документы, уличающие Гитлера в получении денег от иностранной державы, чтобы сорвать успех нацистов на выборах. Арестован фашистами в феврале 1933 года. После освобождения выехал в Чехословакию, а в 1936 году возвратился в СССР. Вскоре был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1997 году.

Длугошевский (Венява) Тадеуш (1890—1942). Из семьи служащих. Поэт и публицист, член Польской социалистической партии. В 1913 году был арестован царскими властями и в течение шести месяцев сидел в одной камере с Феликсом Дзержинским в X павильоне Варшавской цитадели. После суда отбывал наказание в тюрьмах Варшавы, Орла, Москвы, а затем в Сибири на вечном поселении. После Октябрьской революции вернулся в Польшу, занялся журналистикой. Издавал газету «Борьба», где опубликовал часть тюремного дневника Дзержинского. После оккупации Польши фашистами арестован

гестапо (в 1942 году) и погиб в тюрьме.

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927). Из дворянской семьи, князь. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Далее на государственной службе. Активно работал в общественных организациях. Один из основателей кадетской партии, в 1905—1907 годах — председатель ее ЦК. После Февральской революции активно выступал за укрепление армии, сторонник военной диктатуры. С ноября 1917 по февраль 1918 года находился в заключении в Петропавловской крепости. Участвовал в создании подпольной организации «Национальный центр». В октябре 1918 года уезжает к Деникину, работает в «Осваге». С 1920 года в эмиграции. Нелегально бывал в СССР. В 1926 году в числе других лиц арестован ОГПУ и расстрелян в отместку за убийство Войкова в Варшаве.

Дружеловский Сергей Михайлович (1894—1926). Из семьи полицейского чиновника. Окончил четыре класса гимназии, а в годы первой мировой войны Гатчинскую авиационную школу. С 1919 года служил в армии Врангеля. После окончания Гражданской войны проживал в Прибалтике. Там установил связь с польской разведкой и переехал в Варшаву, где использовался в качестве агента в среде русской эмиграции. С 1923 года проживает в Германии, сотрудничает в эмигрантских газетах. Предлагал свои услуги резидентуре советской разведки в Берлине, однако после первых контактов был арестован немецкой контрразведкой и завербован. Потеряв реальную связь с Полпредством СССР, стал передавать немцам вымышленные сведения. В 1924 году совместно с другими предприимчивыми эмигрантами занялся фабрикацией советских документов. В результате проведенной ОГПУ операции был вывезен в СССР и арестован. Состоялся открытый суд. По приговору суда расстрелян.

Думбадзе Евгений Васильевич (1899-?). С 1918 года в Красной Армии (политком полка, дивизии). В 1921 году перешел на работу в Закавказскую ЧК на должность начальника группы наружного наблюдения. Псевдоним — Рокуа. Далее работал в Поти в местном органе ГПУ. С 1923 года на работе в «Центросоюзе» Грузии, обучался в Восточном институте в Ленинграде, по окончании его в марте 1928 года направлен в Стамбул в советское торгпредство на должность кассира. В июне того же года бежал во Францию. В 1930 году издал книгу «На службе Чека и Коминтерна». По заданию французов организовал похищение около тысячи документов из архива Орлова в Брюсселе.

Духонин Николай Николаевич (1876—1917). Генерал-лейтенант. Из семьи дворян. Окончил военное училище и Академию Генерального штаба. Участник первой мировой войны, один из ближайших помощников главнокомандующего Юго-Западным фронтом А. А. Брусилова. С сентября 1917 года начальник штаба главковерха А. Ф. Керенского. В ноябре вступил во временное исполнение должности главковерха, отказался начать переговоры с немцами о перемирии, как того требовал Совет Народных Комиссаров России, за что был уволен. После прибытия в Ставку нового главнокомандующего Н. Н. Крыленко намеревался выехать в Петроград, убит толпой солдат и матросов на вокзале.

Жижин Василий Дмитриевич. Товарищ прокурора Варшавской судебной палаты. В 1915 году надзирал за ходом следствия по делу подполковника Мясоедова. С 1920 года в эмиграции, проживал во Франции. Руководил расследованием похищения генерала А. П. Кутепова в Париже в 1930 году.

Зиверт Гарольд Иванович (? — 1933). Окончил Рижский политехнический институт, по специальности химик. В период первой мировой войны офицер гусарского полка. В Гражданскую войну сотрудник разведки в армии Юденича и Бермонта-Авалова. В конце 1919 года эмигрировал в Германию, создал частное разведывательное бюро для работы по Советской России. Одновременно официально служил в Государственном комиссариате по охране общественной безопасности. В 1924 году получил германское подданство за активную деятельность в пользу правительственных органов. В 1927 году завербован английской разведкой в Берлине. С приходом нацистов к власти арестован и расстрелян.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (Овсей Герш Аронович) (1883—1936). Из семьи мелкого торговца. Получил домашнее образование. С юношеских лет в революционном движении. Большевик с 1903 года. В 1902 году уезжает за границу, поступает на химический, а затем философский факультет Бернского университета. С 1906 по 1908 год на нелегальной партийной работе в России. Затем снова в эмиграции до апреля 1917 года. После Октябрьской революции — председатель Петроградского Совета. В 1919—1926 годах — председатель Исполкома Коминтерна, член ЦК, а затем и Политбюро РКП(б). В 1925 году вместе с Л. Б. Каменевым возглавил «Новую оппозицию», выступал против политики Сталина. Несколько раз исключался из партии, был в ссылке. В 1934 году арестован и приговорен к расстрелу по делу так называемого «Антисоветского объединенного троцкистско-

зиновьевского центра». Реабилитирован в 1988 году.

Йоффе Адольф Абрамович (1883—1927). Из семьи купца. Учился в Берлинском и Цюрихском университетах. Член РСДРП, примыкал к меньшевикам. Участвовал в революции 1905—1907 годов. Затем в эмиграции занимался издательской и журналистской деятельностью. После возвращения в Россию арестован, судим и сослан в Сибирь. После Февральской революции возвратился в Петроград и вошел в группу «межрайонцев», руководимую Л. Д. Троцким. В большевистской партии с 1917 года. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, являлся членом Петроградского военно-революционного комитета. В конце 1917 года вместе с Л. Д. Троцким возглавил делегацию на переговорах о мире с Германией. С апреля по декабрь 1918 года полномочный представитель РСФСР в Германии. В 1919—1921 годах — член Совета Обороны и нарком Государственного контроля Украины, председатель советских делегаций на переговорах о мире с Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, заместитель председателя Туркомиссии ВЦИК. Член советской делегации на Генуэзской конференции. В 1922—1925 годах полномочный представитель СССР в Китае и Австрии. Участвовал в троцкистской оппозиции. Покончил жизнь самоубийством.

Каляев Иван Платонович (1877—1905). Член боевой организации партии социалистов-революционеров. В 1905 году совершил террористический акт в отношении великого князя Сергея Александровича Романова. Арестован полицией, судим, приговорен к повешению.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936). Из семьи инженера. Окончил гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Член РСДРП с 1901 года. За участие в студенческом движении в 1902 году был арестован. После освобождения вел революционную работу в ряде городов России. В 1914 году вновь арестован полицией, судим и приговорен к ссылке в Сибирь. После Февральской революции прибыл в Петроград и занимался партийной работой. На 1 съезде Советов избран членом ВЦИК, с ноября 1917 года — Председатель ВЦИК. В 1918—1926 годах — председатель Моссовета. Работал на должностях заместителя Председателя СНК СССР, председателя СТО. Член ЦК большевистской партии с 1917 по 1926 год, в 1919—1926 годах — член Политбюро. В 1927 году выведен из состава ЦК, затем исключен из партии за участие в «Новой оппозиции». Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889—1937). Из

мещанской семьи. Окончил реальное училище, учился на юридическом факультете Петербургского университета. Член РСДРП с 1904 года. Работал в профессиональных союзах, вел агитационную работу. Осенью 1915 года арестован полицией и выслан в административном порядке в Томск. После Февральской революции возвращается в Петроград, избирается членом президиума Петроградского Совета. В 1918 году участвует в переговорах в Брест-Литовске как секретарь делегации. С того же времени назначен членом коллегии и заместителем наркома иностранных дел. С 1923 года полпред в Китае. В 1925—1934 годах — заместитель наркома иностранных дел. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Квятковский А. А. В середине 20-х годов председатель правления «Банка для русской торговли» (Англия).

Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940). Из семьи врача, депутата I Государственной думы. Окончил гимназию, учился на историко-философском факультете Московского университета. За участие в студенческом движении в 1904 году арестован и сослан. Из ссылки бежал и перешел на нелегальное положение, с 1912 года в эмиграции. После Февральской революции возвратился в Россию. С 1918 года заместитель редактора «Известий», ответственный руководитель РОСТА. В 1920 году перешел на дипломатическую работу. В конце 20-х годов заместитель управляющего ЦСУ СССР, затем сотрудник агитпропа ЦК ВКП(б), директор Института литературы, искусства и языка, заместитель председателя Радиокомитета и Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Колаковский (Кулаковский) Яков Павлович. Поручик 23-го пехотного Низовского полка. В 1914 году при разгроме армии Самсонова в Восточной Пруссии попал в плен к немцам. Инициативно предложил свои услуги немецкой разведке. Прошел соответствующую подготовку и со специальным заданием был направлен в Россию. В Швеции сразу же явился к русскому военному агенту и сообщил о своей миссии. Дал сведения о сотрудничестве с германскими спецслужбами жандармского подполковника Мясоедова.

Колленберг Лазарь Львович (1905-?). Из мещанской семьи. Учился в городском училище, работал на обувной фабрике в городе Николаеве. С 1920 года добровольно вступил в Красную Армию, воевал на Южном фронте против войск барона Врангеля. В 1921 году окончил командные курсы и Киевскую пехотную школу. Участвовал в борьбе с басмачами в Туркестане, ранен и уволен в запас в 1926 году. Работал агентом уголовного розыска, в военизированной охране. Брал уроки по тактике у генерала

Слащева и застрелил последнего. Объяснил это как акт мести за брата, расстрелянного по приказу генерала Слащева в числе других подпольщиков в 1919 году в Николаеве. Признан невменяемым и освобожден от наказания.

Красин Леонид Борисович (1870—1926). Из семьи чиновника. Окончил Тюменское реальное училище, учился в Технологическом институте в Петербурге, но был исключен из него за участие в студенческих беспорядках. После ареста и ссылки закончил Харьковский технологический институт. В 1903 году вступил в РСДРП, активно занимался партийной работой. С 1908 года — в эмиграции. Возвратился в Россию перед первой мировой войной. После Октябрьской революции на дипломатической работе. В годы Гражданской войны — председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, а с осени 1918 года нарком торговли и промышленности. До последних дней своей жизни руководил внешней торговлей, выполнял дипломатические функции.

Крыленко Николай Васильевич (1885—1938). Член большевистской партии с 1904 года. Окончил Петербургский университет. В начале первой мировой войны призван в армию, прапорщик. В период Октябрьской революции член Петроградского военно-революционного комитета. С ноября 1917 по март 1918 года занимал должность верховного главнокомандующего. В мае того же года назначен председателем Верховного трибунала при ВЦИК. С 1922 года прокурор РСФСР, а с 1931 года нарком юстиции. Автор ряда статей по теории права и правоприменительной практики. Расстрелян в 1938 году как «враг народа».

Кун Бела (1886—1936). Из семьи сельского писаря, учился в университете. С 1902 года член социал-демократической партии Венгрии, а с 1916 года в большевистской партии России. В период первой мировой войны служил в австро-венгерской армии, прапорщик. Попал в русский плен. В январе 1918 года прибыл в Петроград. В марте того же года один из создателей венгерской группы РКП(б). Сотрудничал в газете «Правда». С мая 1918 года — председатель Федерации иностранных групп РКП(б). Служил в Красной Армии. В ноябре 1918 года нелегально прибыл в Венгрию, был одним из основателей Венгерской компартии, ее председателем. После провозглашения Венгерской советской республики — нарком по иностранным и военным делам. В 1920 году, после разгрома революции, возвратился в Россию. Работал на различных советских и партийных должностях, член Исполкома Коминтерна. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Литвинов (Баллах) Максим Максимович (1876—1951). Из буржуазной семьи. Окончил реальное училище. С 1898 года — член РСДРП. Вскоре арестован, судом приговорен к ссылке в Сибирь. После отбытия наказания полностью переходит на партийную работу. Находится в эмиграции в Англии. После Октябрьской революции в январе 1918 года назначается уполномоченным НКИДа. Организовал первое советское дипломатическое представительство в Лондоне. Член коллегии НКИДа, а с 1921 года — первый заместитель наркома. С 1930 по 1939 год — нарком иностранных дел СССР. В ноябре 1941 года назначен заместителем наркома и одновременно послом в США. В 1946 году ушел с дипломатической работы.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933). Из семьи действительного статского советника. Окончил гимназию, учился в университете в Цюрихе (Швейцария). В России вел революционную работу, неоднократно арестовывался, был в ссылке. Член РСДРП с 1903 года. В 1906 году уехал за границу, возвратился в Россию после Февральской революции, арестовывался Временным правительством по обвинению в государственной измене. После Октябрьской революции — нарком просвещения. С 1929 по 1933 год — председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Вел большую научную и популяризаторскую работу. Скончался от болезни сердца в 1933 году.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959). Старый большевик, член РСДРП с 1903 года. Один из организаторов Кронштадтского восстания в 1906 году. До мая 1917 года в эмиграции. С декабря 1917 года член коллегии Наркомпрода, затем заместитель наркома. В 1922 году переходит на работу в аппарат Коминтерна. Неоднократно избирался в руководящие партийные органы, во ВЦИК и Верховный Совет. С 1928 по 1943 год секретарь Коминтерна, затем заместитель Председателя Совета Министров УССР.

Матвеев П. Н. Судебный следователь по особо важным делам Варшавского окружного суда. Вел дело жандармского подполковника Мясоедова в 1915 году.

Мельников Борис Николаевич (1896—1938). Из семьи казаков. Окончил городское училище, учился в Петербургском политехническом институте. С 1916 года член РСДРП(б). В период первой мировой войны окончил военное училище. После Октябрьской революции на военной и партийной работе. Арестовывался японскими интервентами и белогвардейцами, находился в заключении до начала 1920 года. С образованием Дальневосточной республики — член Военного совета в

Приморье, комиссар штаба Амурского фронта, военной дивизии, член РВС Восточного фронта. В 1922 году переходит на разведывательную работу в аппарат помощника главкома РККА по Сибири. Затем переводится в Москву на должность начальника восточного отдела Разведупра штаба РККА. С 1923 года совмещает работу в военной разведке с дипломатической деятельностью в Китае. В 1931 году — временный поверенный в делах СССР в Японии, далее в течение двух лет — заместитель начальника военной разведки штаба РККА. С 1933 года снова на дипломатической и партийной работе. В 1937 году арестован, необоснованно осужден. Реабилитирован посмертно.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934). Из дворянской семьи. Окончил юридический факультет Петербургского университета, работал в адвокатуре. Член РСДРП с 1902 года, участник революции 1905—1907 годов, затем в эмиграции. Возвратился в Россию весной 1917 года, занимался партийной работой, в дни Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК. После революции — заместитель наркома финансов. С конца 1917 года член коллегии ВЧК и одновременно в январе — марте 1918 года нарком финансов. Далее Генеральный консул РСФСР в Берлине, затем член коллегии НКИДа. С 1919 года — в аппарате ВЧК. С 1923 года — заместитель председателя, а после смерти Ф. Э. Дзержинского в 1926 году — председатель ОГПУ. Скончался в результате тяжелой болезни.

Миров-Абрамов Александр Лазаревич (1895—1937). Из купеческой семьи, получил образование в Германии. В 1916 году вступил в РСДРП(б), участник Октябрьской революции. С 1921 года на дипломатической работе, одновременно работает по линии Коминтерна в Берлине. С 1926 года — заведующий Отделом международных связей (ОМС) Исполкома Коминтерна. В 1935 году по решению ЦК партии перешел в Разведывательное управление штаба РККА. Арестован в 1937 году, необоснованно осужден. Реабилитирован посмертно.

Модель Самуил (? — 1919). Эсер. До Февральской революции находился в эмиграции. По возвращении в Россию работал в эсеровских организациях. В конце 1917 года назначен председателем следственной комиссии при петроградской тюрьме «Кресты». В январе 1918 года в ВЧК к Дзержинскому поступили сведения, что он вымогает у заключенных из числа состоятельных людей деньги и драгоценности, самочинно освободил ряд правых эсеров и кадетов. В середине года был арестован ВЧК и передан для проведения следствия в московский ревтрибунал. Осужден к высшей мере наказания и расстрелян.

Мостовенко Павел Николаевич (1881—1938). В РСДРП с 1901 года. Вел подпольную революционную работу в ряде городов России. Участвовал в установлении советской власти в Москве в 1917 году. Член президиума Моссовета. С 1918 года на партийной работе на Украине и в Уфе. В 1921 году перешел на дипломатическую работу (полномочный представитель РСФСР в Литве и Чехословакии). По решению ЦК РКП(б) в 1925 году назначен ректором Промакадемии, а затем МВТУ им. Баумана. Погиб в период массовых репрессий. Реабилитирован.

Мукке Карл. В годы Гражданской войны работал в особых отделах ЧК на Украине. С 1924 года помощник начальника контрразведывательного отдела Полномочного представительства ОГПУ на Северном Кавказе. С 1930 года уполномоченный особого отдела ОГПУ.

Мясоедов Сергей Николаевич (1866—1915). Из дворян. Подполковник. Окончил кадетский корпус. В 1892 году переведен в Отдельный корпус жандармов, где служит сначала помощником, а затем начальником Вержбиловского пограничного жандармского отделения. Удостоен 26 орденов и медалей (в основном иностранных). За «коммерческую» деятельность на границе снят с должности и в 1907 году уволен со службы. Был в числе организаторов Русского Северо-Западного пароходства. Установил близкие отношения с военным министром В. А. Сухомлиновым, при поддержке которого восстановлен на воинской службе и по поручению министра пытался организовать отделение по выявлению «неблагонадежных» военнослужащих. В 1912 году обвинен А. И. Гучковым в шпионаже, правда, доказать это не удалось, однако со службы он был вынужден уйти. В начале первой мировой войны с согласия командующего 10-й армией назначен в разведотдел. В феврале 1915 года арестован, обвинен в шпионаже в пользу немцев и казнен.

Новицкий Федор Федорович (1870—1944). Из дворян. Генерал-лейтенант. Окончил Академию Генштаба. Участник первой мировой войны. С марта 1918 года в Красной Армии. Награжден орденом Красного Знамени. В августе 1920 года военный эксперт советской военной делегации на мирных переговорах с Польшей. После окончания Гражданской войны на штабной и преподавательской работе.

Парвус (Гельфанд) Александр Львович (1869—1924). Участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 года меньшевик, сторонник теории перманентной революции. Во время первой мировой войны проживал в Германии, перешел на шовинистические позиции. Занимался коммерческой деятельностью. С 1918 года вообще

отошел от политической деятельности.

Платтен Фриц (1883—1942). Деятель швейцарского и международного рабочего движения. Участник революции 1905—1907 годов в Латвии. Член социал-демократической партии Швейцарии, а 1912—1918 годах секретарь ее правления. После Февральской революции был организатором переезда В. И. Ленина и других эмигрантов в Россию. Во время покушения на Ленина в январе 1918 года попытался закрыть его своим телом и был ранен. Член Президиума Учредительного конгресса Коминтерна. В 1921 году один из организаторов Компартии Швейцарии, ее секретарь до 1923 года. Затем приехал в Москву. Работал в Коминтерне и занимался преподавательской работой. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939). Деятель польского, германского и российского коммунистического и рабочего движения, публицист. С 1904 года член Социал-демократической партии Польши и Литвы, с 1917 года член большевистской партии. Весной 1917 года прибыл в Россию из Швейцарии вместе с В. И. Лениным. В 1918—1919 годах заведующий отделом печати НКИДа, затем секретарь и член Президиума Исполкома Коминтерна, часто нелегально выезжал за границу, в том числе в Германию для революционной работы. С 1932 по 1936 год — заведующий бюро Международной информации ЦК РКП(б). Участник оппозиции, за что два раза исключался из партии. В 1936—1937 годах выступал как свидетель обвинения на политических процессах. Необоснованно репрессирован. Убит сокамерниками в тюрьме. Реабилитирован посмертно.

Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941). Из зажиточной семьи торговца, болгарин. Учился в гимназии, но не окончил ее, арестован полицией за участие в студенческих беспорядках. Увлекся марксизмом, один из руководителей балканских революционеров во время первой мировой войны. В 1918 году дипломатический представитель РСФСР на Украине. С 1919 по 1923 год — глава украинского советского правительства. Затем на дипломатической работе — полпред в Англии, посол во Франции. Один из лидеров левой оппозиции, исключен из партии в 1927 году, сослан. Раскаялся, возвращен из ссылки и назначен в Наркомат здравоохранения РСФСР, с 1936 года наркомздрав СССР. Арестован в 1936 году и приговорен к двадцати годам. В заключении умер. Реабилитирован посмертно.

Ратенау Вальтер (1867—1922). Из семьи крупного германского промышленника. После смерти отца стал владельцем Всеобщей компании электричества. В годы первой

мировой войны занимался организацией военного производства. В мае 1921 года вошел в кабинет Вирта в качестве министра восстановления. 31 января 1922 года назначен министром иностранных дел. От имени Германии подписал с РСФСР Рапальский договор. В июне 1922 года убит членами террористической организации «Консул».

Резанов Александр Семенович (1878-?). Из семьи служащих. Окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус, Павловское военное училище и Военно-юридическую академию. Участник русско-японской войны. С 1908 года — в органах военной юстиции, последняя должность — помощник военного прокурора Петроградского военно-окружного суда. Сотрудничал с газетой «Новое время», где печатал статьи по вопросам борьбы с иностранными разведками и совершенствования российского законодательства в данной сфере. В 1915 году издал книгу «Немецкое шпионство». В период Гражданской войны работал в контрразведывательных органах в войсках Деникина. С 1920 года в эмиграции во Франции, а затем в Бельгии. Поддерживал контакты с французской разведкой по вопросу организации наблюдения за Полномочным представительством СССР и выявлению тайных складов оружия в Германии. Проживая в 30-х годах в Бельгии, вошел в состав антисоветской организации «Силлак», однако вскоре разочаровался в ее деятельности и написал разоблачительную книгу «Силлак» без вуали».

Рейли (Розенблюм) Сидней Георгиевич (1874—1925) Уроженец Одессы. До первой мировой войны проживал в Петербурге, занимался коммерцией. С началом боевых действий вступил в английскую армию, получил звание лейтенанта королевских военно-воздушных сил. Одновременно являлся агентом британской разведки Секрет интеллидженс сервис. В конце апреля 1918 года прибыл в Россию с разведывательным заданием. Создал активную агентурную сеть, предпринимал реальные попытки к организации свержения власти большевиков, координируя свои действия с представителями других спецслужб Антанты. После провала осенью 1918 года бежал из Петрограда в Финляндию. Доверенное лицо Уинстона Черчилля, советник английской делегации по русским вопросам на Парижской мирной конференции. После окончания Гражданской войны в России поддерживал тесные контакты с русскими эмигрантами, организовывал финансирование савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы», занимался подготовкой террористических актов в отношении советских дипломатических представителей. В результате специальной чекистской операции был доставлен на территорию СССР и арестован. В 1918 году был

осужден ревтрибуналом за шпионскую деятельность. На основании приговора ревтрибунала был расстрелян в Москве 3 ноября 1925 года.

Розе Вольдемар Рудольфович (Скоблевский Петр Александрович, Гельмут, Горев) (1897—1939). Из семьи рабочих Участник первой мировой войны, прапорщик. С октября 1917 по май 1918 года командир роты в латышском полку Член большевистской партии с 1918 года. С этого же года в Красной Армии — командир бригады, дивизии. Учился в Академии Генерального штаба. В марте 1921 года начальник штурмовой колонны при ликвидации Кронштадтского мятежа. С декабря 1922 года на нелегальной работе в Германии по линии Разведупра штаба РККА. В период революционных событий в Германии в 1923 году — один из руководителей военного отдела компартии. В начале 1924 года арестован политической полицией. На судебном процессе в Лейпциге приговорен к смертной казни за организацию так называемой «германской ЧК». В 1927 году обменен на группу немцев, арестованных ОГПУ по обвинению в подготовке террористических актов. Награжден вторым орденом Красного Знамени. Комбриг. Арестован НКВД в 1938 году, необоснованно осужден и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Романов Николай Николаевич (1856—1929). Великий князь, генерал-адъютант, командовал войсками гвардии и Петроградским военным округом (1905—1914). С началом первой мировой войны и до августа 1915 года — верховный главнокомандующий. В сентябре 1915 года назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом. 2 марта 1917 года вновь назначен верховным главнокомандующим, однако через неделю отстранен от этой должности Временным правительством. С марта 1919 года в эмиграции во Франции, где некоторыми монархистскими группами выдвинут на императорский престол.

Ржевский Борис Михайлович. Дворянин, сын исправника в Нижегородской губернии. С юности увлекся журналистикой, сотрудничал в ряде газет, основал «Клуб журналистов» в Петрограде. Во время первой мировой войны являлся помощником уполномоченного Красного Креста в Северо-Западном районе. После Октябрьской революции некоторое время являлся секретным сотрудником ВЧК.

Савинков Борис Викторович (1879—1925). Из семьи судебного чиновника. Окончил гимназию в Варшаве и учился в Петербургском университете. Исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1903 году вступил в партию социал-

революционеров. Многократно арестовывался полицией, судим, приговорен к ссылке. В 1903 году из ссылки бежал и эмигрировал. Нелегально возвратился в Россию, организатор и участник ряда террористических акций. В 1906 году арестован в Севастополе, приговорен к смертной казни, но бежал из тюрьмы и уехал в Румынию. Написал книгу «Воспоминания террориста» и повесть «Конь вороной» под литературным псевдонимом В. Ропшин. В период первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию, участвовал в боевых действиях. После Февральской революции возвратился в Россию, занимал ряд политических должностей в армии. В июле 1917 года назначен управляющим Военным министерством. После Октябрьского вооруженного восстания уехал на Дон, принимал участие в создании Добровольческой армии. В феврале 1918 года нелегально прибыл в Петроград, а затем в Москву, где создал подпольную организацию «Союз защиты Родины и свободы». С 1919 года в Польше, возглавлял «Русский политический комитет» в Варшаве, а затем «Народный союз защиты Родины и свободы», руководил повстанческим движением в западных районах Украины и Белоруссии и шпионско-террористической деятельностью. В результате специальной операции ОГПУ под кодовым названием «Синдикат-2» в 1924 году был доставлен на советскую территорию и арестован. На суде раскаялся в совершенных преступлениях. 7 мая 1925 года покончил жизнь самоубийством.

Саджая (Калиниченко) Кале. В 1919 году член ревкома при Одесском областном комитете Компартии Украины. С июня 1919 года — начальник Одесской городской ЧК.

Сафонов Георгий Иванович (1891—1942). В 1908 году вступил в РСДРП, в период Октябрьской революции член Петербургского комитета, затем на партийной работе. Сторонник Зиновьева, активный участник оппозиции.

Слащев Яков Александрович (1885—1929). Из офицерской семьи. Генерал-лейтенант. Окончил военное училище и Академию Генштаба (1911). Участник первой мировой войны. В годы Гражданской войны начальник штаба у генерала Шкуро, командир бригады дивизии в Добровольческой армии. С декабря 1919 года командир корпуса, руководил обороной Крыма. Прославился жестокими подавлениями выступлений рабочих в Екатеринодаре и Николаеве. Из-за разногласий с генералом Врангелем отстранен от должности (август 1920 г.). С конца 1920 года в эмиграции в Турции, продолжал выступать в печати против Врангеля, судим и разжалован в рядовые. Осенью 1921 года в результате специальных мероприятий ВЧК и Разведупра штаба

РККА дал согласие возвратиться на родину. Был амнистирован. Преподавал тактику на курсах комсостава «Выстрел». Обратился к бывшим военнослужащим белых армий последовать его примеру и возвратиться в Россию. В 1929 году убит одним из слушателей курсов в отместку за расстрел своих родственников в Николаеве (1920).

Смирнов Иван Федорович (Ласточкин Николай) (1885—1919). Сирота. Окончил земскую школу, затем работал портным. Вступил в 1906 году в РСДРП и полностью перешел на партийную работу. После Октябрьской революции возглавляет профессиональные союзы в Киеве, вступает в Красную гвардию. В период немецкой оккупации Украины работает в подполье в Харькове, затем, по заданию ЦК КП(б)У направляется в Одессу и избирается секретарем обкома. Одновременно лично руководит подпольной разведкой и контрразведкой, применяя вербовки белых офицеров. Являлся членом Иностранной коллегии, созданной для агитационно-пропагандистской работы среди войск интервентов. Арестован в марте 1919 года. За несколько дней до прихода Красной Армии утоплен французскими солдатами в море. Похоронен в Киеве.

Соколов Николай Алексеевич (1882—1924). Из семьи служащих. Окончил юридический факультет Харьковского университета и до революции служил судебным следователем в Пензе. В годы Гражданской войны следователь по особо важным делам в Омском окружном суде. Составил список более чем на полторы сотни лиц, причастных к большевистской деятельности и подлежащих аресту. По указанию адмирала Колчака принял на себя обязанности по производству предварительного следствия об убийстве Николая II и его родственников. Находясь в эмиграции, на основе собранных материалов написал книгу «Убийство царской семьи».

Сольц Арон Александрович (1872—1945) Из купеческой семьи. Окончил гимназию. С юношеских лет в революционном движении. Член РСДРП с 1898 года. Вел активную партийную работу, являлся членом редколлегии газет «Социал-демократ» и «Правда» После Октябрьской революции на советской работе. С 1920 года — член ЦКК, одновременно член Верховного суда РСФСР, затем СССР. В 1923—1934 годах — член президиума Центральной контрольной комиссии.

Стучка Петр Иванович (1865—1932) Из крестьянской семьи. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1888). Член РСДРП с 1895 года. В 1904 году один из организаторов Латышской социал-демократической рабочей партии. Участник Октябрьской революции. В ноябре 1917 года

назначен заместителем наркома, а в марте — августе 1918 года — наркомом юстиции РСФСР. Председатель следственной комиссии по делу о мятеже левых эсеров. С декабря 1918 по январь 1920 года — председатель советского правительства Латвии. Делегат ряда партийных съездов, член ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна. С 1923 года председатель Верховного суда РСФСР.

Сумароков (он же Карпов, Яшин, Павлуновский) Михаил Георгиевич. Окончил реальное училище. Участвовал в работе эсеровских организаций в Саратове, арестован полицией, судим и приговорен к трем годам заключения в крепости. В период первой мировой войны на военной службе. После Октябрьской революции под фамилией Яшин поступает в Петроградскую ЧК. С 1919 года сотрудник особых отделов ВЧК на Украине. В 1920—1922 годах руководил закордонной работой Особого отдела ВУЧК. Затем направлен по линии политической разведки в Берлин. В августе 1924 года, растратив казенные деньги, бежал и связался с германской полицией, выдал известные ему секретные сведения. Занимался фальсификацией различных политических и военных документов. В июле 1929 года осужден германским судом.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) Генерал от кавалерии, окончил Академию Генерального штаба, участник русско-турецкой войны (1877—1878). Последовательно занимал должности командира полка, начальника кавалерийской школы, командира дивизии, начальника штаба и командующего Киевским военным округом. С декабря 1908 года — начальник Генерального штаба, в 1909—1915 годах — военный министр. Снят с должности в марте 1916 года и отдан под суд по обвинению в злоупотребпениях и измене, что на суде не подтвердилось. Однако Сухомлинов был признан виновным в слабой подготовленности армии к войне. После Октябрьской революции в 1918 году был освобожден по амнистии, эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию.

Таратута Виктор Константинович (1881—1926). Член РСДРП с 1898 года. Участник революции 1905—1907 годов. Далее на партийной работе. С 1919 года на различных государственных должностях, в 20-е годы — председатель правления во Франции.

Татаринов Владимир. Сотрудник берлинской эмигрантской газеты «Руль», поместил там статью, обвиняющую Орлова в сотрудничестве с ОГПУ.

Трилиссер (Москвин) Меер Абрамович (1883—1940). Из семьи сапожника. Окончил городское реальное училище в Одессе. С 1901 года участвует в революционном движении. Арестован и

выслан в Астраханскую губернию. В период революции 1905—1907 годов на партийной работе в Казани и Петрограде, руководил финляндской военной организацией РСДРП. Вновь арестован полицией, судим и приговорен к восьми годам каторжных работ. С 1917 года редактирует социал-демократическую газету в Иркутске, избирается членом ВЦИК Центросибири, участвует в работе ЧК. Во время японской оккупации на Дальнем Востоке находится на нелегальном положении и руководит подпольем в Благовещенске. С освобождением Амурской области возглавил обком РКП(б). Одновременно редактирует газету «Амурская правда». После образования Дальневосточной республики — комиссар ДВР в области Госполитохраны ДВР — фактического филиала ВЧК. По приглашению Дзержинского в 1921 году переводится в Москву и назначается заведующим закордонной частью иностранного отдела ВЧК. С 1922 по 1930 год — начальник ИНО, а с 1926 года — одновременно и заместитель председателя ОГПУ. В 1931 году переводится на работу в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, где занимает пост заместителя наркома. По решению ЦК РКП(б) в 1935 году направлен в Коминтерн и избран членом его Президиума. Необоснованно арестован в 1937 году и после проведения следствия расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Тютюнник Юрий Осипович (1891—1929). В первую мировую войну служил в армии, прапорщик. Член партии украинских социал-революционеров. В 1917 году член Центральной рады, занимается формированием украинских воинских частей. С 1919 года участник и организатор повстанческого движения на Украине. В 1920 году эмигрировал в Польшу. В результате проведения чекистами в 1923 году специальной операции выведен на советскую территорию и арестован. Признал новую власть и амнистирован. Опубликовал свои мемуары. В конце 20-х годов вновь занялся преступной деятельностью и понес наказание.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938). Из семьи служащего. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве. С юношеских лет участвует в революционном движении. С 1900 года член СДПиЛ и с этого же времени на партийной работе. Неоднократно подвергался арестам, сидел в тюрьмах и был в ссылке. Перед Февральской революцией бежит из ссылки и в апреле 1917 года прибывает в Петроград. В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК. В годы Гражданской войны — председатель Центропленбежа, нарком по военным делам Литовско-Белорусской советской республики,

член Реввоенсовета Западного фронта (руководит разведывательной и чекистской работой). Награжден орденом Красного Знамени. С 1921 по 1923 год — заместитель председателя ВЧК-ГПУ, сторонник жесткой линии. Далее — заместитель председателя РВСР и наркома по военным делам (лично курирует Разведуправление штаба РККА). В 1933—1935 годах — начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Член Президиума ЦИК СССР. В 1937 году арестован, необоснованно осужден и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Урицкий Михаил (Моисей) Соломонович (1873—1918). Из купеческой семьи, воспитывался в строго религиозном духе. Окончил гимназию и юридический факультет Киевского университета. С юношеских лет участвовал в революционном движении, член РСДРП с 1898 года. Неоднократно арестовывался полицией, судим, возвратился в Россию после Февральской революции, принят в большевистскую партию и избран в ЦК. В октябре 1917 года — член Петроградского ВРК. С марта 1918 года — председатель ЧК в Петрограде и одновременно нарком внутренних дел Северной области. 30 августа 1918 года убит террористом.

Фирин (Пупко) Семен Григорьевич (1898—1937). Из семьи мелкого ремесленника. В период первой мировой войны служил в армии. После Февральской революции избран председателем солдатского комитета корпуса. В Гражданскую войну возглавлял партизанский отряд, работал во фронтовой разведке. В послевоенный период выполнял специальные задания за границей. Владел немецким, английским, французским и польским языками. С 1921 по 1922 год работал в резидентуре Разведупра РККА в Берлине под фамилией Петров. В 1923 году вернулся в Берлин нелегально и руководил военно-организаторской работой по подготовке вооруженного восстания, возглавлял военный отдел Германской компартии. Затем снова на работе в Разведупре. В 1930 году переведен в ОГПУ. Последняя должность — начальник Дмитлага НКВД СССР. Необоснованно арестован и расстрелян. Полностью реабилитирован.

Фо-Па Биде. Сотрудник парижской полиции. В 1917 году направлен в Россию в составе французской военной миссии. Состоял в ее разведывательном отделе в качестве заместителя по вопросам контрразведки. Принимал участие в создании резидентуры в Петрограде и Москве. В октябре 1918 года вместе с другими членами миссии арестован ВЧК. В январе 1919 года состоялся их обмен на русских солдат, воевавших в первую мировую войну во Франции. Затем продолжил службу в

парижской префектуре полиции, отвечал за работу по русским эмигрантам.

Фрумкин Моисей Ильич (1878—1939). Из семьи мелкого торговца. В 1898 году вступил в РСДРП, активно занимался партийной работой. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпрода, заместитель наркома финансов, затем внешней торговли СССР.

Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936). Из семьи дипломата. Дворянин. Окончил историко-философский факультет Петербургского университета, служил в главном архиве МИДа России. С начала века участвовал в революционном движении. Из-за угрозы ареста выехал в 1904 году за границу. Член РСДРП с 1905 года. Располагая финансовыми средствами, постоянно оказывал материальную помощь партии. После Февральской революции — секретарь российской делегатской комиссии в Лондоне, организовывал отправку эмигрантов на Родину. Арестовывался британскими властями за антивоенную пропаганду. В январе 1918 года прибыл в Петроград, назначен заместителем наркома, а с мая — нарком иностранных дел. Находился на этой должности до 1930 года.

Шейбнер-Рихтер М. Е. фон (? — 1923). Балтийский немец, вырос в России, служил в царской армии. В 1910 году принял немецкое подданство и поступил на государственную службу в Германии. С 1920 года член гитлеровской партии. Создал в 1921 году политико-экономическое общество «Ауфбау» («Восстановление»). В деятельности общества принимали участие видные баварские промышленники и состоятельные русские эмигранты. Общество поддерживало монархистов. Убит в 1923 году во время гитлеровского путча при столкновении с полицией.

Эльвенгрен Г. Е. (? — 1927). Кадровый офицер, штабс-ротмистр гвардейского кирасирского полка. После Октябрьской революции принял финское подданство, работал с генералом Маннергеймом. При Временном правительстве арестовывался за монархическую деятельность. В период Гражданской войны организовывал повстанческое движение в Карелии. В 1920 году установил контакт с Савинковым в Польше и вошел в руководящее ядро «Народного союза защиты Родины и свободы», являлся представителем Савинкова в Финляндии, занимаясь подготовкой боевых и террористических групп. Участвовал в подготовке покушения в Берлине на наркома иностранных дел СССР Чичерина. В 1926 году нелегально проник на советскую территорию, где вскоре был арестован органами ОГПУ, приговорен к высшей мере наказания и 10 июня 1927 года расстрелян в числе группы террористов и шпионов.

Юзефович (Северный) Борис Самойлович (1889—1938). Из семьи рабочих. По профессии электромонтер. Член РСДРП с 1905 года. В Гражданскую войну работал в подполье, был избран членом Одесского подпольного обкома Компартии Украины и одновременно членом ревкома. Руководил нелегальной контрразведкой. В 1920—1922 годах — начальник разведывательного управления войск Украины и Крыма. За допущенные служебные нарушения снят с должности и уволен из армии. Далее на советской и хозяйственной работе. Будучи директором Тульского патронного завода, был необоснованно арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Ярославский (Нестерович) Владимир Степанович (1895—1925). Окончил военное училище, участник боевых действий в годы первой мировой войны. Штабс-капитан. В 1917 году вступил в большевистскую партию. С 1918 года в Красной Армии, командовал полком, бригадой, стрелковой дивизией. Награжден орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. После окончания Военной академии зачислен в кадры Разведупра штаба РККА и направлен за границу. В 1925 году самовольно прекратил выполнение заданий и уехал в Германию. По одной из версий — ликвидирован сотрудниками ОГПУ как изменник.

***

печатается по изданию:
The secret dossier George G. Harrap amp; CO. LTD,
London, W. C. 1932.
©Пер с англ., С Шульженко, 1998.

notes

Примечания

1

См. в именном указателе А. К. Гиршфельд.

2

Франко-прусская война (1870—1871) — война между Францией, с одной стороны, и Северо-Германским союзом (во главе с Пруссией) и Баварией, Вюртенбергом и Баденом — с другой. Основной причиной войны были глубокие противоречия между Францией, стремившейся сохранить свое влияние в Европе, и Пруссией, желавшей путем войны, прежде всего, завершить объединение Германии под своей гегемонией. В результате франко-прусской войны завершилось национальное объединение Германии под эгидой прусской монархии, возникла мощная военная сила — Германская империя.

3

Якоб Шифф — крупнейший американский банкир, выходец из немецкой еврейской семьи. Оказывал активную финансовую помощь большевикам до и после 1917 г. (Примеч. ред.).

Список приводится в значительном сокращении.

5

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — в 1895—1899 гг. — министр внутренних дел России. С 1899 г. — член Государственного совета, с апреля по июль 1906 г. — председатель Совета Министров. С 30 января 1914 по 20 января 1916 г. — вновь председатель Совета Министров.

6

Так в тексте.

7

Так в тексте.

8

Так в тексте.

9

Всего в этом списке 58 фирм. В следующем далее списке фирм, «подчиненных правительственному надзору», — 439.